

## **КНИГА 4 «КУРИЛЫ»**

## Оглавление

«ОСТРОВА» .....	3
«ШИКОТАН» .....	12
«КУНАШИР» .....	43
«ИТУРУП» .....	61
«УРУП» .....	92
«МАТУА» .....	149
«ОНЕКОТАН» .....	164
«ПАРАМУШИР И ШУМШУ» .....	178
«ОСТРОВ АТЛАСОВА» .....	204
«ПОСЛЕ ШТОРМА» .....	230

## «ОСТРОВА»

По поводу названия Курильских островов существовало много споров, но все они сводятся, в общем-то, к двум противоположным мнениям. Кругосветный мореплаватель В. М. Головнин был убеждён, что первые русские землепроходцы назвали их «Курилами» по дымящим или «курящимся» вулканам, а жители островов – айны, по этой причине получили название «курильцев». Однако русские учёные – Крашенинников, Штеллер, Миллер, Шренк и Берг утверждали, что это название островов происходит от самого населения Курил.

В одном был прав Василий Михайлович Головнин – айны и курильцы не два единоплеменных народа, а один и тот же. По словам Л. С. Берга, на языке айнов «кур» или «куру» - означает человек. Камчадалы-ительмены называли население Курильского архипелага «кужи», что переводится как «живущие на юге». По указанию же академика Шренка обитающие на Сахалине и в низовьях Амура гиляки называли айнов «куги». Таким образом, по мнению Л. С. Берга, установившееся с лёгкой руки Василия Михайловича Головнина мнение о том, что «Курильские острова» прозваны так за «курящиеся вулканы», неправильно, они несут своё имя от населяющего их народа – курильцев, то есть – айнов.

К тому же, почти все острова Курильской гряды, в соответствии с установившейся в русской картографии номенклатурой, носят айнские названия, то есть – данные им «курильцами», «курилами»: Шикотан, Кунашир, Итуруп, Уруп, Симушир, Чирпой, Шиашкотан, Онекотан, Парамушир, Шумшу, и многие другие. И лишь некоторые из них – наши, русские: Чёрные братья, Ловушки, Атласова, Полонского, Зелёный, Танфильева и Анучина. По японски Курильские острова – «тисима рэтто», в переводе – архипелаг тысячи островов, что на самом деле далеко от истины, и применимо, скорее, к самой Японии, включающей собственно Японские или Большие острова – Хоккайдо, Хонсю, Сикоку, Кюсю, острова Рюкю или Нансей и свыше 900 небольших островков, общая площадь которых составляет около четырёхсот тысяч квадратных километров. Самых же Курил насчитывается всего 56, из которых – тридцать более или менее значительные, и ещё целый рой мелких скал, островков и рифов. Все они рассыпаны вокруг и вдоль гряды, чётко очерчивающей изящный островной изгиб, протянувшийся с юго-запада на северо-восток.

Океан будто оберегает эти острова, иногда даже кажется, что он с ними играет, не зная, куда девать свою силу. А то начинает отчего-то сердиться, бушевать, но вскоре успокаивается и опять заигрывает, обнимает со всех сторон, словно они - его дети, которым он время от времени дарит игрушки, выбрасывая на берег красивые водоросли, причудливую медузу, либо загадочную раковину. Океан, явно, любит острова, и, кажется, не представляет без них своего существования.

Когда я слышу или читаю названия - Чиринкотан, Кунашир, Итуруп или Матуа, я уношусь в далёкую и несравнимую ни с какими другими краями страну. Имя которой – Курильские острова... Меня так не прельщают даже тропические острова, какие-нибудь Каролинские, Маршаловы, Туамоту, или острова Кука, Санта-Крус, Фиджи и Новые Гебриды. Курилы – нечто особенное по климату и географическому расположению, какому-то внутреннему, очень глубокому содержанию. Тот, кто хотя бы раз побывал в этом неподражаемом мире, не забудет его никогда. Неизмеримо богата и красива эта суровая земля, и именно в этом сочетании красоты и силы – прелесть Курильских островов.

Для кого-то Курильская гряда – это просто цепочка островов, протянувшихся с северо-востока на юго-запад от мыса Лопатка до Японского архипелага, кто-то отметит в ней нитку жемчужного ожерелья или огромную рыбину, напоминающую неутомимую кету, направляющуюся на нерест... Иные же готовы углядеть в строгой островной линии обнажённую саблю самурая, готовую к стремительному взмаху... А если взглянуть на них сверху, острова напоминают цепочку кораблей, выстроившихся, друг за другом, в кильватерную колонку. Что они несут в себе, к чему ведут, чего желают?!

В таком чудесном краю, среди бескрайней сини океана и таинственных островов никак не обойтись без воображения. Всё, что открывается здесь взору – поражает необычностью и величавой красотой. Попав сюда однажды – уже не хочется покидать этот край никогда, и если вдалеке, у горизонта, загадочно вырисовываются в лучах восходящего или заходящего солнца силуэты далёких и безлюдных Курильских островов, они необыкновенно зачаровывают твой взор. Острова манят чем-то необъяснимым, зовут идти ещё дальше, в необъятный Тихий океан, и ты переживаешь в сердце благодарность ему за то, что он однажды их породил.

На первый взгляд, кажется, что природа здесь, словно, ещё не решила – что же делать с этой землёй: или оставить такой, какой она получилась изначально, или всё переделать заново? Может быть, погасить вулканы, срезать скалы, разровнять горы и покрыть их лесами и лугами? Нет, со временем понимаешь: этот мир тем и хорош, что он именно такой, какой есть! На любом из Курильских островов у меня создавалось впечатление, будто мы являемся их первооткрывателями – такой покой и первозданность царили вокруг.

Каждый остров – нечто особенное, неповторимое, что сотворила природа в результате вулканического извержения, да не одного... Многие из островов – сами вулканы. Величественно дышат дымом таинственные конусы, у подножий которых шумит океанский прибой.

Курилы именно завораживают своей загадочностью. С моря вид у них суровый: небольшие острова похожи на готические соборы, а скалистые громады больших, протяжённостью в несколько десятков километров, напоминают сказочных великанов... Но острова – только вершины

погружённого в океан грандиозного Курильского хребта, отделяющего Охотское море от Тихого океана.

Склоны его очень крутые и достигают 20-30 градусов. К северу от Курильской гряды, к примеру, находится глубоководная впадина Охотского моря с ровным дном на глубине до 3374 метров, а приблизительно в 180 км к юго-востоку от пролива Фриза, разделяющего острова Итуруп и Уруп, зарегистрирована наибольшая глубина в этом регионе – 10382 метра, названная глубиной «Витязя». Здесь расположена третья из самых глубоких впадин земли – Курило-Камчатская.

Когда судно проходит над ней, и ты видишь, как вырисовывается на эхолоте узкая, клинообразно сужающаяся вниз щель, то дух захватывает. На севере Курило-Камчатская впадина подходит к Алеутской, а на юге – к Японской. Трудно вообразить себе эту необозримую водную толщу, полную неведомой жизни!

Страшно даже подумать, как там всё, в глубинной темноте, устроено, где никто никогда не бывал! Нелегко представлять эту глубину, но отчего-то до жути сладостно погружаться туда в воображении. Глубина неизмеримо тёмная, подавляющая своей непроглядной чернотой, и всё же живая и почему-то родная. Подводные скалы уходят вниз громоздкими валами, и валы эти нескончаемы... Некая древняя пирамида, оказавшаяся под водой, будто по ней кому-то зачем-то суждено спуститься в неведомую глубину.

Японские географы до 1945 года насчитали на всей Курильской гряде лишь 18 действующих вулканов, советские же экспедиции, сразу после войны, удвоили это число. Оказалось, что на островах находится более сотни вулканов, а действуют – сорок один. Большинство из них дымится сейчас, некоторые, вроде бы, притихли, но известно, что они извергались совсем недавно, до этого также долгое время не проявляя никаких признаков жизни.

Не все курильские конусы курятся вершинами, прямо из кратеров, и не все выпускают горячие газы явно. Есть вулканы, что «покуривают» исподтишка. Их кратеры плотно забиты лавовыми пробками, и горячие газы находят себе выход через расселины в склонах или даже в подножиях конусов. Из этих трещин неистощимыми струями бьют горячие пары серы, которые, окисляясь, оседают на окружающих камнях чистым самородным «золотом», порой образуя столбы очень причудливой формы.

Такое месторождение серы нам удалось увидеть в кратере вулкана Эбеко на Парамушире, где серные столбы достигали в высоту трёх метров. Подобное же посчастливилось встретить в кальдере действующего вулкана Головнина на юге Кунашира, напоминающего каску кайзеровского солдата, и в кратере вулкана Берутарубе на Итурупе. Ослепительно-жёлтый цвет этих выходов поражает неожиданной яркостью и многочисленными серебристо-искрящимися вкраплениями. Какую необыкновенную чистоту дарит из своих недр щедрая курильская природа!

На Курилах можно встретить вулканы самых различных форм, но преобладают правильные или усечённые конусы и купола. Склоны вулканов

– прямые или вогнутые, в верхней части они, как правило, крутые. Самый высокий из таких вулканов – Алайд, его конус с усечённой вершиной возвышается над уровнем моря на 2334 метра.

Часто встречаются и нагорья, образованные основаниями нескольких вулканов, сближенных между собой. На всех островах широко распространены застывшие лавы, которые образовали особенный макрорельеф. Местами вулканический пепел неоднократно погребал почвенные горизонты, в силу чего образовалась своеобразная слоистость в строении почвенного покрова островов, так называемые террасы, имеющие уклон в сторону береговой линии, которая на большинстве островов представляет тип низинного, выровненного песчаного пляжа, и только изредка прерывается склонами гор и прибрежными рифами.

Вообще, курильский пейзаж так необыкновенно завораживает, что тотчас просится на бумагу. Есть в нём нечто от тропиков, некая пышность, неповторимость неожиданных береговых линий... Даже цвет и запах здесь – особенные, южные, но ты знаешь, что до настоящего юга отсюда далеко.

Курильский пейзаж построен по принципу неожиданного слияния явных несовместимостей... Как в зоопарке, где собраны звери и птицы со всего света, на воле явно не ужившиеся бы вместе, но здесь вполне сносно соседствующие. Этакая казуистика и магия в чистом виде, что и очаровывает в Курилах. Этого не может быть, но оно есть.

Прелесть слияния несовместимого на Курилах, прежде всего, проявляется в береговой линии, в которой неожиданно сочетаются самые невероятные взлёты и падения: совершенно отвесные, до сотни метров высоты скалы, увитые всевозможными лианами, и ровненькие, покрытые многочисленными травами, ягодниками и цветами низины; грозные горные вершины, шапками под облака, и километровые плато; непроходимые, густо заросшие распадки с огромными яркими бабочками и совершенно бесцветные голые камни, безрадостно сменяющие друг друга на протяжении целых миль нескончаемой прибрежной полосы... А какие тут попадаются лагуны! Таинственные и дикие в своей первозданности, тишина их, кажется, никогда не была потревожена, а чистота и ясность воды просто божественная.

Век бы скользил взглядом по этим заветным местам и не останавливался. Есть в них нечто, непонятно зачаровывающее, чего, скажем, в той же, неподалёку располагающейся Японии, не наблюдается. Необъяснимое волшебство рельефа, красок и некоей бездонности приморской тишины, так часто встречающейся только на Дальнем Востоке, присуще именно Курилам.

На Курилах меня поразила доступность невиданного, чего не передать словами: оно встречается здесь на каждом шагу. Например, я долго не мог привыкнуть к тому, что побывав утром на берегу Охотского моря, к вечеру, или даже к обеду можно оказаться на тихоокеанской стороне. Каких-нибудь десять-двенадцать километров, а то и пять-шесть – и уже гремит прибой

океана, а не моря. Так легко, свободно ты можешь менять свои впечатления об острове, и при этом тебе никто и ничто не мешает! Курилы – почти необжитые острова, и это придаёт им особую неповторимость.

Ещё одно своеобразие курильской природы – незабываемый, какой-то диковинный лес охотского побережья. Очаровывают его зеленеющие склоны, усыпанные нежно-оранжевыми и лиловыми ирисами, таинственные бухты, скалы, и по-южному солнечное синее небо, сливающееся на горизонте с таким же ясным, даже ласковым морем... Поражённый, недоумеваешь: действительно ли ты на суровом Дальнем Востоке?

Вся природа здесь, особенно осенью, играет яркими красками, и покажи цветные слайды здешних мест несведущему человеку, как он, не задумываясь, назовёт увиденное «Крымом». Только опытный глаз отличит присущую Дальнему Востоку жёсткость, которая, между тем, мягка; отрешённость, что на самом деле лишь приглашение к обретению новых знаний; упругость горных линий и диковинные цветочные пятна; всю дикую необъяснимую устремлённость курильской природы к чему-то тёплому, раздольному, в то же время не способную именно здесь быть размытой, расслабленной... Отсюда - и сочетание, казалось бы, не сочетаемого: кедровый стланик покрывает крутолобые сопки рядом со строевым лесом, но этот лес не обычная тайга, а сказочный лес с лианами. В нём есть не только хвойные деревья, но и лиственные – клёны, дубы, даже знаменитый пробковый бархат. Их оплетает дикий виноград, чьи деревянистые стебли к осени достигают толщины в руку, и скорее, они напоминают тропики, чем Курилы. Ещё более поразительно, что лианы эти, обвивающие и дубы, и ясени, и ели, украшают цветы гортензии, которые мы привыкли видеть лишь в горшках на подоконниках наших квартир.

Щедрая необычность, даже богатство встречающихся здесь природных сочетаний дополняют общую картину удивительной неповторимости этого края. Неповторимость эту придаёт ему тёплое течение Соя, омывающее охотоморские берега Курильских островов, которое поступает сюда из Японского моря. Вдоль же южных берегов островов, с севера, несёт свои воды холодное Курильское течение, от которого охотоморский берег защищён барьерами вулканических островных кряжей. На северной стороне Курил, таким образом, получается теплее, чем на юге.

К тому же, благодаря тёплому течению, море у южных островов не всё замерзает, а не замерзающая вода зимой для морского воздуха, даже если её температура близка к нулю, это - как печка: она умеряет мороз, смягчая климат. Поэтому на Курилах и не бывает больших морозов.

Для всех Курильских островов характерны черты морского климата. Зимы здесь метельные, вьюжные и несравненно мягче, чем на тех же широтах на материке; лето прохладное: средняя температура августа, даже когда лето считается очень жарким, не превышает 18 градусов. Только на островах, которые находятся на крайнем юге Курильской гряды, летняя температура выше. Не зря там, как и на Хоккайдо, растёт бамбук, а на

Кунашире цветёт магнолия. Когда сходишь с судна на Курильскую землю, она отдаёт каким-то скрытым теплом и не покидает ощущение, будто ты попал в северные тропики...

Погода на Курильских островах капризна, не предсказуема. Очень часто в разгар зимы наступает оттепель, а летом в хороший солнечный день любой остров вдруг окутывается сплошной пеленой тумана, и сырой холодный воздух моря приходит на смену тёплому, напоённому запахом земли. Дело ещё в том, что из-за присутствия огромных масс воды - весьма высока в весеннее и летнее время влажность воздуха. В некоторые дни воздух находится в состоянии полного насыщения водяными парами. Следствием этого и является частый и продолжительный туман. Количество дней с туманом местами доходит до 26-28 дней в месяц, то есть туман бывает почти ежедневно, а во второй половине лета обычны частые дожди и ливни, связанные с приходом тайфунов...

Переломным месяцем становится, как правило, сентябрь, когда происходит «слом» муссонов. Южные летние ветры с океана начинают сменяться северными и западными холодными ветрами из Сибири. Поэтому погода становится неустойчивой, ветры дуют то с юга, то с севера, ясных дней больше, туманов меньше, но и штормы не редкость, и всё чаще и чаще со стороны Японии жалуют целые хороводы ураганов – тайфуны, самые катастрофические из циклонов.

Осень на Курилах незабываема, в эту пору не перестаёшь удивляться открывающимся курильским картинкам... Морские воды, прогретые за лето и ещё не успев охладиться, к этому времени становятся достаточно тёплыми. Поэтому вечная дымка и низовые туманы курильского лета сменяются в эту пору чудесной прозрачностью морской атмосферы и кристальной видимостью на многие десятки километров. Осенью на Курилах не покидает ощущение, что такая погода будет здесь стоять вечно. Временами, она действительно сохраняется чуть ли не до середины декабря, причём, с буйством красок и без снега!

Словом, климат Курильских островов во многом определяется их расположением между двумя огромными водными пространствами – Охотским морем и Тихим океаном. Точнее, близостью холодного течения Ойясио/Курильского/, идущего из Берингова моря, и наличием ветви тёплого течения Куроисио – Соя, подходящего к Южным Курильским островам. А также – муссонным характером ветров, перемещающих огромные воздушные массы над необозримыми пространствами воды и суши.

Ойясио – виновник холодного и туманного курильского лета... Курильское солнце не в силах справиться с этим постоянным потоком ледяных северных вод. А отсюда – и холодные летние ветры, и долго не тающие снега, и простирающаяся почти до середины гряды скудная растительность: ничто другое не растёт у берегов Тихого океана, омываемых этими ледяными водами.

Совсем другое дело – тёплое течение Соя, проходящее в южной части Охотского моря. Отдалённая веточка великого тихоокеанского течения Куроисио, Соя проделала долгий путь, прежде чем оказаться у курильских побережий. Обогнув по Японскому морю всю Японию, Соя проникает в Охотское море через пролив Лаперуза, и ласкающим влиянием своих тёплых вод просто преобразует юго-запад Курильской гряды. Вот поэтому здесь и появились, однажды, бамбуковые джунгли и высокоствольные леса с лианами, словно перенесённые из тропиков.

Летом северные берега в этих местах оказываются теплее южных, а вулканы, протянувшиеся через все острова, надёжно охраняют согреваемый тёплым течением северный берег от холодных и туманных дыханий юга. Но острова разделяют холодное и тёплое течения, а проливы с приливами и отливами их перемешивают, и от этого происходят многие странности с местным климатом. Мимо двух-трёх южных проливов тёплое течение ещё проносит часть своих вод в сохранности, но чем дальше – тем больше они расходуются на смешение с холодной водой Ойясио.

Район Курил подвержен многим опаснейшим затруднениям для мореплавания. Во-первых, это, как уже говорилось, частые туманы, становящиеся порой просто губительными из-за невозможности подойти к берегу. Во-вторых, присутствие чрезвычайно быстрых течений, особенно – в проливах, между островами. В-третьих, значительная глубина подле самых берегов Курильских островов, отчего невозможна близкая к берегу стоянка на якорю. В-четвёртых, наличие сильных и частых ветров с западной стороны... Всё это создаёт весьма ощутимые препятствия для плавания по здешним водам.

Следует, пожалуй, ещё добавить, что приливо-отливные течения в Курильских проливах доставляют мореплавателям гораздо больше хлопот, нежели перечисленные выше ветра, тайфуны и туманы. О силе приливо-отливных течений можно судить по следующим фактам. 30 мая 1805 года И. Ф. Крузенштерн, проходя цепь Курильских островов, встретил такое сильное течение, что при скорости хода около восьми узлов/15 км в час/ его судно понесло назад на подводный риф. Только с большим трудом Крузенштерну удалось выбраться в Охотское море.

Даже большие океанские суда могут быть отнесены в сторону от курса с риском натолкнуться во время тумана на многочисленные здесь рифы. Что же говорить о небольших судах каботажного плавания? Приливо-отливные течения, достигающие в проливах обычно скорости 10 км в час, как щепку выносят такое судно либо в океан, либо в Охотское море, в зависимости от того, во время прилива или отлива вошло судно в пролив. Чтобы привести судно в заданное место, надо хорошо знать время смены течений.

Курильские острова, протянувшиеся с юго-запада на северо-восток на 1200 километров, образовали между собой множество проливов, семнадцать из которых – главные! Курильские проливы – это тоже одно из чудес

природы. Два великана – Охотское море и Тихий океан сталкиваются и спорят в этих воротах долгие тысячелетия.

Подъём и опускание уровня воды происходят в океане и в Охотском море не в одно время и неравномерно. В океане уже наступил прилив, а в Охотском море ещё нет. И вот избыток океанской воды устремляется в соседнее море через проливы в Курильском барьере. Проливы превращаются в мощные реки, вода в которых движется с большой скоростью. Наступает отлив, убывает вода в океане, и теперь через проливы в океан мчатся реки лишней воды из Охотского моря. Эти регулярные, ежедневные перетекания вод и называются приливо-отливными течениями.

Интересно, что в старину русские мореходы называли Курильские проливы «переливами», наверное, потому, что проливы пересекали путь вдоль островов. Но и в другом смысле проходы между Курильскими островами – это настоящие переливы: каналы, по которым ежесуточно переливаются туда и обратно многие миллионы тонн солёной морской и океанской воды.

Каково же было ходить через проливы тем первым русским морякам, которые имели только утлые парусные и гребные байдары? Сколько умения и отваги нужно было проявлять, пускаясь в путь с острова на остров вдоль всей Курильской гряды, вступая в единоборство с могучими струями «переливов»! А ещё проливы были опасны сулоями, возникающими при резкой смене приливных течений отливными, при встрече двух противоположно направленных мощных водяных струй.

Сулои – это стоячие всплески сталкивающихся волн. Они появляются даже среди спокойного моря, без видимого порядка, поодиночке, точно выталкиваемые снизу вверх. При ветрах, встречных течению, высота этих водяных гор с пенными, клокочущими вершинами достигает нескольких метров. Бесчисленные водовороты, завивающиеся вокруг сулоя, могут опрокинуть не только шлюпку, но и судно...

Неподражаемо красивы Курилы... И теперь ещё, по прошествии двадцати лет, как я вернулся с Дальнего Востока, не могу забыть совершенно поразившую меня однажды картину чужих курильских берегов! Прекрасная и дикая, она вставала из моря сказочными каменными изваяниями, которые, это не было сном/!/, оказывались совершенно реальными. Долго я не мог привыкнуть к подобному наивному состоянию духа и, пожалуй, так и не привык, то и дело, восхищаясь в душе простоте создаваемого природой величия.

Величие и обаяние этих неизведанных морских берегов производило на меня непередаваемое впечатление! И я всё не мог поверить в реальность происходящего, в то, что нахожусь здесь, на краю света, где на горизонте простирается ещё не тронутая человеком гряда таинственных островов, и взгляд беспомощно теряется в безграничности океанских вод, в которых изредка показывается плавник касатки, или вдруг взлетает фонтан брызг,

выпускаемый китом. Не мог никак постичь, что я – на Курилах, в потаённом уголке неповторимой дикой природы!

## «ШИКОТАН»

За всю свою экспедиционную морскую жизнь мне неоднократно приходилось бывать на Итурупе и Урупe, Кунашире, Симушире и Матуа, Парамушире и Шумшу, и только на Шикотане – один раз, хотя курсировали мы неподалёку от этого острова в разных рейсах постоянно многие годы. Так получалось, что больше всего, почему-то, я и слышал именно о нём, когда кто-либо упоминал в разговоре Курилы, и Шикотан действительно начинал мне казаться каким-то особенным островом, который айны, наверное, не зря назвали – «лучшее место».

Почему? Вероятно, по причине непохожести на своих соседей – небольшую группу мелких островков-скал, включающих Дёмина, Полонского, Зелёный, Анучина, Танфильева, Юрий и островки Лисьи и Шишки. При плавании в районе Малой Курильской гряды, Шикотан хорошо приметен с моря, и при подходе к его берегам всегда почему-то представлялось, будто в его недрах таится нечто необъяснимое и таинственное, глубоко скрытое от людских глаз. Даже невозможно было сразу передать – что такое необычайное отличает Шикотан от других Курильских островов, но я, всё же, попытаюсь...

Во-первых, остров этот очень зелёный, какой-то даже особенный в своей нежной зелени, зеленой которой, кажется, и быть не может. Конечно, и Кунашир можно назвать зелёным, и рядом находящийся Зелёный, и Матуа, но Шикотан зелен по-особенному. Он незабываемо красив, и кажется – смотрит на окружающий его морской мир ласково, с добродушной зелёной улыбкой.

Во-вторых, на острове поражают удивительные бухты – Анама и Крабозаводская, Малокурильская и Отрадная... Все они – словно застывшие в думках укромные озёра, которые почти всегда окружены высокими, покрытыми причудливой растительностью склонами. Вход в них – скалистые, узкие ворота, подобные коридору, и когда восходит из-за моря солнце, оно, в первую очередь, проникает в эти бухты, через вылепленные природой ворота, в лёгкой туманной дымке скользит по воде и передавая свою потаённую нежность суровым берегам. В штормовую погоду, когда за входом в бухту бушует волна, в неё саму непогода не проникает, и там всегда тихо.

У Шикотана, в отличие от других Курильских островов, очень своеобразные очертания берегов... Они чаще всего обрывисты, прорезаны глубокими выемками со стороны моря, и спускаются внутрь острова травянистыми, изумрудными скатами. Вообще, для Шикотана характерна холмистость, редкие островки лесов и степь: приятный, но однообразный пейзаж, будто уготованный природой для спокойного времяпрепровождения, где взору не утомительно скользить, изредка отмечая нечто занятное, и вновь без напряжения продолжать свои непритязательные наблюдения. Может

быть, поэтому местные жители – айны, и назвали этот остров «лучшее место».

В сравнении с другими островами Курильской гряды Шикотан, несомненно, прекрасен в многообразии своих бухт и в необычности обрывистых берегов, и даже несколько выделяется своей непохожестью на остальные острова, но хотя эта успокоенность форм Шикотана и не вяжется с духом Курил, остров, скорее, дополняет своеобразие Курильского ожерелья, нежели выделяется из него. На большинстве островов, в том числе, и на находящемся по соседству Кунашире, природа значительнее... Там стоят нетронутые дикие леса, обвитые лианами, присутствуют неповторимое, ни с чем, высокотравье, непроходимые заросли кедрового стланика и бамбука, грозные вулканы... Шикотан же, не только лучшее место для того, чтобы сгладить бурные впечатления от других Курильских островов, особенно – северных, он, к тому же, на удивление, уютен.

Но не всем айнам в своё время приглянулся этот остров. Многих из них японцы переселили сюда насильственно с тех самых северных Курил, и некоторые айны вымерли в чуждой им среде, несмотря на все прелести Шикотана.

Ещё одна достопримечательность Курил, в том числе – Шикотана, это – кекуры. Они здесь встречаются повсюду, особенно много их у мыса, прозванного, наверное, за свою таинственность, Край света... Тёмно-коричневые и чёрные скалы-одиночки всегда вызывают интерес, мгновенно приковывая к себе внимание. Нет скалы, похожей одна на другую, нет конца разнообразию их форм. То монолитные и сплошные, то с пробитыми волнами отверстиями, то плоские, невысокие, похожие на обеденный стол, то зубчатые, с зигзагообразными острыми верхушками, наподобие средневековых замков, то напоминающие пирамиды, то с мрачными навесами, даже нагромождениями, то убегающие ввысь – все они придают незабываемую романтику и строгость загадочному курильскому острову.

Моё знакомство с Шикотаном началось с знаменитой по всему Дальнему Востоку Малокурильской бухты. Она и расположилась как-то удобно, гостеприимно приглашая все проходящие мимо суда в свои объятия. Покатые холмы, окружившие её с трёх сторон, застыли в строгом молчании, словно чего-то ожидая. Может быть – эти самые суда, приход которых они величественно стерегут уже многие-многие годы. Среди бывалого морского люда бухта давно известна своим удачным расположением.

Рыбакам, наверное, всегда было приятно заходить сюда для сдачи рыбы, ощущать внимание этих покатых холмов, будто втайне ото всех решивших охранять бухту, с удовольствием угадывать запах разделки, в полную грудь вбирая дух работы у моря... И ещё видеть бесчисленное количество желанных женщин, отправившихся на край света по вербовке со всех уголков страны с желанием подзаработать. Сколько здесь состоялось этих незабываемых морских знакомств, продлившихся на годы, а может быть даже и на всю жизнь!

Малокурильская бухта – один из наиболее приветливых уголков острова. Как, впрочем, и сам Шикотан, что производит это приятное впечатление мягко

обтекаемыми формами рельефа, и почему-то манящими к себе долинами ручьёв и рек... В длину Шикотан тянется на двадцать восемь километров, тогда как средняя ширина его – всего лишь девять. С моря вид острова странно трогает, а расстилающийся по его склонам тёмно-зелёный, салатный и изумрудный травяной покров просто завораживает.

Малокурильская бухта – самая северная на острове. Раньше на её месте было, по-видимому, озеро. Берега его, сложенные неустойчивыми породами, постепенно размывались равномерно во все стороны, а затем, по трещинам в береговом обрыве острова, вода озера проникла к морю, прорезав проход.

С судна, стоящего в этой закрытой со всех сторон бухте, очень хорошо рассматривать её отлогие и округлые, как в чаше, берега, в спокойных голубоватых водах которой отражаются отвесные стены утёсов у узкого горла. Тёмно-зелёные перелески ровно разбросаны по склонам крутых холмов, а над ними, на фоне светлого курильского неба чётко вырисовывается плоская вершина горы Шикотан, возвышающейся над морем на четыреста двенадцать метров. У её подножия и раскинулась бухта.

Время поджимало, и только раз нам удалось выбраться в сопки, где мы собирали клубнику. На вкус она оказалась кисловатой, хотя и была спелая. Виной тому – малое количество солнечных дней и частые туманы.

Нас предупредили, что следует быть осторожнее и не углубляться с троп в заросли, где можно обжечься «ядовиткой», так на острове называют сумах ядовитый. Японцы прозвали её ещё «ипритная» трава, почти легендарное растение на Курилах. Если притронешься к нему, то кожа покрывается болячками, очень трудно поддающимися лечению. Опасность заключается в том, что поначалу прикосновение к этому растению не вызывает ощущения ожога и поэтому не замечается.

Ядовитка приносит много неприятностей жителям Курильских островов. Растёт она в виде кустарника высотой около 1,5 метров, который образует небольшие заросли в вершинах оврагов. Существует мнение, что опасно не только прикосновение к растению, но и пыльца его цветов, разносимая ветром. Единственным средством, помогающим при ожогах ядовиткой, местные жители считают обработку поражённых мест горячими углями. Правда, иногда прикосновение к листьям сумаха вызывает не только сильное поражение кожи, в последующем она даже покрывается струпьями, но и общее заболевание организма.

На следующий день после прихода на Шикотан к нам на судно пожаловали военные моряки с весьма необычной просьбой: помочь набрать из резервуара, находящегося на берегу, судовое топливо. Топливо предназначалось для сторожевых кораблей, которым необходимо было выходить в море на задание, но загвоздка заключалась в том, что топливный сток внутри резервуара каким-то образом перекрыл деревянный чоп в

металлической оправе, видимо, его под давлением развернуло, и он оказался прямо напротив отверстия, по которому поступает жидкость. По воле случая вышло так, что топливо тянулось из патрубка лишь тонкой струйкой, и с внешней стороны не представлялось возможным этот чоп, прикрепленный цепочкой к стенке резервуара изнутри, сдвинуть. Выход оставался один: лезть во внутрь водолазу, спускаться по трапу в полной темноте, а достигнув дна - на ощупь двигаться вдоль стенки, и, обнаружив чоп, надёжно его закрепить, придав ему правильное положение...

Такого в нашей практике ещё не случалось, и было от чего задуматься, военные же умоляли чуть ли не на коленях, обещая «море» тушёнки и спирта, объясняя при этом, что все подводники на базе заняты – кто в походах, другие в отпусках, а единственный, оставшийся на берегу специалист загремел на больничную койку. Делать нечего, бросили жребий, и из четверых аквалангистов, присутствовавших на борту нашего научно-исследовательского судна, выпало именно мне. Старшина водолазной станции Саша Бедненко, отличающийся не стандартным подходом к любой жизненной ситуации, не удержался от возможности в очередной раз сострить:

- Да, в топливо даже лучше лезть: тишь да гладь, Божья благодать!

Я только криво усмехнулся.

Ребята на меня костюм надевают, а я принимаюсь к непривычному запаху, совсем не напоминающему морской, и сам себе удивляюсь: неужели я сейчас туда залезу? Но виду не подаю, что сомневаюсь, вроде, как мне и дела нет до этого резервуара, под завязку накаченного топливным маслом. Молодой матросик, вызвавшийся оказывать нам помощь, стоит рядом как вкопанный и оторопело наблюдает за происходящим. В его глазах я, наверное, смертник, добровольно подписывающий себе жуткий приговор. Он не может постичь нашего спокойного отношения к происходящему, и невпопад бросается помогать там, где и без него всё уже сделано.

В конце концов, я облачён в гидрокombineзон, на мне – водолазный аппарат, грузы, боты свинцовые, к поясу привязан сигнальный конец, и я направляюсь к люку, ведущему внутрь загадочного резервуара. На прощание ребята шлёпнули меня ещё по макушке, мол, давай, подводная твоя голова, полезай в родную стихию, с Богом! А стихия-то как раз и не родная: тяжёлая маслянистая темень вмиг сомкнулась вокруг, будто пытается задушить, жуть!

Только я в открытый люк спустился, как замер на трапе, схватившись за поручни обеими руками: так меня эта жуткая жидкость сдавила со всех сторон. Топливо – не вода, в нём крутиться надо во все стороны, чтобы погрузиться, руками разводить. Заковало оно меня сразу, намертво, так обжало грудь, спину и ноги, что не пошевелиться.

Запах неприятный даже в костюме слышно, кажется, вот-вот задохнёшься. С непривычки страх немножко берёт – как-то там, внизу, в этой

сплошной маслянистой массе, охватившей будто ночь? Но делать нечего, надо лезть к чёрту в дышло, такая у нас, водолазов, работа!

Шагнул я по трапу раз, другой, - вижу, ничего со мной не происходит, только костюм мёртвой хваткой облепил всё тело. Со страховкой тоже, вроде бы, всё в порядке – конец к поясу привязан. Когда вода мутная, водолазы используют оттяжку – верёвку, один конец которой привязывают к боту, а другой, на дне, к затонувшему объекту, чтобы водолаз придерживался её в тёмной воде или на быстром течении. Хотя в резервуаре видимости не было никакой, оттяжка мне не потребовалась, поскольку матросы объяснили – как добраться до контрольной заглушки...

Спустившись на дно, я дёрнул сигнальный конец один раз. Это означало: «Я на грунте, то есть – на месте, чувствую себя хорошо». В ответ тоже дёрнули сигнальную верёвку, - мол, поняли, приступай к работе.

Двинувшись в крошечной темноте вдоль стенки, на ощупь, я слышал только громкие удары своего сердца и глухое шипение вытравливаемого воздуха. Скольжу по стенке, как по маслу, ищу отверстие. Продвигаюсь сравнительно свободно благодаря тому, что наверху спасительный конец вовремя отпускают и слабины лишней не дают, как раз по ходу травят, облегчая мне действия.

Иду, а сам думаю: «Куда ж это я залез?» Никогда ещё такого со мной не бывало. Но большой разницы между водой и топливом, всё же, не наблюдаю: также под гидрокombинезоном поддето стягивающее тело шерстяное водолазное бельё – штаны, свитер и шапочка, а плотный прорезиненный комбинезон и в море, на глубине, сдавливают порой с не меньшей силой.

И всё-таки, не покидает ощущение, что топливо разъело костюм и внутрь проникает, ползёт по телу неприятным теплом. При этом не покидает мысль: а если шланги проест?! Стараюсь ползти вдоль стены побыстрее, тороплюсь, шарю в темноте руками... Вроде, от запаха голова начала кружиться, не хватало ещё запаниковать, а костюм с бельём сдавливают всё сильнее и сильнее.

Не раз я уже сменил водолазное шерстяное бельё, которое выдаётся на два года. Все подводные костюмы в работе перепробовал: и в трёхболтовке спускался, и в шведском «Посейдоне», и в наших отечественных гидрокombинезонах – ГКП-4, ГКП-3, и в «Садко», и в японском неопреновом... Погружался на затонувшие корабли, японские шхуны, торпедные катера, где можно было зацепиться за рваные края железа или перерезать воздушный шланг, просто застряв в узких запутанных ходах, даже – заблудиться. Промыл с товарищами тонны подводного грунта, вперемешку с камнями и ракушками, когда заводили стальные ленты для понтонов, перевернул неисчислимое количество валунов при замене труб, идущих в море от мареографов, даже утопленников порой приходилось вылавливать, а уж сколько винтов рыбакам размотали – не перечсть! Но вот чтобы в соляное масло опускаться – такого ещё не приходилось... Глубина,

конечно, не ахти какая, и десятка метров не будет, но очень неприятна эта обступающая маслянистая темнота, готовая, кажется, тебя поглотить. Как бы в ней навсегда не остаться!

Пока я так размышлял, не заметил, как достиг заглушки, которую прижало к отверстию по диагонали, как раз в месте её утолщения, а рядом на стене пустовали зажимы, в которых чоп должен был находиться. Видимо, перед закачкой масла, чоп был закреплён ненадёжно, и в какой-то момент сорвался, а многотонная масса жидкости притянула его накрепко к стене, перекрыв всякое поступление топлива... С внешней-то стороны отверстие было задрасно!

С момента моего спуска минуло минут пять-семь, а чудится, будто полчаса как не бывало. Потом обливаюсь, руки дрожат и в горле перехватывает, но мысль, что товарищи наверху ждут, переживают, - постоянно присутствует. Не дай, Бог, не выполнить работу, сраму не оберёшься!

Наконец чоп водружён на место, но я ещё решаю проверить – пошло ли в отверстие топливо. Сунул туда руку - и чуть её не оторвало: с такой силой хлынула тягучая жидкость. За стеной слышно, как матросы обрадовано что-то закричали, а я сигналию три раза: «Всё, баста! Выхожу наверх!» Сверху ответили на сигнал и, вскоре, я выбрался на свет божий, не веря, что осуществил подобное. Всё оказалось довольно просто, пугала, как всегда, только неизвестность.

Как-то легко прошло у меня это необычное погружение, и более меня озаботило то, что последовало за ним, а не тьма, в которую я довольно быстро проник и также беспрепятственно из неё выбрался. Мне хочется пропеть маленькую оду водолазному белью, с которым за долгие годы работы под водой будто срастаешься незаметно, таким оно оказывается необходимым даже на суше. Что греха таить – повсюду на Дальнем Востоке видишь светло-коричневые водолазные свитера и шапочки, их носят и моряки, и рыбаки, не говоря уже о водолазах, для которых это шерстяное бельё что-то вроде ежедневной спецовки. Но этому явлению есть простое объяснение – водолазное бельё довольно практично, можно даже сказать, что оно рассчитано на все времена года, включая лето, и легче не снимать его вовсе в богатой на приключения экспедиционной жизни, чем облачаться в него при каждом случае, что не всегда может оказаться удобным.

Постоянно нося и свитер и шапочку, ты как будто всегда готов к погружению, это – твоё дело, которому ты посвятил лучшие годы своей жизни, и ты верен всему, что это дело и выбранная однажды жизнь могут от тебя потребовать. Водолазная шапочка и свитер будто становятся продолжением тебя, оставаясь неотъемлемым атрибутом твоего туалета в любое время суток. Скажем, обыкновенная тельняшка такого эффекта, как водолазный свитер, не производит, хотя и распространена на флоте ещё больше. Спасительную теплоту этого водолазного белья я до сих пор

ощущаю в родном уральском лесу, ночью, когда отправляюсь на глухариный ток...

Так вот, история с погружением в топливный резервуар имела забавное продолжение, связанное именно с водолазным бельём, которое до такой степени пропахло, что я никак не мог вытравить из него едкий масляный дух. Стирал и раз, и два, но ничего не помогало: от белья, по-прежнему, крепко шибало в нос мазутом, носить его было невозможно. В третий раз тщательно постиранное, оно тоскливо болталось на баке олицетворением уже моего не сломленного духа, начиная вызывать в экипаже откровенные усмешки. И только оказавшись на острове Парамушир, лавинщики с метеостанции Севкура выделили мне маленькую стиральную машинку, куда я заложил всё своё многострадальное шерстяное бельё и ... позабыл о нём: по приходу мы отмечали встречу с друзьями, с которыми не виделись два года.

Вина было много, накопившихся рассказов ещё больше, и мы не заметили, как пролетел день. Вспомнил я про свой свитер лишь под вечер, а когда вынул его из машинки, то обнаружил спереди, в районе живота, совершенно правильный круг от вертушки. Видимо, свитер угодил на неё брюхом, так крутился долгое время, и до такой степени измочалился, что шерсть вздыбилась на несколько сантиметров, превратившись в тончайший и густой пух. После того, как свитер был высушен, место это на нём и вовсе необыкновенно распушилось, и каждый, проходя мимо, норовил поворошить мой живот, непременно отпуская какую-нибудь шуточку. Вскоре, мне это осточертело, и я пошёл просить у начальства новое водолазное обмундирование...

Потом я это вытертый на животе свитер, вроде бы, совсем поизносившийся, но всё же тёплый, подарил одной художнице из Ленинграда, она в гостинице Александровск-Сахалинского вязала гобелен для фойе – свою дипломную работу, а мы там работали под водой у мыса Жонкиер, и, встретившись неожиданно, быстро привязались к друг другу. Художницу эту звали Наташа, и она умелой рукой вышила на вытертом месте разноцветных бабочек, после чего свитер будто ожил, обретя уже совсем иную, какую-то неведомую для меня жизнь. Надеюсь, он и сейчас дарит этой замечательной девушке тепло.

Когда мы пришли в Малокурильскую бухту, снег ещё не выпал, светило солнце и сопки застыли в многоцветном молчании. Всё, кажется, предполагало нескончаемую золотую осень, и так оно и было. Но уже через несколько дней над островом вдруг без удержу заметался оголтелый ветер, и на душе становилось как-то тревожно и пустынно. Нашему судну спешно пришлось оставить гостеприимную Малокурильскую бухту по воле капитана, чтобы вскоре угодить в жестокий, не утихающий в течение четырёх дней шторм.

Пролив Лаперуза вот-вот мог покрыться льдом, и поэтому следовало торопиться. Огибать японский остров Хоккайдо по Сангарскому проливу было бы делом нелёгким и продолжительным, и капитан нашего «Дальневосточника» принимает решение, несмотря на надвигающийся циклон, идти на север, по проливу Екатерины, прямо навстречу не на шутку разгулявшейся непогоде. Все мы вынуждены были ему подчиниться, по непреложному закону, выработанному многочисленными поколениями моряков, посвятивших свою жизнь морю.

А между тем этот неукоснительный порядок определяет сама морская стихия, которая не терпит безответственности, и кто как не капитан обязан, в первую очередь, призывать к нему?! Всё, любая мелочь на флоте, проникнута простым смыслом приведения жизни к чётко заведённому ритму, отступить от которого недопустимо. Строгость и порядок – залог успеха любой экспедиции, а не стремление командного состава к унижению подчинённых, которые, в свою очередь, также должны быть проникнуты достижением на судне мудрой простоты. Особенно прочно была взята эта линия поведения на русском флоте, где как основа основ морской жизни служила чёткость команд и такое же чёткое их выполнение, опрятность матросов и безукоризненная чистота корабля.

Вот маленький отрывок из приказа по шлюпу «Диана», который отдал Василий Михайлович Головин перед отходом его в кругосветное плавание: «Всякий день, кроме чрезвычайно ненастных, койки выносить наверх в семь часов поутру и раздавать за четверть часа до захождения солнца. В очень ненастные дни коек наверх не выносить, однакож с планок снимать и складывать посредине судна на сундуки и в гротлюк». Не предполагалось даже малейшего праздного отношения к экспедиционной морской жизни, которая на деле была по-настоящему сурова и требовала, в хорошем смысле, подобной же строгости и отчаянной храбрости для всего экипажа. Для человека несведущего эти усилия капитана покажутся несущественными, но если хорошо представлять себе суровую жизнь моряка, тем более – в стародавние времена, таковая забота об экипаже воспринимается манной небесной.

Безукоризненно чёткие и ясные нормы морского устава, впервые разработанного ещё Петром 1 и изданного в 1720 году, представляют нам капитана судна, как должностное лицо, ответственное за его действия, имеющее судоводительское образование и звание морское капитана/штурмана/ дальнего плавания или капитана/штурмана/ малого плавания. Капитан судна является представителем судовладельца и грузовладельцев в отношении договоров и исков, вызываемых нуждами судна, груза и плавания, если на месте нет их иных представителей. Например, капитан судна вправе продать часть груза или судового имущества, чтобы купить в иностранном порту топливо, необходимое для завершения рейса.

В морском праве по-прежнему действует принцип: судно представляет собой территорию, подвластную юрисдикции того государства, гражданином которого является его владелец. Судно – это часть той страны, чей флаг оно носит. А капитан считается представителем государственной власти. Его приказ – право и закон на судне. Ещё и теперь он исполняет, например, функции чиновника бюро записи актов гражданского состояния, если во время плавания на корабле родится ребёнок или найдутся желающие вступить в брак. Для поддержания дисциплины он проводит дознание в случае совершения преступления на борту, имеет право арестовать отказавшегося выполнить приказ или нарушившего закон. Как и раньше, ему принадлежит право казнить и миловать, попытаться экипаж взбунтоваться и захватить судно. Ведь ещё и в наши дни мятежи нет-нет да случаются...

Капитан судна отвечает за управление судном, обеспечение безопасности плавания и предотвращение всякого вреда судну, людям и грузам. Распоряжения капитана судна в пределах его полномочий обязательны для всех лиц, находящихся на судне. Он контролирует приём и увольнение членов экипажа, организует аварийно-спасательные работы при получении сигнала бедствия с другого судна, возглавляет борьбу за живучесть своего судна, а при необходимости оставляет его последним, захватив судовой, машинный и радиотелеграфный журналы, карты рейса, документы и ценности. Капитан судна сохраняет свои права и после гибели судна, вплоть до возвращения экипажа на родину. Он так же принимает все необходимые меры для предотвращения захвата судна врагами в военное время и пиратами – в мирное.

В прежние времена, когда капитан во время дальнего плавания не имел связи с судовладельческой компанией, его власть была почти неограниченной. Вследствие этого во Франции его и называли «*maitre après dieu*» - «первый после Бога». Но в этой сверхконцентрации власти в одних руках заключалась всегда и опасность злоупотреблением ею. Лишь немногие капитаны уважали в членах экипажа человеческое достоинство и были справедливы. Иные же своим произволом и корыстолюбием превращали жизнь экипажа на корабле в ад. Простой матрос был бессилён противостоять произволу капитана, поскольку за ослушание полагалось строгое наказание. Для защиты от злоупотребления властью имелось только одно средство: подача жалобы задним числом, после возвращения корабля на родину. Однако суд, разбиравший заявления обиженных моряков в порту приписки, как правило, выносил решения в пользу капитана. Чаше же дело до суда вовсе не доходило, а заявления попадали прямо в корзину для бумаг.

В моём же понимании, морской капитан и был, действительно, первым после Бога, поскольку не существовало, как мне казалось, более мужественной и достойной профессии, остающейся для многих таинственной и недоступной. Капитан и по сей день, когда я уже давно не хожу в море, остаётся для меня единственной профессией, перед которой я преклоняюсь, совершенно искренне полагая, что морской капитан по своей

значимости несравним с какой-либо иной должностью, пусть бы она была связана с самым отчаянным напряжением и подвигом. Авторитет и роль морского капитана не подлежат обсуждению, они – непререкаемы, не допускающие никаких сомнений и возражений – незыблемы, как небосвод и морская твердь, ближе которой для капитана ничего не существует. Морской капитан – это непоколебимый столп, опора для всего экипажа, на который они рассчитывают в самый последний, отчаянный момент, беспрекословно веря в него и надеясь, когда на собственные силы полагаться уже не приходится.

Единственное, что могло совладать с непререкаемым авторитетом капитана – верность морскому распорядку, как бы это странно ни звучало. Она, эта верность, так же, как и капитанское звание, была незыблема и могла, как мы увидим, повлиять даже на положение такой неприкасаемой на любом судне фигуры, как капитан. На первый взгляд это кажется противоречивым, но море накладывает на взаимоотношения людей особую печать...

Раньше на флоте офицеры, недовольные поведением капитана за определённый срок, по обыкновению не приглашали его в кают-компанию. Так сильны были морские традиции, и даже безоговорочное превосходство положения капитана на судне не могло обеспечить ему в данной ситуации какой-либо привилегии. Обычно эти приглашения капитана в кают-компанию делались офицерами по большинству голосов, сам же капитан, по своей воле, не имел права сойти к ним. Этот пример лучше какого-либо другого свидетельствует о необыкновенной крепости морского порядка.

Мне по душе флотский порядок, так же с давних времён принятый на морских судах, когда офицеры собираются в кают-компанию за две-три минуты до начала завтрака, обеда или ужина, но не садятся за сервированные столики – ждут капитана. По традиции капитан первый наливает себе суп. Только после него за это дело принимаются другие. Если кто-нибудь опоздал, то сесть к столу спрашивает разрешения у капитана. Тот, кто поел раньше капитана и хочет выйти по каким-либо делам, тоже спрашивает у него разрешения встать из-за стола. Был и такой порядок!

В кают-компании большого судна не сядешь там, где тебе вздумается. Места за каждым столом строго распределены. Во главе первого стола сидит капитан, справа от него располагается старпом, по морскому – «чиф», слева – второй штурман. Дальше по рангу усаживаются другие штурманы. За соседними столами старшинство имеют «дед» – старший механик, начальник радиостанции – «маркони». С ними – тоже по рангам и занимаемым должностям, сидят их подчинённые. На малом рыболовном флоте весь этот церемониал почти изжил себя. Где уж там будешь следовать флотским традициям, если на судне, как говорится, хлопот и забот полон рот, но и здесь традиции до сих пор живы, и капитанское место, независимо от того – приходит капитан в кают-компанию обедать или нет, всегда остаётся за ним, его никто не занимает.

Слово «капитан» происходит от латинского «caput», что означает «глава», «начальник». Хотя сведения о корабельных начальниках, сохранившиеся с античных времён, весьма скудны, из того немного, чем мы располагаем, совершенно ясно, что профессия капитана относилась к наиболее авантюрным из всех известных в то время профессий. Нигде, кроме моря, не существовало большего риска и большей ответственности.

Капитану вменялось в обязанность доставить судно и груз к месту назначения целым и невредимым. А меж тем, в море нетрудно было и заблудиться: навигационные средства тогда у моряков были не так уж совершенны. Кроме непогоды капитана подстерегали пиратские нападения и мятежи. Недаром в одной старинной рукописи говорится: «Ни один человек не попадает чаще в трудные положения, чем моряк», а уж о капитане - и говорить нечего.

Капитан единолично должен был принимать решение о том, что надо делать в той или иной обстановке. В открытом море он не мог позволить себе, как некоторые сухопутные начальники, прикрыться решением вышестоящего начальства или из страха перед ответственностью вообще уклониться от решения. На море судьбы корабля и людей часто зависят от быстроты и правильности решений, принятых капитаном. Слабовольным людям не место на капитанском мостике. Если же такие капитаны и появлялись, то вскоре они сами оставляли своё место.

Море всегда было жестоким полигоном для испытания мужского характера, школой для отсева и отбора лидеров. Поэтому опытных капитанов высоко ценили и за пределами морской службы, нередко приглашая на посты, где для принятия ответственных решений требовалось мужество.

Хорошие бесстрашные капитаны стали пользоваться большим спросом во времена средневековья, по мере роста объёма перевозок ценных грузов и в пору расцвета итальянских морских республик, когда море просто кишело грабителями. Особенно доброй репутацией пользовались венецианские судовладельцы... На венецианских торговых судах капитан содержал прямо-таки королевский двор, кушанья подавались ему на серебре, а трапезу сопровождала игра музыкантов, и когда испанцы с португальцами решили искать пути в Индию, им не оставалось ничего другого, как обратиться к итальянским капитанам: вот отчего Америка была открыта генуэзцем Колумбом, а названа по имени флорентийца Америго Веспуччи.

Христофор Колумб, как никто другой, являл собой наиболее яркий пример настоящего капитана! Благодаря своему невероятному упорству и терпению он сумел подняться до титула «Великого адмирала океана, вице-короля и генерального наместника островов и материка Азии и обеих Индий, генерал-капитана королевы и короля»!

Его девизом было: «Всё или ничего!» Человек с таким характером мог достичь звёздных высот лишь в том случае, если ему благоприятствовали необыкновенные времена, и такие времена наступили в конце 15 столетия, когда Европу начала трясти лихорадка географических открытий. Отыскание

морского пути в Индию стало настоятельной необходимостью, продиктованной нуждами развивающейся торговли. При этом требовался не столько отличный моряк, сколько человек с душой игрока, не боящийся самой высокой ставки.

Колумб обладал замечательной способностью держать экипажи судов под своим влиянием. В таком рискованном предприятии – отыскании неизвестной земли за океаном, когда всё покоилось на чистых предположениях и догадках, трудно удержать от мятежа и нормальную команду, не говоря уже о том отчаянном сбросе, с каким он встретился на своих трёх каравеллах. Силой здесь ничего нельзя было добиться, на такую команду можно было воздействовать только психологически, что и делал Колумб. Он сообщал неправильные данные о пройденных расстояниях и постоянно рассказывал матросам небылицы о сказочных возможностях обогащения, которые якобы ожидают их в Индии.

К тому же, как это стало известно из недавно обнаруженных документов, Колумб, чтобы запугать экипаж, тем самым успокоив всё более нарастающее в нём недовольство, вёл не один штурманский журнал, а два... Вероятно, что-то всё-таки он знал, имея на руках приблизительные карты, которые ему передал один известный пират, исходивший Атлантику вдоль и поперёк. Но, тем не менее, это не умаляет заслуги Колумба и его личные качества, способствующие благополучному завершению экспедиции. «Всё или ничего!»

Если благодаря капитану Колумбу мир узнал об американском континенте, то другому легендарному капитану – Нельсону, прославившемуся своей беспримерной отвагой, моряки многих флотов обязаны тем, что и поныне носят на груди чёрный галстук – вечный траур по нему, а на плечах – матросский воротник с тремя белыми каёмками, ознаменовавшими три его великие победы на море при Абукире, Кап-Финистерре и Трафальгаре... Именно в этом последнем сражении у мыса между Гибралтаром и Кадисом, 21 октября 1805 года франко-испанский флот был разбит эскадрой английских линейных кораблей, а сам адмирал Нельсон погиб.

Встречались среди известных морских капитанов и такие, как Уильям Дампир, морской разбойник, в чьём лице мир потерял исследователя, учёного и первооткрывателя. Семнадцати лет он нанялся на английский парусник. В 1679 году двадцатисемилетний Дампир примкнул к карибским «береговым братьям», и под командой лихих корсаров постепенно выбился во флибустьерские капитаны.

В этом качестве он на своём корабле покинул Карибское море и пустился в кругосветное плавание. Никогда не участвовал он в пирушках своей команды по случаю каперских побед. Его свободное время было заполнено изучением ... природы, наблюдениями за распределением ветров и течений в океане и описаниями исследований. Складывается впечатление,

что морским разбоем он занимался лишь для того, чтобы обеспечить себе средства к существованию и удовлетворить жажду к открытиям и науке!

Когда в 1691 году он пришёл в Плимут, самым дорогим сокровищем на его корабле было не золото и не серебро. Это был его морской дневник. Используя свои путевые записи, Дампир развил в последующие годы оживлённую литературную деятельность. Незадолго перед сменой столетий он вызвал интерес несколькими своими книгами, особенно «Новым путешествием вокруг света». Вслед за этим он выпустил ещё одну книгу о путешествиях и исследование о ветрах и течениях, к которым прилагались его собственноручные рисунки и навигационная карта, выполненные с поразительной для того времени осведомлённостью.

Этой работой ему удалось привлечь к себе внимание английских учёных. Пользуясь возникшими таким образом связями, он сумел добыть себе корабль и каперский патент, чтобы снова идти дорогой открытий. В конце 17 столетия он крейсировал в южной части Тихого океана. У берегов Новой Гвинеи он открыл проход из Тихого океана к Молуккским островам, который по сей день носит название пролива Дампир. Остров Новая Британия и архипелаг Дампир у западных берегов Австралии – также его открытия. На обратном пути возле острова Вознесения в Атлантике он потерпел кораблекрушение, но сумел добраться до скалистого берега на спасательной шлюпке.

И снова этот необычный исследователь, дилетант с «Весёлым Роджером» на мачте, последовал зову моря. В начале 18 века он с двумя кораблями находился в Южных морях. В 1708 году, когда Вуд Роджерс отправился в кругосветное плавание, его корабли вёл Дампир. Во время этого похода и был снят с одного из островов Хуан-Фернандес Александр Селкирк, явившийся прототипом Робинзона Крузо в книге Даниэля Дефо.

Современный капитан, в отличие от своих предшественников времён парусного флота, живёт в комфорте, особенно – на больших судах. У него отдельная каюта, а точнее – целая квартира на судне: кабинет, спальня, ванная. У капитана есть свой холодильник, радиоприёмник, телефон, и каждое утро к нему приходит матрос-стюарт, делая в каюте уборку. А сколько прав у капитана, о которых уже вкратце упоминалось! Капитан на судне – царь и Бог!

Но вместе с тем, ни одна профессия, ни одна должность не накладывает на человека такого бремени ответственности. Прежде всего, капитан – это штурман высшего класса, и он лично отвечает за безопасность судовождения. Как только возникает трудная ситуация: нужно проходить канал, шлюз, узкий проход, произвести швартовку, разойтись с близко идущим судном – капитан обязан находиться на мостике и лично руководить манёвром. В любое время дня и ночи его помощники обязаны поднять капитана и пригласить его в ходовую рубку, если возникает хоть малейшая

угроза безопасности судна. На чьей бы вахте ни произошла авария, кто бы ни был в ней виновен – ответственность, в первую очередь, несёт капитан, и с него всегда взыскивают строже, чем с других.

Но капитан – это не только штурман. Капитан рыболовного судна – это и опытный рыбак, который лично руководит промысловой работой траулера или сейнера. Видел бы кто-нибудь, как работает капитан во время замёта! Ведь это настоящий главнокомандующий на поле боя, держащий в своих руках все нити боевых операций. Матросы и командный состав, определяясь на то или иное судно, прежде всего интересуются – кто капитан. Попадёшь к хорошему капитану – значит, будет богатый улов, хороший заработок, слава и почёт.

Итак, капитан нашего времени – это высококлассный специалист и эрудит, превосходно знающий штурманское, а на рыболовных судах – и промысловое дело. Он хорошо разбирается во всех технических вопросах – теории и устройстве корабля, радиотехнике, электронике, имея основательную подготовку в юридических, экономических и хозяйственных вопросах. И, кроме того, унаследовав от капитанов старинных парусников такие замечательные качества, как мужество, решительность и чувство высокой ответственности, капитан умеет подчинить своей воле большой и очень самобытный коллектив моряков, поведя его за собой.

Ещё будучи студентом университета, и уже зная, наверное, что после окончания его отправлюсь работать на Дальний Восток, к морю, я часто рисовал в своём воображении капитана корабля – очень мужественного, красивого человека, наделённого множеством самых разнообразных добродетелей. Вспоминались, конечно, и Жюль Верн, и Роберт Льюис Стивенсон, и Штильмарк – авторы всех тех приключенческих романов, в которых обязательно присутствовали, в качестве главных героев, отчаянные и находчивые капитаны, отстаивающие справедливость. И всё это происходило не на берегу, а в море, где с капитанами случались самые удивительные истории, когда они один на один с кораблём и экипажем, во время жесточайшего шторма, проявляли чудеса героизма. Благодаря этим книгам ты словно сам оказывался участником происходящего, и оно производило на тебя неизгладимое впечатление.

Капитаны чайных клиперов и каравелл, шхун и бригантин – все они представлялись почему-то с бородами и трубками, и непременно – с обветренными мужественными лицами, цепкий взгляд прищуренных глаз пронизывает насквозь, так что пробирает дрожь, а жилистые руки крепко сжимают штурвал. Да в эпоху парусного флота и не могло быть иначе. На углых судёнышках капитаны уходили в полную неизвестность, не имея элементарных навигационных приборов, нормальной пищи, они жестоко страдали от жажды, от отсутствия примитивных жизненных благ и удобств, действительно постоянно вступали в яростные схватки то с ветрами, то с пиратами, а порою и с мятежниками на собственном судне. Безусловно, в

этих условиях капитан должен был обладать поистине необыкновенными, сверхъестественными качествами.

Так кто же он такой, этот загадочный и, кажется, совершенно недостижимый для простых людей человек, что однажды, в силу каких-то, опять же таинственных причин, становится капитаном, как будто по велению самого Бога оказавшегося у руля корабля? Что выделило его из массы не менее преданных морю матросов и штурманов, почему именно он становится в какой-то момент своей жизни вершителем судеб всего экипажа, а экипаж безоговорочно его принимает? Какие свойства отличают только капитана, для других представляющиеся просто невероятными?

Как гласит древняя морская пословица: в капитане всегда должна оставаться тайна, которую подчинённые разгадать не в силах. Когда солёные морские волны и ветер проникают в отважного морехода так глубоко, что кажется – заменяют собой кровь, образ жизни его совсем изменяется, и он становится настоящим морским волком, это ещё не означает, что он стал капитаном. Важно, как раз, не потерять связи с землёй, не пропустить без внимания этот ответственный в своей жизни момент, когда отчаянная отвага и безудержный порыв, соединив тебя на какое-то время с морем, способны в тоже время повергнуть в его губительную бездну. Настоящий моряк – это тот, кто почувствовал свою неразрывную связь и с морем, но не отдался ей полностью, без остатка, а лишь обрёл силу воды, оставшись по-настоящему земным человеком. Вот именно этим качеством, в первую очередь, должен обладать капитан, ибо, не понимая, что море невозможно без суши, долго в нём не протянешь, и уж на капитанский мостик никогда не поднимешься.

Когда я впервые в своей жизни встретился с настоящим морским капитаном, то был обескуражен его простотой и, одновременно, какой-то невероятно глубинной недосыгаемостью. Влияние, которое он вокруг себя распространял, ощущалось во всём его облике: и в выражении глаз, и в неприхотливой, но в тоже время собранной позе, и даже в золотых нашивках на рукавах. И я тогда почему-то сразу для себя осознал, на примере именно морского капитана, которого видел первый раз в жизни, что власть – это не только неограниченная воля над кем-либо, полная свобода собственных действий и распоряжений, но и великая ответственность.

Потом, по истечении многих лет работы в море, когда с разными капитанами были пройдены Охотское, Берингово и Японское море, моё зародившееся перед самым первым рейсом убеждение, что благотворное воздействие на экипаж капитан способен оказать только, когда он по-настоящему заботится о людях, лично отвечая за каждого, подтверждалось неоднократно. С любым заданием справится тот капитан, понял я, что верит в людей, а вере в себя можно научиться по-настоящему только тогда, когда чувствуешь на себе всю ответственность за порученное дело и других. Поэтому истинный капитан всегда предоставляет самостоятельность своим помощникам, чтобы они работали раскрепощено и творчески. Постоянный контроль и опека зажимают человека, не дают ему свободы, а привыкнув к

подобному положению вещей, человеку уже трудно бывает в дальнейшем себя переделать. Без веры в себя и тех, кто находится рядом с тобой – в море не обойтись. Капитан должен всегда смотреть вперёд, принимать решения быстро и не бояться ответственности, в тоже время, являясь воспитывающим примером для всего экипажа. Всякая власть в море – от Бога, и ответ она Ему даёт в лице капитана. Таково его нелёгкое бремя.

При этом капитан должен быть так силён, чтобы из любого, самого разношёрстного экипажа, может быть, встретившегося ему в рейсе впервые, сколотить прочную команду. Причём, без окриков, а умело используя самих людей, их личные и профессиональные качества. Капитан никогда ни под кого не подлаживается и выдерживает свою линию, приемлемую для всего экипажа. Но уж если капитан появляется, то любое его замечание должно быть к месту. И не важно – несёт ли оно в себе менторский тон или уважительно произнесённую просьбу: замечание должно выглядеть убедительным, как единственно верное и доступное для исполнения.

Для всего этого капитану необходимо иметь достаточный мореходный опыт. Он должен быть не видим команде, но сильно ей ощущаем. Как утверждали древнеяпонские мудрецы, лучшее правительство то, чьё правление незаметно для народа, до такой степени оно ненавязчивое и мудрое. Так и капитан: хорошо, если он будет оставаться незамеченным, а членам команды было бы так легко работать на этом судне, что они порой даже забывали бы о существовании капитана.

Любой член экипажа может расслабиться на какое-то время, но этого не может себе позволить капитан. Он всегда внутренне напряжён, чтобы быть готовым преодолеть любую, самую неожиданную трудность. Ведь за ней, тотчас, может последовать другая, и так - в течение всего рейса, а капитану надлежит как можно скорее предпринять единственно верный шаг.

Конечно, со временем, любой капитан становится несколько замкнутым по сравнению с тем, каким он был раньше. И это вполне естественно при его постоянной загруженности и ответственности, которую он на себе несёт. После длительной работы в море, капитан невольно оказывается похожим на одинокого волка, которому ни с кем нельзя посоветоваться: всю тяжесть принятия решения в безвыходной ситуации он возлагает только на себя.

Быть одиноким волком непросто, как непроста и судьба морского капитана, прозванного за свою отрешённость тем самым зверем, которому суждено быть всегда одному. Но отчуждение это вынужденное, иначе капитану на своём мостике не выстоять, и отстраняется он от экипажа невольно, в душе, конечно, не отвергая никого. Его видимое отторжение от экипажа - это лишь дань служения людям и морю, в котором невозможно быть для всех хорошим. Капитан – тайна, которую никому не суждено разгадать, а его одиночество – единственное, самое главное в жизни дело. Тот и господин, кто всё может сделать один, говорят и в море, и капитан

достойно все возложенные на него морские обязанности исполняет. Одному за всех легче!

Делай дело за семерых, а слушайся только себя – это про морского капитана сказано. Управлять коллективом, да ещё в море, значит соблюдать особенное искусство, располагающее множеством средств, и ведомо оно только капитану. Хороший капитан доподлинно знает: когда и на какую душевную точку человека нажать, очень умело пользуясь этим тонким инструментом, которым он должен владеть в совершенстве.

Капитана беспокоит всё: его ответственность перед экипажем, море, состояние судна, члены команды и их быт, погода, но он, по возможности, всегда вежлив и деликатен, хотя и заметно порой, чего ему стоит не давать волю нервам и не сорваться. Огромная духовная прочность – вот неперемнное отличие капитана от любого члена команды. А что её слагает?

Почему-то всегда так получалось, что все капитаны, с которыми мне приходилось работать в море, были по-человечески обаятельны, но обаяние обаянием, а в долгом рейсе на одних симпатиях командиру не продержаться. Авторитет – капитал, наживаемый годами, и он постоянно находится в обращении, причём, неустанно должен преумножаться. Этот не прекращающийся рост, тогда как многие члены экипажа давно достигли своей наивысшей планки и, вроде бы, не видят необходимости расти дальше, - незыблемое правило для капитана, оно и есть залог его надёжности. Он – светоч для каждого члена команды, пусть хотя бы это даже первый помощник, авторитет капитана неизмерим и никогда не подвергается сомнению.

Настоящий капитан всегда убеждён: опыт без риска не приобретается, и он должен быть оправдан, а капитан, зачастую, идёт на него, тогда как экипаж даже ничего не подозревает. Высочайшая ответственность и осознание не прекращающейся учёбы у океана пронизывает капитана до мозга костей, но он решает эту проблему один на один с собой. На то он и капитан.

Брать горлом, железной хваткой – для капитана не проблема, истинный же мастер, скорее, пренебрежёт этими простейшими методами и продемонстрирует мягкость, понимание, например, возьмёт на себя исполнение чьих-либо обязанностей, не чураясь ими. Собственным примером покажет необходимость отказа от немедленного достижения какой-либо личной цели ради осуществления, прежде всего, общей.

Всё в море учит жизни... Учит и капитан. То, на что и как он решается в рейсе – помогает другим руководить собой, направляя энергию в верное русло, а когда ты обретаешь уверенность в своих силах, то благодаря следованию правильным путём становишься неуязвимым. Хорошо ощущать себя хозяином судьбы и настоящим моряком, и всё это чаще всего случается вследствие невидимых, но постоянных усилий капитана. Всегда верится, глядя на него: то, что делает и говорит капитан, до самых последних мелочей пропущено через его сердце.

Преодолев во многих плаваниях формальное стремление к лидерству, капитан постепенно становится изобретателен и гибок, и лидерство его уже воспринимается как неоспоримый факт. Пусть он даже подолгу не появляется на палубе: эмоциональные устремления капитана ни в коем случае не должны быть для экипажа основополагающими, а лишь – производными, так сказать, в интересах дела. Лучше пойти в море с угрюмым, не разговорчивым, но настоящим капитаном, чем с весёлым и плохим. Порой отчуждённо ведущий себя мастер достигает успеха, именно проявляя незаурядный подход к решению любой проблемы, да и любимчики у такого капитана тоже на судне отсутствуют: там есть команда и голова её – капитан.

То, что капитану должен быть присущ высокий профессионализм – даже не обсуждается! Недаром на флотском жаргоне, помимо прозвища «чифа», подразумевающего должность старшего помощника, «деда» - являющегося главой всех судовых механиков, «дракона» - обозначающего в своём лице старшину палубной команды – «боцмана», употребляется и понятие «мастер» - значит, капитан.

Все капитаны – разные, но объединяет их одно: они ими стали, и это, независимо от личных и профессиональных качеств, уже определяет каждого капитана как особенного человека в морской иерархии. Меня поймёт многочисленная армия старпомов и вторых помощников, которым нечто непостижимое всё же не позволило достичь желанной должности мастера, даже в независимости от отличного послужного списка. Если же ты всё-таки стал капитаном, обретя звание «первого после Бога», значит, произошло это заслуженно. Ведь Бог есть самая истина и самое добро, тогда как морской капитан назван первым после Него именно за то, что говорит Его словами и ведёт себя всегда достойно.

Первый после Бога – это всё равно, что сам Бог для моряков, искренне преклоняющихся перед знанием, опытом и божественной искрой, коей наделён каждый капитан. Не однажды мне приводилось слышать, работая уже на суше, что даже про самого достойного руководителя кто-нибудь из подчинённых да отзывался нелюбезно, и только про морского капитана никто себе не мог позволить подобного: это было просто недопустимо. «Один Бог без греха и наш капитан!» - так говорят моряки. Само море, кажется, своей чистотой сохраняло неприкосновенной эту недостижимую для большинства людей должность от житейской грязи, полную загадок и романтики.

Существует не мало профессий, способных захватить тебя полностью, когда отдаёшь им себя без остатка, но, несмотря на то, что я нашёл дело своей жизни – творчество, я всё же не оставляю в душе надежду взойти когда-нибудь на капитанский мостик. Писательство этому не только не мешает, но даже способствует, ибо можно представить себя в своём творчестве кем угодно, не чувствуя какой-либо ограниченности в выбираемых возможностях... Как будто ты пытаешься проникнуть в суть

явлений, и обязательно всё объяснить для себя и людей, отдавая жизнь ради поиска истины, и это почти никогда не находит понимания, но, тем не менее, ты остаёшься непреклонен в своём подвижническом труде. Как капитан, который всегда одинок во имя других, и потому ты тоже заслуженно считаешь себя первооткрывателем, в силу выбранного в жизни нелёгкого писательского дела становясь ... капитаном. Как и капитан, ты готов в любой момент отправиться по нескончаемому жизненному пути, напоминающему необъятное море.

Я помню каждого капитана из всех, с кем мне привелось работать в море, и каждый из них достоин отдельного рассказа... Но Иван Данилович Кулеш - был тот самый капитан, который решился провести нас через бушующий пролив Екатерины, разделяющий острова Кунашир и Итуруп, ведь иначе бы нам пришлось зазимовать у берегов Шикотана, что было недопустимо, и я хочу поведать эту маленькую историю именно о нём, о его отношении к людям, жизни и морю.

А непогода уже неудержимо неистовствовала там, в проливе, где вообще не редкость сильные шквальные ветры, и мы устремились туда на свой страх и риск. Огромные валы волн, тягуче переваливаясь, в немыслимой вышине вздымались и ухали вниз с сокрушающей силой. Свет померк, так что казалось – вся земля скрылась под водой. Над обезумевшей стихией, как будто, нависла вечная ночь...

До невероятного отчаянной представлялась идея отправиться в эту бушующую морскую бездну, когда все остальные суда решили отстаиваться под покровительственным вниманием бухты. Втайне, про себя, все, должно быть, кляли неустрашимого капитана, который обрёл их на совершенно неопределённое существование. Невозможно было даже перебежать с носовых кают в кают-компанию, где собиралась на обед остальная часть команды: так беспрестанно и неистово заглестывали многочисленные волны всю седловину верхней палубы.

И мы лежали пластом и день, и второй, все, кроме вахты, которая каким-то непостижимым образом проделывала свою работу, и судно кабельтов за кабельтовым всё же перебиралось носом через очередную волну, и незаметно двигалось вперёд, в эту умопомрачительную ревущую черноту. О ней было страшно даже вообразить, о том, что может ждать тебя там, и ещё, не переставая, думалось: будет ли когда-нибудь всему этому конец?!

В спутанных мыслях выплывали из неведомого прошлого древние викинги, которые хоронили себя в своих боевых судах - драккарах, вытаскивая их на берег и заваливая камнями. Лучше бы они топили эти суда вместе с собой в море, как это делал наш капитан! Ведь слово «викинги» означает «люди битвы», «люди бухт», а значит и моря, и мы сейчас были, как

никогда, морские, но никто из нас тогда почему-то не помышлял о том, что о!/ переживает капитан, ответственный за всех людей и судно.

В один из смешавшихся от штормового напряжения дней, кажется, под вечер, мощная волна срезала запасной винт, приваренный к носовой надстройке, вдавила его одной лопастью глубоко в палубу, и в каюту хлынула загустевшая ледяная пена. Вскоре сорвало контроллер, расположенный также в носовой части и предназначенный для стравливания и подъёма якорной цепи, а вода всё поступала и поступала...

Судно, кое-как переваливаясь с волны на волну, взлетало и ухало в нескончаемую воздушную глубину, кажется, совсем не касаясь воды, неожиданные удары сокрушали его корпус, и крупновская сталь только мужественно постанывала, время от времени взвизгивая и тотчас замолкая. Как будто стыдилась своей мимолётной слабости - и тут же вновь брала себя в руки, обретая былую твёрдость. Было сыро, страшно, холодно и невероятно тоскливо.

Нескольким матросам всё-таки удалось прорваться к полубаку, но с каким невероятным трудом! Руки и лица их были разбиты в кровь о такелаж и палубные надстройки, а матросы, ухватившись за брезентовый рукав, сжимали его оцепеневшими пальцами, тянули, что-то невообразимое кричали матом. Мы, водолазы, встретили их, поскольку располагались в носовых каютах, но долго не могли подсоединить второй конец, потому как в распахнутые двери ежесекундно окатывало всех ледяной водой, швыряло, что было сил, о железные переборки, не давало возможности друг за друга зацепиться. И всё же соединили, обнялись, откачали...

А потом шлёпали опять в непроглядной темноте, переборки гудели, редкие льдины противно, до боли в зубах, скрежетали о борт, и всё же вера в благополучный исход плавания, кажется, возвращалась... Но грозная Екатерина по-прежнему наваливалась на судно всей своей чугунной грудью, и не давала дышать. Будто глухое безвременье обволакивало тогда нас, какое-то чёрное пустое забвение, до конца не покидающее людские души.

И вот, когда мы через пару дней жесточайшей борьбы со стихией преодолели свою отрешённость от земли, эту застигшую нас водную темень, и стали подходить к заливу Анива, мне вдруг захотелось заглянуть в лицо не угасающему, не желающему сдаваться шторму. Долго выжидая момент, я после нескольких неудачных попыток, наконец-то, преодолел со всех сторон захлестываемую волнами палубу и поднялся в рубку. Предполагая увидеть отчаянное напряжение от переживаемой ситуации, я был поражён, когда обнаружил там тишину и спокойствие. Вахтенный матрос, штурман и капитан судна Иван Данилович ... травили друг другу анекдоты.

В первую очередь меня подкупило то спокойствие, даже можно сказать равнодушие, с каким капитан стоял за штурвалом на мостике, между тем, внимательно, но опять же спокойно вглядываясь в бушующие впереди судна волны. Была тут, конечно, и привычка испытанного в штормах человека, и, благодаря выработанному в море опыту, уверенность в своих силах, и

надежда на родное судно, которое, как это уже не раз случалось, не подкачает в трудную минуту, обшивка выдержит натиск непогоды, а машина не откажет, не захлебнётся...

Солнце еле угадываемым бельмом просачивалось сквозь низкие облака. Мутновато-зелёные маслянистые волны тяжело разбивались о смотровые стёкла, и было удивительно, как они остаются целы. Переборки при этом звонко стонали на разные голоса, а машина истошно редела, то и дело заглушаемая неистовыми штормовыми порывами.

Вот, думал я, эта волна неминуемо сметёт нас сейчас, и все мы будем погребены ею, не успев дотянуть до желанного берега. Но громада воды разбивалась о неприступное судно, с устрашающим рёвом скатывалась куда-то в тартарары, и ничего не происходило. И, тем не менее, при каждом ударе волн о рубку, я не в силах был сдержать себя и закрывал глаза.

А Иван Данилович спокойно стоял за штурвалом, не мигая, глядел сквозь разбивающиеся у его носа многотонные зелёные волны и рассказывал о том, с каким трепетом он в Ялтинском Доме-музее Чехова прикасался к плащу, в котором писатель совершил свою поездку на остров.

- Это знаменитое кожаное пальто Чехова, что спасало его от погодных сюрпризов в дороге, почему-то больше всего привлекает людей! – с не скрываемым удивлением заметил он.

Ивану Даниловичу, вынужденному по роду своей профессии неоднократно совершать открытия и подвиги, так что они вошли в привычку и всерьёз им никак не воспринимались, путешествие скромного Чехова на Сахалин представлялось, в сравнении со своей полной тревог морской жизнью, чем-то необыкновенным. Старый морской волк выглядел ребёнком, вспоминая солнечную Ялту, и как там, совсем по-другому, пахнет морем.

- На этих черноморских морячков-каботажников без смеха смотреть невозможно, - с улыбкой горячился он. – Брючки отутюжены, мичманки белоснежные... Ха-а! Ты как, штурман, перевёлся бы туда?

Молодой третий штурман Володя, только третий год, как после мореходки, искренне недоумевает, краснея:

- Иван Данилович, ну, вы скажете... Да я без Дальнего Востока - никак! Вот тоже...

А капитан, с прищуром вглядываясь в беснующиеся впереди волны, только скалитяся:

- Ещё помню, как там было оживлённо, шумно, и женщины красивые в лёгких платьях ходят...

Вахтенный матрос, переняв у Ивана Даниловича управление, тоже, неизвестно отчего, смущается, стараясь не отвлекаться от приборов.

- Все торопятся жить красиво и счастливо, - задумчиво добавляет капитан. – Ну-ка, возьми правее. Видишь, что большой волны нет, и судно хорошо слушается тебя – не надо перекладывать много руля, тогда оно сразу рыскнет. Судно пошло влево, а ты его одерживай, возьми руль немного вправо... Остановилось судно – положи руль прямо. И не спеши. Главное –

внимание... Покатилось вправо – придержи на курсе. Вращать штурвал следует так: больше пяти градусов руль переключать не надо, спокойнее веди себя, но следи за обстановкой зорко.

И уже более благодушно:

- Ничего, со временем уразумеешь. Море любой камешек обточит!

- А вообще-то, скучно там, - через какое-то время возобновляет он свой разговор о Ялте. – Море ненастоящее, веселье отдыхающих быстро надоедает, и чувствуешь себя лишним. Если бы не жена, бросил бы этот юг, едри его мать. Это жена меня в дом Чехова-то повела...

В этот миг огромный вал мутновато-зелёной пенящейся воды навис над судном, замер на мгновение, и рухнул всей своей мощью на судовую надстройку, отчего показалось, что мы на самом деле погрузились под воду. Через смотровые иллюминаторы было видно, что вода никуда не уходит, так её много, а мы продолжаем находиться в ней, вглядываемся в бурлящие за переборкой водные потоки, и не покидает ощущение, что находимся в батискафе. Волны, одна за другой, неотступно наваливаются на судно, оно никак не может выбраться на поверхность, а Иван Данилович, упершись лбом в холодное стекло над лобовой переборкой, беззлобно бормочет в адрес наседающих волн:

- Не плачь по правде, мать твоя каракатица, обживайся с кривдой!

Вахтенный матрос со штурманом вцепились во все доступные выступы ходовой рубки, упираются, что было сил, ногами в палубу, с любовью взирая на своего капитана.

- С какой целью Антон Павлович к нам на остров-то пожаловал, знаете? – неожиданно разряжает он обстановку.

- Это ведь тогда был кандальный остров, - со знанием дела замечает штурман. – Он из себя ничего не представлял, кроме природы, конечно. Для того времени – рискованное дело: это ж надо, через всю Россию, на переключных, по бездорожью!

- Да... А ему – всего лишь 30 лет, он – в расцвете творческих сил, и уже написал «Каштанку» и «Степь». Друзья отсоветовали ему ехать, многие не понимали выбранного им решения, а он всё же решился.

- Как оно родилось у него? – неожиданно озадачивается штурман. – Интересно было бы узнать.

Еле приметным движением головы капитан даёт ему понять, чтобы он не оставлял без внимания вахтенного матроса, и подходит к карте. Штурман сразу примолкает, и какое-то время сосредоточенно всматривается в кипящее море, будто стараясь разглядеть в нём причину его бурного негодования.

- Люблю шторм, - немного подумав, задумчиво замечает он. – Свободное от всего море, и небо огромное... Оно такого же цвета, как и вода. А мы, совсем маленькие люди, противостояем ему.

- Товарищ, капитан, - включается в разговор вахтенный матрос. – А правда, что Антон Павлович огромный револьвер с собой вёз, пока до нашего острова добирался?

- Следи-ка лучше за курсом, грамотей. И держи больше правого борта. А действительно, был у него револьвер, Иван Данилович?

- Ну, ты посмотри, что вытворяет! – обращаясь неизвестно к кому, досадует капитан, с деланным неудовольствием поглядывая на дыбящиеся за бортом волны. – Огромный! Что без нас было слышали, что при нас есть не знаем: слухи ветром носит.

- Люди говорят, так люди и слушают. А язык, что лопатка, не ведаёт – где горько, где сладко, - подстраивается под настроение капитана штурман.

- Всякого слушать, так ни в гостях, ни дома не кушать. Что касается личного оружия, то в ящике письменного стола, а тем более – в путешествии на Сахалин, Антон Павлович всегда держал при себе дорожный револьвер «Смит и Вессон».

- Знатный пистоль!

- К слову будет замечено, что револьвер «Смит и Вессон» до 1895 года состоял штатным оружием русской армии. После уже его сменил револьвер системы «Наган». По воспоминаниям брата Чехова, когда Антон Павлович прощался с родными и друзьями на Ярославском вокзале, один знакомый капитан, будто бы, посоветовал ему всё время держать в кармане наготове револьвер, чтобы успеть покончить с собой, когда пароход пойдёт ко дну.

- Шутка-та ряд делу! – довольно ухмыляется штурман.

- Антон Павлович был большой охотник до неё, - тут же, с воодушевлением, подхватывает капитан. – После возвращения с Сахалина он искренне полагал, что его московская жизнь до такой степени мещанская и скучная, что ему хотелось кусаться. «Во мне теперь всё просахалинено!» - вот он как говорил.

С лица капитана не сходит довольная улыбка.

- Мы, сахалинцы, Чехова своим считаем! – в удовлетворении заключает он.

- А главное, он над собой всегда не стеснялся подшучивать! – радостно подхватывает Володя. – Здорово, когда человек не боится этого делать.

- Это верно. Нет лучше шутки, как над собою.

- А вот со стихией не побалагуришь: кто её уймёт?!

И верно, что ожидает нас впереди – одному Господу известно. По всему видать, что черти ещё на кулачках не дрались. Все предыдущие дни шторм бил нам навстречу, а теперь к нему добавился и ураганный ветер.

Всё на судне кажется промокшим, холодным, скользким, ничего не хочется делать, и это хуже всего. В такой шторм нужно обязательно занять себя. Чем угодно, и если занятие помогает, то у вас остаётся шанс не свихнуться. Можно, конечно, быть замученным усталостью и бессонницей, чтобы только ни о чём не думать, но лучше не терять остатки разума. Капитан со штурманом и вахтенным матросом находят спасение в беседе об Антоне Павловиче Чехове...

Так и подмывает порой упереться лбом в холодное стекло окна, как это делает капитан, и смотреть туда, вперёд, откуда надвигается это

умопомрачительное штормовое действо. Судно послушно ныряет носом в водную бездну, и ты, затаив дух, и не разбирая времени, тоже устремляешься в глубину этого бездонного водного колодца. Уу-ух! Уу-ух! Ууу-ух!!!

Но вот оно опять нерешительно выкарабкивается, с упорством, присущим самой стихии, задирает нос, взлетая высоко над морем, и ты, набирая в лёгкие воздух, взметаешься в свинцовую небесную хмарь, а вокруг – валы, валы, валы. Они распушают белопенные рваные косы, рушатся, бесконечно куда-то проваливаясь, и судно висит на одинокой водяной горе, оголяя вращающиеся винты. Великолепная медитация, если научился совладать с собой, и тогда штормовые громады волн и мрачные тучи тебе не помеха.

Стенки рубки со стоном содрогаются под напором стихии, всё, что можно было погнуть, исковеркать и оторвать, уже давно оторвано и смыто за борт, но ветру со штормом этого мало, и они безудержно и неотступно напирают, крепнут. Прямо по курсу – по-прежнему нескончаемо выматывающий душу, оголтелый шторм...

Час за часом, сутки за сутками, одно и тоже... Кажется, шторм никогда не кончится, ничем и никем не сдерживаемое волнение закрыло собой всю землю, вокруг – одна вода: бурлит, клокочет, переваливается через судно с одного борта на другой, и всё неистовствует, ревет, словно грозит нас уничтожить. Но Иван Данилович спокоен, ему не даёт покоя пребывание Антона Павловича Чехова на сахалинской земле. И действительно, зачем он поперся через всю Россию на самый край света?!

А он-то сам, капитан, отдаёт себе отчёт в том, зачем повёл судно навстречу разбушевавшейся стихии? Наверное, чтобы экипаж, отработав в море, в течение четырёх месяцев, к Новому году вернулся в родной порт приписки, не иначе... А вот Антон Павлович уезжал из дома, за тысячи километров, даже не ведая – что ожидает его на всём этом пути...

- Я читал его письма, - твёрдо проговорил Иван Данилович, - что написаны перед самым отъездом на Сахалин, и меня не покидало чувство, вернее, оно сразу пришло ко мне: Антон Павлович стоял выше на сто голов по человечности, душевной глубине и мужеству всех тех, кто отговаривал его от «безумного» шага. Конечно, в нём изредка пробивалась тревога, и его не покидало чувство, будто он собирается на войну. Как он был одинок! Но в тоже время – какое осознанное решение, выношенное в спорах и сомнениях с самим собой...

- Просто он не мог быть непричастным к бедам русских людей – к каторжанам, погибающих на сахалинских рудниках! – добросердечно и просто, как будто давно ждал этого, промолвил вахтенный матрос, и нежный румянец выступил на его веснушчатом лице.

- Не мог не прислушаться к голосу совести, - утвердительно заключил штурман Володя. – Она не давала ему покоя...

- Всё так... Скорее даже – глубоко личный осознанный порыв, желание сменить рутину надоевшей московской жизни с её заведомыми скучными

обедами, дачами и ужением рыбы. Вероятно, он понимал всю непереносимость для себя такого существования, и невозможность изменить что-либо в своём образе жизни... Желание встряхнуться, хотя бы на полгода сменить опостылевшую обстановку, - вот что двигало им!

- И где? – с оживлением, запальчиво воскликнул опять штурман. – На кандалном, жутком острове?!

- Но ведь там были люди, которые более всего нуждались в человеческом отношении, тепле, - робко произнёс матрос.

- Свежего воздуха ему, в общем, не хватало. Верно, Иван Данилович?

- И это тоже. Что-то неуловимое, чеховское присутствует в его поездке, и ведь только он, один, решился на неё... Главное, наверное, Чехов хотел вернуть себе самого себя.

А ветер крепчал, давил в скулы судна, и когда оно зарывалось носом в очередную гигантскую волну, двигатель, казалось, ещё более набирал обороты, и весь судовой корпус пронизывала душераздирающая дрожь. Рубка опять на какое-то время оказывалась под водой, разговоры притихали, и все мучительно ожидали, когда в лобовых иллюминаторах затеплится свет блёклого курильского неба. Осенние шторма уже вошли в свою полную силу, а до порта приписки ещё идти и идти.

- Почитаешь Чехова, и действительно приходит на ум мысль: а делом ли я занимаюсь или пустяками? Никто из писателей не бывал таким порядочным искренним, - задумчиво произносит капитан. – Штурман, ты Чехова-то читал?

- Обижаете, Иван Данилович. Мне у него больше всего нравится про то, как нужно перестать верить тому, что говорят и пишут люди, а наблюдать жизнь самому, и вникать в неё. Не бояться ничего.

- Всё достойное есть в самом человеке, Чехов, как никто, это понимал. Нёс в себе и несчастье, и счастье, и не представлял одно без другого.

- Я, наверное, благодаря именно Чехову и осознал, как много в нашей жизни совершенно ненужного, ничтожного, что волнует нас, а надо-то всего лишь довольствоваться тем, что у тебя есть.

- Слова не юноши, но мужа! А я вот такое заметил... Всегда, когда читаешь какого-нибудь известного писателя, ловишь себя на мысли, что ты – не такой умный, как он, поражаешься высказанной им мысли, а с Чеховым всё иначе: он удивительно понятен, тебе начинает нравиться его обаятельная простота, и ты не замечаешь, как Чехов становится тебе дорог.

На какое-то время в рубке опять воцарилось молчание, все присутствующие, должно быть, задумались о сказанном. Было хорошо идти навстречу шторму со светлыми думами о Чехове, его чудесных рассказах и о том, как он преодолевал нелёгкую дорогу на Сахалин, решился на неё, и написал замечательную книгу про остров, к которому мы пробивались четвёртые сутки...

Перед тем, как отправиться в рейс по Курилам, я как раз перечитывал Чехова, и сейчас передо мной отчётливо встают его слова: «Если бы все

люди сговорились и стали вдруг искренни друг с другом, то всё бы у них пошло к чёрту прахом». А надо бы наоборот, но для этого необходимо без усталости трудиться над собой, чтобы при проявлении искренности в нас возобладало только устремление к правде, и всего хорошего бы мы желали не от кого-либо, а от самих себя.

- Мне кажется, Чехов любил обыкновенных людей, - осторожно, но твёрдо произнёс вахтенный матрос.

- А больше всего он любил эту жизнь, и всегда верил в то, что человек может стать лучше, если ему показать, каков он есть.

- Такова уж человеческая судьба, - с горечью замечает Иван Данилович, - что если не ошибёшься – никогда не постигнешь главного, и настоящую правду, наверняка, возможно достичь только самому. И дело тут не в переживаемом счастье, а в том – есть ли в твоей жизни смысл и достойная цель. Это и есть истинная радость.

Приняв от вахтенного матроса управление судном, штурман весело провозглашает:

- Необыкновенный то был человек, лучше не сыскать!

Иван Данилович усмехается.

- На сахалинской каторге он, кстати, встречался со знаменитой воровкой – Сонькой «Золотая ручка», закованной в кандалы из-за трёх попыток бегства. А после долгой поездки на Сахалин побывал ещё на Цейлоне, откуда привёз с собой в Москву симпатичного зверя мангуста!

- Ух ты! Славный зверёк, хоть и ростом с вершок. Зубы покажет – никто его не накажет.

- У него даже жили две таксы, и они получили свои имена по названию двух самых известных лекарств того времени, к которым Антон Павлович присовокупил отчества: Бром Исаевич и Хина Марковна. Он всегда подолгу разговаривал с ними, передавал им приветы, когда отсутствовал дома, и брал с собой на рыбалку.

- Из двух такс выбирают обоих, а то одна вырастет эгоисткой, - со знанием дела заключает штурман. – Я где-то читал, что хоть у них и короткие лапы, но они не чувствуют себя ущербными, и будто бы любят спать под одеялом...

- А ещё Антон Павлович, после покупки мелиховской усадьбы, посадил у себя в саду сто кустов сирени! Говорил про себя: «Если бы не литература, я мог бы быть садовником».

- Он крыжовник любил, я знаю, даже рассказ такой написал. Я когда с морями завяжу, тоже сад возводить стану. Буду расти духовно вместе со своими деревьями.

- Смотри только корнями вверх их не посади, - улыбается капитан. – Когда император Николай 2 подписал указ о том, что Чехову жалуются титул потомственного дворянина и орден Святого Станислава третьей степени, то Антон Павлович его не принял, оставил без внимания...

- Я и говорю: человек! Не для себя, а для всех родился. Он ведь, по сути, открыл для России наш остров. До этого о нём мало, что знали. Недаром в его честь назван вулкан на планете Меркурий!

Все опять притихли, и стало отчётливо слышно, как из каких-то неведомых чертогов морской пучины взметнулся над ней неистовый ветер – сигнал к тому, что погода меняется, и волнение будет уходить всё дальше, на юго-запад, к берегам Японии... А пока – по-прежнему бушует шторм, с грохотом и рёвом море наваливается на судно, терзает его надстройки и такелаж, и не собирается успокаиваться. Кажется, ему не будет конца, и море, в итоге, поглотит под собой всё.

Когда волны накатывают на судно беспрестанно, постепенно привыкаешь к ним, воспринимая спокойно, но если такая катавасия с нескончаемой качкой длится и день, и два, и три, но во всём теле появляется нервный зуд, сон не идёт, и ты начинаешь чувствовать какую-то безысходность. Смотришь сквозь иллюминатор на приближающуюся водяную гору, как на какое-то сказочное чудовище, что норовит погрести тебя под собой, но даже не прикрываешь глаза, когда гора эта обрушивается и вдавливая судно в такую же, бездонную водную толщу. Летишь куда-то вниз, не чувствуя тела, оно – невесомо, и лишь дрожь в кончиках пальцев на руках и ногах свидетельствует о том, что ты ещё жив, а падение в бездну всё продолжается... Когда же всему этому безумству конец?!

- По нормам регистра нам нельзя находиться в море при ветре сильнее девяти баллов, а начавшиеся шторма в северо-западной части Тихого океана поздней осенью редко бывают меньше десяти.

- А у нас – все двенадцать! Разве, что выйти на палубу?!- пытается острить штурман.

Без юмора в море, тем более – в штормовую погоду, конечно, не обойтись. Все моряки хорошо это знают. И разве не занятно, что присутствующие сейчас в рубке люди с самым серьёзным видом разглагольствуют о судьбе и творчестве Антона Павловича Чехова!

В такие моменты с необыкновенной, очень отчётливо, понимаешь: тебе удивительным образом повезло, что ты оказался вот именно здесь, в проливе Екатерины, и десятибалльный шторм, не меньше, своим свирепым напором угнетает и тебя тоже. Что может быть лучше?!

- Полборта вправо! – слышится глухой голос капитана, и в ответ, еле слышно:

- Ест полборта вправо!

- Так держать!

- Есть так держать!

- Держи судно вразрез волне.

- Есть держать судно вразрез волне.

Лицо вахтенного матроса, кажется, не выражает ничего, кроме желания закрыть глаза и забыться, но это – обманчивое впечатление. Его крепкие

руки уверенно сжимают колесо штурвала, не дрогнут, простое веснушчатое лицо сосредоточено от важности происходящего.

- Я, товарищ капитан, ещё спросить хотел... Можно?

- Не зябнут ли ноги у гуся?

Но матрос даже не изменился в лице. Видать, давно готовился что-то сказать.

- Я это, про Чехова всё думаю...

- Ну, валяй. Спрос не бьёт в нос.

- У Антона Павловича были дети?

- Нет... Он мечтал о ребёнке, но мечтам не суждено было сбыться. У его жены, актрисы Ольги Леонардовны Книппер, случился выкидыш. По воспоминаниям близких – много работала и не берегла себя.

- От такого человека, и ... не удержала, - с горечью произнёс матрос.

В рубке снова повисло напряжённое молчание. Штурман включил рацию. Эфир сразу заполнился потрескиванием магнитных полей и короткими электрическими разрядами, изредка прорывались отголоски далёких мелодичных напевов, слышалась отрывистая японская речь...

- Антон Павлович же ещё и доктором был! – вдруг радостно восклицает вахтенный матрос, желая, видимо, хоть как-то показать свою эрудицию. – А умер от чахотки, совсем молодым... Жалко его.

- Да... И по этому поводу опять шутил: медицина – моя законная жена, а литература – любовница. Когда надоедает одна, ночью у другой.

- Мне кажется, он очень хорошим был, человечным...

- Даже когда Антон Павлович стал известным писателем, он продолжал лечить проходящих больных и посещать тяжёлых на дому, а на дверях своей квартиры поместил табличку «Доктор А. П. Чехов». К слову сказать, умирал он в Германии, куда уехал на лечение, и перед самой смертью, впервые в жизни, сам попросил послать за доктором.

- А известно, как он уходил?

- Удивительно он умирал... По словам жены, сначала попросил шампанского, сел на кровати, и так значительно говорит доктору: «Я умираю». Затем взял бокал, улыбнулся жене и сказал: «Давно я не пил шампанского...»

- И всё?!

- Да. Спокойно выпил вино до дна, тихо лёг на левый бок, и умолк навсегда.

- Героический был человек! – растроганно заявил штурман.

- И чувство юмора не оставляло его даже после смерти! Гроб с телом писателя был доставлен в Москву в вагоне с надписью «Устрицы». В нём были оборудованы холодильные установки...

- Скорее, горькая усмешка судьбы...

- Всё не могу забыть его выражение про то, как сотни вёрст пустынной, однообразной выгоревшей степи не могут нагнать такой скуки, как один человек...

- Умница Антон Павлович... В точности нашего чифа описал.
- Чего стоит одно его замечание: если человек не курит и не пьёт, то невольно задумываешься, а не сволочь ли он?
- Да... Никогда человек не бывает доволен тем, что у него есть. Чехову, наверное, тоже многого не доставало?
- Именно поэтому ему, должно быть, принадлежат такие слова: как приятно лежать неподвижно на диване и сознавать, что ты один в комнате. Истинное счастье невозможно без одиночества.
- Ему даже одиночества не доставало!
- Но Антон Павлович всегда старался думать о человеке хорошо: человек прекрасен, говорил он, пока его не разбили, не обманули и не растоптали.
- Люди всегда ждут чего-то хорошего извне, а человек должен мыслить и жить от самого себя.
- Иван Данилович как-то сразу загрустил, лицо его показалось осунувшимся – четвёртые сутки бушевал уже шторм, и он тихонько произнёс:
- Жаль, что многие моменты никогда больше не повторятся: ни Антона Павловича больше не будет, не поедет он уже через всю Россию на Сахалин, и Бунина с Толстым тоже не будет... Даже этот безудержный шторм не повторится, потому как всё ценное в жизни имеет своё время и место, и мы должны ценить и его.
- Привяжешься вот к этой экспедиционной жизни, иной раз проклинаешь её почём зря, а уйдёт она – и ты начинаешь грустить. Тебе её, выходит, не хватает. Порой становится даже невыносимо: всё бы отдал – только оказаться в открытом море, и чтобы баллов побольше, тогда с каким удовольствием жуёшь чёрствую ржаную корочку...
- А на меня волнение никак не влияет, только веселее становится, - задорно заявляет штурман. – Иной раз, наблюдая, как какой-нибудь бедолага сходит с ума от этой болтанки, мне даже совестно за себя становится: нормальный ли я?
- Пока человек чувствует боль – он живой, - угрюмо заявляет капитан. – Штурман, ты смотри, не попускай волне сбивать ход, клади руль покойно и давай задержку, не спеши переводить...
- Иван Данилович, я чужую боль всегда чувствую, - доверчиво замечает Володя. И будто извиняясь, добавляет:
- Это всегда большое удовольствие доставляет.
- Интересно, как бы Антон Павлович такой шторм переносил? – напоминает о себе вахтенный матрос.
- Чем выше человек по умственному и нравственному развитию, - менторским тоном провозглашает штурман, - тем он сильнее к житейским переживаниям. Верно, Иван Данилович?
- Каждый человек – отражение собственного внутреннего мира, как он руководит собой – такой он и есть.

- Значит, Антон Павлович обязательно бы справился. Я бы ему компот в каюту носил!

Капитан со штурманом заулыбались, а море вокруг, по-прежнему, неистовствовало, всё гудело, стонало и со скрежетом вытягивалось, вот-вот оборвётся, но затем вновь вкручивалось в единый рокошущий хаос, на который уже не было сил обращать внимание, и так – без конца...

Под бурлящим потоком нескончаемых волн, как под покровом ночи, таилась неизведанная, наверное, страшно интересная, настоящая жизнь, а перед нами, кажется, раскрывалась лишь её малая, незначительная часть, что по своей мощи всё-таки представляла нечто неопишное... Какие же тогда тайны хранят глубины океана?!

И тут Иван Данилович неожиданно говорит:

- Я вот вдруг сейчас подумал, что Антон Павлович был удивительно искренним, а значит – правым, потому как обладал в себе силой, о которой никто, даже его самые близкие люди, и не подозревали.

И помолчав раздумчиво, тихонечко произнёс:

- Необыкновенной души был человек... Люблю его, знаете ли.

Для меня же необыкновенными оказались эти дни, что прибавили седых волос и обогатили недостающим знанием. Шторм, изнывая, сходил на нет, угасали натрудившие судно волны, и мы возвращались домой, полные ещё необозримым для себя временем, таким же необъятным морским пространством и свежим воздухом. Жизнь впереди опять воспринималась радостной и бесконечной, и вскоре все думать забыли про капитана, благодаря которому судно, может быть, и вернулось благополучно в родной порт приписки, и члены команды могли встретить Новый год со своими близкими...

Глядя тогда перед собой на мутновато-зелёное послештормовое море, которое по цвету было самым любимым, я думал о многом... Думал о своих друзьях, которых невзгоды экспедиционной жизни только ещё более сплотили, о чудесном, любимом айнами острове Шикотан, об Антоне Павловиче Чехове, совершившем своё беспримерное путешествие на Сахалин, и о том, что если ты хоть однажды пережил миг, который резко изменил твою жизнь, то рано или поздно придёт время измениться и тебе самому. Внешне это может проявиться, наверное, очень неожиданно: как-то незаметно вдруг оформится горбинкой нос, лицо станет более тонким, обтянутым, и у переносицы засядут галочкой морщины, а размытая ясность глаз, так часто привлекающая внимание случайных прохожих, когда-то непонятная и тревожащая, приобретёт спокойную твёрдость, напоминая всякому о глубоко скрытой в тебе внутренней силе и возможности никак не демонстрировать её... В этом просто не будет необходимости, потому как глаза скажут всё сами за себя.

В отношении к себе людей - ты с удовольствием уловишь некоторую приятную новизну... Как будто все они когда-то были твоими закадычными друзьями, ты надолго уезжал в дальние странствия, и время текло неприметно. А потом, возвратившись, ты запросто встретился с ними, чувствуя, что они тебя помнят, понимают и, по-прежнему, добро относятся.

Ты уже, конечно, знаешь, что жизнь твоя отныне неотделима от моря. Благодаря прожитой в нём жизни, ты начинаешь видеть смысл собственного существования на земле, даже если иногда тебе кажется, особенно во время длительной экспедиции, что он бесследно ускользает. Но ничто так не утоляет не прекращающуюся жажду постижения, как работа в море, вот в таких удивительных местах, как Курилы, посреди Тихого океана...

Ведь настоящий характер появляется у того, кто жертвует всем ради обретения истины. И ещё когда не боишься отличаться от других, осуществляешь свои мечты, стремишься, несмотря ни на что, к знаниям, и никого зазря не обижаешь, а если и судишь, то по праву, которое завоевал в борьбе за то, чтобы стать лучше. Ну, как твой капитан, роднее которого для тебя нет никого на всём белом свете!

## «КУНАШИР»

Кунашир, в отличие от Шикотана, названного айнами «лучшим местом», да и Итурупа с Урупом, обозначенными как крупный и не такой уж большой «лосось», поначалу несколько обескураживает тем, что переводится, как «Чёрный остров»... Тем более, что и располагающиеся севернее острова имеют сравнительно миролюбивые и спокойные наименования: Ушишир – «бухтовая земля», Чирпой – «мелкие птицы», Онекотан – «старое поселение», Парамушир – «большой» или «широкий остров». И вдруг – «чёрный», несмотря на то, что Кунашир – остров с пышной и очень богатой природой!

А дело вот в чём: Кунашир покрыт изумрудными хвойными лесами, действительно кажущимися с моря чёрными, порой – несколько устрашающими, и именно это, наверное, и послужило его названию. Даже, несмотря на то, что среди этих чёрных хвойных лесов попадаются и вовсе диковинные, совсем не мрачные растения – магнолия и лианы, обвивающие пихты и ели... Сочетание представителей южной породы – бархатное дерево, дуб, магнолия, с представителями севера – кедровым стлаником и лиственницей, может быть, главное своеобразие Курил, и именно – Кунашира. Причина столь оригинального природного богатства заключена в сложной геологической истории этого района – в былой связи его с материком Азии, Японскими островами, Сахалином, Камчаткой и Северной Америкой.

Необычность растительности на Курилах, в частности – на Кунашире, и в малом количестве на островах эндемичных видов, то есть - растений и животных, которые встречаются только в этом регионе. Это малое количество эндемиков свидетельствует о сходстве климатических условий Курильской гряды и соседних с нею территорий. Слабый эндемизм говорит о том, что Курилы возникли сравнительно недавно и эндемики ещё не успели развиться. Появлению эндемиков препятствовала и бурная вулканическая деятельность, уничтожившая на больших площадях всё живое. Речь идёт о геологической молодости Курил, то есть о времени отделения от материка, о молодости Охотского моря и Курильских проливов, фундамент же всех этих геологических образований – древен.

Ещё одно своеобразие курильских лесов – лианы... Тут и гортензия, и актинидия, и лимонник китайский, и княжник охотский, и самые разнообразные виноградники... Голые толстые стебли лиан кольцами поднимаются вверх по деревьям, плотно обвивая ствол чуть ли не до самой верхушки, другие же их ответвления, свешиваясь над дорогой, оплетают перегораживающие её сухие надломленные и наискось наклонившиеся стволы, придавая им нарядный и праздничный вид.

Лиана, носящая местное название «кишмиш» за очень сладкие съедобные плоды, раскидывается поверх тёмной хвои лесного подроста

роскошным покрывалом из листьев, изменяющих цвет так, что половина листа становится густо-розовой или белой. Такие листья похожи на крупные цветы. Они привлекают насекомых, необходимых лиане для опыления её незаметных скромных цветочков, которые свешиваются на черенках с ветвей под пёстрым нарядом листьев.

В начале лета, в период цветения лиан, лес превращается в ряды бело-зелёных колонн, увенчанных тёмными кронами. Почти на каждое дерево взбирается по 2-3 экземпляра этого дикого растения. Мелкие цветы гортензии белой и розовой окраски образуют крупные соцветия, которые волшебными бликами разбросаны на фоне светло-зелёной листвы, а вскоре, по мере роста, драпируют собой и стволы. Ощущение – непередаваемое, так что даже забываешь думать о родных уральских лесах, в которых хмурая и таинственная строгость могучих ельников начинает представляться однообразной, даже скучной.

Начнёшь разбирать – какое дерево сокрыто под обвившими его со всех сторон лианами, и запутаешься от обилия самых необыкновенных представителей... Здесь и тис, который нередко рубят на топливо, поскольку он хорошо горит, и большелистые красавцы дубы, и раскидистые белые сахалинские берёзы, каких в средней полосе России и не встретишь, и «белый орех», по-местному – «чёрное дерево», с листьями, похожими на кленовые, но с большими острыми шипами на стволе, и бесчисленное разнообразие ольхи, и бархат сахалинский с продолговатыми, заострёнными, к концу, листочками, соединёнными в сложные листья, и с пробкой на стволе... Не удивляйся, ты – на Кунашире!

Но вот уж что поистине очаровывает здесь, так это магнолия... Магнолии – на Курилах! Есть чему удивиться, если не знаком с местным своеобразным климатом. Великолепное высокое дерево с глянцевыми, словно навощёнными, листьями, увенчано огромными белоснежными цветами, источающими аромат дальних странствий и неведомых земель.

Диковинное растение обычно связывают с субтропическим поясом Кавказа. Там это дерево с великанами-цветами испускает одурманивающий дух. Жёсткие, кожистые листья магнолий так огромны и гладки, что на их лакированной поверхности можно писать письма. Растение это – вечнозелёное.

Курильская магнолия не вечнозелёная, и цветёт гораздо мельче, да и аромат слабее, но всё же присутствие её на Курилах, которые бывают так суровы, поражает, и ты чувствуешь себя счастливым, что всё это увидел. На Кунашире магнолии растут в лесу среди других деревьев, и попадаются довольно часто. Это единственное место, где у нас в России встречается магнолия в диком состоянии. На Кавказе она разведена искусственно.

Удивительно на Кунашире и разнотравье... Кроме Курил, травы-гиганты встречаются ещё на Сахалине и Камчатке, и лишь частично на Алеутских островах и на острове Хоккайдо, то есть в районах, сходных по климату. Обилие влаги и большая облачность создают в этих местах как бы

гигантский парник: растениям не хватает света, и они усиленно тянутся к солнцу. Травы поднимаются на Курилах выше человеческого роста и образуют такие густые заросли, что через них часто не только трудно пройти, но можно потерять ориентировку и заблудиться.

Вот над твоей головой свешивает с высоты двухметрового роста кисти нежно-розовых цветов лабазник камчатский. За ним стеной стоит цветущий пышными метёлками сахалинский горец-гречиха. Дальше, словно свечки, вытягивают прямые стебли копьевидная какалия, и трёхметровый дудник мерно раскачивает зонтики мелких белых цветочков. Ну, а гигантский лопух-белокопытник, хорошо известный ещё по Сахалину, своими сдвинутыми листьями, достигающими в диаметре до метра и даже несколько больше, создаёт ощущение воздушности и трепета, когда ты оказываешься в его зарослях. Чудится, будто почва уходит из-под ног куда-то вниз, и ты со следующим шагом вот-вот полетишь в неведомые недра курильских вулканов, где, не переставая, кипит огнедышащая лава...

Но более, чем какие-либо другие растения, на Кунашире, пожалуй, распространён кедровый стланик, и занимает обширные площади. Отсутствует он только на островах Малой Курильской гряды, а также на Матуа и Алаиде. Кедровый стланик – это типичное растение горного пояса северной таёжной зоны, и под тенистым сплетением ветвей этого самого известного на Курилах хвойного кустарника всегда царствует тень.

Стланик обладает удивительной способностью приспосабливаться к неблагоприятным условиям жизни. С наступлением зимы ветви его пригибаются к земле и скрываются под снежной толщей. Другое его интересное свойство – способность создавать придаточные корни. С их помощью кустарник укрепляется в защищённых от ветра участках и затем, постепенно, отделяется от материнского ствола. Такая высокая приспособляемость позволяет кедровому стланику распространяться от уровня моря до самых значительных высот.

На участках с мощным снежным покровом стланик имеет прямые ветви, чашеобразно расходящиеся от нижней части ствола. Наибольшая высота его достигает трёх метров. По крутым склонам ствол кустарника тянется параллельно поверхности земли, от него почти под прямым углом поднимаются ветви. Крона стланика направлена в сторону господствующих ветров. В зарослях стланика редко что-либо растёт, кроме курильского бамбука. Вместе они, как будто, дополняют друг друга, создавая непроходимые заросли, но кто же решится их преодолеть?!

Есть, правда, стланик совсем приземистый, ниже метра, так что стелется своими коротенькими стволами прямо по склонам. В таких местах он повсюду кажется угнетённым, принижённым, - и не деревья и не кустарник, какие-то древесные уродцы. По такому стланику какое-то время можно даже передвигаться, прямо поверх кустов, качаясь и подпрыгивая на пружинящих ветках. Да только недолго. Не за что держаться, бросает то в

одну, то в другую сторону, в конце концов – валишься, и если при этом нога угодила между стволов, поднимешься уже не сразу, тем более, с рюкзаком.

Но когда начинается стланик повыше – приходится просто лезть напролом, даже ползти, и вскоре становится ясно – это гиблое дело. Кривые коленчатые стволы стланика, который повыше, невозможно преодолеть: стволы его перевиваются, высота чуть ли не с рост человека, по верху пробираться тоже нельзя... Если бамбук путника изнуряет, то стланик ставит в безвыходную ситуацию.

Словом, борьба со стлаником бесполезна: ветви, толщиной в руку, сильно пружинят, рвут одежду, царапают лицо и руки, ноги же намертво застревают между стволами... А бывает, раздвинешь ветви руками, а ступить некуда: внизу глубокие расщелины. Попытаешься перебраться по верху, ветви опять спружинят - и ты окажешься с перевёрнутыми ногами, да ещё застрявший в очередном живом капкане. Там, внизу стволов, часто попадаются заострённые глыбы, и ты используешь их, когда вскарабкиваешься наверх, подтягиваешься руками за перепутанные ветви и понимаешь, что стланика тебе никогда не одолеть, тем более, что он тянется километрами. По нему удобно ходить только зимой или ближе к весне, на лыжах, когда снег заполняет между стволами всё пространство, уплотняется, а ветви как бы создают надёжный фундамент снежного покрова.

Кстати, к осени на стланике созревают мелкие, но вкусные кедровые орешки. Их очень любят бурундуки, в обилии водящиеся как на Сахалине, так и на Курилах. Шишек – море, вернее – целый океан, можно даже организовать промысел, но никто на острове этим не занимается, и становится жалко, что неоценимое природное богатство – орехи, ягоды, лекарственные травы, в огромном количестве пропадает... Не покидает горькое ощущение, что эта непередаваемая красота Курил, которую почти никто не видит, куда-то безвозвратно утекает, и ты можешь только рассказывать о ней своим друзьям и знакомым.

Если добавить ко всему этому горячие пляжи с кипящими озёрами и источниками, чудесные вулканы и водопады, то остров и вовсе покажется вам волшебным. Да, нигде кроме Кунашира, имея в виду Курилы, не встретишь такие высокоствольные еловые и пихтовые леса, лианоподобные гортензии на хвойных стволах, дикий виноград в тенистых лощинах и бамбук, а местами – луга! Но больше всего поражает тёмный хвойный лес, из-за своей густоты воспринимаемый ещё темнее, порой, действительно, до черноты, и эта его чёрная потаённость необыкновенно затягивает. Её хочется постигнуть, утонуть в ней, забраться в самую глубину этих хвойных курильских хитросплетений, процветающих только здесь, на Кунашире.

Кунаширскую тайгу нельзя сравнить ни с лесами нашей средней полосы, ни с сибирской тайгой, ни с дремучими отрогами Алтая. Она своеобразна и таинственна в своей необычной красоте. Стройные сахалинские пихты, густые серебристые ели и лиственницы до 30 метров высотой, с густыми изумрудными кронами, с достоинством уходят ввысь,

как будто не торопятся устремиться ещё выше. Им, видимо, не хочется покидать приглянувшийся остров, и они замерли в ублажающем их души довольстве нахождения на рубеже моря и океана, ощущая в своих могучих верхушках очищающие солёные ветры.

Вообще, лес на Кунашире приносит много неожиданного, он напоминает большой заросший парк, с необычным, очень красивым ландшафтом, облик которого всё время меняется, и даже обилие в нём проторённых медвежьих троп почему-то не пугает. Тропы, как правило, тянутся со склонов гор к реке и дальше к берегу моря, а начинаются где-то в распадках, в густых, трудно проходимых для человека местах. Часто попадаются и следы недавнего пребывания медведя – развороченный гнилой пень, свежие отпечатки лап или кучи помёта. Чудесные папоротники, будто из глубокой древности, величаво раскидывают свои гигантские ветви, умудряясь даже забираться высоко на деревья. По выходу же из леса поражают обильные луга со сплошными зарослями функии, сиреневые крупные колокольчики которой напоминают по своему строению огромные ландыши...

Русские люди открыли Кунашир и Малую Курильскую гряду задолго до того, как тут обосновались японцы. Сделали это русские моряки под командованием Мартына Шпанберга, плававшие здесь в 1742 году в составе экспедиции Беринга. Именно Шпанберг впервые нанёс на карту остров «Коносир» и открыл Малую гряду, назвав, по-видимому, нынешний Шикотан выразительным именем Фигурный. Название одного из Плоских островов, также данное Шпанбергом, Зелёный, теперь восстановлено, а «Коносир» постепенно преобразовался в привычный слуху «Кунашир» - «чёрный остров», остров истораживающий и манящий своей потаённостью.

Жители Кунашира называют самым лучшим местом на острове кальдере вулкана Головнина и располагающееся неподалёку Горячее озеро, которое часто меняет цвета. В самом же кратере вулкана находится маленькое кипящее озеро, где, якобы, можно заживо свариться. Это недалеко от истины, ибо озеро непрерывно клокочет, бьёт ключом под напором газов, и над ним постоянно клубится облако душного пара. Насыщенные серой газы с шипением и свистом вырываются из расщелин на берегу, осаживаясь вокруг них ярко-жёлтыми игольчатыми кристаллами. Ступив на берег озера впервые, поостережётся к нему приблизиться, и только наблюдаешь с безопасного расстояния за этой бурлящей природной чашей: что-то там внутри?!

Термин «кальдера» происходит от испанского слова «caldera», что означает в переводе на русский язык большой котёл. Кальдерой называют овальную или круглую котловину с крутыми стенами и более или менее ровным дном, образовавшуюся во время извержения в результате взрыва или провала вершины вулкана, а иногда и части прилегающей к нему местности.

В первом случае взрыв как бы срывает вершину вулканического конуса. Если же происходят обильные излияния лавы или очень сильное выбрасывание колоссальных количеств рыхлого обломочного материала и газов, то при недостаточных поступлениях новых порций вулканического материала из глубин в вулкане могут возникнуть пустоты, в которые проваливается верхняя часть его конуса. Это приводит к образованию огромной котловины – кальдеры.

Размеры кальдеры могут достигать нескольких километров/10-15 и в редких случаях 20-30/ в поперечнике, в глубину же – несколько сотен метров.

После появления кальдеры вулканическая деятельность может возобновиться, причём в кальдере могут сформироваться новые вулканические конусы, в других случаях она затухает и проявляется лишь в виде фумарол, сольфатар, гейзеров, горячих, кипящих и грязевых котлов.

Вулкан Головнина возвышается до 550 метров, и его кальдера как раз и представляет обширную котловину – более 5 км в поперечнике, которая однажды оказалась местом провала вершины в пустоту, образовавшуюся после излияния магмы. Озеро Горячее – бирюзово-голубое, местами белое, и когда выходишь к нему сквозь пар курящихся сольфатар и фумарол, то от расцветивших прибрежные глины пёстрых узоров оно начинает казаться каким-то муарово-переливчатым, мозаичным, очень сказочным. В кипящем же озере вода свинцово-серая, мрачноватая, глинистый берег – тусклый, а из самого озера выбрасывается чёрный клейкий ил и песок. Зато уж вода урчит и пенится, причём – везде, и не сразу решишься окунуться в это природное чудо.

Но познакомившись со старожилами – узнаёшь, что кипит-то озеро, кипит, но купаться в нём можно, надо только знать где, и мы всё-таки решились, после чего у всех заболела голова и подступила тошнота. В гостинице все в истощении повалились на кровати, и идти на источники знаменитого по Курилам Горячего Пляжа, расположенного в семи километрах от Южно-Курильска, на следующий день уже никто, кроме меня, не пожелал. Начальник экспедиции подсказал, что транспорт туда ждать бесполезно, его может и не быть, и лучше идти пешком, прямо по берегу, вкруговую огибая Южно-Курильскую бухту. И ещё предупредил: хорошо бы взять с собой паспорт, на случай проверки пограничниками, чьи схроны располагаются вдоль береговой линии. Времени до отхода судна оставалось мало, и рано утром я отправился в свой первый маршрут по Кунаширу...

Горячий Пляж – главная достопримечательность ближайших окрестностей Южно-Курильска, и не побывать на нём, значило, не ощутить все прелести Кунашира. С одной стороны – обрывистые берега, а с другой – пляж как пляж, то широкий, то узкий, в зависимости от наступающего и отступающего прилива с отливом, утрамбованный накатами волн. На Курилах он даже имеет своё название – «курильский асфальт», и никак иначе, поскольку именно по нему на острове, да и на других Курильских островах, и осуществляется чаще всего сообщение, летят прямо в прибойной

полосе грузовики, поднимая фонтаны солёных брызг. Такова неподражаемая курильская экзотика, хоть и удалённая от удобств цивилизации, но родная сердцу любого курильчанина.

Как раз начался отлив, и плотный, искрящийся радужными переливами песок был усеян пучками водорослей и мелкими раковинами, а в устьях впадающих в залив рек и ручьёв тихонько копошились на камнях дисталостерии – чёрно-белые изящные звёзды. Питание рек и ручьёв на Курилах происходит за счёт атмосферных осадков, таяния снега, а также родниковых вод, в составе которых немаловажную роль играют горячие и тёплые минерализованные источники. На некоторых мелких островах-вулканах все водотоки минерализованы и пресной воды нет совсем. Да она оказывается и не нужна: источник вкусен и полезен, это – изюминка Курил.

На многих Курильских островах бьют из земли горячие источники. В их целебных водах, согретых подземным жаром, лечатся курильчане. Суровая природа Курил не случайно подарила людям, проживающим на них, эту возможность восстановить свою энергию.

Жить и работать на Курилах не просто: постоянно одолевают дожди и туманы, а то пожалует с юга какой-нибудь разрушительный тайфун... Я уж не говорю про подводную работу, когда промёрзнешь до костей, да продует тебя отчаянный северо-западный ветер. Где согреться?! Вот тут и помогают чудесные источники: выкупавшись в естественных природных ваннах, где горячая вода просачивается через песок и удерживается между камнями, образуя небольшие бассейны с разной температурой, совершенно избавляешься от усталости.

К тому же, здесь всегда можно подкрепить силы, разогрев завтрак или чай прямо на горячем песке. На Горячем Пляже, в царстве кипящих сольфатар и фумарол, местные жители варят крабов, яйца и разогревают суп. В горячих источниках, благодаря содержащейся в них кислоте, за несколько дней разъедаются даже брошенные в них гвозди!

Подземное тепло – заманчивый источник энергии и для промышленности. У итальянцев в Лярдерелло на этом тепле работает крупная электростанция. В Исландии горячие воды недр отапливают её столицу – Рейкьявик, позволяя цвести южным культурам в оранжереях. Кое-где на Курилах, в том числе – и на Кунашире, горячую воду источников используют в качестве своеобразного парового отопления. В песок на известной глубине вкапывают бочки, и в них собирается пар, который затем по отводным трубам проходит в помещения. Такое отопление долгое время не требует почти никакого ремонта или присмотра, и курильчане в шутку называют его «нарзанным».

Идти по укатанному волнами песку легко и приятно. Слева – Тихий океан, справа – морские террасы, впереди – вулкан Менделеева. Берег вершины бухты низкий, пологий и песчаный, он порос кустарником и луговыми травами, в одном месте, у самого уреза воды, два выброшенных судна. Изредка берега бухты окаймлены грядой надводных, обсыхающих и

подводных камней и скал. Между ними всегда попадает что-нибудь интересное, и я задерживаюсь, разглядываю, но надо торопиться.

Вот и Горячий Пляж... Неширокий участок песчаного берега океана на протяжении трёхсот метров сильно нагрет и постоянно курится. Уже издали видно, что посреди этого пляжа поднимаются белеющие клубы – не то дыма, не то пара, а иногда пробивается лишь жиденькая сероватая струйка, но подойдя вплотную – следует поостеречься: в любой момент вырвется горячее облако и ошпарит! Можно закопать в песок только что пойманного краба – и через десяток минут он из тёмно-бордового - превращается в розового, им можно закусывать. Здесь уже ощущается близость вулкана Менделеева...

Среди песка повсюду разбросаны небольшие сольфатары – источники, выделяющие сернистые газы и пары с температурой сто градусов. Своё название сольфатары получили от вулкана Липарских островов – Сольфатара, который отличается более или менее интенсивным выделением газов с преобладанием сернистого, углекислого и паров воды. Наступает прилив – они скрываются под водой, будто их и нет вовсе, но когда вода отступает – в оплывающем песке тотчас начинают пыхтеть и куриться паром подземные источники.

Лисы на Курилах нередко появляются на сольфатарных полях. Местные жители считают, что они приходят сюда лечиться. Сера будто бы спасает их от чумы, и после такого лечения животные или вовсе не болеют, или легко переносят своё заболевание.

Было замечено, что лисы приходят на озеро Кипящее в кальдере вулкана Головнина. Они сидят там даже в присутствии людей, неподалёку от уреза воды, не убегают, и только насторожены... Вероятно, болезни сильно донимают животных, шкуры их облезлы, но уже через день-другой лисы исчезают с берега озера, по-видимому, полностью избавляясь от своих недугов.

Сольфатары можно встретить не только на берегу, они подступают и выше, к самой водолечебнице – небольшому двухэтажному коттеджу, рассчитанному на несколько десятков мест. Правда, попасть сюда не просто, люди приезжают даже с материка, ибо воды Горячего Пляжа творят чудеса: за считанные часы вылечивают запущенные кожные и желудочные заболевания, восстанавливают энергию тела.

Впрочем, необязательно пользоваться услугами врачей. В часы отлива, под береговой скалой, можно принять ванну в специально приготовленном местными жителями водоёме. Его окутывают сернистые пары и газы, вода серовато-коричневая, иногда отдающая сероводородом, а ил на дне шелковистый, тёплый. Рядом сооружён маленький домик для переодевания, где я знакомлюсь с местным жителем, бодреньким дедом, только что совершившим целительное омовение.

- Не переусердствуй, - заботливо наставляет он меня, обтираясь полотенцем. – Если первый раз, то выдерживай полчаса, не более... Лучше – минут двадцать.

- А если час? – подлаживаюсь я под интонацию деда.
- Сердце выпрыгнет! Ужо не понимаешь? Сероводород!

В насыщенной чудодейственными свойствами воде я просидел ровно полчаса, но ничего не почувствовал. Сердце толкалось в груди мерно, а я не мог сдержать радости: я – на Кунашире, на знаменитых источниках! В нескольких шагах от меня синее море, за спиной вздымается к небу настоящий вулкан, правда, постепенно затухающий, и вокруг слышится несмолкаемое бульканье и шипение: это – курильская баня!

- Сказочна водичка необычайно! – побряхтывая, возглашает дед, и, удаляясь, на прощание бросает: - Не переборщи, паря!

Я по-прежнему чувствую себя хорошо, лежу – и в удовлетворении посапываю. Да и погода выдалась на загляденье: небо над океаном чистое, солнце спит, и покидать ванну не хочется. Как-то незаметно проходит час, голова начинает слегка кружиться, и я нехотя выбираюсь, ощущая во всём теле необыкновенную приподнятость.

Весь обратный путь мне пришлось буквально пролететь, пребывая в состоянии необычного транса. Не покидало ощущение, что ноги не касаются земли, тело полностью потеряло свой вес, и воспринимал я себя до чрезвычайности невесомым. Всё происходящее со мной совершенно переменялось: я и без того был счастлив от всего, что переживал на островах, а тут такое перевоплощение! Есть - отчего по-настоящему возрадоваться, и, кажется, я даже перестал трезво оценивать ситуацию. Только в гостинице почувствовал, что у меня есть сердце, оно явно не одобряло подобного надругательства, и билось учащённо, готовое вот-вот выскочить, и вся кожа необыкновенно зудилась, даже горела. Сбывались предсказания сердобольного деда, которые я опрометчиво проигнорировал!

До отхода судна оставались сутки, и я решил на следующий день, рано поутру, идти к вершине вулкана Менделеева. Меня предупредили, что тропа к нему вьётся лишь вниз, по сальфаторному полю вулкана, обрамлённому тёмно-зелёной хвоей стланика и бамбуком. Поле это занимает дно сильно разрушенного и расширенного бокового кратера, расположенного на склоне вулкана. Потом оно переходит в ущелье с жёлтыми обрывами, обильно насыщенными серой. Когда-то здесь функционировал японский серный завод.

Многие исследователи считают, что все вулканы обязательно имеют коническую форму с кратером-воронкой на вершине. Но так бывает далеко не всегда. Правильные одиночные конусы встречаются в природе довольно редко, и чаще преобладают другие формы.

На Курильских островах, например, одиночные конусы составляют лишь треть всех действующих вулканов. Подавляющее же большинство имеют другие контуры. Так, нередко в результате очень сильного или несколько раз повторяющегося извержения первоначально правильный конус вулкана взрывается, и на месте его вырастает конус вновь насыпанного, так сказать «юного», вулкана.

Вулкан Менделеева именно такого типа, но он сильно сглажен и имеет несколько вершин, одна из которых, наиболее высокая и обрывистая, достигает в высоту 886,9 метров. От гребня его сомы – дугообразного зубчатого вала, сохранилась лишь часть. Центральный конус тоже сильно повреждён. Кроме того, кратер вулкана Менделеева, как пробкой, закрыт выжатой из него вязкой лавой, образовавшей так называемый экструзивный купол с очень крутыми стенами и плоской вершиной.

Купол этот ясно можно видеть издали, при подходе к Южно-Курильску со стороны океана. Он весь зарос травой, бамбуком и стлаником, а на восточном склоне имеется утёс светло-коричневого цвета. К какой из вершин мне удастся подняться – одному Богу было известно.

Нужно заметить, что вулканы называются спящими или находящимися в состоянии покоя, когда в промежутках между извержениями их жизнь ограничивается деятельностью фумарол. Фумаролы выделяются из трещин на склонах конуса вулкана, а также внутри кратера, и состоят из различных газов, преимущественно из сернистого ангидрида, хлористого водорода, аммиака, углекислого газа, щелочных соединений хлора, серы, азота и особенно – водяных паров. Температура фумарольных газов колеблется от ста градусов до девятист, и выделяются они, то медленно и спокойно, то очень бурно. Слово «фумарола» происходит от итальянского «fumare»/дымить/.

Когда я выбрался к кипящим фумаролам, то голова у меня порядком кружилась. Было душно, густо пахло распаренным стлаником и серой, а тропа давно где-то затерялась. Когда я до своего похода на вулкан узнал, что высота его всего лишь около девятист метров, то был разочарован, но сейчас он уже легкодоступным мне не казался. Одолевать сплошные заросли бамбука и стланика, особенно когда они растут на склонах, дело почти не осуществимое, если, конечно, вы не преисполнены непреодолимым желанием во что бы то ни стало подняться на вершину. И всё-таки – лезть вверх, навстречу бамбуковым пикам и узловатым упрямым ветвям стланика, когда они рвут одежду, ранят лицо, руки и выкалывают глаза, безутешное дело. Да, и зачем? Но я, помнится, подумал, что лезу на эту вершину неслучайно, несмотря на множество существующих ей подобных в целом мире, а меня почему-то привлекла именно эта, и вот я упираюсь, клянусь себя за собственное упрямство, и продолжаю своё безумное восхождение...

Вскоре бамбук закончился, и дальше по склону потянулся тёмно-зелёной полосой кедрач. Воображаемая вершина вулкана сразу отодвинулась далеко-далеко, её теперь даже не было видно. Она была скрыта буйной растительностью.

Тот, кто не карабкался сквозь частые заросли стланика, не поймёт меня, если не охвачен страстью открытий. Именно эта страсть поддерживала, когда всё в тебе молило отказаться от подъёма. Но я решил не искать обходных путей, а двигаться к вершине напрямик.

Название «стланик» полностью не отражает природу этого растения, поскольку оно не стелется на самом деле, а тянется в стороны и вверх. Большие раскорячившиеся кустарники с узловатыми ветвями толщиной в руку переплетаются между собой, и идти напролом в таких зарослях просто невыносимо, но я постепенно принобовился... Взгромоздившись на очередной кедрач, я пытался осторожно перешагивать с ветки на ветку, попеременно подтягиваясь обеими руками, и иногда это у меня получалось. Чаще же сучки неожиданно пружинили, я проваливался между кустов и подолгу искал ступеньку-ветвь, на которую можно было бы опереться. Раздвигать упругие ветви руками было бесполезно, но я не сдавался.

Вскарабкиваясь в очередной раз наверх, я, наконец, решил попробовать не перешагивать с ветки на ветку, а прыгать, что, собственно, не спасало меня от падения. Вымотавшись, таким образом, окончательно, я постепенно пришёл к выводу, что победить стланик возможно лишь обладая крепкими руками, ногами и тренированным сердцем. Но даже наличие вышеперечисленных заслуг не гарантирует, что мытарства твои, рано или поздно, благополучно прекратятся...

Мне повезло, заросли кедрача вскоре закончились и я выбрался к краю глубокого ущелья. Спустившись по его покатоному склону и взобравшись на пологий противоположный, медленно преодолел узкую верхнюю горловину, удерживаясь за торчащие повсюду валуны, и очутился на каменном выступе вулкана, где кратер, как таковой, почему-то отсутствовал. Передо мной раскинулась объёмная выемка с обрывистыми краями и наклонным дном.

Впоследствии оказалось, что это был своего рода небольшой дополнительный кратер, образовавшийся в результате взрывов газов, не сопровождающихся излиянием лавы. Но, тем не менее, я чувствовал удовлетворение, ибо мой путь наверх был пройден честно. Немного отдышавшись, я залюбовался на раскинувшийся внизу океан и переживал какое-то восторженное и в тоже время простое ощущение счастья. Даже погода, с утра туманная, вместе со мной, кажется, отмечала это событие: она сменилась на совершенно безоблачную и ясную, впрочем, подтверждая представление о курильском климате как об очень переменчивом и капризном.

Я сидел на каменном гребешке вулкана Менделеева и думал о Курильских островах... Слева от меня, на северо-восток, развернулись в строгую линию их гористые, тёмно-зелёные оазисы скрытой от глаз людей загадочной жизни. А над самим Кунаширом царственно возвышался двухъярусный вулкан Тятя, вулкан-красавец, более, чем вдвое превышающий вулкан Менделеева. Я сидел, смотрел на его верхушку, теряющуюся в лёгких облаках, и пытался представить себе внутреннюю работу Земли...

Строение её подобно яйцу, в котором скорлупа – тонкий покров, составляющий в толщину 60-80 км, а внутри желток – твёрдое ядро, и белок

– магма, которая находится в полужидком состоянии и местами, в силу разных причин, образует потоки. Потоки эти постоянно развивают течения и из-за вязкости магмы оказывают огромное давление на земную кору. Если, действительно, толщина поверхностной оболочки Земли по отношению ко всей планете не больше, чем скорлупка по отношению к яйцу, и если эта оболочка подвергается давлению, равному до 10 тысяч килограммов на квадратный сантиметр, то не удивительно, что она имеет тенденцию растягиваться, а когда натяжение превышает предел эластичности – трескается. Так образуется сеть разломов, иногда рассекающих целые континенты, и эти гигантские разломы обязательно отмечаются происхождением вулканов...

В точках пересечения этих трещин глубинная магма медленно поднимается кверху. По мере уменьшения давления обильные газы, растворённые в этой своеобразной жидкости, начинают выделяться. С течением времени этот процесс ускоряется: давление извне уменьшается, газы освобождаются, магма делается всё более жидкой и тем самым облегчается её поднятие.

Наконец, магма проникает сквозь кору и подступает к поверхности Земли. Выделяющиеся в виде пузырьков газы делают её лёгкой и приводят в состояние кипения. Они действуют абсолютно так же, как углекислота, растворённая в шампанском и появляющаяся в виде пены, когда с бутылки срывают пробку.

Последние метры, вернее, последние десятки метров и может быть даже сотни магма проходит быстро вследствие почти полного освобождения от давления уже в совершенно жидком состоянии. В конце концов, она извергается на поверхность, и тогда мы называем её лавой. И так, в результате течения, возникшего в глубинах Земли, магма поднялась к поверхности, а газы явились основной движущей силой вулканического извержения.

Последний раз извержение вулкана Тятя происходило в 1973 году. Оно продолжалось с 14 по 28 июля почти с равномерной интенсивностью. При этом было извергнуто около 2-10 в восьмой степени метров кубических пепла. Высота пеплово-газовой тучи достигала 8 км. Чрезвычайно характерным явлением были почти непрерывные молнии, прорезавшие тучу. Из всего этого представляется несомненным, что учитывая высокие температуры и температурные градиенты, наэлектризованность тучи и непрерывные мощные электрические разряды, воздействовавшие на смесь газов и пепла, вызывают многочисленные специфические реакции, приводящие к образованию аминокислот, то есть тем веществам, которые, в своё время, явились основой зарождения жизни...

Что и говорить: Кунашир сразу привлекает к себе всё внимание именно природной насыщенностью, им приятно любоваться и в солнечный ясный день, и сквозь голубоватую туманную завесу. Издали Кунашир кажется разделённым на множество островков, между которыми пролегают

проливы. Но приблизившись, понимаешь, что весь он, даже при кажущейся разобщённости, всё-таки воспринимается спаянным и происходит это благодаря изумительному двухъярусному конусу вулкана Тятя, расположенному в его северо-восточной части. Тятя удивляет и размерами, и формой, и именем, он возглавляет все остальные кунаширские пики, будто увлекая их за собой в туманную тихоокеанскую даль...

Вулкан Тятя... Столько я о нём слышал, воспринимал в своём воображении как-то по особенному, а когда увидел – замер без слов, наслаждаясь этим величием природы... И ещё поражало имя, данное вулкану. Оно к нему удивительно подходило, было на своём месте, как будто вулкан родился с ним и ненавязчиво внушил это знание всем людям, океану и Курильским островам. В первую очередь – Кунаширу, вместе с которым, наверное, появился. После Алаида на самом северном острове Большой Курильской гряды – Атласова, Тятя – второй по высоте и величавости вулкан: он достигает 1822 метра над уровнем моря.

Словно сказочный чудо-богатырь, с широкими мощными плечами и остроконечным шлемом на голове, возвышается он над прибрежными равнинами острова. Особенно красив вулкан в весеннее время, когда трещины в его склонах ещё заполнены снегом. Они рассекают склоны белыми лучами, расходящимися всё шире книзу и, подчёркивая правильную конусообразную форму сомы, напоминают ещё гигантский волшебный шатёр, зачем-то прекрасно возникший на этом участке Кунашира...

Диаметр кратера сомы превышает 2,5 км. В чаше кратера, в центре атрио, расположен ещё юный конус, высотой около 400 метров. Наиболее высокий юго-восточный край вулкана является наивысшей точкой Тяти, этот край отделён от более низкого северо-западного края глубокой выемкой. При наблюдении издали создаётся впечатление, как будто конус имеет две обособленные вершины. Через пониженный юго-западный край кратера спускаются лавовые потоки очень свежего вида, излившиеся во время извержения 1812 года. С тех пор признаков активности вулкана не отмечалось, кроме 1973 года, когда вулкан выбрасывал в атмосферу только газ и пепел.

Все вулканы на Курилах величественны, будто старцы, что за своими глубокими думами курят трубки... Тятя на Кунашире, Алаид на Атласова, Сарычева на Матуа, Креницына на Онекотане, Эбеко на Парамушире, - все они чем-то очень похожи. Наверное, тем, что вулканы, и омывает их Великий Тихий океан.

Ничто, кажется, не поколеблет их мудрого спокойствия. Если хотя бы однажды увидел эти строгие горные силуэты, они навсегда врезаются в память. Когда же вулкан действующий, то яркость воспоминания о нём значительно возрастает.

Тятя среди всех вулканов Курильских островов отличается особым изяществом правильных форм. Очерчивая своей подошвой и склонами идеальную окружность, он плавно возносится над морем, более всего

очаровывая молодых «соском» - внутренним конусом, утонувшим во внешнем, более древнем. Тятя – классический пример двухэтажного вулкана, который никогда не забыть. Ни одного человека не оставит он равнодушным к своей красоте, невольно вызывая удивление даже у людей, далёких от геологии, географии и океанологии. Казалось, его изваяли чьи-то богатырские руки, и тем более удивительно, что возник Тятя волею самой природы.

Кстати, имя вулкана, казалось бы, исконно русское, таковым не является и имеет не простую историю. Принадлежало оно в своей первооснове коренным жителям острова – айнам. У них эта гора называлась Чача-нупури, что переводится как «старик-гора». А образоваться русскому слову «тятя» помогли японцы. На их языке нет слога «ча», а есть только «тя», вот и превратился «Чача» в «Тятю», вернее – в Тятя-яму, где «яма» означало «гору»... Но русские люди отбросили японскую «яму», и вулкан стал именоваться Тятей, подразумевая под собой доброго удалого богатыря, наделённого невиданной мудростью и силой...

Однажды мне удалось пролетать над вулканом Тятя на самолёте, мы тогда возвращались на Сахалин после экспедиции по Курилам, и моё восприятие действительности на какое-то время остановилось, благодаря грандиозности всего увиденного. Всматриваясь в открывшийся кратер, проплывающий прямо под нами, я не думал о том, что передо мной представилась просто красивая картина – не больше: я переживал непередаваемые чувства, воспринимая увиденное как околдовывающее зрелище. Заглянуть сверху в вулкан, несколько лет назад вновь заговоривший после длительного молчания, да ещё имеющего такие чудесные природные формы, было целым событием. Вряд ли оно когда-нибудь повторится, и я был благодарен судьбе за то, что на моём жизненном пути однажды возникла неподражаемая Курильская гряда, таинственный Кунашир и незабываемо-величественный Тятя...

Из-за надвигающегося шторма отход судна откладывался, и я наметил на следующий день новый поход: на этот раз – прямо через остров, к охотскому побережью. День выдался пасмурный, Охотское море тяжело переворачивало свои свинцовые воды, и на берег слоями напел липучий туман. Но я испытывал радость от ходьбы, переживаемого на этих пустынных берегах одиночества, лёгкого солёного ветерка, набегающего с моря, и шелеста переваливающихся под ногами волн. Этот совершенно чужой диковинный берег был мне отчего-то дорог, и я воспринимал суровую красоту здешних мест как нечто родное. Я шёл к очередному чуду Кунашира – мысу Столбчатый...

Мыс Столбчатый высотой 26 метров является южным входным мысом бухты Первухина, вдающейся в северо-западный берег острова. Он образован склонами холма высотой 105 метров и имеет вид скалистого утёса

шестиугольной формы. Некогда излившаяся лава при остывании как бы раскололась здесь на шестигранные столбы, плотно пригнанные друг к другу, и образовала единую скалу. Геологи называют подобную структуру камня столбчатой отдельностью, ибо столбы, хотя они и вместе, чётко разделены. Причём, что удивительно, острота их граней сохранилась безупречно: не помешали ни разрушительные шторма, ни остервенелые ветра, ни постоянная влажность, разрушающая даже камень.

За нескончаемые века море, конечно, стесало это поразительное кварцовое изваяние, но торцы столбов стали ещё чётче. Их как будто выложили руки человека, к тому же – очень искусно. Не покидало впечатление, что это редкостное явление природы – её гигантский каменный орган, в котором ветер пытается выдуть волшебные звуки, а камень чутко отзывается на его глубинные устремления, отчего-то болеет вместе с ветром душой за создаваемую гармонию.

Серовато-дымчатая стена столбов, не теряющаяся даже в тумане, очень выразительно отмечала мыс, невозможно было пропустить её мимо своего внимания, и мне захотелось сфотографировать эту достопримечательность острова, потому что словами передать мощь Столбчатого мыса не получится. Даже качественный снимок, как оказалось впоследствии, не выражал вулканического творчества Земли, и я только держу в памяти тот пасмурный день, пустынный берег и необычный мыс, какой не встречался мне больше ни на одном курильском острове.

Налюбовавшись на выточенные природой столбы, я уже было хотел повернуть назад, как заметил впереди зеленовато-белёсые причудливые скалы. Образую самые замысловатые береговые кручи, они представляли из себя ещё одно природное изваяние – целые толщи пемзы, выдутые ветром и выбитые морем. Эти причудливые нагромождения тянулись и вдоль берега и вглубь острова, достигая в высоту десятки метров. Пемза залегала здесь в своём первозданном виде, наверное, и глубоко под землёй.

Пемзовый камень – единственный в своём роде, он способен плавать в воде, пока вода не заполнит его внутренние пустоты. Несмотря на то, что пемза ноздревата и легка, она достаточно прочна и может выдержать значительную нагрузку. Не зря пемза считается надёжным строительным материалом, благодаря своей лёгкости очень удобным для перевозки.

Но всё-таки пемза не в силах противостоять морскому прибою, и именно поэтому пляж в этом месте такой широкий, в нём почти отсутствуют выходы кварца. Разрушительная мощь морских волн не оставляет пемзовым образованиям никакой надежды на длительное существование, и под их напором они отступают. Бесчисленные рифы и скалистые выступы из твёрдых пород здесь крайне редки, а перемытые прибоем пористые кусочки пемзы истачиваются до состояния вязкого песка: идёшь, вроде бы, по чистому песку, который должен быть плотным, но сапоги, то и дело, засасывает. Как объяснить свойства этого удивительного камня?

Дело в том, что пемза – это одна из разновидностей лавы, извергнутой когда-то из земных недр в расплавленном виде, но особенность её заключена в условиях остывания. Расплавившаяся до жидкого состояния масса раскалённого камня, остывая, естественно освобождается от газов и становится цельнокаменной, и только на внешней корке её остаются многочисленные поры – то есть, газовые пузырьки, переполнявшие лаву и затем лопнувшие. Но так происходит на суше, а вот когда лавовый поток попадает в море, или происходит подводное извержение лавы, то раскалённая каменная масса оказывается в холодной воде, где она остывает настолько быстро, что не успевает «выжать» из себя газы, и множество запёкшихся резервуаров и придают пемзе присущую ей в дальнейшем воздушность.

Впоследствии происходит поднятие недр, и остывшие массы лавы появляются над поверхностью моря, обсыхают и пустоты заполняет воздух. Затем море обтачивает поднятые со дна моря горы пемзы, создавая из них обрывистые скалы и широкие береговые полосы. Так, постепенно, и возникают серовато-зелёные, белые и даже жёлтые пемзовые кручи, изрезанные мелкими оврагами, острыми пиками и гребешками, притягивающими внимание.

Опустившись на колени у самого уреза воды, посреди сплошных россыпей пемзы, я невольно насобирал в рюкзак охапку лёгких камешков, размером с кайровое яйцо, и, идя обратно, с удовольствием ощущал за спиной их шероховатое крокотание. Невозможно было не захватить их на память, тем более что тяжести никакой они в себе не заключали. Почти невесомые, камни из пемзы пополнили мою коллекцию морских камней, а потом я подарил их своим знакомым, на хозяйственные нужды, оставив только один – голубоватый и бархатный, навсегда сохранивший в себе древнее вулканическое тепло.

Шёл отлив, и перед тем, как отправиться обратно, я по каменистой отмели приблизился к двум кекурам, вырастающим из моря в трёх кабельтовых от восточного берега бухты. Такими «чёртовыми пальцами», как их называют местные жители, особенно славится посёлок Отрадное, неподалёку от Южно-Курильска. Постепенно они «отмылись» - то есть, отделились от берега и образовали каменные изваяния, достигающие в высоту десятки метров.

Эти скалы стоят на покрытых водой каменных плитах, составляющих продолжение берега. Сразу за краем плиты начинается большая глубина и подойти к кекурам можно только в отлив. Тогда в прозрачной воде, на плитах, можно различить разноцветные актинии с венцами из нескольких рядов щупалец, окружающих их ротовое отверстие. Эти щупальца напоминают лепестки цветов, распустившиеся под водой. Так на Курилах повсюду: всё необычное находится рядом, сменяя сразу одно другое...

Я постоял какое-то время рядом с этими изумительными природными образованиями, и в который раз за сегодняшнее утро ощутил, как

неподражаемо всё, что встречается на Курилах, и как оно влечёт к себе, отчего непременно соберёшься и отправишься в поход, с замиранием сердца постигая тайны островной земли. Чего стоят одни курильские пейзажи с одинокими «чёртовыми пальцами», будто охраняющими подступы к неведомой сокровищнице! Курилы – целый мир, удивительная планета загадок, куда мне всё-таки посчастливилось проникнуть.

Я стоял, как вкопанный, медленно окидывая взглядом строгие скалы, голубовато-сизый пемзовый берег, успокаивающий мягкостью неброских красок, задумчивое Охотское море, и чувствовал свою чудесную слитность с окружающим пространством. Кунашир втекал в меня потихоньку, заполняя своей красотой и силой, и не покидало ощущение, что я обретаю в душе ещё один драгоценный камешек, составляющий волшебное курильское ожерелье... Очень приятно было сознавать свою причастность к этому почти не заселённому острову и Тихому океану, чувствуя себя первооткрывателем-землепроходцем, которому подвластны любые мечты и расстояния.

Ночью подошло наше судно, мы быстро погрузили подводное оборудование и к рассвету встали на якорь в бухте Водопадная, известной своим водопадом Птичий. Водопад Птичий шириной десять метров низвергается с высоты двенадцать метров непосредственно к S от мыса Водопадный, являющегося северо-западным входным мысом бухты Водопадная, вдающейся в северный берег острова Кунашир и образующий озеро, которое соединено с бухтой Водопадная широкой протокой. Водопад напоминает белый парус и приметен с больших расстояний. В тихую погоду из водопада можно принять пресную воду при помощи шлангов и мотопомпы, и капитан решил пополнить её запасы перед тем, как идти на Северные Курилы. Нам предстояло побывать ещё на Итурупе, Урупе, Матуа, Парамушире, Шумшу и острове Атласова.

Для приёма воды с водопада обычно рекомендуется становиться на якорь против мыса Водопадный на глубинах 9-11 метров. Затем надлежит завести швартовы с кормы на берег и, потравливая якорную цепь, подтянуть корму на расстояние полкабельтова от протоки, наблюдая за тем, чтобы глубины под кормой были 5-7 метров. Помпу при этом следовало установить на берегу или на катере в самой протоке, что мы и осуществили, и пока шёл забор воды, отправились к водопаду...

Водопады уже не раз встречались мне на Сахалине и Курилах, но каждый раз это зрелище безотчётно околдовывает. Туча брызг от ниспадающего водопада на фоне синего неба вызывает впечатление от рассыпанных белых жемчужин, только что поднятых со дна моря. Но брызги эти всё-таки ниспадают с головокружительного скалистого отвеса, сверху, с мощной струёй горной воды, которая, впрочем, скоро превращается в морскую. Вода вырывается из лощины над обрывом с сильным напором, почти горизонтально, затем плавно изгибается в воздухе и ниспадает. Летит так свободно, что, кажется, будто она задерживается на мгновение, давая

насладиться её парением со стороны, а самой продлить чудесное состояние этого зависания.

Получается своеобразный затяжной слой рушащейся воды, отступающей от скалы на полтора-два метра. Он словно живой, сверкающий, и ты неотрывно любишь его, ощущая лёгкими всю его природную свежесть. И ещё зачаровывает бесконечность чистого потока, который, каждое мгновение обновляясь, не надоедает.

Если дует ветер, он завихряет края струящейся воды, но овладеть ей до конца, всё же, не может: струящимся потоком повелевает весь остров, горы и океан. Океан ждёт эти чистые, развевающиеся на ветру струи, будто ему самому не хватает чистоты, и падающая вода, под порывами ветра, изгибается то правее, то левее, словно оттягивая этот момент соединения, представляясь живой.

Но обрыв высок, падающая вода не встречает на своём пути препятствий, и летит, летит, скоро исчезая в нижней части водопада, где он завершается каменной ванной. Вода от столкновения с камнями рассыпается, часть её поднимается обратно, она – действительно живая, и опять превращается в хрустальную тучу брызг, с которой всё началось несколько мгновений назад вверху. Водопад безотчётно притягивает к себе всё твоё внимание и, захватывая с собой, уносит затем с нескончаемыми водяными струями в бескрайний океан, навстречу новым открытиям.

## «ИТУРУП»

Все мы, наверное, представляем в своих детских мечтах далёкие острова и приключения на них, до которых, как нам кажется, мы всё равно когда-нибудь доберёмся. Мы верим, что рано или поздно они откроются нам своей скрытой красотой, и мы станем обладателями этой чудесной и необыкновенной тайны, стоит лишь однажды устремить к ней всё своё внимание. В общем, мы знаем: что-то такое, очень важное и нужное, обязательно случится в нашей жизни, и оно самым невероятным образом перевернёт её.

И действительно, то, что предполагает в будущем настоящие открытия, уже давно живёт в тебе, с самого детства. Ты плывёшь в своих мечтах на Дальний Восток, отрешённо, с замиранием сердца задумываешься обо всём, что тебя может там ожидать, и не знаешь пока – какие знаки предвосхитят эти важные для тебя открытия в воздухе, на воде или на позабытом всеми берегу. Вот ты уже и не мальчишка, но ещё не настоящий мужчина, и так много хочется узнать, а потом всем об этом рассказывать... В душе твоей – только любовь и вера в великие обретения, жажда увлекательных странствий и незабываемых встреч.

А начиналось всё, оказывается, действительно в детстве, когда восьмилетним юнцом повела тебя бабушка в маленький кинотеатр. По-своему уютный, даже родной, он создавал атмосферу доверительности и теплоты, какой бы фильм ты ни смотрел. Особенно о четырёх героях-моряках, чью баржу оторвало в сильный шторм от пирса в заливе Касатка, на далёком курильском острове Итуруп, и носило по морю сорок восемь суток...

Сначала жестокий штормовой ветер и течение погнали судёнышко на юго-восток от Курильских островов, а выйдя из холодного течения Ойя-Сию, баржа была подхвачена одним из потоков уже тёплого течения Куро-Сию, которое понесло судно в океан, всё дальше и дальше от берега. Такие баржи, водоизмещением около сотни тонн и с двумя двигателями, обычно использовались для перевозки грузов вдоль побережья, когда волнение моря не превышает четырёх баллов, но, тем не менее, они снабжались морскими картами и другими мореходными пособиями. В ходовой рубке находился один компас, другой – на верхнем мостике, и это помогло морякам в дальнейшем хотя бы приблизительно ориентироваться.

Баржа стояла у бочки в бухте, недалеко от берега, в ожидании прибытия парохода с материка – она должна была принять участие в разгрузке. Но сильный шторм в ночь на 16 января 1960 года оторвал баржу от причала и понёс в открытый океан. Когда шторм немного стих и моряки провели ревизию судовых запасов и питьевой воды, то оказалось, что они располагают одной буханкой хлеба, килограммом крупы, шестью пачками чая и банкой кофе. Немного картофеля было сильно забрызгано соляной жидкостью,

солёная морская вода попала так же в запасной бак с пресной водой. Сохранились лишь 2 килограмма мясных консервов и 1,5 кг жира. Вот с такими продуктовыми запасами начался дрейф четырёх парней на небольшой барже по зимним просторам Тихого океана.

Моряки мужественно боролись с захватившей их стихией, не поддаваясь ей даже тогда, когда нечего было есть. Они варили в морской воде обрезки своих кожаных ремней, чтобы те стали мягче и напоминали, хоть отдалённо, запах живой плоти, а потом жевали, подолгу не выпуская измочаленные кусочки изо рта, и, в конце концов, проглатывали. Для питья уже давно собиралась дождевая вода, но из-за зимнего периода дождей выпадало мало. Понемногу в еду пошла кожа с сапог, а потом - и с гармошки.

Всё, что потребовало от моряков в эти дни разбушевавшееся море, они с честью выполнили и не ожесточились. Каждый бесконечный день моряки доказывали ему и самим себе, казалось бы, невозможное, и оно их отпустило. Продрейфовав в юго-восточном направлении более тысячи миль, на сорок девятые сутки дрейфа баржа была замечена американскими морскими службами, к ней подошёл авианосец «Кирсардж» и с вертолётной палубы пострадавшего судёнышка спустили подъёмные тросы с крепёжными поясами. Для четырёх мужественных людей суровое испытание океаном благополучно завершилось.

Помню, каким устрашающим и грозным выглядело море даже в безобидной темноте притихшего кинозала! Серое, колючее, чужое, несущее только разрушения и несчастья, море было совершенно неприступно. А что же оно представляет из себя на самом деле, на этом недостижимом краю земли, куда, казалось, ни за что и никогда тебе не попасть?!

Так думалось в своём маленьком понимании неведомого мира, очень остро переживалось за отважных людей, и ещё обдавало всего каким-то неясным теплом, вернее даже – предощущением, будто ты сам с этими моряками противостоял бурному морю, неустрашимо боролся с ним и случившейся с моряками неудачей, и чувствовал, что всё равно останешься в живых. И разве мог ты знать, как через пятнадцать лет попадёшь на Курилы, и будешь работать под водой именно в заливе Касатка, и зимние шторма будут угнетать своей безысходностью и тебя тоже...

Ты, конечно, не вспомнишь тогда захудалый старенький кинотеатр со скрипучими вытертыми креслами, бабушку в поношенном выцветшем пальто, и то удивительное ощущение слитности с предстоящей жизнью, что, казалось, обязательно сбудется. Всё приключившееся в ней потом, как и бережно хранимое с раннего детства – с невероятной силой захватит тебя, понесёт над необъятным курильским ожерельем, и ты позабудешь себя. Проникновенно и властно повергнет собой всё увиденное, и уже больше не отпустит никогда.

Так же необыкновенно поразит тебя и каменный крест на пустынной скале безымянного курильского островка, ранним утром неожиданно выплывшего из тумана, когда все на судне ещё спали. Помнится, не хотелось

даже узнавать, что это за крест, откуда он взялся, - ни тогда, ни потом. Просто почему-то нужно было встать ранним туманным утром, выйти на покрытую холодной изморосью палубу и тихо удивиться всему увиденному, ещё не понимая, что тебя по-настоящему ожидает.

Сейчас мне думается, что всё это было только моей жизнью, которую я себе выбрал, и крест показался, как данный Богом знак. Ненадоедливо присутствующий на пустынном берегу, и даже узнаваемый в чём-то, он, ничего не обещая, в тоже время, магнетическим образом притягивал к себе и завораживал. Не судовая рында, своим пронзительным и гулким звоном, могла вывести тебя из такого непредсказуемого оцепенения, а ты сам, когда пробрался сюда затем, чтобы разбудить это первое в своей жизни курильское утро, на далёком острове Итуруп...

Холодно и тоскливо на курильском берегу поздней осенью. Всё в человеке как будто сжимается, и он уходит в себя, будто в спячку, на какое-то время отказываясь воспринимать впечатления от невыразительного, серо-коричневого берега, густого промозглого тумана и ледяных вод, уныло плещущихся под бортом. Поневоле делается грустно от всего того, что тебя здесь окружает: и осенью, и зимой, и весной – одно, и тоже!

Кажется, нет ничего, что бы предвещало в природе возобновление жизни со всеми радостями, которые она иной раз приносит. Членам экипажа даже не хочется сходить на берег, до того он представляется скучным и нелюдимым. Тем более, что всё необходимое находится под боком: провиант, игральные кости или книги. Можно разобрать подводные экспонаты и камни, но вскоре это надоедает, а порой и вовсе нет желания что-либо делать. Лежал бы целыми днями, мерно покачиваясь в уютной шконке, не показывая носа на палубу, и без особого внимания вслушивался в однообразную музыку судовых звуков, в глубине души, всё же, желая угадать то, что ещё не успело надоесть.

Вот в носовом трюме что-то побежало, натянулось и заскрипело, потом вдруг замерло, будто сейчас лопнет, но отпустило. А это в изрядно повидавшую на своём веку судовую скулу гулко ударила льдина, со скрежетом завертелась у борта, затем нырнула под днище и куда-то провалилась. В соседней каюте хлопнула о переборку раскрывшаяся дверца шкафа, протяжно заныла, где-то далеко в тумане захлебнулся гудок старого парохода, перевозящего уголь на северную оконечность острова, и грохотанье стравливаемой якорной цепи несколько отрезвило твоё задремавшее восприятие.

Ничего нового, чего бы не было вчера или неделю назад – не происходит, и утомлённое однообразием воображение, вроде бы, спит. Но именно так, постепенно, даже неожиданно для себя в какой-то момент начинаешь вдруг вникать в скрытую жизнь моря и омываемых им диких курильских берегов.

Неожиданный порыв ветра ударит в судовые надстройки и нагонит ещё более холодный дождь и туман, берегов совсем как не бывало, но ты отчего-то встрепенёшься и поднимешься на палубу. В десяти метрах не видно ничего, даже пролетающих чаек, которые изредка вскрикивают то с одного борта, то с другого. Само судно разглядишь едва ли вполтину: всё затянуто серовато-белёсой, водянистой мглой. Стоишь, и уже с пробудившимся интересом вслушиваешься в проистекающую рядом жизнь, благодаря которой он только усиливается. Что же такое происходит с тобой?

Это позвали тебя Курилы, растянувшиеся с юго-запада на северо-восток более чем в тысячу морских миль, и мы неспешно движемся вдоль этой островной линии с океанской стороны, осторожно выискивая удобные для якорной стоянки бухты. Давно пройден пролив Лаперуза, острова Шикотан и Кунашир, и по левому борту виднеется в туманной дымке мыс Рикорда – южная оконечность острова Итуруп, образованный юго-восточным склоном вулкана Берутарубе, поднимающегося пологим, сильно усечённым конусом до высоты 1223, 5 метра. Все заворожено смотрят на плавные очертания вулкана с загадочным названием и тёмно-красные отвесные утёсы, окаймлённые узкой грядой прибрежных камней.

Капитан стоит на мостике и рассказывает, что на вершине вулкана расположена глубокая кальдера диаметром 2, 5 км, а склоны его расчленены глубоко прорезанными ущельями, по дну которых протекают многочисленные ручьи, часто образующие водопады. Где-то там, среди них, вьётся крутая тропа, прорубленная в зарослях кедровника. По ней японцы переправляли вниз вьюками самородную серу, разрабатываемую на дне кратера.

«Берутарубе...» - тихонько произносишь ты про себя, и воображение мгновенно уносит тебя куда-нибудь в Африку, и только потом ты ловишь себя на мысли, что находишься на Курилах. Странное ощущение вызывают местные названия, но хуже от этого не становится: наоборот, они придают окружающей первозданной природе ещё более диковинную загадку.

Ветер дует упруго, но ненавязчиво, волна же - совсем не большая, зато настырная: судно испытывает неприятную качку, которая устраивает под его днищем сущую толчею. В противоположность недавней тоске и отсутствию каких-либо душевных устремлений, неожиданно приходит желание взглядываться, впитывать и запоминать.

«Прямо! Куда право кладёшь? Так держать!» - слышится с мостика обращение старпома к вахтенному, и ты вдруг подбираешься, и тоже обнаруживаешь в себе потребность двигаться верным курсом, помешать которому никто не в силах. Крутые, будто обрубленные берега молчаливо поддерживают тебя в этом устремлении, как в русле, и даже редкие берёзки в распадках, трава и песок вторят им немым согласием. Невыразительные, они и не пытаются заинтриговать, но то, с каким достоинством и камни, и деревца пытаются противостоять северной природе, - завораживает и внушает уважение.

«Входим!» - опять бесстрастно доносится с мостика, а на баке уже кто-то, наблюдая за происходящим, спрашивает: «Что за бухта?» В ответ: «Львиная пасть...»

Кажется, всё-таки, что в море в здешних местах гораздо уютнее, лучше, чем на суше. Берег чужой, необжитый, замкнувшийся в себе ещё десятки тысяч лет тому назад. Какое печальное тут может быть плавание, что за суровый, непреклонный климат! Лета почти нет, оно лишь угадывается на короткий период, и вскоре опять и утром, и днём, и вечером – промозглый холод, не говоря уже о ночи. Взгляд теряется в тоскливой бесконечности серых каменных нагромождений...

И опять бестолковым кажется само пребывание в этих краях... Здесь ничто ничему не мешает, не преобладает над чем-либо за счёт какой-то своей необыкновенной черты, а как бы, наоборот, смазывается, перетекает из одного в другое, затем – в третье, и так до бесконечности, не имея собственного лица. Да и много ли тут самостоятельного, свободного от однообразных, повторяющихся вулканических воплощений?

Нет, только мрачные и почти всегда мутные воды, угрюмые каменистые берега, незаметно сменяемые длинными и еле угадываемыми песчаными, и - туманы, туманы, туманы, так, что не видно собственного носа, а ветра пронизывающие, ледяные, хоть бы и стоял июнь. Полнейшая тишина и беспробудность, если не считать шума набегающего на отвесные скалы прилива, да редкого гарканья морских птиц. И птицам в этих просторах, наверное, неуютно, чего уж говорить о человеке!

Но человек устроен так, что ему не терпится, во что бы то ни стало, попасть в такие необжитые места, куда его неизъяснимо влечёт какая-то извечно волнующая мечта, не дающая покоя, может быть, с самого детства, но добившись своего – он уже желает поскорее покинуть их, чтобы через какое-то время вновь устремиться за очередными приключениями. А места, действительно, нелюдимые, на краски скупые, ведь это – северо-западная, самая холодная часть Тихого океана, угрюмее которой, кажется, ничего больше и не сыщешь... Холодное и дикое Охотское море с севера и безудержные океанские валы с юга воплощают здесь собой и неуёмную гордыню, и странную печаль, и завораживающую загадку неповторимости сурового дальневосточного края... И вот именно на рубеже двух этих стихий, на пустынном скалистом острове, ты вдруг однажды обнаруживаешь одиноко стоящий крест, который вынуждает обо всём позабыть.

Сколько их, таких одиноких каменных крестов разбросано по необозримым берегам дальневосточных морей, приводя путешественников в какой-то парализующий трепет. Обычно кресты возникают перед тобой неожиданно из тумана и повергают в молчаливое раздумье: во имя чего и кем поставлены они здесь?

Идёшь на судне вдоль неизведанного курильского берега, и не покидает мысль, будто при усмотрении каждой, вновь открывающейся скалистой оконечности – она есть последняя, но затем сие заключение

оказывается ошибочным, и ты опять через какое-то время лицезреешь очередной угрюмый мыс, постепенно выступающий из тумана. Редко удаётся пройти эти берега, чтобы тебя не мочил нескончаемый мелкий дождь – мгылка, или не пронизывал насквозь промозглый ветер, и всё кажется, что вот за этим утёсом, наконец, откроется что-то необыкновенное, такое же туманное, как всё окружающее, но что это будет – ты не знаешь.

Высадившись на боте в какой-нибудь укромной бухте, сразу ощутишь необыкновенно замершую тишину... Все звуки здесь вязнут, прерываясь где-то рядом с тобой, онемевшие ноги скользят на жёлто-бурых водорослях, устилающих прибрежные камни, кажутся ватными, и всё происходящее создаёт впечатление, будто ты оказался в каком-то удалённом от всей остальной жизни мирке, который, между тем, необычайно насыщен и содержателен. А посреди – безымянный крест, в два человеческих роста, из серовато-коричневого, шероховатого камня. Весь он, конечно, подёрнут седой тайной, олицетворяя собой дикость этого сурового края.

Вокруг море и камни, а за спиной – чёрные скалы с мрачными расщелинами, сырой туман жмётся к ним, одним своим видом пронизывая тело отрешённой промозглостью... И тебя не покидает ощущение первозданности и этого берега, и моря, и камней, а ещё закрадывающейся в душу убеждённости, что до тебя тут, кроме того, кто установил крест, никого не было, и ты воочию прикоснулся к чьей-то неизведанной, но очень притягательной судьбе.

Часто моряки устанавливали каменные глыбы или кресты, выбивая на них какие-либо надписи, желая просто обозначить своё местонахождение, год, месяц и число, но если была возможность водрузить сооружение из дерева – устанавливали крест деревянный, что было делом более простым. Обычно его изготавливали из плавника, в обилии покрывающего пустынные морские берега дальневосточных морей, но деревянные кресты со временем подгнивали, падали и оттого были ненадёжны. Верным делом считалось у мореплавателей всё же оставить после себя каменный знак.

Крест из камня или дерева был одной из самых интересных особенностей диких дальневосточных берегов, являясь доказательством нестигаемости совершённого моряками подвига во имя обретения знаний. Он напоминал о чём-то важном, что произошло с ними, и они хотели об этом кому-то сообщить, может быть, увековечить приключившееся событие, повлиявшее на их плавание, воздав должное Всевышнему за своё спасение.

А порой на крестах вырезали изречение... Большая правда есть в таких словах, запечатлённых однажды моряками-поморами на простом деревянном кресте, что и поныне стоит на скалистом берегу острова Шпицберген: «Тот, кто бороздит море, вступает в союз со счастьем».

Крест свидетельствовал, что здесь, на краю света, побывали люди, добрались, несмотря ни на что, и утвердили своё пребывание на этих никому неведомых берегах своеобразным памятником, памятником тому, что составляло суть жизни любого православного человека, и чему он всегда

поклонялся. Водружённый крест мог означать границы государства, которые узаконили своим пребыванием отважные первопроходцы, а иногда и могилу того, кто нашёл здесь свой последний приют. В любом случае, подобное каменное сооружение зачаровывает внимание мореплавателей, но более всего поражает то, что человек зачем-то забрался в такую даль и погиб.

Могила эта необыкновенно притягивает к себе своей тайной, которую непременно хочется разгадать. И ещё рядом с ней не покидает ощущение обездоленности, невыразимой горечи за человека, чьи останки покоятся вдали от родного порога, среди промозглых туманов, ветров и неприкаянных суровых камней. Один из таких камней, хоть и в форме креста, теперь увековечивает его пристанище...

А иной раз подобная могила или знак считаются святым местом. Все моряки об этом знают и, проходя мимо, должны непременно помолиться о благополучном пути, в противном случае им придётся, так или иначе, задержаться. Обычно рассказывают при этом, будто какой-то капитан проходил однажды мимо, не помолившись, после чего, конечно, разразилась непогода, судно было унесено обратно и оказалось разбитым о скалы, неподалёку от каменной могилы.

Поначалу я так и думал, что все кресты – это могилы погибших моряков, потерпевших страшное бедствие. Может быть, когда-то, судно выбросило штормом на берег, или здесь погиб какой-нибудь храбрый матрос, спасая своих товарищей, и они сохранили о нём память.

Но дело это очень просто разъяснил мне один капитан. Он рассказал об охотниках за каланьим и котиковым мехом, что издавна промышляли в этих местах морского зверя. И если судно выносило к берегам с богатой добычей, то там и ставили крест, полагая, что это лишь по божественному промыслу открыты были отважному промышленнику бесценные котиковые или каланьи лежбища...

И так, поставленному на пустынном берегу кресту с благодарностью молились, отдавали присягу, клялись служить верой и правдой и Богу, и государю, и самому себе. И этот душевный призыв, возможно совершаемый на коленях, где-нибудь у кромки бушующего Тихого океана, которому внимают только голые скалы и редкие птицы, выглядел, наверное, странным, если даже не сказать – диким, но лишь на первый взгляд... Крест, которому эти же отважные путешественники, прежде чем отправиться в неизведанные земли, присягали на подданство у себя на родине, теперь возникал перед ними свидетельством их верного пути на чужбине, где их никто не ждал. Мало того, они сами должны были утверждать собственную веру, возводя эти кресты на далёких таинственных берегах как знак причастия к великому подвигу, совершаемого во имя самого лучшего в себе – Бога, а Он только по силе крест налагает. Тяжёл крест, да надо несть, и водружать его повсюду, куда бы ни завела тебя подвижническая судьба первооткрывателя.

Как знать, может быть, именно здесь, а не в родной вологодской или ярославской церкви, эти отважные землепроходцы и моряки, под

впечатлением невыносимых тягот дальней дороги, обретали в себе желание брататься, обмениваясь нательными крестами. После мужественно вынесенных вместе тревог и бед, пройдя тысячи отчаянных морских миль, у них естественно возникала потребность совершить зарок вечной дружбы: обняться на чужом голом берегу, почувствовав себя людьми, и поставить свой крест, который они вынесли в душе. Именно такой крест правит, где бы он ни появился, и оказывает самое благотворное воздействие на тех, кто к нему пришёл.

Порой крест представляет из себя обыкновенное бревно с набитыми поперёк брусками, а иногда и вовсе столб: деревянный, каменный или даже железный, что, впрочем, случалось редко. Чаще всего в суровый каменный грунт вкапывался столб из дерева, к которому прибывали табличку с немногословной надписью. Сам не видит, а другим указывает, словом, нем и глух, но счёт времени и подвигам знает, которыми в этих местах проникнуто всё пространство. Стоит такой столб на каменистом или песчаном берегу – и, значит, есть здесь порядок, а кому-то, может быть, указано верное направление в следовании опасной морской дорожкой.

Начиная с великих географических открытий у всех мореплавателей вошло в традицию оставлять на открытых ими землях разного рода знаки, оповещающие будущих открывателей о том, что здесь уже побывали люди. Чаще всего это был, действительно, крест, в каких-то случаях – столб или каменная глыба, а вот, к примеру, наш российский мореплаватель Василий Михайлович Головнин, который в 1807, 8 и 9 годах осуществил первое в истории русского флота плавание/на судах российской постройки, в отличие от Крузенштерна, совершившего кругосветное плавание в 1803-1805 годах на судах английской постройки/ вокруг света, и в 1811-1812 годах побывал в плену у японцев, оставлял на всех островах, им посещаемых, как на обитаемых, так и на тех, где жителей не было – медные пластинки, прибывая оные к деревьям или прикрепляя к скалам. Делал он это для того, чтобы в случае кораблекрушения и гибели экипажа со временем было открыто, где они были, и где последовало с ними несчастье. Японцы долго пытали Головнина – не являются ли такие дощечки свидетельством того, что русские хотят присвоить себе во владение острова Итуруп и Кунашир, на которых эти дощечки были японцами найдены? Ответ Головнина был таков, что доски о коих японцы говорят, оставлять есть у европейцев обыкновение, всё только зависит – какова на них надпись.

Кстати, японцы, пытаясь отстоять за собой в 18 столетии Южные Курильские острова – Уруп, Итуруп, Кунашир и Шикотан, где русские появились значительно раньше – в конце 17 столетия, высаживались на них и уничтожали русские кресты и другие знаки, обозначающие принадлежность острова России, устанавливая свои, японские столбы, изготавливая их, предпочтительно, из камня. По свидетельству самих же японцев, в частности об этом упоминает Синтаро Накамура в книге «Японцы и русские. Из истории контактов», их на этих островах встречало местное население –

айны, которые собирались на берегу большой толпой и падали на колени, ибо были уже обращены ранее русскими в христианскую веру. Некоторые из них уже свободно владели к тому времени русским языком и могли быть даже переводчиками.

Опрокидывая русские указательные кресты, японцы ставили свои столбы с соответствующей короткой надписью. Например, на Итурупе надпись на столбе гласила: «Эторофу/Итуруп/ - владение великой Японии». А на Урупe, где уже давно существовали русские поселения, они поставили столб, на котором вырезали надпись из девяти иероглифов: «Остров издревле принадлежит великой Японии».

Что же касается аборигенов Курильских островов – айнов, то они до такой степени прониклись русской верой, что сами, когда кресты, установленные русскими падали, сооружали свои и молились рядом с ними утром и вечером. Японцы, узнав об этом, сваливали такие кресты, а аборигены острова плакали и звали на помощь Бога. В своём горе их могли успокоить только рис и соль, коими японцы их угощали. Но, тем не менее, айны продолжали подправлять русские знаки, искренне принимая их как свои собственные.

Вот и в наставлении «Государственной Адмиралтейств-коллегии государева флота капитан-лейтенанту Иосифу Биллингсу, начальствующему над географической и астрономической экспедицией, назначенною в северо-восточные части России», в частности, говорилось следующее: «Когда же местные жители будут доведены до того, что полюбят вас за вашу ласковость и щедрость и узнаете, что они никому из европейцев не принадлежат, то сказав им, что вы хотите ехать ещё к некоторым вашим, таким же, как они сделались, друзьям своим для свидания с ними, и для того не позволят ли они вам поставить, так же как то ваши друзья вам и в других местах позволили, на берегу на каком-нибудь из высоких мест знак, по которому бы вперёд, когда приедете назад, узнали, что там живут российские искренние друзья, и чтоб это сделать по вашему обычаю с торжественным обрядом... Когда сие будет от них позволено, то велите один из заготовленных в Охотске, заклеимённый российским императорским гербом, столб написать вырезанными словами, означающими время обретения сего острова или берега, описание людей вкратце, добровольное их присоединение к Российской державе и, что оное учинено при славном царствовании Екатерины Второй, через старание ваше.

Вам даётся власть называть обретенные вами земли и острова, как заблагорассудите, если оные ещё не имеют своего наименования. Изготовив столб, дайте знать жителям, что вы прибыли на берег для водружения знака, что с приличным торжеством, а паче с осторожностью и должны будете сделать. После раздайте жителям по несколько больше любимых ими мелочей, а старшинам повешенные на цепочках медальоны. В заключение всего уговорить жителей, дабы они, ежели хотят навсегда остаться друзьями россиянам, не позволяли никому вырыть или портить тот поставленный знак,

ни своим, ни приезжающим, и берегли бы оный в целости так, как и медали, повешенные им на шею.

Таковые мелочные обряды всегда имели у непросвещённых народов наилучшие успехи, и чрез такие ласковые способы учинённые покорения народов всегда были прочнее других...»

Подобным образом, с витиеватой, но неукоснительною правдой, упреждала себя Россия на далёких от столицы Курилах.

Доживают свой век одинокие кресты, представляющие собой остатки чьей-то былой славы и памяти... Тех моряков, что соорудили на пустынном берегу крест, уже давно нет в живых, будто их и не было, а крест сохранился. Стоит непреклонно, свидетель давнишних событий, когда-то ожививших эти дикие места, хранитель невероятного терпения людей и их отваги.

Неугомонные волны будто норовят низвергнуть крест, рассержено рокочут у его подножия, обдавая нескончаемыми потоками солёных брызг, но крест остаётся непримирим: он – символ веры, надежды и преданности моряков своему делу, их отношению к простой и суровой жизни. Для русских моряков это был ещё и крест христианский, подтверждение присутствия Бога на неприятных дальневосточных берегах для каждого, кто решился изведать свою судьбу. Здесь, на краю света, эти одинокие кресты – оплот русского духа, вознамерившегося, несмотря ни на что, отправиться за горизонт...

Если бы в моей жизни не было Японского, Охотского и Берингова моря, Курильских островов, Тихого океана, то я бы при всём своём богатом воображении не смог их даже представить. Нужно было самому решиться на подобное путешествие, чтобы однажды на неизвестном скалистом берегу увидеть крест, навсегда вошедший в душу провозвестием будущего неугасимого труда над собой.

Когда я оказался на этом окутанном туманом берегу, осторожно ступая по скользким камням и скрипучему песку, и крест неожиданно возник передо мной как божественное знамение, я сразу почувствовал, что оказался на своём месте, где особый воздух, слагающий необыкновенное пространство, и только тут можно дышать и жить по-особому. И ещё именно здесь, на краю света у одиноко стоящего каменного креста, я понял, что никогда не узнаешь о себе и жизни самого лучшего, если не отправишься в дальнюю, дальнюю дорогу!

Бог всё дал человеку, да не всё открыл, и воздвигаемые человеком кресты по таким гиблым, казалось бы, совершенно не предназначенным для житья местам, есть свидетельство человеческого роста, желание до всего дознаться и хоть как-то себя в своём обретенном знании утвердить. Это знак, подразумевающий возможность сбечь в себе душу, способную пожертвовать собой во имя благого дела и товарищей своих. Богу хвала, а первооткрывателям – честь и слава!

Иные верят в божественное откровение через сны или видения, а я - через одинокие каменные кресты, оставленные в этих диких местах простыми и мужественными людьми – первооткрывателями. Безропотно замерли поставленные ими на хмурых дальневосточных берегах кресты, но значительно их молчание, вернее, присутствие среди этих необъятных морских пространств!

Некоторые из крестов простояли век и более, и им в достатке привелось наполниться диким простором и силой. Их шероховатые спины гладили бесконечные ветра, холодные дожди пытались остудить непреклонный нрав, а мятущееся у подножия суровое море, казалось, готово было эту непреклонность низвергнуть. Волны смыкали свои взлохмаченные гривы над натруженными телами крестов, но судьбе было угодно, чтобы они, всё же, продолжали тянуться к небу, будто поднимаясь из морских глубин провозвестниками какой-то иной, более достойной и необыкновенной жизни. Как было радостно прикоснуться к ней хотя бы мельком!

Предоставленные собственной негибаемой воле, кресты невольно образовали вокруг себя свой небольшой обособленный мир, простой и ясный, где всё было понятным. Находясь в спокойном и мудром уединении, кресты не утратили своей силы по сей день, а только ещё более её упрочили. Солёные ветра и бури – неудержимые посланники природы, помогли им в этом.

Именно изоляция, в прямом смысле слова, сделала кресты необычными, ни на что непохожими, и потому подразумевающими в себе не только своеобразный колорит, но и не достающую человеку веру в осуществление задуманного. Такие одинокие кресты, как и острова, всегда невероятно волнуют, своим безмолвным существованием свидетельствуя о стойкой, неведомой для многих людей жизни. Вольный воздух, морской простор и покойное пребывание в умудрённом одиночестве вдыхают в них что-то неизмеримо важное, дороже которого, кажется, нет ничего на свете. Видимые немногими людьми, да и то лишь изредка, кресты своим присутствием на дальневосточных берегах источают завораживающее наваждение, оказывая на очутившегося рядом с ними человека незабываемое по силе воздействие. Как иноки стойко несут они в мир пример истинной веры и мужества, будто охраняя наши дальневосточные рубежи.

А вот курильский вечер на Итурупе подарил мне однажды большое красное солнце над одиноким остроконечным островком Камень-Лев, затмившее всё живое, поразившее своей неземной одичалостью, какой-то тупой и великой радостью, почти, между тем, невыразимой и неизведанной... И всё же видимой однажды, в детстве, когда так же самозабвенно и отрешённо смотрел ты на это солнце в окно, лёжа напротив, в своей маленькой кровати, и было тебе от роду два года, и летний

безучастный покой вливался в комнату таким же неизведанным, но завораживающим ясным теплом...

И я думал обо всём этом, вспоминая ощущения детства, глядел на красное тёплое солнце, и оно непонятно влияло на меня, и о чём-то рассказывало. Не покидала твёрдая уверенность, будто я был его сыном, а солнцу радостно было это признавать: оно знало про себя и про меня какую-то важную тайну, и я чувствовал, что её непременно следует разгадать.

Я умиротворённо спал в своей каюте, судно неслышно двигалось в окутанной им морской синеве, и над морем мягко опускался вечер. Что-то необъяснимое опять разбудило меня, заставило встать и выйти на палубу, и поразило... Это был тот же сон из детства, то же солнце, только более приближенное к твоей душе и теперешней взрослой жизни, такой ощутимой, по настоящему близкой и дорогой.

Солнце смотрело на меня с любопытством внимательного человека. Казалось, всё замерло вокруг, застыло, чтобы только ты мог видеть это солнце, и ещё огромную чёрно-коричневую скалу посреди моря, над остроконечной верхушкой которой задержалось загадочное светило. Оно словно зацепилось за неё и пристально вглядывалось в мою душу...

Солнце, так тогда воспринималось, будто специально пришло ко мне навстречу, или я сам плыл к нему в своих очерчивающихся теперь грёзах, - таких неожиданных и в то же время долгожданных... Ему, наверное, просто хотелось убедиться в том, что я всё-таки добрался до края света и готов отправиться дальше.

Поразительное, огромное, - солнце царило над успокоенным морем, и море безмятежно ухало у подножия одинокой скалы, по-кошачьи облизывая её отвесные уступы. А солнце медленно перекатывалось через её чернеющую остроконечную вершину, и как будто улыбалось тебе всем своим алым кругом. На душе становилось так легко, и покой за будущую дорогу охватывал всё твоё существо, и ты чувствовал себя сильным и счастливым, готовым идти по этому пути до самого конца, как бы далёк он ни был.

А очертил его лёгким изгибом косаткиного плавника тот самый залив острова Итуруп, по невероятно счастливому совпадению увиденный ещё в детстве, в кинотеатре с бабушкой. Остров Итуруп, вместе с заливом Касатка, оказался первым курильским островом, представшим перед тобой во всей своей неожиданной красе, ещё раньше, чем Шикотан. Именно с него началось твоё долгожданное открытие таких загадочных и неотступно притягивающих к себе Курил...

Ты уже не раз проходил на судах мимо их пустынных берегов, но ступать по этой древней неведомой земле тебе ещё не приходилось. Сколько удивительных рассказов успел услышать ты от моряков о самых невообразимых чудесах Курил, составляющих их суть! Только Курильские острова с некоторых пор манили твоё взбудораженное воображение, и ты не мог унять своего нетерпения, болел их ещё не разгаданными тайнами и мечтал о встрече.

И она, конечно, состоялась, и предстала зимней сказкой без снега, потому что стоял декабрь, а снег ещё не выпал. Это было так необычно, что мы даже не заметили, как миновали тринадцатимильный пролив Екатерины, разделяющий острова Кунашир и Итуруп. На рейд встали в бухте Касатка, на траверзе посёлка Буревестник. В этой главе я часто буду упоминать имя животных, послуживших названию этой бухты, - «косатка», но на всех морских картах, в том числе – и в «Люции Охотского моря», она обозначается именно как «Касатка», где начальное «о» почему-то заменено на «а».

Если глядеть на бухту с воздуха или у вас под рукой имеется карта острова Итуруп, то хорошо становится видно, что залив действительно напоминает плавник этого сильного и загадочного животного. Правда, постепенно линия его приобрела несколько иную форму, поскольку время вымыло и изменило берег, но неуловимое присутствие китов, всё же, осталось. А может быть косатки здесь просто частые гости, им нравится резвиться в изумрудных водах залива, которые не замерзают и зимой, и они, вполне возможно, вообще никогда его не покидают. Моряки же, постоянно наблюдавшие над водой грозный плавник, окрестили это место именем великолепного морского зверя.

Дух его почему-то, не переставая, витает над бухтой, чем-то неизъяснимым тревожит, но не пугает. Он словно зовёт за собой, приглашая к заманчивой игре, и в тоже время ничего не обещает. Поддавшись искусу обернуться в замечательного животного, надеешься обрести дикую свободу...

Стоя на рейде, охватываешь всю бухту медленным взором, распростёршуюся между мысом Добрыня Никитич на юго-востоке и мысом Буревестник на северо-западе, и от раскрывающегося шестимильного пространства в душу неминуемо закрадывается желание отправиться ещё дальше, вглубь острова, где из туманной дымки возникают вершины двух гор – Стокап и Буревестник. Что-то там, за ними? Но свобода заливной линии, напоминающей косаткин плавник, вновь притягивает твоё внимание, и ты невольно представляешь этих чудесных животных – истинное олицетворение силы океана.

Косатки на самом деле встречаются в этих водах довольно часто. Они вообще распространены по всем морям и океанам, за исключением Чёрного моря, а в высоких широтах проникают даже к кромке арктических льдов. Косатки – самые крупные представители семейства дельфиновых, из подотряда зубатых китов, и их трудно перепутать с какими-либо морскими животными, ибо они имеют ярко выраженный чёрный цвет, в который окрашены спина, голова и частично бока, а горло и брюхо – белые. Иногда белые пятна имеются над глазами, позади них и под спинным плавником, но встречаются, так же, и тёмные особи, не имеющие пятен. Размеры самцов достигают в длину десяти метров, весом – восьми тонн, высота же спинного плавника косовидной формы – полтора метра, и всё это при великолепной манёвренности, гибкости, проворстве и мощи, сметающей на своём пути

любое препятствие. Не зря моряки называют этих красивых и сильных животных «волки морей», а иногда – киты-убийцы.

Древние нивхи – исконные жители Сахалина, даже наделяли косаток человеческими свойствами, и когда в лодке по морю плыли, то, встречая их, бросали в море рукоятку ножа, кусочек кремня или трута, и просили: «Пожалуйста, тюленя дай!» Тогда косатка прямо около лодки живого тюленя целиком выбрасывала, и нивхи сразу же его гарпуном убивали и себе забирали. Из поколения в поколение передавалась у нивхов такая легенда.

Давным-давно древние люди думали, что косатка – животное. Они её словом «хозяин» тогда не называли. Но через какое-то время древние нивхи стали говорить, что косатка – это человек. Вот как это случилось...

Однажды один человек по берегу моря шёл. Вдруг на берегу людей полно увидел. Все в белую одежду одеты: и рубашки, и трусы, и наколенники, и обувь – всё белое. Наблюдая за ними, понял – люди ему неведомы. Потом к ним шёл подкрадываясь. Подойдя поближе, услышал, что они по-нивхски говорят, увидел, что они играют: в длину прыгают, в высоту к поднимаемому вверх ремню прыгают, через верёвку, которую вертят, борются. Все их игры подобны нивхским играм. Но откуда эти люди? Тогда с берега он к ним спускаться стал. Когда близко подошёл, один из них его увидел, к морю быстро побежал и в него вошёл. Его товарищи следом за ним побежали. Войдя в море, они нырнули. Потом недалеко от берега вынырнули, в косаток превратясь.

Тогда человек к месту их игры пошёл. Там одна сабля лежала. Он эту саблю взял.

Косатки то вглубь ныряли, то наружу выскакивали – у них у всех на спине были плавники. Лишь у одной косатки плавника не было. Она то ныряла, то из моря выпрыгивала, и неотступно следом за нивхом плыла...

Все косатки в море уплыли, но косатка без плавника не уплыла. Когда этот человек к своему селению пришёл, косатка вместе с ним к нивхскому селению приплыла. Уплывать не хочет. Целых три дня возле селения она находилась. Тогда нивхи стали говорить: «Беда! Мы нивхи в море ходим. Если мы эту саблю возьмём, принесёт ли это нам добро? Не лучше ли эту саблю снести в море? Если со своим счастьем на примирение пойти, это лишь хорошо будет». Так они говорили.

Тогда нивхи саблю на берег снесли, у самого края моря положили. Затем море кормили, а саблю в море кинули. После того косатка с брызгами из моря выпрыгнула, и потом уже с плавником на спине в море уплыла.

С того времени до сих пор нивхи косаток «хозяевами» называть стали, а их плавник – саблей. Так древние нивхи поняли, что косатки – это морские люди.

Отождествляя этого морского хищника с человеком, нивхи, конечно, очень чутко представляли окружающий мир по образу своему и подобию. Люди, только начинающие осознавать его, оказались как бы в центре Вселенной, и совершенно естественно стали наделять её всеми свойствами,

которые были присущи им самим. Люди – это было то известное, из чего они исходили в своих суждениях о неизвестном: иного пути при первых шагах осмысления природы у них не было и не могло ещё быть. И ничто так легко не объяснялось из аналогии с поведением людей, как поступки животных. Поэтому-то нивхи, живущие в условиях охотничьего быта, и наделяли косаток человеческими свойствами.

А косатки и на самом деле были как люди, даже хитрей и изворотливей. Сколь веселы, любознательны и в меру деловиты их собратья – дельфины, сивучи или тюлени, столь коварны, сильны и неумолимы по отношению к ним косатки. Впрочем, основу питания косаток составляют сначала рыбы – лососи, треска, мойва, сельдь и кальмары, а затем уже – млекопитающие. Косатки действительно любят лакомиться тюленями и дельфинами, и часто даже играют со своими жертвами, как кошки с мышью: они подбрасывают ввысь тюленей, забавляясь с ними, прежде чем убить. Мёртвенно-бледное брюхо и горло косаток при этом совершенно завораживают своей нереальной белизной, тюлени и сивучи, при виде её, на какое-то мгновение впадают в оцепенение, и этим молниеносно пользуются безжалостные хищники.

У самой поверхности моря мчатся косатки наперерез добыче, выстроившись, ряд за рядом: вот-вот ударят всем фронтом! Столько в этих животных заключено безмерного нахальства и силы, но, между тем, они – очень красивы. Невозможно не любоваться стройностью их тел, отточенными скупыми движениями, захватывающими каким-то безудержным природным стремлением лететь по волнам и настигать, вскоре, всё с такой же необъяснимой устремлённостью, продолжая рваться вперёд.

Косатки всегда в пути, они неустанно рыщут по морю в поисках добычи. Грозные плавники торчат над водой, упруго разрезают волны как косою. Котики и сивучи, завидев косаток, нередко переворачиваются на спину, поднимают вверх лапы и, дрожа, ждут, пока минует опасность. Наверное, надеются, что косатки не обратят внимание на неподвижный предмет. А может быть, и в самом деле падают в обморок или «обмирают» от страха, безвольно качаясь кверху брюхом на волнах. Но косаток так просто не проведёшь: настигнут - и в считанные секунды разорвут. На то они и косатки – волки моря, призванные вечно странствовать по необъятным морским просторам.

Умным и сильным животным не может противостоять даже кит, потому что действуют они всегда сообща. Принято думать, что нападая на крупного кита, косатки охотятся, якобы, только за вкусным языком, а выев его – оставляют огромное животное подыхать, но это далеко не всегда соответствует истине. Просто косатки порой, по необъяснимой причине, проявляют обычную кровожадность, присущую всем хищникам, причём, не только в отношении китов, но и акул.

Известен даже описанный случай нападения косаток на кашалотов, произошедший к югу от Японии. Его наблюдали участники экспедиции

ТИНРО на одном научно-поисковом судне в восьмидесятых годах прошлого столетия. Восемь косаток быстро сблизилась с группой кашалотов из семи самок и четырёх детёнышей, окружили их и без разведки бросились на медлительных гигантов, отчего вода сразу окрасилась кровью. Шести самкам и трём детёнышам удалось всё-таки вырваться из этого смертоносного кольца, а вот одной самке с детёнышем не суждено было спастись: хищники с остервенением терзали их, отрывая от тела большие куски, и было件件но, что кашалоты обречены. Интересно отметить тот факт, и об этом свидетельствовали китобой Курильской флотилии, что киты, преследуемые косатками, стараются укрыться у борта судна, которое они находят по шуму, производимому вращающимся винтом.

Косатки также действуют совместно, выбивая лёд из-под тюленей и пингвинов. Одна за другой они бьются спиной об лёд, пока жертва не падает в море. Как ни странно, косатки не наделены обонянием. Таким большим и сильным животным оно, должно быть, ни к чему. Кстати, сходным образом косатки атаковали ездовых собак антарктической экспедиции Скотта, и даже едва не сбросили в воду с льдин фотографа экспедиции, упорно его преследуя.

Эскимосы и чукчи в своих утлых каяках и байдарках очень остерегаются косаток, которые при своей силе, быстроте и страшных зубах могут в одно мгновение погубить их вместе с лодочкой. Даже для большого вельбота косатка опасна, и эта опасность тем значительнее, что косатки нападают часто парами или стаями. Так, на стальной вельбот одной океанографической экспедиции напала пара косаток, пытавшихся сначала раздавить, а затем - перевернуть его, общими усилиями приподнимая вельбот из воды на своих боках!

Но как бы ни были грозны косатки, это не мешает и эскимосам и чукчам отважно бороться рядом с ними за своё пропитание, и даже использовать животных в своём нелёгком труде. На Чукотке охотники на морского зверя иногда пользуются своеобразными звуковыми эффектами: если раненый зверь затаился под поверхностью моря, его заставляют вынырнуть, ударяя по воде пластиной китового уса. Так эскимосы имитируют удары хвоста косаток – злейших врагов всех ластоногих.

Работая на Курилах, нам нередко приходилось видеть, как неподалёку от судна, нахально, кружат косатки... Их торпедовидные, стройные, с вытянутой вперёд головой тела, отливая притягательной глубинной чернотой, обычно воздействовали на человека как гипноз. В каждом движении животных чувствовалась завораживающая мощь, и можно было часами стоять у борта и смотреть на пугающе очаровательные силуэты зверей, в тайне остро желая дотронуться рукой до их глянцевито-поблескивающих упругих спин.

Неохватно покатые, красивые тела косаток не спеша вздымались над водой и, перевернувшись на бок, всей своей сбитой тяжестью бесшумно продавливали её холодящую маслянистость. Получалось это у них изящно,

легко, и вода спокойно смыкалась за гибкими хвостами, как будто никто и не нарушал её первозданной девственности и тишины. Потом косатки, все одновременно, стремительно выбрасывались высоко в воздух, и ты оторопело застывал, когда могучее, всё в искрящихся блёстках животное вдруг выпрыгивало из воды у самого борта - и через мгновение всей своей восьмитонной тушей шлёпалось обратно. Вызванное таким зрелищем потрясение долгое время не покидало, будоража воображение. Перед самым уходом на север, где нас ожидала очень ответственная и сложная работа, нам всё же посчастливилось увидеть этих великолепных животных и в заливе, названном в их честь.

Косатки помахали нам напоследок своими плавниками, вернее, еле качнули ими, как будто действительно попрощались. Косаток была пара. Они плавно кружили в маслянистой густоте волн, в каких-нибудь двадцати метрах от судна, ни на секунду не отдаляясь друг от друга, а день стоял пасмурный, но какой-то по-особенному хороший, успокоенный и тёплый. И все, кто смотрели на косаток, были тоже по-хорошему невозмутимы, настраиваясь на нелёгкую экспедицию. Наверное, потому, что чувствовали исподволь, благодаря сильным и свободным животным, что и они сами свободны и сильны, и все жизненные сомнения у людей постепенно исчезали, и они, наконец, переставали чего-либо опасаться, лишь радуясь предстоящей дальней дороге.

Косатки внезапно возникали из-под воды в самом неожиданном месте, и мы восторгались их красотой, и забывали про свои экспедиционные трудности и усталость, и опять были готовы, несмотря ни на что, идти вперёд. Дорога уже не казалась нам столь изматывающей, шторма – такими изнурительными, подводная работа – бессмысленной, а жизнь – пустой и никчёмной. В тебе самом пробуждалось желание стать на время китом, упруго разрезать морскую поверхность иссиня-чёрной косой и знать, как ты силен и великолепен, и нет тебе равных в этом огромном океане удивительной жизни. Взмах плавника косатки не был угрозой, а скорее – провозвестием счастливого грядущего для всех увидевших его людей, которое благодаря этому замечательному животному представлялось необозримо прекрасным, полным радостных открытий.

Как ни странно, это счастливое грядущее заключалось, оказывается, и в том самом обыкновенном физическом труде, под водой, который был, тем не менее, необыкновенен. Ему тебя никто не учил, ты сам выбрал его и затвердил в себе без каких-либо обязательств и ненужных душевных надломов: этот труд просто жил в тебе преодолением всего, казалось бы, непреодолимого, как цветок, не перестающий расти и цвести, пробивая себе дорогу сквозь упрямый скалистый грунт...

Труд под водой дарил и пробуждал в душе какое-то своё, особенное, не похожее ни на какое другое счастье. Им можно было делиться со своими товарищами, которые стояли рядом незаметно и надёжно, и именно поэтому, наверное, ты не чувствовал изнуряющей усталости, а только радость, и

боготворил этих людей, - надёжных, всегда и во всём помогающих, отдающих себя, но бессильных порой обустроить собственную судьбу.

Таким был Саша Бедненко, старшина нашей водолазной станции... Весёлый, кажущийся всем открытым, он держал про себя много людского непонимания, переживая его в своей душе, и всегда улыбался в усы, даже когда злился. Но сердиться по-настоящему не умел, тотчас отходил, и был, собственно, выше этого.

В нём жила натура горячая, большинством людей не замечаемая и очень справедливая. Пройти мимо чьего-либо малейшего неустройства он был не в силах, помогал всегда как отрешённый, и залиvisto смеялся потом, не ожидая никакого вознаграждения. Его могли дать ему только люди, закованные вместе с ним в непосильной подводной работе, которая, по мере выполнения, становилась лекарством ото всех бед. А ещё - океан, шум курильского бамбука на ветру и отрешённые вскрикивания чаек...

Сашка... Тебя я помню лучше всех, и больше чем кого-либо люблю. За твоё мужество и волю, настоящее радушие и доброту, которую ты безоглядно дарил всем. Твоё большое сердце всегда желало осуществления достойной мечты...

Правда, напряжённая экспедиционная жизнь, извечные мытарства дальней дороги с её неустроенностью, штормами, холодом и полной самоотдачей привели тебя, в конечном итоге, к полному бездействию – параличу... Такая беда случилась с нашим другом, но всё это было потом, а пока нас объединила и сплотила бухта Касатка, на незабываемом острове Итуруп.

Работая в этой самой бухте, в ноябрьские и декабрьские шторма, мы, кажется, мечту свою тогда, всё-таки, осуществили. Трудились, как черти, без оглядки веря в собственные силы и плечо друга, в эту, казалось бы, ускользающую каждый день, но прекрасную жизнь. И знать не знали, что правда её способна обернуться ещё и кривою, что жизнь порой может быть необъяснима в своей несправедливости и постоянных потерях. Сашка, как не хватает мне сейчас тебя, Курильских островов, всех этих скал и бухт, великого океанского простора!

Косатки, океан и ветер были мне тогда друзьями, и я так радовался жизни, не ведая про какой-либо страх. Он затерялся где-то в глубине сердца, изрядно притупился от постоянно переживаемых приключений, а мне выпадала лишь жалость по утраченному другу, которому уже больше не взлететь, не погрузиться в глубину, - для всего этого следовало бы заново родиться.

Его тело навсегда сковало бездействие, тогда как душа оставалась живою, и, как мне тогда казалось, всё не переставала ждать чего-то, тем не менее, угасая. Когда я приходил к нему в больницу, он, молча, заглядывал в меня своими печальными глазами, и я ненавидел эту его злую хворобу... Но, несмотря на свою бессильную тоску, он не собирался жаловаться или каяться

в грехах, и всё, похоже, был готов отдать, как и раньше, во имя счастья другого. Сашка...

Только сейчас я понимаю, каким невообразимо тяжёлым был тогда этот труд в холодной глубине залива Касатка... Погружались мы с берега, и это поздней осенью, особенно в местах, открытых всем океанским ветрам и течениям. Море студёное, колючее, прибойная волна яростно разбивается о прибрежные камни, гладко отполированные и скользкие от водорослей, а обдаваемые нескончаемыми шквалами отвесные утёсы усеяны острыми баянусами.

Входить в воду и выходить из неё приходилось во время откатывающейся волны. Если зазеваешься, того и гляди подхватит гребень водяного вала и потащит к скалам. Преодолеть все эти препоны и успеть погрузиться в клокочущую стихию – было очень не просто.

Сложность ещё состояла в том, что, несмотря на постоянные выматывающие шторма, плохую видимость и холод, приходилось осуществлять изнурительную работу по освобождению подводной части трубы мареографа от огромных валунов, которыми она была завалена. Мне это постоянно напоминало сизифов труд, когда валуны день ото дня становились всё тяжелее, и при этом не кончались. Чем ближе к берегу, тем их становилось больше, потому что труба выходила в море глубоко под землёй.

Мы работали тогда только по ночам, в пору наибольшего отлива, а чтобы легче было раскатывать валуны, военные из посёлка Буревестник подгоняли нам на берег вездеходы и фарами освещали чёрную водную поверхность. Всё вокруг бушевало, кипело, рвалось, мы не слышали ничего, всё как будто потонуло в этом ревушем кошмаре, и только какой-то внутренний неугасаемый огонёк поддерживал твои силы, и мышцы, подчиняясь ему, мужественно напрягались, руки тянули, катили, и жилы почему-то не рвались. В этом нет сейчас никакого преувеличения, а есть лишь отражение обыкновенной и простой сути нашего морского труда, который почему-то, опять же, не хотелось бросать. В глубине души ты был убеждён, что всё делаешь правильно, находишься там, где должен находиться, и тебя окружают неслучайные люди, подобные по духу тебе.

И ещё, несмотря на безумствующую стихию, меня все два месяца, пока мы находились в посёлке Буревестник, не покидало ощущение, что океан по-настоящему не злится, а испытывает нас на крепость. И при этом, как ни странно, любит нас, в своём отрешённом наступлении скорее воспитывая и обучая, нежели желая повергнуть. Удивительно было переживать здесь, на краю света, его мудрую науку, суть которой до нас доходила лишь позже. Тогда же мы старались всеми способами выстоять, и сами, незаметно, наполнялись, как и океан, негибаемой силой.

Как мы вообще умудрялись всё это делать, постоянно сшибаемые с ног накатными волнами, не чувствуя рук и тела от пронзающего насквозь холода, обезумевшие от воя не стихающего сутками ветра? Когда же нужно было

размывать подводный грунт помпой, мы с Сашкой надевали тяжёлые свинцовые пояса и галоши, обвязывались прочно верёвкой и, ухватившись одной рукой за пипку, а другой – обнявшись, болтались так слившимся комком терпения и воли, и чувствовали только ответственность и заботу друг перед другом. Ничто не могло нас разъединить, мы знали это и были горды своим трудом и братством. Не выполнить работу - мы просто не имели права, а все муки нелёгкого труда под водой покрывала наша спаянная дружба и молодость. Море же наблюдало за нами и величаво хранило молчание.

Перед всем этим я готов сейчас встать на колени. Ради моего дорогого Сашки, штормов, дикой напряги, счастья нахождения рядом с друг другом, нехитрой обстановки нашего тогдашнего жилища, тьмы моря, неумолчного гомона чаек и перевозданной тишины диких островов... Обо всём этом хочется написать, не упуская ни единой детали, чтобы море захватило тебя с собой так же, как когда-то, унесло в свою безмерную нескончаемость и не отпустило, а ты бы почувствовал себя при этом могущественным, как и оно, и счастливым.

Но и на берегу было немало интересного, что могло поразить своей необыкновенной красотой. Окутанные голубоватой дымкой скалы острова Итуруп с охотской стороны, лихо завихряющиеся, сталкивающиеся и расходящиеся у их основания течения вольного пролива Фриза, отделяющего остров Итуруп от острова Уруп, незабываемая стоянка в бухте Консервная, в двух кабельтовых от отвесной скалы, с которой ниспадали хрустальные потоки воды. Водопад, словно, вываливался с почти отвесного западного берега бухты, высотой в сорок метров, и мощным занавесом величественно низвергался вниз. С судна казалось, что всё это происходит в замедленном действии, как в театре, когда огни медленно гаснут, и музыканты осторожно вступают со своей завораживающей мелодией...

Приятно и немного жутковато было стоять под самой стеной, почему-то представляющейся живой. Взгляд бесконечно скользил по зелёному склону, ничего не выделяя, и всё же невозможно было отвести его. Склон притягивал к себе своей сказочностью, и я с трепетом осознал, что сбывается задуманное – побывать вот в таких местах, которые, кажется, находятся где-то бесконечно далеко, и если достигаемы, то только в собственном воображении.

Помнится, в бухте Консервная находился ещё песчано-галечный пляж протяжённостью около двухсот метров, на который было выброшено судно. Когда много путешествуешь по дальнему Востоку, бываешь на сахалинских и курильских берегах, то нередко встречаешь эти мрачные памятники служения морю – остовы погибших кораблей. Когда-то они потерпели в море крушение, были принесены прибоем или приливными водами к берегу, и выброшены на него. Штормовые волны и ветер изрядно обглодали их, и постепенно суда стали выглядеть жалко или даже зловеще.

Едешь на машине по отливной полосе или идёшь вдоль берега на судне – и вдруг из тумана возникает огромный ржавый остов, он поднимается

перед тобой как привидение, вышедшее из моря, и поначалу ты только зачарованно взираешь на эту безрадостную картину, не находя ни слов, ни мыслей от увиденного. Просто скользишь взглядом по жалким останкам корабля, который когда-то рассекал своим форштевнем морские волны, и у тебя никак не укладывается в голове, что сейчас это огромное судно брошено и никому не нужно. Мрачное впечатление...

Не менее удручающие чувства вызывают и повсеместно встречающиеся на Курилах корявые хвойные деревья, так что не сразу отличишь – какая это порода? Как будто обглоданные кем-то, с кривыми ветвями, они почти всегда вытянуты в какую-нибудь одну сторону, как правило – к морю. Это – лиственницы, иногда – пихты, так как ни на одном из Курильских островов нет ни единой сосны.

Высокоствольные пихты и лиственницы, произрастающие в наших уральских лесах, вспоминаются только как островерхие стройные красавицы, достигающие семидесяти-восемидесяти метров. Деревья, достойные уважения, а не эти кургузые уродцы, напоминающие какой-то обглоданный жалкий стяг, что вот-вот будет сорван и унесён в необозримые океанские дали. Местные хвойные представители легко перепутать между собой, они невыразительны и не вызывают ничего кроме жалости. Кто же их так изуродовал?

Но приглядевшись, всё же, отметишь в них отчаянную несгибаемость, как бы их не угнетал и не причёсывал под единый гребень океанский ветер, срезая целые верхушки. Деревья же мужественно распластывают в стороны боковые ветви, на всех из них – следы его неугомонных безудержных порывов. И всё-таки, как бы ни был неукротим ветер, и пихты, и лиственницы, и редкие берёзки, прозванные здесь каменными, изо всех сил стараются удержаться, вжаться в каменистую почву.

Иногда каменная берёза начинает расти от самого берега, на каменистых террасах, и чаще встречается на Южных Курильских островах, а к северу – исчезает. Нередко, по всему океанскому берегу, нам приходилось находить совершенно окаменевшую каменную берёзу: вернее - её куски, на вид представляющие из себя камень, но в которых на изломе хорошо прослеживается структура дерева. Море обкатало обломленные ветви и стволы, может быть даже захваченные когда-то расплавленной вулканической массой, но не сожжённые до конца, и благодаря этой самой лаве, вероятнее всего, и сохранившиеся.

Или, предположим, взять мелкосеменную ель Глена... Высокая на материке, на Сахалине и Курилах она выглядит совсем иначе. Ствол у неё имеет форму конуса, значительно утолщаясь к основанию, а сучья начинают расти на небольшой высоте от земли. Таким путём нижняя часть дерева утяжеляется, и поэтому, несмотря на неглубокую, горизонтально идущую корневую систему, ель становится устойчивой под напором сильных ветров. Так дерево приспосабливается к особым условиям, характерным для сурового тихоокеанского климата.

Дело ещё в том, что своеобразие почв Курильской гряды сложилось в условиях часто повторяющихся извержений вулканов. Это не раз приводило к гибели растительности, и тогда развивались новые растительные сообщества. Очень нарушало процесс почвообразования неоднократно повторяющееся засыпание поверхности земли вулканическим пеплом. Почва покрывалась свежими выбросами, перегнойный горизонт погребался, и процесс почвообразования начинался вновь. Это явление послужило причиной того, что на островах под лесной растительностью нет настоящих подзолистых почв, хотя характер климата – обилие осадков и относительное тепло, создаёт необходимые условия для формирования именно таких почв – подзолов.

На некоторых островах встречаются почвы, в разрезе которых можно насчитать до трёх погребённых перегнойных горизонтов, а число различных прослоев достигает двух-трёх десятков. Эти прослой не являются почвенными горизонтами, то есть – не несут в себе характерные свойства здоровой почвы, что, естественно, и влияет на худосочность древесных стволов, их болезненную изогнутость, низкорослость. Глядя на все эти измождённые непрестанной борьбой деревья, сначала хочется выдрать их с корнем, прекратив нескончаемые отчаянные усилия выжить любой ценой, но потом вдруг застыдишься своих мыслей, поняв, что и сам ты здесь, на этих диких островах, подобен нестигаемому дереву, у которого надлежит учиться.

А ещё на Итурупe, в верховьях реки Высокотравной, текущей среди отлогих холмов, поросших тисом, курильским бамбуком и лиственницей, я впервые увидел ход кеты на нерест. Правда, был уже декабрь месяц, и кета в основном отошла. Встречались лишь отдельные экземпляры, обессиленные в борьбе с течением, измочаленные, с лохматыми ссадинами на боках, в свалывшихся стружьях, распластавшиеся среди гальки на мелких местах. Уткнув головы в воду и чуть шевеля хвостами, рыбины всё же продвигались к верховью, и эта природная страсть поражала более всего.

Именно таких, почти метровых рыбин мне и довелось застать под вечер тёплого декабрьского дня. Они были уже без икры и плавников, но, всё же, ползли на брюхе, разъединённые меж собой, но не отчаявшиеся. Им, видно, очень нужно было добраться до места своего рождения и, в предсмертной судороге совершая этот неистребимый ход, забыться и лечь, там, на дно, чтобы, растворившись в каждом его камешке, вновь возродиться когда-нибудь маленьким отражением своей былой красоты и силы.

Кто хоть раз видел это неподражаемое по страсти рыбе устремление, во что бы то ни стало, достичь своего родимого источника, тот будет вспоминать его беспрестанно, в течение всей жизни, как пример истинного подвижничества, произвольно неся в себе скрытую, но обозначенную именно ходом рыбы неутомимость. Незримо находясь теперь в твоём сердце, рыбы не раз помогут преодолеть тебе собственную лень и усталость.

Мчась с неудержимой силой против течения, вперёд, до самых верхних истоков, кета, помимо восхищения, вызывает ещё какие-то смешанные,

необъяснимые чувства, поскольку неминуемо гибнет, в отличие от любой другой представительницы рыбьего царства, которая, отметав икру, возвращается к прежней размеренной жизни. Но кете почему-то суждено пропасть, угаснуть полностью в этой изматывающей борьбе со своей природой. Река переполнена рыбьими телами, поверхность её кипит и вода принимает рыбий вкус, а кета безостановочно всё устремляется в устье, создавая невообразимую тесноту, даже давку. Если вы вздумаете проехать по такой реке на лодке, то у вас вряд ли это получится: вёсла просто завязнут, постоянно переворачивая рыбу и подкидывая её в воздух.

Сама же рыба стоически терпит быстрое течение, голод, трение и ушибы. Удары о коряги и камни истощают её, силы покидают красивую рыбу, и вскоре мясо её превращается в дряблые безвкусные волокна, зубы оскаливаются, а сама она становится страшной, похожей, скорее, на зубатку. Мало-помалу она совершенно ослабевает и, уже не в силах сопротивляться течению, безвольно выплывает на берег, уткнувшись мордой в камни. Так кета оказывается лёгкой добычей животных и человека, берега в верхнем течении бывают усеяны мёртвой рыбой, издающей сладкое зловоние, и все эти страдания переживает обыкновенная рыба, совсем недавно передвигающаяся по океану сильной, изящной, красивой. Только ли это неодолимые любовные порывы, неминуемо ведущие к издыханию?! Старожилы называют их «кочеванием к смерти»...

Та же страсть, только к открытиям, должно быть, повлекла вверх по реке и нас. К неиссякаемой живительности драгоценного источника, которого, оказывается, не гнушался когда-то сам микадо, верховный правитель Японии. По рассказам местных стариков, приближённые относили его туда на своих плечах, в паланкине, а микадо при этом, наверное, сохранял величавое спокойствие...

Был ли он болен и стар, а может молод и осторожен, но, тем не менее, пожелал совершить целительное омовение и, конечно, тоже наблюдал эти заросшие бамбуком берега, называемые в посёлке «медвежьим углом», смотрел сверху, как струится под ногами его слуг прозрачная вода и изредка всплескивается в ней неудержимый лосось... О чём думал он при этом и чего желал, на что надеялся в своём недолговечном правлении и как относился к диким берегам этой загадочной для себя земли? Его невидимое присутствие витало в размытом воздухе реки, и пасмурный курильский день становился от того красочнее и богаче.

Нужно было только присмотреться ко всему окружающему, и руки мои непроизвольно потянулись к камере, объектив которой выхватил из курильского пейзажа, кажущегося всегда почему-то затаившимся, маленький кусочек реки: с одной стороны – голые склоны пологих сопок и камни, а с другой – заросли бамбука и берёзки. Это был небольшой пережат, рыба на нерест уже шла редко, лишь последние экземпляры отчаянно пробивали себе дорогу к неминуемой гибели, и весь этот отмеченный моим вниманием участок реки с пасмурным, но светлым небом, необыкновенно приковывал к

себе. И я запечатлел его нажатием кнопки, пожелав навсегда оставить с собой, и он сейчас стоит передо мной в застеклённой квадратной рамке, и мне кажется, что я никогда не покидал это место, сохраняя его в своей душе.

Что-то покойное стояло в воздухе над водой, растениями и камнями, и воздух был недвижим, и надо всей этой совершенной дичью висела какая-то необъяснимая теплота, я бы даже сказал – чья-то нежность, что ненавязчиво касалась лица, рук, тихо ложилась на плечи, и было удивительно хорошо всё это ощущать, идти в поднятых болотных сапогах вдоль берега, по самому руслу, неспешно передвигая ноги... С таким зачаровывающим внимание журчанием текла хрустально-чистая вода, будто даже не отсюда, и разноцветные камни лежали на дне будто бы только для того, чтобы околдовать. И, тем не менее, всё происходящее вокруг выглядело просто, доступно, хотя и таинственно.

Солнце то выглядывало, то пряталось, и было радостно переживать это необыкновенно затянувшееся предзимье: ведь стоял декабрь, а снега не было и в помине. Мы шли тихонько вверх по течению, камешки чуть слышно крокотали под сапогами, и было так хорошо на душе, что никуда больше не хотелось стремиться. Сама река, распадок, по которому она текла, склоны холмов, всё это удивительное пространство - подсказывали: ты на правильном пути, но сейчас, пока, отдохни, ни о чём не думай, сам стань этой струящейся хрустальной водой...

Источник чудесных вод, где действительно можно было набраться сил, находился в четырёх километрах от устья, на вершине небольшой чёрной скалы. Мы тогда не знали, что всего этого раздолья природной мощи следовало опасаться, ибо в источниках, бьющих из земли, находилась большая концентрация родона – газа, возникающего из распада радия. Испускаемое радием излучение применяется в медицине для лечения рака, волчанки и других болезней. Но ведь следовало знать дозу, быть осторожным, а мы просто верили своему чутью непременно окунуться в неведомые лечебные источники после тяжёлой работы, которая нас обессилила, и даже в какой-то мере обезобразила, и наша вера и молодость растекались над рекой Высокотравной с такой же жизнеутверждающей благодатью, с какой над ней растеклась божественная благодать...

Кто-то когда-то пришёл в верховья этой дикой реки, взорвал скалу и устроил в ней уютную каменную ванну, которую местные жители стали использовать для лечения кожных заболеваний, суставов и просто в качестве омолаживающей процедуры. Но прежде, чем погрузиться в ванну, требовалось выгрести со дна ил, что значительно повышало температуру воды и улучшало её целебные свойства. Человек приходил сюда с лопатой и палаткой, размещался в ней на несколько дней, утром и вечером совершая небольшое омовение, а потом в течение двух-трёх лет не имел никаких проблем со здоровьем, что на продуваемом всеми ветрами и тайфунами острове было делом необыкновенным.

Стояли уже крепкие холода, и мы не рискнули искупаться целиком, но, всё же, испробовали на себе целительные свойства источника. У самого подножия скалы бил ещё один тёплый родник, и, умывшись в нём, мы к вечеру не узнали друг друга: кожа лица у всех стала нежная и белая. За два месяца работы в море, на снегу и ветру, под дождём, днём и ночью, словом, в любую погоду, лица наши загубели до неузнаваемости, покрывшись ссадинами и коростами, а тут такая перемена... И мы позавидовали жителям острова, ради которых природа распорядилась так справедливо, щедро наделив столь изменчивые и суровые в климатическом отношении условия существования этой живой водой.

Неожиданности поджидали даже в самом посёлке, где мы жили в барачного типа гостинице. Полдюжины номеров её вряд ли хоть раз заселялись полностью, и это одиночество мы ощутили первой же ночью, когда наши припасы стали предметом пристального внимания многочисленных крыс. С наступлением темноты крысы теряли всякую осторожность, устраивая под кроватями суший бедлам.

Ведь крыс на Курилах, особенно на Южной гряде, тьма! Среди старожилов бытует мнение, что грызунов в таком количестве развели японцы. Будто бы они для интендантских складов, своим солдатам, завезли в своё время сотни тысяч тонн риса, отчего крысы и размножились. Или же животные были завезены когда-то заходящими сюда разными судами, и крысы, почувствовав для себя полное раздолье, обосновались на островах как дома, и теперь от них нет никакого житья.

Заснуть в таких условиях оказывается делом совершенно невозможным, если ты только не обладаешь завидным хладнокровием и не валишься с ног от усталости. Нас спасало именно последнее, и, выполняя тяжёлую подводную работу в заливе Касатка, мы приходили в маленькую гостиницу абсолютно вымотанными. Свои продукты мы хранили в номере гостиницы, в плотных бумажных кулях, подвешивая их высоко на стены, но это не спасало нас от нашествия крыс. Крысы, эти удивительно хитрые твари, чувствовали – где находится наш провиант, и умудрялись бегать даже по стенам.

Их неуловимые тела металась по всей комнате и с противным грохотом брякались откуда-то сверху об пол. Не смолкающая крысиная возня, их топот, писк и взвизгивание, а главное – это неприятное ожидание, что крыса вот-вот пробежит по тебе, может быть, даже по лицу/!/, и ещё не дай Бог вцепится, совершенно лишало всякого покоя и держало в напряжении. И так оно и было: закрывшись с головой одеялом, ты вынужден был терпеть, когда животные перебегали через тебя, утробно пищали, даже замирали, роясь носами и лапками в одеяле, и эта наглость крыс не знала границ. Крысы как будто злились на свою незавидную судьбу, и не было никакой возможности совладать с этими тварями, так что мы страшно не высыпались, а крысы унимались только с рассветом.

Впрочем, и днём крысы так же никого и ничего не боялись. Они сновали прямо под ногами по улицам посёлка, безбоязненно перебегая из дома в дом, и, что было уж совсем необъяснимым – просто кишели на берегу моря... Чем привлекала их его пустынность с осклизлою солёною галькой – понять было невозможно, но эти снующие повсюду существа составляли часть окружающей нас курильской экзотики. Где-нибудь в обыкновенной среднерусской деревушке подобное зрелище, наверное, не вызвало бы столько недоумения, как здесь, и в то же время это массовое появление животных просто повергало восприятие!

Никакой потравы против грызунов, конечно, не было, но даже если бы она и присутствовала – это вряд ли бы что-то изменило. Крыс было – полчище, несметное неприятельское войско, и на месте одной погибшей появилось бы, наверняка, в несколько раз большее количество особей. Однажды я сам видел, как несколько крыс, перебежав передо мной дорогу, зашмыгнули в открытую дверь магазинчика, и никто из присутствующих посетителей не обратил на это никакого внимания. Зверьки, по-видимому, действительно стали неотъемлемой частью островной жизни, и их воспринимали как неминуемое зло. Крысы же от этого только ещё более наглели, уже давно не прятались от человека, только с неохотой отскакивая в сторону, когда кто-либо проходил мимо или желал заехать по ним камнем, а то и сапогом. При этом крысы вызывающе поглядывали, как-то именно покрысиному смотрели на «недоброжелателя», и по спине пробегал неприятный холодок.

Но что с ними было поделать? Конечно, такое соседство приносило мало удовольствия, и мы продолжали выполнять свою морскую работу, стараясь не замечать отвратительных зверьков, а вскоре и вовсе привыкли к ним. В этом нам очень помогло одно обстоятельство: в старой деревянной гостинице, насчитывающей всего каких-нибудь пять-шесть номеров, неизвестно откуда объявился ободранный, без хвоста и ушей, кот, который оказался совершенно бесстрашным.

- Это что за невидаль? Наши лепёшки – поели кошки! – озадачился наш начальник экспедиции Валера Шустин. – Вроде – кот, а без хвоста?!

- Бобтейл! – с гордостью объявляет администратор, - наших, курильских кровей котище!

И действительно, такого чуда мы ещё не наблюдали, но особенность бобтейла, как раз, в неполной длине хвоста, либо в полном его отсутствии, что и создаёт ему неповторимый облик. Но, то не порок, что хвост короток: он голове не указ. Изначально эта порода кошек жила на Курильских островах Итуруп и Кунашир, и может быть именно поэтому, если посмотреть на бобтейла не сзади, а спереди или сбоку, сразу становится заметно сходство с рысью, настолько его поджарая фигура напоминает эту дикую кошку.

На самом деле прародителями этих кошек являются японские короткохвостые бобтейлы и наши сибиряки, перевезённые на Курилы русскими переселенцами, а бобтейлы попали на острова вместе с японцами в составе исследовательских или военных экспедиций. В Японии принято считать, что бобтейлы имеют священное происхождение: их предками будто бы были белые храмовые кошки, которые охраняли святыни последователей Будды, они были символом процветания императорской семьи. Зачастую бобтейлов использовали и в качестве сторожей императорских ферм, где разводили пушных зверей. Но повинаясь природным инстинктам, многие бобтейлы сбежали в дикую природу, а суровый климат Курил наградил их роскошной густой шерстью и повадками дикого зверя, и однажды увидев такого зверюгу, ты поначалу даже засомневаешься – кошка ли это?

Но, несмотря на то, что кошки эти дикие, и происхождение их уходит корнями в глубокую древность, они более привязываются не к дому, а к человеку. Обладая от природы развитым охотничьим инстинктом, они отличаются дружелюбным нравом и преданы своему владельцу. А ещё – это очень энергичные кошки, и они безумно любят активные игры.

Наш куцехвостый кот был активен сверх всякой меры. Мы не знали – как поймать этого кота в гостинице, где по ночам крысы устраивали сущий кавардак. Номеров в гостинице было шесть, и обитатели каждого из них пытались заманить кота всякими окольными путями. Это был по-настоящему бесстрашный кот, он без тени сомнений вступал с обезумевшими грызунами в схватку, и они его остерегались. Если кот оставался на ночь в какой-нибудь комнате, покой ей был обеспечен.

Именно благодаря куцему хвосту мы и прозвали кота Куцым, а приваживали его докторской колбасой, от которой отрезали по кусочку перед его носом, таким образом, проводя потихонечку по всему коридору гостиницы до самого номера. Подобные козни в отношении отважного кота, пытаясь переманить его на свою сторону, совершали и другие обитатели гостиницы, им очень хотелось подружиться с Куцым. Но мы строго следили за тем, чтобы колбаса у нас не переводилась, задабривая ею кота, а дверь в комнату была всегда заперта. Наш «куцый капитан» платил нам старицею, изводя оголтелых крыс напрочь.

Обычно смирный днём, по ночам кот совершенно преображался, становился диким, и бесстрашно носился по столам и койкам, иногда даже запрыгивая на стены, во всём следуя за крысами. Порой, на миг остановившись, он замирал на месте, слегка присев и нервно подрагивая своим коротким помпончиком, а затем вновь бросался в драку. Глаза его горели, из нутра вырывалось сдавленное шипение, и вскоре он начинал истошно выть, отчего мы старались плотнее завернуться в одеяла, только бы ничего не видеть и не слышать.

Кот рвал когтями всё, что подворачивалось ему на пути, и совершал по комнате такие отчаянные прыжки, что мы только диву давались. Он, явно, чувствовал себя в своей тарелке, кажется, ему эта возня с крысами даже

нравилась, и кот, наверное, был очень доволен собой. Для него это была, скорее всего, увлекательная охота, мы же только молили Бога о скором приближении утра. Как коту удавалось справляться с этой крысиной сворой – для нас оставалось загадкой.

Но, тем не менее, кот здорово выручал нас, поскольку работа в море выматывала необыкновенно. Мы боготворили нашего спасителя, надеясь, что кот нас не покинет. Такой отчаянной храбрости мы от него никак не ожидали, потому как крысы не уступали коту в размерах, по количеству же – целая армия, их невозможно было перечесть, а ему – хоть бы хны!

Кот этот вызывал в нас искреннее уважение, поскольку сами мы очень опасались этих жутких животных. Особенно, когда они бегали по ночам и утробно пищали, отчего хотелось самому завопить от охватывающего холодного ужаса. Ужас этот таился у нас в самой глубине души, должно быть ещё с тех незапамятных времён, когда человек остерегался всего непонятного, воинственного и страшного, что окружало его.

Да и сами по себе крысы не вызывали ничего, кроме отвращения, ибо приносили одни пакости. Ну, если только, по известной пословице, они не одолевали скопидомку, с коей не было ни какого сладу. Крыситься крысиная порода готова вечно, и гневаться на неё бесполезно: её, по тем же народным приметам, только девятая смерть одолевает. Поклониться мы должны были нашему коту в ножки!

«Куцого» невозможно было спутать ни с какой другой кошкой – в нём присутствовала какая-то природная независимость и свобода, ему даже не приходилось её демонстрировать, она была его сутью. Природа поведения бобтейла источала полнейшую неприхотливость, но стоило рядом показаться какому-нибудь грызуну или птице, и кота невозможно было узнать. По рассказам той же администраторши гостиницы, местные жители нередко встречали бобтейла в лесах острова, и этому отчаянному коту ничего не стоило поймать и вытащить на берег крупного лосося весом в несколько килограммов...

Не всё коту масленица, будет и великий пост: это - не про бобтейла сказано. Ему, как раз, природою его предопределено всё время находиться в полном одиночестве, потому как лучше охотника не сыскать. Охота – главная страсть бобтейла, когда в нём просыпается природный дух, и тогда хот сотню крыс представь перед его носом, он от забавы такой не отмахнётся: целиком отдастся на волю своего охотничьего нутра. Охота – природа бобтейла!

А крысы, между тем, в огромном количестве обитали в посёлке... Присутствию крыс не находилось никакого объяснения, пока мы не выяснили – отчего оно на самом деле происходит: виной тому были островные травы. Когда в сопках поднимались высокие душистые растения и бамбук, их венчики, качаясь, рассыпали повсюду жёлтую цветочную пыль, а ветер разносил её по всему острову, крысы покидали леса и приходили в дома людей, потому как цветочная пыльца была для них ядовита.

Местные жители постепенно привыкли к своему проклятию, относясь к нему совершенно спокойно, и даже – с юмором. Впрочем, так же, как они относились ко всем случающимся на острове недоразумениям. Но, тем не менее, от крысиной напасти не было никакого спасения...

Злобные и агрессивные, эти хищники не уживаются ни с кем. Живя огромными семьями, и даже – кланами, они соблюдают в своих рядах строгую иерархию, где самки предпочитают лидирующих самцов, и это способствует закреплению и передаче из поколения в поколение признаков, важных для выживания вида. А поскольку крысы ведут, преимущественно, сумеречный образ жизни, покидая свои убежища вечером и возвращаясь у них утром, то пик их нашествия приходится на полночь.

Учитывая, что время отливов, то есть – наименьшая вода, когда удобнее всего было разбирать валуны, укрепляющие под водой трубу мареографа, приходилось на вечерние часы, мы возвращались в гостиницу, как раз, к началу крысиного бесчинства. Как мы уставали от их нашествия! А завоевать курильские острова, в основном – Кунашир и Итуруп, крысам удалось благодаря пассивному расселению на морских судах. Не зря название «Итуруп» с японского языка переводится, как «остров крыс»!

Беря во внимание невероятную живучесть этих животных, они очень быстро расселились по островам, укоренившись на них, кажется, навечно. Сила сжатия челюсти крысы сопоставима с сжатием челюсти акулы. Пройдя какую-то дорогу хотя бы единожды, крыса запоминает её на всю жизнь. Она никогда не теряется, легко находя выход из любых лабиринтов. У неё – очень высокий порог обучения, а крысиный иммунитет – поразителен.

Крысы практически ничем не болеют, у грызунов даже есть ген, защищающий их от заражения половыми болезнями. Они хорошо плавают и ныряют, легко переносят голодание, а перемещаются со скоростью 10 километров в час. В момент наивысшего возбуждения крысы прыгают в высоту до двух метров. Одна пара крыс в течение года способна произвести на свет полчища в две тысячи голов, и вот эти неутомимые чудовища заполнили собой не только гостиницу, но и посёлок, вообще, весь остров!

Крысы грызут, рвут, жрут, пакостят, и опять всё грызут и уничтожают. Как это соотносится с удивительной красотой курильской природы? Как воспринимать это бесовское нашествие, когда повсюду на острове – чудесные водопады, в водах которых летят серебристые лососи, в многочисленных распадках струятся хрустальные ручьи, сочная зелень сопков и холмов переливается с густой синевой океана, а древние вулканы, словно мудрые старцы, величественно помахивают жаркими кратерами в лазурное курильское небо, но не затуманивают его, а будто подкрепляют неспешным истечением времени... При нашем чутком сосуществовании с островными красотами его, вроде бы, и вовсе нет, и тогда о крысах, конечно, забываешь.

Кстати, за всю историю флота крысы, несомненно, сыграли в ней свою животную низменную роль, поскольку ни одно плавание не обходилось без их надоедливого присутствия. Обычно на борту старинных парусных

кораблей водились полчища крыс, и из трюмов поднималась густая вонь застоявшейся воды и крысиных испражнений. Сырые трюма просто кишели ими... Вечно голодные, крысы постоянно опустошали продовольственные кладовые, пожирали не только сухари, но прогрызали бочки, рвали паруса и пеньковые канаты. Они быстро размножались, несмотря на периодическую охоту, устраиваемую на них, и сорокавосьмичасовое окуривание, производимое при всех закрытых люках. Как только издохших крыс собирали и выбрасывали за борт, они вновь мгновенно нарождались, создавая для людей адские условия.

На атаки этой оравы «безбилетных пассажиров» жаловались все выдающиеся мореплаватели, великодушно подтверждая: «Не они жили среди нас, а мы среди них!» Крысы были настолько дерзки, что забирались даже в самые, казалось бы, недоступные уголки, где моряки хранили сахар и другие ценные припасы. Если крысы не находили ничего съестного, то, случалось, обгрызали у спящих матросов пальцы на ногах. Герман Мелвилл, написавший замечательную книгу «Моби Дик», отмечал в своём дневнике: «Ничуть не боясь людей, крысы стояли в норах и смотрели на вас, как старый дедушка с порога своего дома. Нередко они бросались на нас и принимались грызть нашу еду».

Было только два радикальных средства против этих паразитов: кораблекрушение или жажда. Но какой матрос мог желать этого? Ведь в таком случае вопрос шёл и о его собственной жизни. Если с водой становилось туго, крысы от жажды делались бешеными.

Влияние крыс на жизнь людей, особенно на старом флоте, было настолько ощутимым, что они порой даже оказывались спасением, ибо в отсутствие провианта, которое случалось переживать нередко, моряки употребляли крыс ... в пищу. Человек ложился на палубу, зажав в губах кусочек сухаря, и замирал, будто мёртвый. Долго ждать не приходилось, так как какая-нибудь крыса, учуяв лёгкую добычу, обязательно появлялась в скором времени рядом, и следовало только половчее ухватить животное, когда оно приближалось к самому телу. Добытая таким образом крыса оценивалась среди экипажа в золотой, при этом важно было обладать хотя бы одним сухариком...

Кстати, боцман Александр Селькирк, явившийся прототипом Робинзона Крузо, оказавшись в одиночестве на архипелаге Хуан Фернандес, тоже столкнулся с проблемой крыс, ранее завезённых на остров кораблями, которые заходили сюда пополнить запасы свежей воды. Крысы стали воистину бедствием для всего живого на острове, но моряк нашёл средство против них. Дело в том, что корабли завезли на остров не только этих грызунов, но и кошек. Селькирк выставял у своей хижины миски с молоком коз, которых он умудрился приручить, тем самым «заключив союз» со всеми кошками острова...

Но вернёмся к стойким курильчанам, что ко всем случающимся с ними происшествиям относились всегда с доброжелательной хитринкой, вернее

даже будет сказать – мудро. Встанет, скажем, небезызвестный всем дизель, и тогда уже не обойтись без парафиновых свечей, которых при частых перебоях электроэнергии за долгую курильскую зиму не напасёшься. А сметливый курильский народец тут как тут со своими не иссякающими догадками... Берут обычную стеклянную банку объёмом в литр, наливают в неё до самого верха воды и затем опускают туда свечу, заблаговременно прилепив к её нижнему концу кусок пластилина с таким расчётом, чтобы он держал свечу наплаву, а фитиль приходился вровень с поверхностью воды. Такое, никогда не достигающее друг друга, соприкосновение, оказывается, замедляет горение в несколько раз, в чём просматривается очевидная экономия, а твоему восхищению неунывающим курильчанином нет предела...

Как нет предела радости, вообще, за всё, что окружает на этом острове... Вместе с редким солнечным днём, ясно просматривающейся сахарной вершиной вулкана на противоположном берегу и широким выходом из бухты в океан, сияющим светлой синевой, что сливается где-то там, в необозримом пространстве с небом... Зимнее море удивительно спокойно, обкатанная прибоями галька приятно похрустывает под сапогами, и вспоминается сразу что-то хорошее...

В одном месте ты останавливаешься перед огромным каменным языком, далеко вдающимся в море... Целый сад из округлых валунов серого, чёрного, бордового и коричневого цвета простирается перед тобой, и по ним, наверное, можно добраться до середины бухты, прыгая с одного на другой. И, вот тут, к тебе вдруг приходит понимание значимости всего, что ты делаешь, и ещё какой-то внутренней цельности, с которой так хорошо становится жить. И ты совершенно забываешь о том, каким неприветливым и даже жестоким было совсем недавно море, и, конечно, перестаёшь думать о нём с неприязнью.

## «УРУП»

Давно замечено, что место, куда неудержимо притягивает людей, всегда предполагает их отсутствие, одним словом – не вспугнутую тишину. Независимо от того, заброшенная ли это на далёком берегу таёжной сибирской реки деревушка, какое-нибудь необыкновенное озеро, завораживающее потаённостью своих чёрных невозмутимых вод, или одинокий таинственный остров, затерявшийся посреди величественного океана... Все они, в конечном итоге, являются в той или иной мере воплощением очаровывающей душу первозданности, тем местом, где тебе хочется остаться одному, наедине с Богом.

Многие люди, совершенно искренне полагая, что это непременно их дорога, целеустремлённо рвутся туда, вдумчиво и планомерно готовятся к отъезду и, преодолевая любые встающие на пути преграды, всё же осуществляют давно задуманное. Но, добившись желаемого и обретя, как им кажется, необходимые знания и себя, долго не задерживаются на этом и непременно возвращаются, чтобы похвастаться перед своими друзьями достигнутыми в походе успехами и открытиями. У некоторых из них увиденное сохраняется надолго, время от времени беспокоит память, и опять зовёт в путь, кому-то ностальгия по полюбившемуся напоминает о себе лишь изредка, едва ощутимо трогая душу и так же легко и быстро её отпуская, а кто-то и вовсе обо всём случившемся тотчас забывает, и уж больше никогда к нему не возвращается.

Чаще всего люди не в состоянии покинуть насиженное место по причине своего служебного положения, обременённости семейными заботами или ещё какими-либо делами, отложить которые не представляется возможным. Бывает, что обстоятельства складываются не в твою пользу, заедает текучка, некогда по-настоящему обдумать глубоко скрытое желание, а подчас – просто не хватает решимости. Встречаются и такие, что вообще никуда и никогда не уезжают, даже не помышляя о каких-либо изменениях в собственной жизни. Но, не будучи совсем равнодушными к ней, ничуть не стыдятся этого и откровенно ставят подобное поведение себе в заслугу, провозглашая лень и покой самыми добродетельными мерилками. А иногда желаемое оказывается просто не настоящей мечтой, или же, если решение собраться и уехать затягивалось слишком долго, мечта, хотя она и была стоящей, успевает постепенно иссякнуть, и человек о ней забывает.

Всеми этому, в конце концов, можно найти оправдание, если никого строго не судить и попытаться понять. Понять человека – это значит помочь увидеть ему в себе самом то, что давно было от него скрыто и о чём он, быть может, только догадывался... Хуже, когда человеку, вообще, ничего не надо.

Фёдору Назаровичу Цветкову – начальнику метеостанции на острове Уруп, было, во что верить и к чему стремиться. Когда к нему приходило обычное горе или неудача, из которых, тем не менее, трудно и порой,

кажется, даже невозможно выбраться, он оставался стойким, несмотря ни на что сохраняя при этом благородство, великодушие и доброжелательность. Его собственная нелёгкая жизнь тогда становилась ему наградой, потому что был он всегда неутомим и делал всё возможное, чтобы она стала лучше, а это, в итоге, главное.

Тогда не беда, что многое у тебя не получалось. Важно, что ты не сворачивал с пути и не поддавался собственным слабостям. А отсутствие безразличия – есть, вопреки всему, сама добродетель, может быть, та душевная простота, которая в полной мере присуща по-настоящему чистым и мудрым людям.

Фёдор Назарович обладал этой добродетелью, поскольку добросовестно и осознанно всю жизнь трудился, потребность к чему была заложена в нём с детства. Строгость и порядок при выполнении обязанностей, касающихся любого мало-мальски необходимого дела, уважение к старшим и ответственность по отношению, в первую очередь, к самому себе – вот что отличало его прямой характер. Вместо того, чтобы устремлять своё обострённое внимание к заоблачным далям, реальнее для него было произнести слово в защиту собственных возможностей перед людьми и жизнью, ответив, наконец, на вопрос: что есть моя душа и почему я не такой, каким могу быть? Именно это представлялось наиболее насущным, и только поэтому для него отсутствовала извечная дилемма: быть или не быть, то есть – оставаться ли ему, несмотря на все жизненные перипетии, человеком?

Фёдор Назарович несомненно был им. Был, когда по вербовке, после войны, уехал на Диксон и проработал там радистом многие годы. Там и потерял верхние фаланги пальцев на руках, но профессии своей не бросил. Более того, даже научился играть на баяне...

Несведущий в жизненных перипетиях слушатель вряд ли мог поверить в подобное, пока сам не убеждался после увиденного... Как и всё остальное, игра на инструменте получалась у Фёдора Назаровича виртуозно и с настроением. Футляр же для дорогой сердцу забавы необыкновенный начальник метеостанции и использовал тоже необыкновенно: он хранил в нём ... многочисленные двадцатипятирублёвые купюры. Лихие заработки, восемь надбавок с двойным коэффициентом и долгая выслуга, к тому же – невозможность реализовать на острове деньги, были тому причиной.

Вообще, к деньгам на острове относились довольно сдержанно, совершенно искренне полагая, что они – не самое главное в жизни, по крайней мере – уж точно не единственная цель, а может быть только средство, с помощью которого можно сделать собственную жизнь и жизнь своих близких гораздо интереснее, лучше. На берегу непредсказуемого огромного Океана, в царстве метровых кижучей, водопадов, вулканов и прочих красот дальневосточной природы, все эти денежные знаки представлялись чем-то очень обыденным и даже, можно сказать, не нужным. Однажды приехавшие сюда за длинным заработком – надолго, как правило,

не задерживались, но Фёдор Назарович, было похоже, укоренился тут навечно.

И это при том, что жизнь в здешних местах отнюдь не дышала для него покоем и теплом, но в ней всегда находилось всё, что заслуженно их предполагает. Он жил так, что, казалось, не зависел от каких-либо посторонних обстоятельств, внешние условия, вроде бы, не оказывали на него своего тяжёлого давления, и с присущим ему добродушием он искренне верил: иначе просто и быть не может. Трагедия же многих других людей, остающихся в успокоительном для себя неведении на материке, где большинство из них даже не подозревали об удалённой от них суровой островной действительности, заключалась в том, что ничто в жизни не задевало их достаточно глубоко, чего нельзя было сказать о Фёдоре Назаровиче. Как бы это странно ни звучало, но он был счастлив.

Конечно, счастье у каждого своё, правда, у некоторых, даже самых выносливых, оно со временем становится похожим на горе, если человеку приходится долго ограничивать себя в самых обыденных житейских вещах... Таких, например, как семья, которая однажды оставила тебя один на один со снежными бурями, тоской и необходимостью каждодневно выполнять свою нелёгкую работу, при этом лишив обыкновенной заботы. Изо дня в день, несмотря ни на что, в думах своих Фёдор Назарович не расставался с двумя дочерьми и женой, поселившимися где-то на далёком материке, и ставшими, вроде как, чужими... Как вынести это закравшееся в душу одиночество, которое, ты знаешь, никогда теперь тебя не покинет и будет только год от года острее? Со временем оно предательски медленно и неумолимо убивает, как бы ты не любил своё дело и людей, находящихся рядом.

Ему порой становилось обидно и жалко себя за то, что он обязан, по чьей-то неведомой воле, жить, как будто потерявшись на этом отрезке земли, не находя нужных своему сердцу родных людей. А ведь эти люди, в глубине души, где-то так же страдали, наверное, от отсутствия не достающих с ним родственных уз, в этом он почему-то ничуть не сомневался. Безотчётная тяга к близким людям, оказавшимся сейчас от него далеко, неотступно огорчала его душу.

Втайне ему очень желалось, чтобы эти близкие, но навсегда, казалось бы, потерянные для него сердца, не только бы иногда вспоминали его, но и сами, хотя бы изредка, встречались с ним. Вообще, все забытые другими люди, наконец, избавились бы от непрерывной и иссушающей печали, приобретя взамен не менее глубокое и неиссякаемое чувство взаимопонимания и любви.

Ото всех этих невесёлых мыслей Фёдора Назаровича отвлекали бесчисленные островные заботы. На работу он уходил с рассветом, а возвращался уже под самый вечер. Крупный, чуть лысоватый, с прямой редкой чёлкой на лбу и глазами навывкате, он напоминал почему-то учтиво-подобострастного партикулярного чиновника, но, взглядевшись тщательнее в

его большие серые глаза, невозможно было не подметить живое внимание ко всему. Особенно к людям, которые за глаза любовно прозвали его «президентом».

Капитан научно-исследовательского судна «Анабар», что постоянно доставляло на остров провиант и оборудование, заблаговременно предупреждал экипаж по трансляции о приближении к «Демократической Республике Уруп». Но на самом деле таковой эта выдуманная им «Республика Уруп» становилась только по прибытии судна на остров, потому как во всё остальное время её «президент» был строг и требователен, не спуская малейшей оплошности и разгильдяйства никому, независимо от заслуг... Он лучше, чем кто-либо, понимал, что выдержать здесь возможно только следуя незыблемым законам, нигде не записанным, но не раз выверенным суровым островным бытом.

И всё-таки, в те самые редкие заходы судна на остров, Фёдор Назарович позволял себе отрываться на любимом коньяке, ящик которого ему неукоснительно доставляли с каждым рейсом. Однажды, в наше очередное прибытие на Уруп, Фёдор Назарович затягивать со своим «расслаблением» не стал и, опорожнив, сходу, целый стакан, тут же взялся за баян... А потом, уже изрядно захмелевший, отчего-то затеял душещипательную беседу именно со мной, пригласив в свой маленький, но уютный домик.

Жил Фёдор Назарович отдельно от других сотрудников метеостанции, с каждым годом всё более и более утверждаясь в этом своём вольном затворничестве, и становясь в глазах подчинённых ему людей, по меньшей мере, «странным» человеком, в упоминании о котором среди метеорологов было принято покручивать у виска пальцем. Для начала продемонстрировав мне свой знаменитый футляр из-под баяна, изрядно уже потёртый, даже – облезлый, он широким жестом, с достаточно равнодушным выражением лица, раскрыл его, небрежно придерживая за ручку, и на пол выскользнула толстенная кипа новеньких сиреневых двадцатипятирублёвок...

- Живи по полной, чтобы смерть была праздником! – не без гордости заявил он при этом, и в удовлетворении осклабился... Видно было, что вино возымело своё действие.

Но и то было верно, что в нём проснулось нечто трогательное, глубоко сокровенное и затаенное: очевидно, что выпитое неминуемо разбередило его исстрадавшуюся душу.

- Знаешь, что в жизни важнее всего? – с детской непосредственностью потянулся он ко мне, и вдруг показалось, что совершенно отрезвел при этом. Выпученные глаза его ещё более округлились, на лысине выступила испарина, и он, не морщась, хватанул ещё полстакана коньяка.

- И что же?

- Быть в пути. - Он со знанием дела, серьёзно, посмотрел на меня, и утвердительно добавил: - Нужно быть человеком пути, и когда я тебя увидел, сразу понял: ты – в дороге!

- ?

- Люди пути не похожи ни на кого. Глаза у вас, что ли, особенные... Как вы говорите, двигаетесь. Словом, вы знаете что-то такое, чего не знают другие. Несёте в себе какое-то знание, уверенность, что каждый шаг человека стерегут боль и радость, и в этом – счастье жизни.

- Люди пути... И кто они на самом деле?

- Те, кто отправились однажды к своему Отцу, на небо...

- По ступенькам?

Он улыбнулся.

- Можно сказать и так.

- И я смогу по ним пойти?

- Думаю, ты уже делаешь это.

- А долго нужно туда подниматься?

- Всю жизнь.

- И даже останавливаться нельзя?

- Можно.

- Надолго?

- Насколько ты захочешь.

- А потом опять вверх?

- Да. Как можно выше.

- И что за это будет?

- Радость великая.

- Только всего?

- Это – необыкновенная радость, она умиротворяет и объединяет всех, даже тех, кто не стремился познавать мир, но оказался рядом с идущим. - Он задумался. - А вообще-то, радость и умиротворение – естественные состояния для человека. Надо только знать, как их достигнуть, достигнув же – можно найти покой где угодно, подобно тишине в центре тайфуна.

- И как же его достигнуть?

- Нужно просто иметь твёрдое намерение и точное понимание того, чего ты желаешь. Ведь выбирающий начало пути уже внутренне предполагает место назначения своего движения. В нём всё это присутствует. И ещё твоё желание должно восприниматься так, как будто оно уже осуществилось.

- Со стороны всё это выглядит достаточно просто.

- Простота мира – это его изначальная сущность. Но чтобы обрести мудрость, приходится порой преодолевать немало сложностей. На это уходит не одна жизнь.

- Нужно, наверное, просто решиться на что-то достойное, и приложить все усилия для его осуществления?

- Верно.

- Одну и ту же замечательную истину ты можешь слушать и повторять про себя неоднократно, но пока не осознаешь её – ничего не добьёшься?

- Осознание не бывает избирательным. Это – абсолютное пространство, в котором может случиться всё, что угодно, но многое, конечно, зависит только от тебя.

- От твоего терпения, настойчивости, отваги?

- Да. От осознания себя, что в конечном итоге подразумевает понимание и себя и то, куда ты идёшь. Нет ничего лучше этой дороги...

- Ведущей к познанию самого себя?

- Да.

- Целый огромный мир – и ты... Разве ты – больше мира?

- Весь мир в тебе, так устроил для нашей пользы Бог.

- Как это?

- Ну, это когда твоя жизнь подчинена служению всем живым существам, являющимся, вместе с тобой, частью огромного организма, и твоя любовь к нему безусловна, потому что часть целого не может работать только на себя.

- И Бог помогает при этом?

- Очень редко.

- Почему?

- Потому что Он хочет, чтобы ты сам научился быть великим.

- Зачем?

- Это самое достойное и интересное, чего ты способен ощутить в жизни.

- А когда Бог тебе всё же помогает?

- Он помогает уже тем, что живёт в твоём сердце, предоставляя тебе возможность самому устроить всё лучшим образом. И всё всегда видит.

- Бог всегда во мне...

- Да.

- Я хочу Его увидеть...

- Это возможно только когда ты этого по-настоящему захочешь и будешь готов к этому.

- К этому нужно очень долго идти?

- Всё зависит от силы твоей устремлённости.

- К Богу?

- И к Нему. И ещё к своему предназначению, к высокой цели, которую ты должен для себя определить, к другим людям.

- Совсем чужим?

- Гармония – это когда ты живёшь в согласии не только с самим собой, но и с другими людьми, когда ты добросердечен к чужому человеку, как если бы он был тебе родным. Ведь все мы – взаимосвязаны, и являемся частью единого целого.

- И при этом можно стать счастливым?

- Нужно не бояться делать то, что подсказывает тебе внутренний голос.

- Несмотря ни на что?

- Когда тебя никто не заставляет делать то, что ты делаешь, и это дело даже не приносит каких-либо материальных ценностей, а ты всё равно его делаешь, потому что не в силах без него обойтись, - это и есть, наверное, единственно правильный жизненный выбор.

- Как только его осуществить?

- Вот стал бы ты заниматься тем, чем ты занят сейчас, если бы у тебя всё было? В смысле – материального достатка...

- Конечно.

- Значит, можешь считать себя счастливым.

- Не верится, что всё, опять же, так просто, но это, пожалуй, недалеко от истины. Сама дорога, следование ей, уже – не сравнимая ни с чем ценность... Да?!

- И понимаешь это, чаще всего, уже в конце пути.

- А раньше невозможно?

- Не рано, конечно, кому дано, а не дано – и век рано. Всякому своё счастье, в чужое не заедешь. Оно – в нас, не вокруг да около.

- Как вам удаётся жить здесь год за годом? Ведь вы совершенно оторваны ото всех.

- Когда осознаешь окружающую тебя жизнь, ты не думаешь о том, чтобы просто выжить. В твоей жизни появляется смысл.

- И в чём он заключён?

- Ну, скажем, почему бы не попытаться распознать свою уникальность, то, в чём ты не похож ни на кого другого? Что вообще такое – это твоё «Я»? Здесь для этого есть всё необходимое – время, уединение, неповторимая природа... Если не изучать жизнь и себя, то и жить не стоит.

- Почему же, всё-таки, познание своего «Я» настолько важно?

- Потому что когда ты придёшь к пониманию своего истинного «Я» как чего-то безграничного и неизменного, ты уже не будешь зависеть от бренного тела и со временем угасающего ума. Когда осознаешь, что за пределами всех вещей ты существуешь вечно, это избавит тебя от страхов и наполнит повседневную жизнь радостным изобилием.

- А здорово бы было в течение всей жизни сохранять чувство удивления!

- Я живу на этом острове много лет, пристально всматриваюсь порой в одно и то же, что меня окружает, но оно каждый раз становится невыразимо таинственным, величественным миром, заключённым в себе самом. Здесь есть всё, что необходимо душе. Труднее устанавливать и поддерживать связь с людьми, к которым не всегда испытываешь симпатию...

- А мне казалось, что в таких ограниченных условиях легче вверять друг другу секреты?

- Если вкладываешь в отношения любовь...

- Разве возможно иначе?

Фёдор Назарович задумался.

- Когда вынужден общаться с одними и теми же людьми, и некуда уйти от этих отношений, суть человека незаметно от тебя ускользает... И чем больше за ней гонишься, тем быстрее она удаляется. В конце концов, как-то теряешь человека. И тогда человек исчезает для тебя совсем, и это самое сложное при такой работе. Тут важно оставаться спокойным и не пытаться что-либо делать. Пусть всё происходит так, как должно быть. Это избавит от многих разочарований.

- Но ведь это знание приходит не сразу?

- Верно. Нужно научиться отпустить свой ум, который чаще всего оказывается беспокойным... Пусть всё течёт своим чередом. Только хорошо рассуждать об этом, сложнее – следовать. Вообще, живя на пустынном острове, в сообществе трёх-четырёх людей, очень важно полагаться на свою интуицию, а любое напряжение только мешает. Оказывается, что твоё внутреннее «Я» знает всё. Нужно его слушать.

- Радость не в вещах, а в нас?

- Но понимаешь это только не раз пережив тяжёлую утрату или боль. Что-то оборачивается не так, как тебе хотелось, а надо это принять. Тогда твою душу не захлестнёт злоба. Есть только один способ жить: воспринимать жизнь как чудо, а себя в ней – неотъемлемой частью.

- И всё?

- Кажется, конечно, невероятным, но это так. Выбирая свой жизненный путь, не забывай об этом.

В тот вечер мы допоздна просидели у Фёдора Назаровича на кухне, а увидеться ещё раз нам привелось только через несколько лет, когда после длительной душевной болезни, он, перед самым отъездом на материк, зашёл к нам со своим маленьким чемоданчиком и пообтёртым футляром в водлазку, попрощаться. Присел скромно на табурет, положив на колени свои изуродованные короткие пальцы, посмотрел почти равнодушным взглядом на выцветшую карту Курильских островов, и, вздохнув, тихонько проговорил: «Вот, отробился...»

Во всём его неловком облике, простенькой и, видно, давно уже не ношенной и вышедшей из моды одежде, порядочное время провисевшей без дела в таком же стареньком шифоньере, угадывалась мудрая отрешённость от всего, что его сейчас окружало. Этот человек, кажется, достиг того умиротворения и покоя, о котором мы беседовали с ним когда-то на пустынном острове, нас с любовью обнимала курильская ночь, и был он – «Президентом Демократической Республики Уруп», про которого в те годы слагали на Курилах легенды. А потом, смутившись неизвестно чего, и подняв обе руки, с робкой улыбкой, добавил: «Делай дело не по конец пальцев!»  
Добрая тебе память, Фёдор Назарыч...

Само слово «уруп», кстати, означает айнское название красной рыбы. Она так же, как и везде, идёт в реки из моря на нерест, преодолевая

невообразимые, казалось бы, преграды, одной из которых оказываются водопады... Они на острове большей частью многоступенчатые, с огромными каменистыми ваннами, постоянно заполняемыми хрустальной водой.

Водопады на Курилах не редкость, поскольку на многих островах вдоль берега тянутся террасы, с которых и струятся водопады. Каждая терраса – свидетель поднятия берега, водопады же – показатели того, что эти поднятия происходили сравнительно недавно. Когда-то речки, низвергающиеся теперь с уступов, впадали в море прямо на уровне нынешней террасной площадки. Затем произошло воздымание суши: оно совершилось так быстро и так недавно, что с тех пор речки ещё не успели пропилить своими течениями приустьевые участки русел, поднятые вместе с террасами. Устья рек как будто повисли в воздухе, и воде пришлось падать с образовавшегося при этом уступа. Такая падающая вода, в некоторых местах чуть ли не прыгающая, и образует водопады.

Геоморфологи, изучающие геологию моря, называют такие долины висячими, а поскольку все реки Курильских островов имеют малую протяжённость и крутой склон, то текут с большой скоростью. Этому ещё способствуют узкие, порожистые русла, загромождённые глыбами камней, и образующиеся водопады при впадении рек в море довольно обычны на Итурупе, Урупе и Кунашире. Например, на Итурупе водопад Раккебецу низвергается со ста сорокаметровой высоты, с горы Камуй. На Кунашире имеются водопады Сокобол и Токаисарабецу, высота последнего – почти восемьдесят метров, а на Урупе – водопад Такатаки.

На Такатаки многотонная масса воды с неумолкающим гулом вырывается с высоты полтора десятка метров и неудержимо обрушивается в глубокие каменные котлы, промытые у подножия скалы. Вспученные потоки бурлят, вздымаются ослепительными фонтанами брызг и растекаются, закручиваясь пенными водоворотами по галечному ложу. Тут покоятся и валуны, в обхват – по три-четыре метра, целые вулканические бомбы, о которых думаешь, только когда ступаешь по ним, ощущая дремлющую в них древнюю энергию.

Очень важно – какие породы выстилают ложе водопада, вырабатываемые многовековым падением струй. Совершенно очевидно при этом, что порода должна обладать твёрдостью в той степени, в которой материал способен выдержать длительное воздействие водных масс, иначе водопад выработает русло и исчезнет. Когда, скажем, ложе какого-либо водопада выстлано песчаником, содержащим титан и марганец, оно под воздействием воды твердеет подобно бетону. Таковыми, кстати, являются многие водопады на острове Итуруп, на котором зарегистрировано свыше шестидесяти водопадов.

Так вот, вода непроницаемой плотной стеной валится сверху, будто замирая в воздухе, и в эти без конца ниспадающие с высоты водяные струи со всего ходу врезаются неудержимые серебристые рыбины, исступлённо

извиваются в них, то и дело срываясь, и вновь устремляясь наверх. Их невероятная неутомимость и порыв при этом поражают, и ты неотступно всматриваешься в эти метущиеся тела и не в силах поверить тому, что предстаёт твоему взору. Таким непостижимым представляется это рыбье наваждение, совершенно неправдоподобным... Это – лосось!

Должен заметить, что ход лосося в стремнине водопада незабываем... Я много раз слышал про летящих по струям ниспадающей со скалы воды лососей, но, честно признаться, не верил в подобное. Я ещё мог себе вообразить, что рыбы отчего-то пытаются совершать прыжки, может быть – на два-три метра в высоту, а вот чтобы они летели через весь водопад и заскакивали в реку, такое представлялось невероятным. На Урупте, острове, означаемом на айнском языке именно красную рыбу, я, наконец, увидел это чудо.

Пенится, ревет ниспадающая со скалы вода, вокруг клубится водяная пыль, и в этой искрящейся влаге то и дело возникают откуда-то красивые сильные рыбы. На солнце брызги переливаются радугой, и в этом мелькании красок спинные плавники лососей представляются необычными цветами. Всё происходящее – будто сон, и я лечу мысленно вместе с этими прекрасными лососями вверх по реке, и чувствую себя счастливым от того, что вижу подобное.

Во всём здесь ощущается звучание величественной природы: в шумовых вибрациях океана, гнущегося под ветром бамбука, низвергающихся струй водопада... Из-за океанского не прекращающегося наката неслышно, как грохочут водяные струи, устремляющиеся с высоты. Не всегда угадаешь эти звуки падающей воды, пока не подойдёшь к ним вплотную. Говорят, Лао-цзы – китайский мудрец, часто беседовал с водопадами. Он пристально вслушивался в размеренные звуки, издаваемые падающей водой, и тем самым обострял чуткость своего восприятия до различения тончайших звуковых вибраций, пребывая в гармонии с окружающим миром.

До сих пор стоит перед глазами, как бешено работают хвосты огромных рыбин, словно ввинчивая серебристые тела в самую водную толщу. Всё кажется невозможным это неукоснительное движение вперёд, навстречу мощно бьющей струе, но лососи, всё же, её проходят! Помнится, меня даже охватило сомнение: не обман ли зрения переживаю я в данный момент у подножия дикого курильского водопада?

Но нет, рыбы по-прежнему целеустремлённо рвутся вверх, в бешено мчащуюся, пенящуюся воду, напор которой запросто бы сбил с ног человека. Неутомимые, напружинив выгнутые спины, рыбы будто замирают на мгновение в потоках воды, но не сваливаются, а каким-то невероятным усилием остаются наплаву. Сколько изящества и силы в их телах, сколько неугасающего упорства!

Водопад ниспадает к морю ступенями, на каждой образуя каменную вазу, и вода там просто вскипает, а в месте «приземления» обращается в водяную пыль, которая оседает на гальки студёным дождём. На скалистых

уклонах, по обеим сторонам водопада, растёт золотой корень... Собирая его, мы постепенно поднимаемся к самому краю, где взору открывается ещё более впечатляющая картина. Прямо над бурлящим потоком, из-за шума которого неслышно рядом стоящего человека, с силой взмываются в воздух сверкающие тела лососей и, прочертив дугу в несколько метров, плюхаются в реку, мгновенно устремляясь к верховьям уже против обычного течения. Какие-то рыбины, переворачиваясь в воздухе, срываются вниз, но большинство минуют опасные участки и, не теряя своей грациозности и красоты, негибимо продвигаются вперёд. Постепенно от вида этих прыгающих, вернее - летящих лососей в глазах начинают мельтешить изгибающиеся серебристые линии и блики, а ты всё равно не в силах отвести взгляд.

Вот она, несравнимая ни с чем сила природы! Какая невероятная страсть нужна, чтобы разогнаться в стремительно несущемся навстречу потоке воды, выпрыгивать из неё и продолжать движение дальше... Это поразительно и совершенно непередаваемо, и ради всего увиденного стоит, так же, как лососям, преодолеть долгую морскую дорогу, наконец оказавшись на острове Уруп, на берегу великого Тихого океана.

Лосось проводит большую часть своей жизни в океане, возвращаясь в реки и озёра для нереста, и учёных давно интересует вопрос: как лосось находит место, где он родился, долгое время находясь за тысячи миль от него? Практически это неизвестно до сих пор. Проплыв огромное расстояние, лосось безошибочно находит ту самую реку, где он появился на свет. Зато – как лосось, попав в «свою» реку, находит именно тот приток, который ему нужен, учёным удалось узнать. Эксперименты показали, что лосось находит «свой» приток по специфическому запаху донных осадков.

Придя на нерестилище, самцы-лососи начинают борьбу за самку, пока самый крупный не оттеснит других, а она, тем временем, выбирает место для гнезда, очищает его от мусора, и продолжается это порой целый день. Затем самка становится головой вверх по течению и, резко изгибая тело, разбрасывает гальку в разные стороны, выкапывая довольно глубокую ямку. Помещаясь над ямкой, самец и самка приступают к нересту: они совершают конвульсивные движения, выпуская порциями икру и молоки, после чего икра засыпается в гнезде песком и галькой. Как только самка вымечет икру, самец покидает её и переходит к другой.

Весь процесс нереста у одной самки продолжается три-пять дней, а закопанная рыбами в ямке икра называется – «заложённая в бугор». Дело в том, что после нереста самка ещё какое-то время остаётся у гнезда, подсыпает над ним песок и гальку, и некоторое время, пока у неё хватает сил, охраняет, усиленно отгоняя других подходящих к гнезду лососей. Вскоре, вконец истощённая, она сносится вниз по течению и погибает. Гибнут после нереста и все самцы. Мальки в том же году, по выходе из икры, скатываются вниз по течению, и уходят в море, где скитаются до наступления половой зрелости пять-шесть лет, а потом опять всё повторяется.

Кому-то покажется странным, что лосось идёт из морской воды в пресную, но тысячелетиями складывающийся инстинкт у лососевых действует лучше любого компаса. Дело в том, что в чистой пресной воде истоков и ручьёв привольнее жить беспомощным малькам, здесь у них меньше врагов. Чем выше по течению заберётся рыба, чем выше выметет икру, тем более долгий путь к морю проделают её потомки-мальки, и тем более крепкими и целыми выплывут они на простор океана.

Помнится, когда я впервые узрел ход красной рыбы на Южном Сахалине, то был поражён, скорее даже, не её обилием, вода только что не выходила из берегов, так лосося было много, сколько одним обстоятельством: на берегу кишачей от рыбы реки стоял рыбац с удочкой и, выискивая островки спокойной воды, забрасывал туда крючок с поплавком, ко всеобщему удивлению выуживая оттуда ... краснопёрка! Эта картина просто повергла в изумление, а позже мне объяснили, что лов рыбы во время её хода запрещён и нещадно штрафуются, что, впрочем, не мешает местному населению совершать обильные заготовки.

Кстати заготовка солёной лососины связана с появлением ... рабства. Ещё древние греки, к примеру, избегали использовать в пищу рыбу, и её никогда не приносили в жертву богам. Однако, чтобы содержать многочисленных рабов, которых первоначально кормили в основном лососевыми, рыбу для большей сохранности солили, а уже потом, постепенно, солёная рыба заняла видное место в торговле.

Так вот, заготовки заготовками, но в реке рыба становится уже не та, и ловить её надо в море. Да и перегораживать русло нельзя: перекроешь пути к нерестилищам – негде будет рыбе икру выметать, а не будет нового поколения из этой реки, не вернётся через несколько лет и рыба в эту же реку. Самое верное дело – вставные сети до подхода рыбы к устьям, тогда всё же часть её войдёт во все речки и нерестилища не опустеют.

Легионы лососей, обуреваемые единым желанием – проникнуть выше по течению и принести потомство, так или иначе, погибают. Трагедия рыб в том, что это последнее плавание в их жизни. Они только раз приносят потомство и умирают.

Но смерть, когда сделано главное – продолжен род, оправдывает себя. Рыба проделала сотни и тысячи километров пути по океану и бурным рекам, вся изранилась и истощала, неузнаваемо преобразившись: на спине у неё появляется горб, удлиняется нос, отрастают зубы, так что рот перестаёт закрываться и превращается в страшное, оскаленное рыло, а мясо становится дряблым и настолько не вкусным, что уже не годится в пищу... Даже медведи, для которых ход рыбы – лакомая пора, не очень ценят умирающую горбушу и кету, предпочитают отгрызать у них одну голову и бросают туловище догнивать на берегу. Порой такими обезглавленными рыбами – медвежьими объедками, усыпаны все берега глухих дальневосточных речек.

Пока рыба жива и здорова, она несёт в себе поистине драгоценное вещество – икру. Туго набитые ею лососи – желанная добыча и для птиц, и

для человека, и для медведей. Вспоров брюхо одной рыбины – можно наполнить огненно-красной отборной икрой глубокую миску, а подлив в неё морской воды, и с помощью небольшой деревянной «вертушки» очистив икру от ястыка – тоненькой плёночки, заключающей все икринки в прозрачный мешочек, получаешь готовый к употреблению продукт, так называемую «пятиминутку», икру скорого приготовления. «Вертушка» - это небольшая расщеплённая палочка, поперёк неё, на самом конце, вставляется тоненькая лучинка, и, зажав такую искусственную веточку между ладоней, и опустив в миску с икрой, мерно покручиваешь её, пока вся плёнка не будет удалена.

Свежая, только что вынутая из рыбы икра имеет еле уловимый, чудесный аромат, и очень нежный, приятный вкус, таящий во рту. Слегка солоноватая, она очень аппетитна, и обычно ещё не отведавшие такую икру люди, относящиеся с большим недоверием к ней, попробовав хотя бы раз – уже не в силах от неё отказаться в дальнейшем. Икра «пятиминутка» - это великодушный подарок моря человеку, его драгоценный сюрприз.

Икра на Дальнем Востоке – всё равно, что у нас на Урале хлеб, но много её не съешь – сытная очень. Хотя, поначалу, когда ты ещё икрой не насытился, она – любимое блюдо: ешь её и сплошь и рядом, на завтрак, обед и ужин. Тонким слоем на бутерброд здесь икру никто не мажет, хлебают ложками, будто это и не икра вовсе, а каша. С такой же открытой удалью и работают: знай, крепкий курильский народец, что как ест – такова у него и честь!

Однажды на Итурупке капитан одной МРС-ки в полной мере продемонстрировал нам широту своей души. Мы размотали винт на его сейнере, и он, не зная – как отблагодарить, в возбуждении пропал куда-то, а появился вскоре на грузовике и, отбросив задний борт, великодушным взмахом руки представил, еле сдерживая чувства, свой подарок – двухсоткилограммовую бочку кетовой икры. Не взять – значило сильно обидеть, но до отхода нашего судна остаются минуты, и мы находимся в полной растерянности: что с ней делать?! Успеваем только сгрузить бочку на причал и в спешке выхватить из неё пару совков янтарной липучей массы, завернув её в ломкий кусок пергамента, остальное же остаётся на пирсе, как памятник неисчислимому богатству курильской земли, щедро отдающей его таким же отчаянным и красивым, как она, людям.

Судно удаляется от причала, а перед глазами у меня – великолепные серебристые рыбины, ухитряющиеся противостоять безудержному напору студёных курильских вод. Подобно рыбам, мне тоже хочется идти по непроторённой дороге, а не повторять уже пройденный путь. Однако последний бывает неизмеримо сладок, и не перестаёт притягивать, если он был пройден достойно. Точно также не отпускает меня Уруп, на котором нам посчастливилось побывать, прикоснувшись к его нетронутой первозданной природе. Именно на нём я впервые в жизни почувствовал и осознал присутствие Бога...

Трудно вообразить, но я нахожусь на курильском острове Уруп, в переводе с айнского языка означающего «лосось», и на карте действительно напоминающего рыбу, по крайней мере – нечто вытянутое, завершающееся на обоих концах удлинёнными острыми мысами. Здесь почти нет людей, только небо, горы, многочисленные ручьи и водопады, безмолвные скалистые утёсы и заросли стланика с бамбуком, и ещё – океан... Океанский прибой выровнял острые мысы острова, образовав ступенчатые террасы, и поскольку остров не широк, в шторм гигантские волны свободно гуляют по его берегам.

Помнится, мне захотелось уйти на самый край острова, остаться совершенно одному, наедине с морем, камнями и каким-то нереальным маяком. Это была северо-восточная оконечность Урупа – мыс Кастрикум, никого рядом со мной не было, и лишь разноцветные кухтыли валялись повсюду, оживляя своими яркими боками пустынный мыс. В какой-то момент даже показалось, что над этими местами когда-то пролетала моя древняя душа, до того всё было узнаваемо, и были они такими же первозданными. Может быть, поэтому я и ощутил, постепенно, во всём окружающем нечто Божественное. Ведь Бога невозможно познать, его можно только почувствовать, и почувствовал я Его именно на острове Уруп.

Сидишь вот так, на каком-нибудь шероховатом тёплом камне, и чувствуешь, ровно что-то входит в тебя... Не сразу и разберёшь поначалу – что именно, но скоро понимаешь – то, что окружает: эти загадочные камни, морская бирюза, солнце, отражённое в её прозрачной густоте, и необычайный простор. Простор этот прикасается к тебе как бы исподволь, осторожно, но уже через мгновение бьёт откровенно наотмашь, ослепляет, так что ты и сам начинаешь изливаться в нём, и как бы ни пытался объяснить это удивительное состояние – ничего не получается, а на душе – покойно и сладостно.

Понимаешь сразу, что никогда и не переставал стремиться к этой чистоте, которую дарит море и всё, что его окружает. Чудится даже: вот оно вздохнёт, перевернёт в тебе что-то невидимое, и сам ты рядом с ним станешь морем. Веря в своё замечательное перевоплощение, тоже будешь торжественно и радостно бушевать, ибо всё здесь предполагает только мужество и отвагу.

Мыс Кастрикум назван так в честь судна голландца Фриза, открывшего когда-то этот остров, он доступен всем ветрам, и в нём, действительно, есть что-то свободное, напоминающее движение корабля, неустрашимо раздвигающего форштевнем упрямые океанские волны. Только одинокий маяк, как мачта, украшает его палубу-скалу, и так получилось, что именно здесь, за тысячи вёрст от родного дома, я впервые поговорил с Богом. Выбрав свой жизненный путь, как мне казалось – правильный, я через него неожиданно пришёл к Богу, и встреча эта состоялась ни где-нибудь, а на

Курилах, рассекающих своей саблевидной цепочкой островов Тихий океан и Охотское море.

Никому нельзя увидеть нашего Творца, и я Его, конечно, не увидел, но очень остро почувствовал чудесное Присутствие. Пребывая в чуде дальневосточных красот, ещё с большим чудом соприкоснулся, внутренне готовый к общению с ним. Такую встречу невозможно предугадать, к чуду вообще нельзя привыкнуть, ибо оно всегда случается вдруг, когда ты занят каким-либо делом, и вот, по какой-то причине, оказываешься ошарашен: к тебе приходит сам Господь... Есть отчего прийти в волнение, но я всё происходящее воспринял спокойно, как будто был к этому, действительно, давно готов.

То, для чего живёт каждый человек на свете, обычно ему неизвестно, а мне вмиг стало совершенно понятно: я родился, оказывается, для того, чтобы увидеть Океан, работать в нём и встретиться на его пустынном берегу с Богом, чтобы утвердиться в правильности выбранной дороги и рассказать об этом людям. И ещё о многих замечательных вещах, до которых дошёл сам, вернее, они уже находились, оказывается, в моей душе, и нужно было только подобрать к ним ключик, чтобы открыть.

Стоял тёплый сентябрьский день, светило солнце, и лёгкий морской ветерок беззаботно перебегал с океанской стороны на охотскую. Чем занять себя в такой благословенный день, на почти пустынном острове, когда ты уже сходил к дремлющему вулкану, посмотрел игры каланов, водопад и восходящее по его струям стадо лососей, а все подводные работы по ремонту мареографа уже выполнены? Всякое занятие скоро наскучивает, так же, как и прогулки по берегу в поисках диковинных даров моря, которых мной за несколько лет работы на Дальнем Востоке было собрано огромное количество. И я решил просто побыть в одиночестве, с самим собой, к тому же – в таком замечательном месте, где взору открывается и Охотское море, и Тихий океан, и красивые горные кряжи острова Уруп. Сам же мыс Кастрикум покрыт голыми камнями, изредка – травой, и иногда, как о том говорится в Лоции, здесь появляется морской зверь – калан, сивуч и нерпа, и почти всегда гуляют ветра, находящие для себя в этих местах полный простор.

Я сидел на небольшом валуне неподалёку от уреза воды, смотрел перед собой, и вдруг - почувствовал Его... Новое ощущение было совсем не таким, что я недавно переживал при встрече с Океаном, хоть оно и оказывалось по-настоящему не передаваемым. Нет, вновь возникшее чувство обладало ещё более удивительной природой.

Эта всё превышающая в мире Энергия была совершенно неизведанна, но абсолютно понятна и более близка, чем что-либо иное. Внезапное соприкосновение души с неведомым, но очень осязаемым бытием было не сравнимо ни с чем, что когда-либо я испытывал. И всё это, казалось бы, не осуществимое для человека переживание, вернее – состояние души, оказывается, было вполне осуществимо и необыкновенно радостно.

Поначалу я чуть не закричал от охватившего восторга и присутствия такой чудесной и в тоже время доступной Силы. При этом я не уподоблял Его себе, не пытался видеть обязательно в человеческом обличье, словом, на этот счёт не заблуждался, как многие, персонифицирующие образ Господа люди. Он, Творец, просто был необыкновенно близок мне сейчас, и Его Сущность заключалась во всём, что окружало – в море, камнях, маяке, бездонном небе, будто растворившимся в бескрайней поверхности воды, и ещё в неуловимом, но чётко угадываемом Присутствии Великой Сущности, Благостном Состоянии, которое беспрепятственно проникало в меня. Не надо было отвергать или признавать Существо Бога: Оно пребывало рядом и переживалось так просто и явно, как ни один, реально существующий на этом острове, предмет.

В то утро, сидя на камне у самой воды, я повернулся лицом к чуть пробивающемуся сквозь облака солнцу, и ощутил необыкновенное тепло. Никто сейчас не видел мир таким, каким его видел я, и в то мгновение я даже почувствовал себя особенным. «Без тебя можно обойтись, но тебя никто не заменит», - как будто прошептали небеса, а океан отразил еле уловимые слова, и мягко прибил их к моим ногам...

И что интересно, я не ощущал потребности в молитве, несмотря на это Божественное Присутствие, в ней совсем не было необходимости. Естественным было только нахождение в этом самом месте, в это самое время, и как приятно тогда морской ветерок оведал моё лицо! Он будто разговаривал со мной, по-приятельски, ненавязчиво, и я не сразу понял, что через него со мной общается Само Божество. Я чувствовал себя совершенно свободным наравне с океаном, скалами и ветром.

Здесь, на мысе Кастрикум, открытом всем ветрам, солнцу и необъятному морскому простору, душа моя, как ни странно, впервые вспомнила о Боге, и Он тотчас отозвался. Поначалу это было удивительное ощущение покоя, что охватило и остров, и море, и маяк вдалеке, и всё окружающее в природе расступилось, будто распахнув на небе окно... Воцарилась такая тишина, что грех было пошевелиться.

Я сидел покойный, чувствуя, что совесть моя чиста, и сердце было поглощено блаженством от созерцания происходящего. А Бог подступал осторожно, конечно, понимая, что созданная Им душа жива, с ней нужно лишь заговорить, чтобы она по-настоящему проснулась, и это случилось. Присутствие Бога изгладило все худые воспоминания и тяжесть морского труда, наполнив меня беспредельной радостью и силой. Всё вокруг обещало только любовь, предощущение великого знания, которое вот-вот должно было открыться.

У Ивана Сергеевича Тургенева есть размышления о вдохновении, вернее – об особенном настроении, напоминающем это удивительное состояние. Суть их в том, что у каждого настоящего художника подступают такие минуты, когда чувствуешь необычайное желание писать, ещё не знаешь – о чём именно, но сознаёшь, что непременно будешь творить. Поэты

это настроение называют «приближением Бога», оно включает в себе чуть ли не главное наслаждение художника, и если бы его не было, никто бы, наверное, и писать не стал. Уже после, когда приходится формулировать всё прочувствованное на бумаге – и начинается истинное мучение, но вот момент зарождения чувства Божественного Присутствия забываем.

То же ощутил и я, когда вдруг почувствовал себя и с Ним, и со всем на свете равным, и было мне необыкновенно, так, как никогда не было. Полное слияние со Всем Сущим было непередаваемо, а Он ощущался наиболее близко, пребывая и в океанских водах, и в туманной дымке над ними, и в не успевающих обсыхать камнях, и в воздухе, который был совершенно удивительный. Если бы пришлось выбирать – в чём Всевышний воспринимался мною наиболее проникновенно и полно в это утро, то, не задумываясь, обратился бы всем своим существом именно к воздуху. Воздух был просто пронизан чудесным ожиданием, и тут Бог произнёс:

- Мне по нраву, что ты всегда обнаруживаешь в себе верное решение, и тотчас воплощаешь его в действие. Это большого стоит.

- И Ты каждый раз был рядом, во всех моих морских путешествиях?

- Именно так.

- У меня хватает только сил проявлять настойчивость... Да и то не всегда.

- Настойчивость сильнее судьбы, и это качество тоже Мне по душе. Ты уже чувствуешь – кем можешь стать?

- Мне порой кажется, что все мои жизни были одной... Вернее, я старался неотступно, из жизни в жизнь, делать одно и то же. Что-то во мне вынуждало следовать именно этому. Я как будто чувствовал, что иначе жить было бы неправильно.

- Каждую душу, при появлении её на свет, Я наделяю чем-то особенным, так что она не похожа ни на какую другую. Не сыскать во Вселенной двух одинаковых духовных субстанций. И каждой душе определено это своё «я» нести достойно, непременно его развивая. Несмотря ни на что.

- И это есть самое главное? Но во имя чего, зачем?

- Затем, чтобы каждому пройти неповторимым путём, ещё более расширяя созидательные возможности бесконечных и удивительных миров. Вся Вселенная – это единство и разнообразие нескончаемых душ, призванных пребывать в неминуемом соседстве, но со своим неподражаемым содержанием. Мне нравится планета, которую ты создаёшь... Ты – есть божественный канал, через который Я желаю выразить Себя ещё полнее, и ты помогаешь Мне в этом, а значит – нужен Миру!

О чём, после этого, ещё можно спросить Бога, если Он появляется перед тобой, почувствовав твою искреннюю потребность в Нём? На все вопросы, наверное, ты обязан ответить сам, в первую очередь, попытавшись обнаружить Бога в своей душе. Но Бог, всё же, способен снизойти к тебе, если сочтёт это в данный момент необходимым, и Бог снисходит, и

происходит это тогда, когда ты действительно в Нём нуждаешься, чаще всего не замечая Его Присутствия в себе.

- Господи, неразумно, должно быть, пытаться искать Тебя, ибо Ты приходишь по Своему Усмотрению, когда в этом появляется потребность. Не разумно, наверное, и спрашивать, что Ты приготовил для каждого из нас в будущем, ибо все мы определяем его своими поступками?

- Достичь гармонии с самим собой – значит почувствовать Меня в своей душе.

- По-моему, это невозможно, если не побывал в океанской купели...

- Да, на создание океана у меня ушло немало сил, и он, как ничто, благотворно омывает каждую душу своей мощью. Но Я присутствую везде, и если про какое-то место говорят, что в нём Меня нет, то это лишь свидетельствует о духовной незрелости, отсутствии видения.

- Мудрость, видимая в природе, - повсюду, особенно – здесь, на диких Курильских островах... Я так это остро ощущаю. И именно здесь приходишь к выводу, что Ты, Отец, существуешь, и оттого хочется идти туда, куда даже не долетают птицы...

- Верно, Меня в этих местах встретить легче, чем человека. А кто сам будет светить, до всего дойдёт.

Мудрецам давно было известно, что Присутствие Бога можно ощутить, используя свою жизненную силу. Когда наше тело максимально связано с душой, то есть – мы находимся в гармонии с собой и окружающим миром, создаются эффективные возможности почувствовать Бога рядом, осознать, что Он с тобой – видит тебя, чувствует, понимает и даже может поговорить. Но ты должен поэтапно прийти к этому чудесному состоянию, ставя себя в самые разнообразные условия, потихоньку приближаясь к совершенству. Когда ты достигаешь в себе единения тела, сознания и духа, находясь в окружении божественно-чистой природы, где тебе ничего не мешает, а только доставляет истинное удовлетворение от происходящего, может, действительно, появиться Он.

Меня, конечно, спросят и, быть может, даже осудят: как можно разговаривать с Богом, если Его никто никогда не видел и толком даже не знают – как Он выглядит? Как, вообще, такое может случиться, если человек находится в здравом уме и в полной памяти, словом, здоровый, не ущербный какой-нибудь? Даже вообразить подобное не представляется резонным, а уж тем более рассказывать другим людям, которые почему-то должны всему этому верить, ни капли не сомневаясь. И, тем не менее, я пытаюсь это делать.

У вас не будет необходимости звать Господа, когда вы будете сильно нуждаться в Нём: Он сам объявит Себя, если вы того заслужили. Бог придёт к вам, и вы поймёте: Бог здесь, Он разговаривает с вами, словом, вы Его видите и чувствуете душой, потому что Он всегда пребывал в ней.

- Я – Твой ученик и душа, преданная Тебе, - опять решился я произнести. – Я счастлив, что могу ощущать Твоё Всевышнее Благо. Господи, наставляй меня.

И Творец ответил:

- Продолжай быть Преданным. И знания, и силы, и любовь должны быть совершенны. Стремись к этому, и тогда наставления будут исходить непосредственно от Меня.

- Благоговею и верую, - тихо промолвил я. – Не верится, что Ты слышишь меня...

- Слышу и вижу всё.

- И между нами нет никаких посредников?

- Да. Потому что Я – и в твоём сердце, и всюду. Но ты молодец, что услышал Меня, добился. Я всегда жду этого ото всех душ, и ведаю всё, о чём они мыслят.

- Я думаю о многих вещах очень серьёзно. Вроде как это – моя обязанность. Так я осознаю жизнь.

- Я даю всё, и даю всем, если души того заслуживают. А пищи моей хватает для каждого.

- Господи... Благодарю Тебя за то, что Ты есть, что пребываешь в моём сердце. Мне так хорошо с Тобой, что я даже не хочу узнать о Тебе больше, ещё сильнее ощущая Твоё Присутствие...

- Я тебя понимаю. Но жизнь не имеет смысла, если ты не растёшь.

- Я хочу в полной мере воспользоваться жизнью на Земле, чтобы прийти к Тебе, Господи.

- У тебя неплохо это получается. Ты можешь узнавать всё больше и больше.

- Я стараюсь, и мне так нравится всё, как Ты устроил.

- Будь предан выбранному тобой пути, и никогда с него не отклоняйся: преодолевай и достигай, преодолевай и достигай, только и всего, так достигнешь блага.

- Получается, я ничего не значу без Тебя, Господи?

- Абсолютно ничего. Но ты установил со Мной связь, и в этом – ценность твоей жизни. Сделай её теперь совершенной, у тебя всё для этого есть. Всё, чтобы чувствовать себя счастливым всегда. Для этого нужно просто следовать определённым принципам, регулировать свою жизнь, постоянно очищаясь и становясь мудрее.

- Как чисто всё здесь, на острове: и растения, и камни, и удивительные лососи, и воздух... А Океан просто поразил меня своей лучезарной мощью, в нём нет ничего худого, только первозданная чистота. Я сразу почувствовал, что он меня ждал... И ещё я ощутил, Господи, Твоё Присутствие, и что я стал к Тебе ближе. Оказывается для этого, действительно, нужно было просто быть собой.

- Если ты серьёзно относишься к жизни, то будешь оставаться чистым везде и всегда, следуя этим путём неукоснительно. А это значит, что ты

должен совершать духовные усилия ради будущего, пребывая здесь и сейчас: чем больше таких усилий, тем большее открывается благо. Когда-нибудь оно станет постоянным и полным.

- Благодарю Тебя, Господи. Я чувствую, как всё это прекрасно.

- Ты Мне доставил удовольствие, когда отправился в дальнюю дорогу и не свернул с неё. Это признак замечательной состоятельности человека, когда он не стремится только получать взамен, а отдаёт себя. Ты стремишься к знаниям и помогаешь людям: что может быть лучше? Получая только удовольствие – не сможешь обрести счастье. Важно свои усилия направлять на то, чтобы мир стал лучше, именно это – по-настоящему достойный и интересный выбор, он не может не приносить радость. А приносящий радость – благостен. Для Меня радостно, что ты уже давно совершаешь духовные усилия добровольно. Тому, кто этого не делает, придётся терпеть большие лишения. Но пока не намучаешься, ничего не узнаешь.

- Недавно я понял, как приятно совершать эти духовные усилия...

- Если ты будешь и дальше совершать их, Вселенная пошлёт тебе ещё много чудесного: вот как сегодняшнюю встречу с Океаном, которую ты никогда не забудешь. Отправляйся к нему, не мешкая. Важно не бояться утвердиться в своём изначальном состоянии, в том, к чему ты предназначен, а для этого необходимы волевые усилия, чтобы начать действовать в правильном направлении. Знание приходит к ищущим, и только познавший – находит. Так, постепенно, ты овладеешь полным знанием, и у тебя не будет необходимости понимать что-либо ещё. Твоё знание станет совершенным. Оно принесёт непрекращающееся удовлетворение и радость.

- А терпение?!

- Терпение – святое свойство. Оно должно стать безграничным.

- А если терпеть невозможно?

- Нет такой беды, которую бы нельзя было душе человеческой превозмочь, и нет такого испытания, которое душа человеческая не в силах вынести.

- Не замечать, что оскорбили и проявлена несправедливость? Не отвечать, когда издеваются, насильничают?

- Сам для себя реши – подставлять ли щёку, или лучше самому нанести удар. На внутреннем уровне - необходимо желать всем благодати, на внешнем же – мудро реагировать по ситуации... И помни: решил бить – так стой до победного конца, не допуская в себе разрушающей озлобленности. Не заталкивай обиду в душу, не копи раздражение, а давай им выход. Труд на воздухе, в море ли – на земле, трансформирует агрессию в состояние, которое уже не убивает и не проходит внутрь.

- А что следует освоить в себе в первую очередь?

- Решимость сердца, способность сделать шаг, другой, третий... И, в конце концов, проявлять божественную волю постоянно.

- И всё?!

- Быть искренним с любым человеком, помогать тому, кто в этом нуждается. Помнить, что любовь, ниспосланная Небом, - изначальное состояние души, и следует увеличивать её, отдавая обратно.

- Всему миру, каким бы он ни был?

- Нужно абсолютно принять мир, любые его проявления, как части единого целого, и не уставать познавать его.

- Мне это нравится больше всего, когда максимально проникаешь в суть вещей, и так радостно осуществлять всё это в море.

- Но чтобы человеку выйти на принятие Вселенной, на смирение перед Ней, нужно снять то, что мешает ему это сделать: ненависть, осуждение, презрение и обиду. Меняя своё восприятие мира, ты меняешь своё мировоззрение, и именно мировоззрение меняет твою судьбу.

- Значит, нужно научиться принимать любую боль, радуясь?

- Да, потому что она спасает душу и тело! Чем больше страданий примет душа, тем меньше их останется телу. Следует научиться использовать каждую ситуацию, унижающую тебя, для очищения.

- Как?!

- Познавай самого себя.

- Познать самого себя – значит также самозабвенно и любить?

- Обрести земное счастье в полной мере можно лишь тогда, когда целью и смыслом жизни станет чувство любви ко всей Вселенной, а всё остальное, земное – средством для увеличения этой любви. Много зла минуют люди, если обратят взор, в первую очередь, к своей душе, которая есть отражение всего Божественного, но разве можно любить себя за собственное несовершенство? Не лучше ли начать работать над собой, расти и, обретая знание, которое у тебя уже никто не сможет отнять, великодушно отдать его любому нуждающемуся?!

Мысленно я бил нижайшие поклоны, но происходило это естественно, без надрыва. На душе было удивительно покойно, так же, как и в окружающей природе.

В какой-то момент я вдруг чётко осознал, что окончательно поверил в выбранный путь. И что путь этот – полное признание Бога, понимание, что я всё более уверенно по нему иду. Добровольно отказываясь от привязанности только к материальному, я почувствовал ранее неведомую мне чистую радость... Всё пришло как будто само собой, и глубина переживаемой жизни захватила меня полностью. Думаю, что появление Всевышнего вселило в меня недостающую уверенность. Он пришёл как раз вовремя.

- Постарайся научиться понимать свою жизнь. Это очень важно. Ты не знаешь – что ждёт тебя в последующем, но от твоего поведения здесь и сейчас зависит – каким оно будет. Нынешняя жизнь – это подготовка к будущему.

- И его можно прогнозировать?

- Да, это возможно. Приняв решение – нужно просто осуществлять его, определив, что для тебя по-настоящему значимо и чего бы ты хотел изменить

и добиться. Всё зависит от твоего желания, от того, как ты его реализуешь. Ты должен осуществить обдуманый выбор, взяв на себя полную ответственность за своё будущее.

- Всё так просто...

- Именно. Но если ты не примешь решения и не воплотишь его – ничего хорошего из этого не получится. Не осуществлённые мечты и желания разрушают душу. Используй возможности, которыми обладаешь. Ты должен чётко представлять – в чём цель твоей жизни, и в соответствии с этим выстраивать её. Разве не такой путь достоин человека?

Я, конечно, был согласен. Несмотря на то, что Творец не находился в материальном теле, в силу каких-то неведомых для меня причин я всё-таки был способен видеть его духовную форму. Вернее, Он милостиво предстал в образе, доступном моему восприятию: это были еле уловимые очертания высокой фигуры в длинных одеждах, объявившейся над морем. В фигуре Творца не было ничего материального, а я Её всё же угадывал чуть-чуть, чувствуя, что и мне и всему окружающему оказывается величайшая любезность и расположение. Образ Господа был не отличим на фоне облаков, синего неба, искрящегося до ослепительности океана, но, тем не менее, я Его видел, потому что всё существующее было Им.

Им были и камни, и бамбук, и трава, и даже маяк на голом мысу, и постепенно мне начинало казаться, что и я сам... Природа моих мыслей, кажется, создавала всё вокруг происходящее, а океан и остров с охотой способствовали тому. То, о чём я думал, воплощалось, и ничто в окружающем мире мне не препятствовало. Я находился в удивительном согласии с собой и природой, и это создавало Любовь.

- Господи, - тихо произнёс я. – Постараюсь не сбиваться с верного пути. Ты в моём сердце направляешь меня, и я хочу однажды вернуться обратно, к Тебе Всевышний, потому что Ты – Всё!

Я понял, что не хочу находиться во власти ложных представлений, строить одну за другой всё новые иллюзии, а желаю обрести освобождение. Быть естественным – как это свободно и радостно! Постоянно переживать своё естественное положение в мире – цель моих устремлений.

- Сын Мой... Ты достигнешь, чего желаешь.

- Благодарю Тебя, Господи! Я буду стремиться следовать Твоим наставлениям. Всё, что Ты говоришь – соответствует истине, но редко найти человека, которым бы, действительно, руководила Твоя Воля.

- Я готов вести за Собой всех, да беда в том, что никто не хочет идти... Вернее, лишь немногие следуют заповедям, но Я рад и им. Посмотри – как прекрасен Океан! Даже нахождение рядом с ним учит многому: например, желанию не потворствовать своим низменным чувствам и служить самому лучшему в себе. Он в любого вдохнёт жизнь, но не всякий к нему придёт, неустанно преодолевая нелёгкий путь. Какие ощущения испытал ты, ступив на его пустынный берег?

- Я был счастлив просто от того, что оказался здесь, даже не помышляя о каком-либо вознаграждении. Само то, что это случилось, и Океан принял меня – уже божественно. Океан мог бы меня и не заметить...

- Но ведь принял, поверил в тебя, и, к тому же, очень боготворил?

- Да, Океан, при всей его величественности, просто поразившей, удивил тем, что встретил меня как родной человек, несмотря на свою мощь, - очень проникновенно. Океан приветствовал моё появление, я это почувствовал, и в какой-то миг даже показалось, что он заботится обо мне. Так обрадовано и трогательно катил он свои мощные валы. Океан просто прочитал мои мысли задолго до того, как я появился у его берегов, и они не затерялись в его бескрайних водах. Он меня ждал. Но ждал меня, оказывается, и Ты, Господи...

Конечно, трудно любить того, кого ты никогда не видел, и даже не помышляешь – какой образ Всевышнего себе вообразить, но тем-то и уникален Господь, что может быть Всем. Он способен явиться в любом обличье, и ты угадаешь сердцем Его истинные черты. Трудно было бы предположить, что Господь ими не обладает. Он, естественно, превосходит нас во взаимодействии со всем и отношении к нему, и несёт в Себе великие качества, вмещающиеся в безгранично могущественную духовную форму! Ведь и мы созданы по Его образу и подобию!

Только Бог – вечен, а значит – всегда молод. Он обладает совершенно необычайными свойствами, слагающими неопишное по своей силе воздействия Благо, вмещающее и бесконечную мудрость, и величайшую отрешённость от сотворённых дел, и неповторимую красоту. Бог для всех хорош, потому что абсолютно духовен, и всё, что вступает в соприкосновение с Ним, становится также абсолютно чистым и духовным. Да и разве возможно представить себе всю очищающую силу Господню, если и Океан, и Солнце несут в себе эту волшебную способность, чего уж говорить о Боге, однажды их создавшем?!

Но Бог не может быть сложен, Он именно доступен для каждого и прост. Всякий может ощутить Господа своего, задать ему вопросы и получить ответ. Бог милостив, а значит - достижим для общения. Нужно только быть преданным и благодарным Господу за то, как Он всё устроил, и Бог услышит любое обращение и выкажет Свою огромную Любовь. Любовь Бога безмерна, потому что Он необыкновенно самостоятелен и безусловен, и нам остаётся выражать Ему свою благодарность, становясь хотя бы чуть-чуть лучше.

Думается, что Бог терпеливо ждёт от всех нас некоего духовного настроения, в общем, такого состояния души, когда мы уже ни в коем случае не будем добиваться власти, своего превосходства над другими людьми, желать, во что бы то ни стало, успеха, денег, любви женщин или даже спасения человечества, а будем только кропотливо работать над собой,

открывая этому миру, наполненному чудесными тайнами, и свою душевную крепость и чистоту. Открыв же себя, положим все силы на развитие только своего, пусть хотя бы крохотного таланта, что постепенно, незаметно для всех, внесёт в жизнь надёжное и непередаваемое по красоте содержание.

Ведь инстинкт поиска равновесия, раскрытие своей истинной природы – так же естественен для человека, как инстинкт самосохранения и продления рода. Свободу человек может обрести только тогда, когда всё глубже и глубже проникает в свою внутреннюю природу, лишая себя какого-либо недовольства, позволяя быть собой в чистом виде, как устроено его чистое сознание, его изначальная природная суть, то, чем наградил нас Господь.

После того, как я поговорил с Богом, я пришёл к самому себе. В моём восприятии всего произошло истинное откровение, а взгляды на жизнь совершенно изменились. Я узнал перед собой новые обязательства, но при этом они меня не поработали и не пугали. Я почувствовал, что следование этим путём будет радостным, хотя и нелёгким.

Я понял: когда бы ты ни услышал истину, знай, что она не приходит извне, истина спрятана внутри тебя. Эта истина – присутствие в душе каждого из нас Божественного, о котором ты просто забыл, а теперь, после общения с Всевышней Силой, вспомнил, что она там, в тебе. И когда ты слышишь истинное, то всё в твоём сердце откликается на него. Твоё собственное божественное изменяет тебя, твоё отношение ко всему, и всё это – благодаря Богу, который слышит каждого, понимает и всегда готов к общению.

Существование Всесильного Господа – это не препятствие для свободы человека, а наоборот – пример следования путём просветления. И всё же, человек не свободен. Что мешает ему в этом?

То, что Бог могущественнее любого человека – не должно стать для него преткновением, ибо быть свободным и по-настоящему сильным – значит нести в своём сознании ответственность, однако многие предпочитают вседозволенность, которая не подразумевает никакого роста, то есть – усилий. Ответственность же предполагает наличие решимости, дисциплины и неутомимости. Кто решится на подобное без явной гарантии на вознаграждение? И, тем не менее, способность быть собой заложена в самой природе человека, это его изначальная сущность, которая постепенно была утеряна, и нужно обрести её во имя будущего совершенства.

Исследовать мир и самые сокровенные части своего существа – вот единственно достойный путь движения каждой души к Богу. Ведь каждый человек может быть чем-то гораздо большим, чем он себе это представляет, и как интересно постигать свой потенциал! Возможность расти - уже давно живёт в нас, нужно только приложить усилия для взращивания этого семени. И разве это не замечательно – постигать и развиваться, быть правдивым, искренним и настоящим, в первую очередь, по отношению к самому себе?

Путь, конечно, не близкий, но ведь можно останавливаться на отдых, когда устал, радоваться возможности подводить итоги, а затем отправляться дальше, сознавая, что никто тебе не помешает, ты силен и свободен, и такое прекрасное странствие вечно, но из-за этого оно не теряет своего очарования. Замечательно то, что твоя свобода возлагает ответственность за все поступки только на тебя самого: кем ты был, кто ты есть сейчас и каким станешь в будущем, зависит от твоего выбора. Этот чудесный аромат ответственности, всё, что ты переживаешь в дороге и твои мечты – заставляют тебя идти вперёд, постепенно поднимаясь всё выше и выше.

Огромная радость сознавать, что жизнь не случайна, в ней существует скрытый смысл, а для каждого человека – своё предназначение. Бог уготовил его для всех людей, Он придумал что-то абсолютно замечательное, за чем присматривает постоянно, управляет, и знает наверняка многое про всех, ожидая от них ответственного отношения к собственной жизни. Одного Он не может ведать: что принесёт каждая отдельная индивидуальность, ибо всякая – уникальна. Ведь на Земле не зря не существует и двух людей с похожим рисунком пальцев, и при миллиардном населении планеты это подтверждает уникальность возможностей любого человека, когда бы он жил только сообразно со своими представлениями, интуицией и сознанием. Тогда он и обретает гармонию с Мирозданием, оставляя свой след, вернее, плоды, как это происходит у дерева, живущего в полном согласии со своей природой, ничего не придумывая. Только принимай мир таким, какой он есть, будь самим собой и не сомневайся, что мир этот создан для тебя.

И ещё я понял важную вещь: когда ты решился направить свою жизнь в единственно верное русло, Бог помогает тебе. Как бы тебе ни было тяжело – Он рядом. Ты время от времени ощущаешь Его Присутствие, и это вдохновляет тебя. Но вот когда дорога твоя определится, то есть – предназначение своё ты осознаешь, помощь Божественная прекращается.

Правда, на первых порах, по каким-то еле уловимым деталям, ты всё же Присутствие Бога до конца не теряешь, и, тем не менее, всё меньше и меньше угадываешь внимание Вселенной, понимая: теперь и ответственность в принятии решений, и осуществление их, и достижение чего-то важного для себя лежит только на твоих плечах. Так было и раньше, но сейчас всё переменялось: ты остался один на один с собой. Как сделаешь – так и будет. Даже страшно становится – чем я провинился перед Господом нашим, что Он совсем меня не замечает?!

А между тем всё, что ты делаешь, как мыслишь, воплощаешь ли задуманное благо в дела или отдаёшься не оправданному покою, тревоге либо тоске, видимо и чувствуемо Всевышним. Он, каким бы неправдоподобным это ни казалось, по-прежнему остаётся рядом, и ты рано или поздно ощущаешь Его, догадываясь, наконец, что Господь тебя и не покидал, оставляя за тобой право надеяться лишь на себя, ибо ты сам способен достойно нести в душе божественное, непреклонно продвигаясь к великому благу – соперничать всему живущему, а значит – быть.

И тогда ты вдруг начинаешь верить, что совершенство Творца поддерживается и тобой, потому как Он делится с нами возможностью совершенствовать себя и это является абсолютным расширением Его Самого, как и нас, когда мы стараемся наполнить этот жестокий мир более совершенными мыслями и поступками. Что же нам мешает быть лучше, как ни мы сами? Стоит, наверное, хотя бы попробовать поверить в свои возможности, чтобы когда-нибудь проявить себя в полной мере. Воспитывать себя и развиваться – вот что по-настоящему достойно для человека, который только ради этого и существует. А если рядом присутствует Океан, то всё происходящее дарит ещё и неописуемую радость.

На Урупe я впервые увидел Океан, каким его можно представить себе только в бурном воображении и, пожалуй, это было самое мудрое и величественное из всего, что я встречал в жизни. Немногочисленные жители острова, в основном – обитатели метеостанции, называют океанскую сторону «тихой», что, конечно, далеко от истины. Она – совершенно непредсказуемая, дикая, как будто и не земная вовсе. Океан беспрестанно омывает её своей мощью, держит в объятиях и не отпускает. Береговая полоса никуда и не убегает, она привыкла к постоянному присутствию этой силы, и, быть может, даже более довольна, в сравнении с охотоморской стороной, за свою судьбу.

Океан великодушно дарит земле свою силу, наверное, нисколько не думая о людях. Облик его для этого слишком глубок, велик и грозен. В нём находятся начала самых удивительных вещей, которые незаметно распространяются по всему свету. В недрах его – источник неисчерпаемых возможностей.

Вот и сам Уруп тоже производит очень волнующее впечатление. Сильно гористый, загадочный и даже мрачный, он этой своей мрачноватостью и красив. Всю его поверхность загромаждают горные вершины, которые разрознены, некоторые из них покрывает кедровый стланик и бамбук, но в большинстве своём склоны слагают россыпи из розового, красноватого и тёмно-коричневого камня. Все вершины почти отвесны, они таинственно просвечивают сквозь частый на острове туман, и чем-то безотчётно привлекают.

На Урупe много кедрового стланика, но ещё больше встречается зарослей бамбука, что и отличает Уруп от других Курильских островов. Зеленовато-жёлтыми пятнами разбросаны они по склонам гор, и были бы совершенно непроходимы, не проложи по ним в своё время японцы тропы. Они хорошо потрудились над этим, вернее – их военнопленные, расчищающие дороги на каждую сопку. Подневольный труд был очень распространён в стране восходящего солнца, и в качестве рабов японцы использовали китайцев и корейцев, которых затем расстреливали или топили в море на баржах.

Тропы были вырублены и местами выложены булыжником так тщательно, что ими можно пользоваться до сих пор. Сколько трагедий заключено в этих осыпающихся тропах! А если добавить к ним бесчисленные доты, рвы, вкопанные по башню танки на сопках, оставшиеся артиллерийские орудия и ангары с небольшими аэродромами на горных плато, в особенности – на Северных Курилах, не трудно представить себе – какое количество людей было уничтожено на островах, и как была исковеркана их неповторимая красота природы.

Я хочу, хотя бы отчасти, прикоснуться к этому дикому природному торжеству и, расспросив начальника метеостанции – как пройти на океанскую сторону, не спеша пробираюсь на юго-восточную оконечность острова через густые бамбуковые заросли. Бамбук в эту пору шероховатый, сухой, и листья его недовольно шелестят о чём-то над моей головой и за спиной, но получается это у них беззлобно. К этому шелесту быстро привыкаешь, если думать только о той картине, что ждёт тебя впереди.

Нужно заметить, что бамбук чрезвычайно солнцелюбив и, занимая сколько-нибудь свободные от леса открытые места и развивая в таких условиях мощную дернину, напрочь глушит подрост и вытесняет любой лес. Но курильский бамбук – род *sasa* не надо смешивать с родом *bambusa* – бамбуком тропических и субтропических областей. Род «саса» - это северная ветвь бамбука, при своём максимальном развитии на островах Уруп и Итуруп, он поднимается до трёх с половиной метров в высоту и достигает четырёх сантиметров в диаметре, тогда как тропический образует настоящие леса в высоту до 40 метров и в толщину ствола 30 см в диаметре.

Высота бамбука связана с мощностью снежного покрова зимой, степени увлажнения почвы и освещённости летом. Бамбук чрезвычайно разрастается, образуя наиболее густые заросли там, где имеется достаточно мощный снежный покров, и где отсутствует заболачивание и затемнение. В местах, подверженных сильному ветру, сметающему снег, бамбук угнетён и высота его невелика. После малоснежной зимы бамбук обычно к началу лета полностью или частично засыхает, приобретая желтовато-серую окраску. Зависимость степени развития бамбука от мощности снежного покрова настолько велика, что в летний сезон по его высоте можно легко судить о мощности снега, а зимой, наоборот, по количеству снега можно угадать, в каких местах и насколько развит бамбук.

Корни бамбука глубоко и прочно укореняются в почву, создавая очень плотную чащу, и в его густых зарослях трудно поселиться каким-либо другим растениям. Соседствует он чаще всего лишь с кедровым стлаником, с которым переплетается, образуя сплошную стену. Эти два дремучих вида как будто осознанно находят друг друга, никого к себе не допуская.

Если на Сахалине сквозь бамбук ещё можно ходить, раздвигая стебли руками, то на Урупе с ним приходится бороться, порой – безрезультатно. Путнику, передвигающемуся по этим зарослям, приходится уподобляться пловцу, рассекающему воду стилем «брасс». Особенно трудно подниматься

по склону, заросшему бамбуком. Его стебли всегда наклонены вниз и здесь уже приходится, согнувшись в три погибели, нырять головой вперёд, рискуя наколоть глаза. Зато вниз по склону можно съехать в сидячем положении по скользким упругим стеблям.

Здесь бамбук, конечно, не сравнить с рослым тропическим, он изрядно выродился, притерпевшись к ветрам, холоду и снегу, и больше всего похож на камыш, да и густота его зарослей напоминает тростниковую чащу самого глухого болота... На картах Сахалина можно увидеть даже надпись: «Камышовый хребет». Это результат ошибки, которую совершили ещё первые русские поселенцы на Сахалине, посчитавшие бамбук за камыш. Путешествующий по Курильским островам в 1766 году Иван Чёрный тоже сообщал о «прегустом камышнике».

Стебли и листья бамбука нежно-зелёные, на вид совсем травянистые. Молодые верхушки с удовольствием поедают лошади. Мы и сами попробовали бамбуковых верхушек: вкус такой же, как у водянисто-сладкого кончика стебля многих злаков. Но если вы попытаетесь переломить стебель бамбука пониже, даже когда удастся согнуть стебель в кольцо, у вас вряд ли что-либо получится. Стебель и не хрустнет. Бамбук упруго пружинит, частые его стебли образуют сплошную, отталкивающую вас толщу, пробраться сквозь которую нет никакой возможности. И так, по несколько десятков стволов на каждом квадратном метре, а в итоге эти заросли превращаются в нескончаемые километры.

Пройти внутри бамбука можно только тропой, прорубить которую стоит огромных усилий. Идешь, словно в ущелье, между отвесными стенами. Бамбук можно сравнить с непроницаемой щетиной природы, которая выращена ей как будто специально, чтобы не допустить никого к островным тайнам.

Твёрдые заострённые пеньки способны легко пропороть вам сапог и идти нужно очень осторожно. Хорошо, если тропа поддерживается и идёт по ровному месту, но даже в этом случае обе руки должны быть постоянно вытянуты вперёд, чтобы раздвигать гущу стеблей, причём делать это нужно не останавливаясь, потому как упругие стебли пружинят, бьют по лицу и плечам, не поддаются. Через несколько минут подобного напряжения выматываешься напроць, тогда, как преодолел каких-нибудь пару десятков метров.

Вдобавок, бамбук растёт так тесно, что некуда поставить ногу, ноге приходится втискиваться между железных стержней, а потом выдёргивать её. Ступни то и дело подворачиваются, оказываются зажатыми, когда ты продолжаешь движение, и всё это невероятно выматывает. А склон становится круче, стебли бамбука растут не вертикально, а наклонно – вниз по склону, чему, видимо, способствует снежный покров зимой, который сильно пригибает стебли, и получается, что теперь ты уже идёшь навстречу нескончаемым пикам, нацеленным тебе в лицо. Пот застилает глаза, ни о чём

другом, кроме бамбука, уже не думаешь. Растению с гордым и неприступным названием «бамбук», скорее, подходит неприглядное имя – «бамбучник».

И, тем не менее, не перечить той пользы, которую бамбук приносит там, где родится! Каких только услуг он не оказывает восточному человеку: ведь это, почти, основная древесина в Юго-восточной Азии. Наверное, невозможно перечить, как и где употребляют его те же японцы. В Японии из него строят дома, стены, заборы, лодки, изготавливают разного рода посуду, трости, веера и прочие мелочи. Бамбуковые палки используются в качестве наказания – ими бьют по пяткам. Удилищами из бамбука ловят рыбу. Из молодых веток бамбука даже варят варенье...

И вот, я продираюсь сквозь бамбуковые заросли, а океан уже угадывается по ударяющей в лицо невероятной свежести, которую ощущаешь по запаху, и понимаешь, что подобного аромата тебе не дарил даже женщина. Потом вдруг слышится чуть отдалённый гул, рождаемый из каких-то неведомых глубин, и он всё силится, растёт, так что даже пугает тебя этой своей неукротимостью. И уже всё внутри поджигается от ужасающего восторга, и хочется лететь навстречу этой стихии и ничего не бояться. Гул же, тем временем, незаметно перерастает в рёв, повергающий все земные звуки.

Именно океан подарил мне первое переживание настоящего страха. Я наконец-то узнал, как он выглядит. Страх беспрепятственно витал над пустынной палубой, забирался в узкие проходы между кают, под столы оставленной всеми кают-компаниями. Он был тишиной, которая, вроде бы, никому и не навязывалась, но незаметно забиралась в душу каждого. Она сковывала её каким-то неведомым холодом, и оттого непринуждённость речи сразу представлялась вычурной, спокойный взгляд на деле оказывался напряжённым, а размеренные движения рук, так или иначе, становились судорожными, и вся эта дисгармония, конечно, скоро начинала бросаться в глаза. Страх повергал собой, кажется, даже металлические переборки, но с ним нужно было бороться.

Укладываясь ночью в свою шконку, трудно было заснуть, и ты только погружался в тревожную дрему, силясь представить себе бушующий рядом океан и то, от чего он так свирепеет. Пытался осторожно постичь его безудержную силу, угадывая в ней - то необузданную алчность, то расчётливый порыв. Эта неопишуемая сила и породила страх, а кромешная темнота вокруг лишь увеличивала его. В какой-то момент начинало казаться, будто медленно пробивающееся сквозь эту невообразимую свистопляску судно уже давно перевернулось от отчаянного напряжения, и страх из напряжённой судовой тишины постепенно перетекал в неподдающуюся описанию и воображению океанскую черноту, где что-то урчало, хлюпало и ревело, сметая всё на своём пути.

Страх явно пробивался к тебе снаружи, ухитрялся протиснуться сквозь почти не существующие щели в иллюминаторе, который был накрепко задраен, но он не переставал присутствовать и рядом, тихонько замирая у

самого изголовья. Тысячи раз ревущие волны обрушиваются на палубу, надсадно стонут судовые надстройки и что-то с грохотом валится за переборками, а страх безропотно остаётся в каюте, витает под подволоком, своевольно и холодно заглядывает в душу. В какой-то момент он становится даже твоими мыслями, если ты его не прогонишь. В короткое затишье лучше всего зажечь лампу и взять в руки томик Бунина...

Но на палубе слышатся чьи-то быстрые шаги, крики и все звуки опять тонут в нескончаемом рёве. Твоё положение тотчас начинает казаться тебе не соответствующим относительно окружающей обстановки и, совершив отчаянный прыжок, ты вдруг присоединяешься к мятущемуся вокруг пространству. Чем можешь ты помочь судну и стойко несущей вахту команде, когда качка достигает наибольшего размаха? Зачем нужны твои пустые старания, если и так делается всё возможное? Это страх гонит тебя из каюты наверх, к людям, которые борются с ним на своём рабочем месте, и ты устремляешься туда, где, вероятно, и должен находиться в подобной ситуации, и, пребывая в сильном волнении, в тоже время достигаешь гармонии с самим собой. Тебе нужно было только подняться, начать действовать...

И так, если тебя обуял в океане страх, отнесись к нему с уважением. Ни в коем случае не разукрашивай его своими разнообразными настроениями, а прислушайся к самому океану и представь его бесконечную волю. Ты очень удивишься, когда, разглядев его пугающий поначалу образ, вдруг сразу успокоишься. Это, оказывается, твоё собственное воображение не знало границ и, соответственно, непомерно увеличивало зависимость от всепожирающего страха. Страх на деле оказался невидимой воздушной струйкой, еле угадываемым существом, которое легко можно загнать в угол, но лучше, предполагая в нём достойного соперника, великодушно его не заметить. Страх есть, но он тебе не страшен, потому как ты способен преодолеть боязнь и почувствовать себя от всего происходящего счастливым. Важно ясно представлять: ради чего ты решился на это небезопасное путешествие по Тихому океану, что тобой движет, и если – жажда познания, то тебе нечего страшиться.

Так я воспринимал океан изнутри, находясь непосредственно в его утробе, и совсем другое впечатление пережил, очутившись на его берегу. Нужно заметить, что для меня существует всего лишь три великих явления в природе, что вызывают непередаваемое никакими словами благоговение: бесконечная тайна звёздного неба, вселенские завывания ветра в глухом лесу и нескончаемый гул океана, который из всех перечисленных стихий – самый дорогой, любимый.

Глядя на океан, создаётся впечатление, что он не атакует берег, при всей своей видимой мощи не сражается с ним, а просто наслаждается своей силой, никому, между тем, не желая вреда. Любому же существу, вынужденному находиться по соседству с этой неиссякаемой энергией -

приходится принимать её таковой, не пытаюсь противостоять. Я смотрю на этот мир дикой природы и радуюсь тому, как мудро всё в нём устроено.

В первобытные времена вся наша планета, наверное, была океаном, и постепенно отступая, он повсюду оставлял свидетельства своего величия: окаменелые скелеты рыб и животных, мёртвые раковины, солёные озёра и высокие горы. И всё же, обретая свои современные границы, океан оставался для человека бескрайним... Именно поэтому, вероятно, человеку хотелось его покорить, вернее – освоить.

Тихий океан – самый большой и самый глубокий на земле, он занимает почти целое полушарие. Как он возник?

Некоторые учёные придерживаются гипотезы катастроф и считают, что круглый тихоокеанский бассейн – это рана, оставшаяся после того, как из расплавленной Земли был вырван огромный клочок её тела. Вызвано это было, по их мнению, сильным приливным действием Луны.

Несколько лет назад некоторые географы, пытаясь объяснить происхождение огромной впадины, заполненной водами Тихого океана, высказали даже предположение, что она образовалась в связи с отрывом Луны от нашей планеты. По мнению этих учёных, на месте современного Тихого океана много сотен миллионов лет назад находился материк, на котором вздымались высочайшие горы. Мощная дислокация земной коры высвободила из недр Земли этот гигантский массив, который отделился от нашей планеты и превратился в её спутника.

Другие исследователи полагают, что в Тихоокеанском бассейне происходили медленные и непрерывные изменения, обусловленные движением жидких подкорковых масс.

Существует ещё одна любопытная гипотеза: возможно земная кора была вмята и разорвана в результате столкновения Земли с астероидами? Очень давно, между Марсом и Юпитером, видимо, существовала какая-то планета, но она по неизвестной причине разлетелась на части и образовала пояс астероидов, или малых планет, со своими круговыми орбитами. Некоторые из них, в результате процессов, происходящих на Солнце, меняли эти орбиты и были разрушены после столкновения с Землёй и Луной. Большинство астрономов полагают, что, например, Море Дождей на Луне появилось в результате именно столкновения с астероидами. Не исключено, что и на Земле Тихий океан образовался подобным же путём, только на Земле эрозия уничтожила все видимые следы этих бурных межпланетных встреч.

Большинство океанографов склоняются к мнению, что когда-то Тихий океан занимал большую площадь и был, собственно говоря, единственным мировым океаном, то есть – первичным, тогда как более «молодые» Индийский и Атлантический образовались, так сказать, за его счёт. С разъединением континентов для них выделилась свободная площадь, в то время как происходило уменьшение ширины Тихого океана в его восточной части, вызванное надвиганием американских континентов в мезозое, две

сотни миллионов лет назад. В те далёкие древние времена Тихий океан, наверное, можно было назвать Мировым, или Великим.

Первый европеец, увидевший его воды, Васко Нуньес де Бальбоа, назвал этот великий океан Южным морем. С невероятными трудностями преодолев джунгли и горы Панамского перешейка, Бальбоа и его отряд 29 сентября 1513 года увидели величайший океан планеты. Впоследствии Бальбоа был по ложному доносу повешен, а не вознаграждён, как того на самом деле заслуживал.

Но как далеко на запад простираются воды Южного моря? Какие неведомые земли и острова скрыты в его безбрежной дали? И действительно ли открытый океан имеет название, данное ему Бальбоа? Словом, Южное море необыкновенно волновало воображение европейцев.

Одним из тех, кто руководствовался идеей открытия Нового Света - был Фернан Магеллан. 20 сентября 1519 года с флотилией из пяти кораблей он отправляется в свой беспрецедентный путь. Почти год тянулось плавание вдоль берегов Нового Света, пока, наконец, не был найден вход в пролив, связывающий Атлантику и Тихий океан, - пролив, впоследствии справедливо названный Магеллановым.

А 28 ноября 1520 года три уцелевших корабля эскадры выходят в Южное море. Во время плавания судов Магеллана через него, севернее 34 параллели ветер совершенно ослабевает, в течение более двух месяцев стоит полный штиль с великолепными звёздными ночами, и именно тогда Магеллан выбирает для Южного моря название, которое сразу укрепляется за ним и остаётся до наших дней – «Пасифико» - Мирный, или Тихий.

Но какие испытания претерпели моряки, отважившиеся первыми пересечь Великий океан?! Спутник Магеллана итальянец Антонио Пигафетта в своей книге «Путешествие Магеллана» поведал о тех трудностях, которые довелось испытать первым европейским мореплавателям, преодолевшим Тихий океан. Плыли они по нему три месяца и двадцать дней, страдая невероятно. «Питались мы сухарями, вернее – сахарной пылью, потому что сами сухари пожрали черви. Пахла эта гадость крысиной мочой. Чтобы утолить жажду, мы пили жёлтую, гнилую воду, а главной нашей едой была воловья кожа, покрывающая грот-грей, чтобы не перетирались ванты. Она была твёрдая, как камень, от солнца, дождя и ветра. Приходилось держать её четыре-пять дней в воде, и уж только потом её клали на горячие угли и съедали. А когда кончилось и это «мясо», мы стали есть древесные опилки».

Когда срок экспедиции перевалил за год, провиант полностью закончился. Были съедены все остатки солёной рыбы и пингвиньего мяса. Над морем, спасаясь от акул, то и дело мелькали стайки летучих рыб. Порой они шлёпались на палубу, и тогда люди хватали их и ели прямо сырыми. Некоторые матросы затевали удивительную охоту, которая долгое время была в ходу на старых парусниках: с кусочком заплесневелого сухаря в зубах матрос ложился в затемнённом месте и, когда к нему подбегала крыса, хватал

её руками. Крысу можно было продать за полдуката золотом за штуку, но и за такую цену их невозможно было достать...

И так, четыре сотни лет назад, самый великий на земле океан стал называться Тихий, и это название, как ни странно, ему очень подошло. Говоря – «Тихий», каждый, хотя бы отдалённо представляющий для себя воображаемое водное пространство, подразумевает, между тем, его мощь и думает о том, какой он огромный и величественный. Тот же, кто достаточно хорошо знаком с описываемой океанической бескрайностью, воспринимает её и как громкой, очень зычной реальностью, отчего океан не перестаёт быть «тихим». «Тише едешь, дальше будешь», - казалось бы, совершенно сухопутная поговорка, как нельзя лучше подходит к такому бесконечно открытому состоянию природы, как океан. Тихий ход корабля для моряков всегда подразумевал долгую благополучную дорогу, а тихий ветер – удачу и доброе настроение. Бойкий, как говорится, сам наскочит, на тихого Бог нанесёт.

Вот и добро не лихо, бродит по миру тихо, и тихо укачивает своей силой. Так и Тихий океан: убаюкивает одним своим названием, а его тихое могущественное молчание - чем не ответ? Словом, и тих да лих, но не беспутностью, - величественной тайной.

Тихая погода стоит над океаном, безветрие, но все моряки знают о бесконечных тысячах чертей, вольно обитающих в его недрах. Да только находясь среди океана – беда лишь догоняет, на суше же сам к неприятностям бежишь. Что лучше?! Нет, потише – значит к делу поближе, а если океан тебе не брат, сам украдкой в лапы к чертям пойдёшь, где и згинешь. Тихие океанские воды жизненной правды не замутят!

Таков Тихий океан, но что бы вам ни захотелось рассказать о нём, даже – вообразить, прежде всего, следует не забыть о его величине, ибо любое воспоминание о тихоокеанских красотах не обойдётся без неё. Это она определяет мощь океана, направление его ветров и течений, особенности климата, черты характера, присущие жителям тихоокеанских побережий, и уж, конечно, оказывает воздействие на тех, кто решился однажды отправиться в эти нескончаемые водные просторы, чтобы, благодаря им, отыскать в себе правду.

Необъятность Тихого океана своеобразна, и это своеобразие водного могущества невозможно выразить каким-то одним эпитетом. Вся его цельность, казалось бы, в совершенно несопоставимых чертах, но именно соединение их и создаёт истинное лицо Тихого океана. Он может быть разрушительным, страшным, и в то же время – необычайно нежным, затем коварным – и вновь кротким, ну а уж зачаровывающая таинственность океана не знает границ. И вот что странно: Тихий океан почему-то вполне заслуживает названия, данного ему Фернаном Магелланом. А может быть - мы просто к нему привыкли?

Протяжённость Тихого океана – 11000 миль, что составляет почти половину окружности Земли. О его величине свидетельствуют такие рекордные данные: наиболее отдалённая от суши точка находится в южной части Тихого океана на 48 градусах 30 минутах южной широты и 125 градусах 30 минутах западной долготы, на расстоянии примерно 1660 миль от ближайшей земли, а именно – от острова Питкерн, острова Дюси и мыса Дарт в Антарктиде... Следовательно, эта точка лежит в центре водного пространства площадью 8657000 квадратных миль.

Острова Тихого океана занимают пространство, на котором могли бы разместиться более трёхсот таких государств, как Франция, а сам Тихий океан в 17 раз превосходит то полушарие Луны, которое постоянно обращено к Земле. В недрах Тихого океана существует неведомая жизнь, и водные пучины кажутся куда привлекательнее холодной лунной поверхности. Вот и ширина Тихого океана в три тысячи раз превосходит его глубину. Но в сущности тихоокеанская водная оболочка, при всех её скрытых тайнах, это лишь тонкая жидкая плёнка на теле Земли, учитывая необозримые пространства Вселенной... И всё же, по земным понятиям, Тихий океан огромен.

Но солёное дыхание океана не проникает далеко вглубь материков, лучше ему быть подверженным на его берегах, в непосредственной близости с источником жизни, открывающим бескрайние морские пути, когда, отправляясь в плавание, твоё дыхание сливается с дыханием океана, и хочется с радостью познавать его тайны.

Океану всегда не достаёт от человека духа независимости, живости воображения и жажды неизведанного, только тогда он готов к общению. Отсутствие же этих качеств у человека не способствует завоеванию океана, даже – возможности приблизиться к нему.

Безмерность океана так же несравненна, как и его умудрённое величие. А неисчерпаемая сокровищница всех веществ, которые он в себе таит? Океан зачаровывает той изумительно разнообразной жизнью, которую поддерживает на всём своём протяжении, вплоть до самых больших глубин. Он заботливо обволакивает нашу планету неподражаемой красотой и единством всего живого, превращая обычные песчинки в драгоценные перламутровые жемчужины.

В глубинах Тихого океана обитают такие замечательные существа, как синий кит и гигантский кальмар... Синий кит имеет в длину 100 футов, а весит 150 тонн. Он в 35 раз превышает по размерам слона и куда больше динозавра или любого другого ископаемого животного. Один его язык весит 3,5 тонны. Благодаря 20 тоннам мускулов у основания спинного хребта, синий кит развивает энергию в 500 лошадиных сил и двигается со скоростью 22 узла.

Длина гигантского кальмара – 60 футов. Это диковинное чудовище ещё ни разу не удавалось поймать специально. Раз или два гигантский кальмар случайно попадал в сети рыбаков, а иногда его выносит волной на берег.

Только поэтому мы знаем, что у гигантского кальмара колоссальные глаза, с пластинку грамзаписи, десять щупалец, каждое толщиной с бедро человека, вооружённые присосками. Гигантский кальмар весит до 2 тонн. Это очень грозное животное, и его сражения с 70-футовыми кашалотами, наверное, относятся к самым кровопролитным на земле. Происходят они на большой глубине, и мы догадываемся о них только по остаткам кальмаров в желудках кашалотов и шрамам на теле последних от щупалец и мощного клюва.

Тихий океан... Сколько ему посвящено восторженных эпитетов и как глубоко поклонение им! Но при всём своём многообразии, океан постоянен: ни с чем не сравнимое по масштабам водное пространство накапливает тепло и медленно его отдаёт, так что на большинстве его островов – великолепный климат. Совершенно удивительная атмосфера, поистине чудесная, красочная и волшебная, создаваемая миллионами лет в содружестве воздуха, воды и суши.

Люди уже давно поняли, что погода и климат зарождаются в океане, точнее, определяются его состоянием. Именно океаны увлажняют и согревают ветры, веющие над ними, способствуя образованию дождя и регулируя температуру. По ним тепло распространяется от экватора на север и на юг, к полюсам, согревая околополярные воды! Они смягчают зимнюю стужу и летнюю жару, и сглаживают переходы от широты к широте. Океаны в прямом смысле определяют нашу жизнь.

Существование такого огромного водного резервуара, как Тихий океан, конечно, обусловлено режимом его ветров. К северу от экватора существует полоса штилей, наводившая некогда страх на парусные корабли. Там почти всегда стоит изнурительная духота. Плотное марево висит над водой – облачное кольцо, как говорят моряки, и оно заволакивает весь горизонт. В чудном рассеянном свете мерцает ровная поверхность океана. Редко в такие дни шальной ветерок всколыхнёт это оцепенение, и опять всё застынет.

Но восходящее движение воздуха в полосе штилей вызывает постоянный приток туда воздушных масс с севера и с юга из зон высокого давления, вращением же Земли они преобразуются в пассаты. Происходит перемещение колоссальных воздушных масс от поверхности океана до ледяных высот, где дуют антипассаты. Не встречая на своём пути никакого препятствия, циклоны/в западной части Тихого океана и в Китайском море они называются тайфуны/ достигают скорости внутреннего вращения 180 км/в час. Зарождаясь между 10 и 15 градусом северной широты и устремляясь по большой дуге на северо-запад и затем к северу, то есть – через Сахалин и Курильские острова, тайфуны оказывают опустошительное воздействие почти на все архипелаги в этом районе, они – лицо Тихого океана.

«Тайфун» по-китайски означает «большой ветер». Опасно встретиться с тайфуном в открытом море, а ещё опаснее у берегов. Порывы ветра до 40-50 метров в секунду и огромные волны могут сломать надстройки и вскрыть

люки у любого современного большого корабля, а маленькие суда просто перевернуть.

Тайфун представляет собой относительно небольшую, но очень интенсивную область низкого давления; система ветров образует здесь спиральный вихрь вокруг центральной зоны. Диаметр тайфуна колеблется от 20 до нескольких сот миль. Сила урагана увеличивается от периферии к центру, но в центральной зоне господствует почти полный штиль. Бывалые моряки рассказывают, что в центре тайфуна всегда голубое ясное небо – «глаз бури». Но мало кому удаётся рассказать про это. Здесь на злосчастный корабль обрушиваются гигантские крутые волны: тысячи тонн воды, взлетающей выше труб, ломают надстройки, лючины трюмов и, в конце концов, топят судно.

К счастью, тайфуны, с бешеной силой крутящиеся вокруг своей оси, имеют поступательное движение небольшой скорости: 8-10 миль в час. А сеть метеорологических станций на островах Тихого океана сообщает по радио о рождении нового тайфуна. В этом, в частности, очень помогают мареографы, подводную часть которых мы обслуживали на Курилах, работая от Сахалинского Управления Гидрометеослужбы. Что же касается тайфунов, то каждому новому давалось обычно именно женское имя по латинскому алфавиту: Аделаида, Барбара, Кармен, и под этими именами они становились известны мореплавателям. Редкий случай, если среди них встречалось мужское... Почему? Должно быть, исходя из непостоянства женской природы, качества, присущего всем тайфунам.

Ещё в Тихом океане, близ экватора, с востока на запад устремлён огромный пассатный поток. Он разделён на два почти параллельных экваториальных течения: южное и северное. В результате перемещения этим потоком больших количеств воды - уровень океана у западных его окраин почти на полметра выше, чем у восточных, а разница уровней поверхности океана порождает, в свою очередь, отток воды – противотечение, которое проходит между южным и северным руслами пассатного потока в сторону восхода солнца.

На экваторе под влиянием разнонаправленных течений поднимаются к поверхности глубинные воды, богатые питательными солями, создающими хорошо удобренную, плодороднейшую океанскую «почву» - основу бурного развития жизни. Вода там настолько насыщена планктоном, что её нередко сравнивают с зелёным супом.

Этот, казалось бы, достаточно изученный район Тихого океана преподнёс учёным сюрприз, оказавший большое влияние на развитие океанологии. В начале 60-х годов прошлого века под южным экваториальным течением на глубинах сто-двести пятьдесят метров обнаружили мощную подводную реку шириной примерно в 60 миль. Она несёт с запада на восток океанские воды со скоростью трёх миль в час. Этот могучий глубинный поток, следующий в одном направлении, с обозначенным на всех картах поверхностным противотечением, оказался

совершенно от него обособленным. По предварительной оценке он переносит примерно тридцать миллионов кубометров воды в секунду.

Обнаруженная в толще вод река без берегов была названа течением Кромвелла, в честь нашедшего её американского океанолога. Открытие глубинного течения явилось для учёных неожиданностью, поскольку ни одна распространённая до того теория циркуляции океанских вод не содержала даже намёка на возможность его существования.

Внимание океанологов привлекает ещё одно необычное явление природы – так называемые океанические вихри. Зарождение некоторых из них можно проследить на примере Куроисио, русло которого похоже на извилистую реку, вьющуюся среди долин и холмов. По краям потока возникают огромные водовороты. Со временем они отделяются от течения и существуют самостоятельно, перемещаясь по океану. Это и есть вихри, называемые ещё рингами. Диаметр таких образований достигает десятков и даже сотен километров, причём их нижняя часть лежит на значительных глубинах.

В центре этих вихрей происходит подъём глубинных вод, и, наоборот, на периферии – погружение поверхностных. Эти вертикальные движения способствуют водообмену между разными слоями океанских вод, что создаёт благоприятные условия для развития жизни. Ряд океанических вихрей существует длительное время. Есть даже утверждение, что такие образования иногда не распадаются в течение нескольких сотен лет. Поэтому они могут быть временными оазисами бурной жизни в пустыне открытого океана, в которых способны смениться и прожить несколько поколений его обитателей.

Тихий океан полон неожиданностей и загадок, и его жизнь состоит в вечном движении вод. В этом нескончаемом круговороте каждая малость имеет значение. Есть, например, такие участки, где океан кажется чёрным, словно чернила, и всегда бурлит ключом. Это действует могучий подводный источник, каких немало в безбрежных голубых просторах океана. Такие источники не всегда заметны, но они подобны колодцам в песчаных пустынях.

В засушливых, жарких странах, где испокон веков было трудно с пресной водой, и сейчас на многоголосых базарах можно увидеть спящих среди разношёрстной толпы юрких торговцев: они громко расхваливают свой товар – холодную пресную воду, глоток которой делает менее ощутимым изнурительный зной палящего солнца.

Ещё издревле рыночные торговцы из Бахрейна в Персидском заливе добывали свой жидкий и холодный товар ... на морском дне. Туда они ныряли с мешками из козьих шкур, наполняя их поступающей из недр дна пресной водой. В тихую погоду ныряльщики вставляли в этот источник длинные тростниковые трубки, и из них начинали бить над поверхностью моря фонтанчики родниковой влаги.

В старину подобные источники пресной воды нередко играли решающую роль в обороноспособности городов и крепостей. Древнегреческий географ и историк Страбон, живший примерно 20 столетий до нас, рассказывал об удивительном острове-городе, расположенном в засушливом восточном Средиземноморье. Это была застроенная домами скала, омываемая со всех сторон волнами. В военное время жители города снабжались водой из идущего от побережья канала, питающегося мощным пресным подводным морским источником.

Полагают, что подводные источники большей частью возникают в результате выхода через разломы и трещины в донных породах потоков пресных грунтовых вод, которые движутся вследствие разницы гидростатических уровней по водопроницаемым пластам от суши к морю. Ряд специалистов, объясняя природу источников, отдаёт предпочтение влиянию тепловых потоков, направленных из недр Земли к поверхности дна, которые должны вызвать циркуляцию грунтовых вод. При этом принимают во внимание, что воды суши и моря связаны между собой гидравлически по водопроницаемым породам.

Тихий океан очень богат железо-марганцевыми конкрециями, которые образуют на его дне крупные скопления, где они располагаются большей частью на глубинах примерно от двух до шести тысяч метров. Местами конкреции лежат на дне настолько плотно, что на подводных фотографиях они похожи на булыжную мостовую. По оценке учёных, запас конкреций в Тихом океане в тоннах выражается в буквальном смысле астрономической цифрой. Согласно научным данным, эти соединения образуются со скоростью около 6 млн. тонн в год. Не зря своё название – «Океан», он получил по имени одного из титанов древнегреческой мифологии – сына Бога неба – Урана и Богини Земли – Геи.

Океан, поистине – Бог водной стихии, и материки, между которыми он созидает своё пространство, ему не помеха. Им кажется, что океан на них сердится, когда разбивает о плотный песок свои могучие волны, но он просто не в силах сдерживать живущую в нём энергию. Она кипит, переливаясь через край, и океан только тешится у вжавшихся в себя берегов, может быть, немножко на что-то негодует... Ему забавно, наверное, наблюдать, как настораживаются перед ним негиббаемые утёсы, в которых в эти мгновения сосредотачивается, кажется, весь дух земли.

Когда стоишь на берегу Тихого океана, взгляд способен охватить лишь небольшую его часть, остальное же пытаешься представить: размеры Тихого океана в натуральную величину всё-таки невообразимы! Одно осознание того, что перед тобой простирается двенадцать тысяч километров океанского пространства – уже необычайно волнительно. Но разглядывая прибрежную полосу океана, ты почему-то не в силах хотя бы попытаться угадать всё его невидимое величие, мысленно летишь над необъятными водными

просторами, и дух захватывает от ощущения бесконечной океанской мощи. Это ощущение ещё более усиливается, когда знаешь, что глубина у берегов не увеличивается постепенно, а убегает вниз сразу, одним стремительным скачком, в необозримую океанскую тьму.

И действительно, Тихий океан, в отличие от других океанов, ещё и наиболее глубокий. Самое глубокое место в нём находится к востоку от острова Гуам и составляет 11000 метров. Это на 2000 метров больше высоты Эвереста.

Знаменит Тихий океан и своими подводными горами, число которых очень велико: их в нём насчитывается около 10 тысяч. Иногда они разбросаны на большом удалении друг от друга, а в некоторых районах, наоборот, образуют целые горные провинции.

В зависимости от формы вершины различают два типа подводных гор: подводные пики – с остроконечными вершинами, и гайоты – плосковершинные горы с глубинами более 200 метров, названные по имени первооткрывателя – американского географа и геолога Арнольда Гийо. Если же глубина над вершиной подводной горы составляет менее 200 метров, то она обычно называется океанической банкой.

Геологами доказано, что все подводные горы имеют вулканическое происхождение и возникли при извержении лавы, поднимающейся по трещинам из недр Земли. Каждое извержение постепенно надстраивает подводные вулканы, а когда они достигают поверхности океана, их появление в качестве островов обычно знаменуется катаклизмами. При вулканических взрывах вода покрывается пемзой, воздух, загрязнённый пеплом, сотрясается от ударов, а волны цунами, пройдя большие расстояния, обрушиваются на тихоокеанский берег.

У океанских берегов почти никогда не прекращается величественный прибой, потому что в широких океанских просторах всегда где-нибудь да бушует буря, а её гонцы – волны метровой зыби бегут от неё во все стороны на сотни и тысячи миль. У берега, вступив на мелководье, зыбь делается короче, выше и круче, образуя мощный нескончаемый прибой.

Волны пробегают эти огромные расстояния быстрее самого быстроходного судна. Накопив энергию ветра, они с равнодушной яростью обрушивают её на пустынные берега. В таких условиях просто спустить на воду лодку оказывается очень не просто, а для тех, кто никогда не имел дела с океаном – и вообще всё происходящее со стороны будет представляться не иначе, как настоящий подвиг или безумие. Могучие океанские валы, рокоча и пенясь, накатывают на берег, перед самым столкновением с ним круто вздымаются, обретая пик своей силы, а затем подгребают под себя всё, что оказывается рядом с ними. Приходится обычно долго стоять на берегу, ожидая «подходящей» волны. «Подходящая» волна, вроде бы, похожа на остальные, сразу её не отличишь, и волну эту можно только угадать, имея к тому достаточный опыт.

Люди стоят на безопасном расстоянии от прибоя, ожидая такой волны, руки в напряжении лежат на бортах лодки, готовые в нужный миг подхватить её и бежать с ней в воду, прямо на подворачивающуюся, ту самую волну... Глядя в первый раз со стороны, страшно становится за них, бросающихся прямо в пенный рокочущий хаос, говорить и даже кричать друг другу что-либо бесполезно, и все действия должны быть слаженны, давно отработаны и проверены. Люди, даже не знакомые между собой, должны быть связаны морем.

Достигнув воды, смельчаки ловко прыгают в лодку и лихорадочно начинают работать вёслами, чтобы как можно дальше отойти от берега, пока их не накрыло следующим исполинским валом... Несколько сильных гребков, и лодка очутилась на гребне, который всей своей мощью взметнулся вверх, застыл на мгновение и стремительно покатил к берегу, затем неожиданно ухнул вместе с лодкой куда-то вниз, в глубокую воронку, чудом возникшую между волн. Гребцы вновь ловко заработали, стали взбираться на очередную накатывающую волну, и волна в какое-то мгновение будто подхватила эту утлую скорлупку и перебросила через себя, дальше в море, в более безопасную зону. Так лодке удаётся пробиться за полосу прибоя, который у берегов океана нескончаем.

При всём неописуемом величии и необозримых пространствах могучего океана, способного своею силою свести на нет любые усилия человека и даже уничтожить его самого, живущие на его берегах люди испокон веков относились к нему с величайшим почтением, мудро. Так полинезийцы, чьим учителем всегда был океан, по своему богатому опыту хорошо знали, что нарушить равновесие в природе способно малейшее вмешательство в неё, даже обыкновенная кровь рыбы, пойманной удочкой или острогой. Капли крови начинают постепенно гнить, ведь вода между островами, в лагуне, почти стоячая, а это приводит к бегству в океан самых чувствительных к гибели рыб. Поэтому во внутренних водах рыбу нужно ловить, не рая её, и убивать её следует на берегу, подальше от лагуны. Тех, кто нарушал этот закон, ждало суровое наказание.

Мексиканцы говорят про Тихий океан, что у него нет памяти... Так он велик. «Не хватает слов, чтобы рассказать, и рук, чтобы описать все чудеса океана», - с великим уважением отзывался о нём человек, без которого невозможно себе представить мир самых чудесных открытий. Это - Христофор Колумб. «Океан заслуживает, чтобы о нём писали так же, как о человеке» - а эти слова принадлежат американскому писателю Эрнесту Хемингуэю, произнесённые им в момент вручения ему Нобелевской премии.

От себя добавлю: океан даже более заслуживает внимания, в отличие от большинства людей. Лишь немногие из них искренне положили свои жизни, чтобы только оказаться на его берегу, однажды прийти к нему и замереть в восторге. Что жизнь человека в сравнении с этой непостижимой мощью и всепоглощающей энергией?!

Оказавшись в бушующем океане, человек воображает, будто океан намеренно обрушивается на него всей своей мощью и старается уничтожить. Чувствуя своё ничтожество перед лицом исполинских сил стихии, очень нелегко уверить себя мыслью, что океан не пристрастен к тебе и просто не может быть иным. Но, тем не менее, для кого-то, как например, для американца Джона Колдуэлла, Тихий океан не оказался препятствием из-за ... любви. Ему предстояло проплыть от Панамы до Австралии восемь с половиной тысяч миль по различным морям, через экватор, мимо тропических островов и рифов, сквозь ураганы и штили, и всё это в одиночестве, на маленьком парусном тендере, купленном за пару недель до отплытия в Бальбоа.

Как раз только закончилась вторая мировая война, и Джон Колдуэлл не мог найти другого способа, чтобы вернуться в Австралию, где за год перед тем в Сиднее состоялась его свадьба. Пароходы ходили редко и безо всякого расписания, а он застрял на Американском континенте. К тому же, хотя он и работал до этого три года на различных транспортах в море, но никогда не пытался освоить яхту. С собой в плавание он взял небольшую брошюрку – «Как управлять парусным судном». Любовь вела молодого человека в этом отчаянном путешествии, которая была так сильна, что его даже не страшил океан... И, конечно, он достиг своей цели.

Вообще, всё, что даже отдалённо касается Тихого океана, может быть поучительно, интересно, и наделено обаянием. Взять хотя бы такой, мало известный, случай...

Когда итальянский яхтсмен Алекс Кароццо на своём «Золотом льве» вышел в октябре 1965 года из Токио, чтобы в одиночку пересечь Тихий океан, долгое время о нём не поступало никаких известий. По истечении двух месяцев моряка считали пропавшим без вести. Этот рейс проходил без какой-либо рекламы, и о нём знало всего лишь несколько человек. На родине Кароццо о его рейсе вообще никто ничего не слышал. И вот в редакцию журнала «Эпока» приходит такое письмо: «Не можете ли вы, - писала читательница по имени Вирджиния Кароццо, - опубликовать прогноз погоды в северо-восточной части Тихого океана?» Сотрудники редакции были удивлены, но прогноз опубликовали: «Море спокойное, ветры умеренные», и только потом до них дошло – кто эта Вирджиния...

Так тихо, ненавязчиво может любить только настоящая женщина, и неброская женская милость, невольно коснувшаяся необъятной океанской мощи, для меня оказалась необыкновенно трогательна, а океан стал ещё более дорогим и близким.

Тихий океан не раз являлся свидетелем переживания в своей утробе истинных героев, которыми он, наверное, иногда даже восхищался... Ну, хотя бы радовался тому, что они в нём появились. Может быть, он изредка и негодовал от их неустрашимой настырности, какой-то неистовости, схожей порой с безумством, но, всё же, не мог не проникнуться уважением к тем, кто

поставил мечту выше собственной жизни, а единение с Океаном – её смыслом.

И так, кто они, эти отчаянные смельчаки, в одиночку бросившие вызов не управляемой стихии? Вот имена тех, кто на свой страх и риск отправились в отчаянное путешествие по Тихому океану...

Бернард Джилбой – тридцатилетний американец ирландского происхождения, на яхте «Пасифик» в августе 1882 года решился первым пересечь Тихий океан, направившись из Сан-Франциско в Австралию. За 164 дня плавания «Пасифик» потерял грот-мачту с парусом, руль, компас, хронометр, лишился большей части провианта, залитого керосином, корпус его лодки был пробит меч-рыбой, встречные западные ветры у островов Фиджи и Новой Каледонии не позволяли яхте, практически лишённой управления, продвигаться на юго-запад, днище яхты было повреждено подводным рифом, и пройдя 6500 миль, он капитулирует всего в 40 милях от австралийского мыса Санди-Кейп, попав с сильным истощением в больницу на несколько месяцев. Можно было бы ожидать от столь мужественного человека, что в будущем он станет капитаном крупного корабля и будет бороздить океаны, но, как ни странно, Бернард становится ... вагоновожатым трамвая, мирно преодолевающим живописные холмы родного Фриско, но непременно, должно быть, вспоминая воинствующие тихоокеанские волны.

В 1895 году от причала американского порта Глостер отходит парусный шлюп «Спрей»/Брызги/, на его борту находится 51-летний капитан американского парусного флота Джошуа Слокам, задавшийся целью совершить в одиночку кругосветное плавание, и он, конечно, не мог не миновать Тихий океан.

В соответствии с бытовавшими в те времена предрассудками длительное молчание могло привести к утрате речи и расстройству психики. Опасаясь этого, Слокам громко отдавал самому себе команды, докладывал об их выполнении и пел, используя в качестве слушателей Луну, морских черепах, дельфинов, а также птиц, с любопытством круживших над шлюпом.

Правда, Слокам заходил в порты, в частности, в Сиднее он простоял 2 месяца, во время которых его парусник был приведён в полный порядок после двух океанов, а в Мельбурне, в целях пополнения своей кассы, он вынужден был разрешить многочисленным желающим осматривать своё судно, взимая по 6 пенсов с каждого посетителя. Минувя участок пути вдоль Большого Барьерного рифа, Слокам завернул в несколько портов, даже выступал там с лекциями, и местные газеты широко освещали плавание одинокого моряка. Вообще, Слокам был, наверное, первым из мореходов, кто по-умному, очень деловито организовал своё путешествие, написав, вдобавок, о своих морских похождениях увлекательную книгу.

Путешествие Слокама длилось 3 года, 2 месяца и 2 дня на собственноручно построенном им судне. Примечательно, что великий мореплаватель ещё раз, уже в возрасте 65 лет, поднял паруса «Спрея». Никто

не знает точно, какими были его намерения. Последний человек, повстречавший яхту Слокама, на вопрос, куда он плывёт, получил ответ: «Далеко». С тех пор его больше никто не видел...

Возможно, человек, влюблённый в океан, решил, таким образом, уйти из жизни, навсегда слившись с дорогой для него морской стихией. Слава и века веков его мужественному духу!

Чего только не случается с мореплавателями-одиночками, совершающими свои беспримерные морские подвиги! Тем более, если на самоотверженный поступок решается ... женщина, как, например, 38-летняя английская журналистка Энн Дэвисон, преодолевшая в одиночку океан за два с небольшим месяца... И это после того, как накануне своего рейса она потеряла мужа, с которым намеревалась вместе перейти океан, и отказываясь давать интервью, избегая людей и сенсаций 25 ноября 1952 года всё-таки вышла в море. По-видимому, представляя, что рядом с ней – её любимый мужчина...

Правда, это была Атлантика, но подвиг Энни повторила в 1965 году американка Шарон Сайтс, совершив одиночный переход через Тихий океан. Во время плавания она сломала кисть правой руки и до конца рейса ничего не могла ею делать, но всё же сошла на берег, причём – улыбающейся и в безупречно белых брюках. Когда Шарон во второй раз, уже в 1969 году, пересекла Тихий океан, то встречающие её овациями не могли не отметить её ... великолепного вечернего платья. Разве могла эта удивительная женщина разочаровать неподражаемый Тихий океан!

Невозможно не упомянуть и отчаянного покорителя морской стихии - Уильяма Уиллиса. Этот удивительный человек уже с 15 лет совершал морские путешествия и испытал не мало приключений: был охотником на Аляске, лесорубом, фельдшером, старателем, докером, дорожным мастером и автором нескольких сборников стихов. В 1954 году он принимает твёрдое решение осуществить океанский рейс на плоту, несмотря на то, что к этому времени ему исполнилось 60 лет. Плот его назывался «Семь сестричек», состоящий из 7 бальсовых стволов, покрытых бамбуковой палубой, и в июне 1954 года он покидает порт Кальяо с кошкой и попугаем на борту. За 115 дней своего отчаянного путешествия он доходит до Самоа, где его встречает патрульная служба, жители острова оказывают ему почести, назвав Капитаном Великих морей, а плот его помещается в специальный павильон, где он и стоит, по сей день.

В 1963 году, будучи семидесятилетним человеком, Уиллис повторяет свой переход через Тихий океан из Кальяо до Австралии, уже на новом плоту, сооружённом им из листовой стали, преодолевая огромные трудности... Достаточно упомянуть, что в ходе плавания, после удара о мачту, его тело сковывает паралич, не отпускающий отважного моряка в течение нескольких дней, и всё же мужественный Уиллис доводит свой переход до логического конца.

Капитану Уиллису было 72 года, когда он предпринял третье путешествие, правда, уже через Атлантику, на микрояхте «Малютка» длиной всего лишь в 3,5 метра, но о нём невозможно не упомянуть. «Малютка» вышла в океан 22 июня 1966 года из Нью-Йорка, и Уиллис намеревался за 70 дней дойти до Англии, в частности, он планировал завершить свой рейс в Плимуте. Ему опять не везёт – у него происходит ущемление грыжи, и он лишается сил, лёжа без движения на палубе несколько дней. В итоге – Уиллис был доставлен в больницу в Ньюфаундленде. Восстановив силы, вновь, 30 июня 1967 года, он вышел из Нью-Йорка в океан. Вскоре, Уиллис опять изнурён и в бессознательном состоянии его подбирает польский траулер. Но престарелый мореплаватель не сделал выводов из прошлых неудач и в 1968 году в третий раз выходит в океан на «Малютке». 75-ю годовщину он хотел встретить в водах океана. Выйдя из Нью-Йорка в мае, он пропал, не было долго никаких вестей, и лишь 20 сентября советский траулер обнаружил разбитую и полузатопленную яхту Уиллиса в 312 милях от Ирландии. В шкатулке с документами обнаружили календарь с перечёркнутыми датами до 20 июля...

Во второй половине 20 века, когда одиночные океанские рейсы перестали быть сенсацией, трудно было рассчитывать привлечь внимание ещё одним подобным плаванием, но американский яхтсмен Роберт Ли Грэхем всё-таки привлёк его, поскольку совершил свой рейс аж через 3 океана, в том числе – и через Тихий, в ... 16-летнем возрасте, на шлюпе «Голубка», который подарил ему отец. Для покорения океана, пусть это даже Тихий, все возрасты, как говорится, покорны, главное, ты получаешь удовлетворение от сознания, что плывёшь в одиночку, преодолевая тысячи морских миль, и разве не пропоёшь при этом гимн торжества человеческому духу, вознамерившемуся поспорить с непредсказуемой тихоокеанской стихией! Природа создала человека таким, что его переполняет ничем неискоренимое желание пересечь океан в одиночку, на шлюпе или байдарке, а то и на плоту только за тем, чтобы попробовать свои силы. Океан оказывается для него тем истинным преодолением, которого человеку, видимо, очень не достаёт!

Многие мореплаватели отмечали, что Тихий океан пустынное других морей, просторы его кажутся безграничными, а самое заурядное плавание по нему обещает необычайное приключение. Длинное, не прекращающееся приключение, зовущее тебя в неведомые морские дали, которые хочется сделать своими. И они рано или поздно становятся твоими, если ты однажды соприкоснулся с Тихим океаном и долгое время не прерывал с ним эту связь.

Тихий океан... Медленно и проникновенно простирается над ним твоя душа, пытающаяся всё постичь и охватить, вернее – радующаяся за его существование и жаждущая слиться с тихоокеанской синевой. Синева эта особенна, не сравнима с бескрайним простором воды, какому бы морю он не

принадлежал, и так безоговорочно располагает к себе, что ты не в силах противиться её завораживающей глубине. Летишь, любишь всё происходящее с тобой в этом необозримом пространстве, притягательность которого не можешь объяснить, и незаметно наполняешься огромной силой.

Сила эта тоже бескрайна, как и тихоокеанская синева, которая, собственно, и предполагает её. Ты даже не представляешь – что в тебя входит и как замечательно всё, происходящее с тобой. Понимаешь это позже, может быть через много лет, и когда постигнешь и почувствуешь, то не обрадуешься, как раньше, в молодости, а поразишься мощи, уже давно, оказывается, поддерживающей тебя в жизни и привносящей в неё самое необыкновенное. Это – Тихий океан, только он мог так смутить твои чувства и вернуть тебя себе. Благодаря ему ты однажды обретаешь то, что не могли дать ни звери, ни птицы, ни даже вселенский ветер... Тихий океан предопределяет собой твою судьбу, незаметно становясь ей: ты сам превращаешься в океан – кипучий, могущественный и очень земной.

И вот я выхожу к нему... Пробираюсь сквозь заросли бамбука, дикость которых тоже не случайна. Это последнее препятствие, очень важное, дополняющее всё происходящее, и я иду, думаю обо всём этом и мысли мои ясны, радостны. Как так могло получиться, что я оказался сейчас здесь, на краю света, до конца осознать невозможно, но, всё же, я неутомимо продвигаюсь к своему открытию, и немало волнуюсь. Что там откроется и как всё это будет?

Весь в возбуждённом ожидании, чуть нетерпеливый, пробираюсь я сквозь похрустывающие упругие стебли, иной раз больно ударяющие по лицу и рукам, но не замечаю боли, только спешу. Вот, сейчас, что-то такое важное откроется в моей жизни, примет меня всего, какой я есть, и успокоит, почему-то думаю я. Вернее, необыкновенно обрадует, озарит своим присутствием и вознесёт, так что ты сам останешься на земле, на этом необыкновенном острове Уруп, а душа твоя полетит к океану, к его необыкновенному простору, и, наверное, сольётся с ним. Этого слияния, должно быть, надо заслужить, и ты, конечно, заслуживаешь его, потому что пришёл сюда из далёкого далека, которое, на деле, оказалось очень близким, соприкоснулся со всем, с чем должен был связать свою судьбу, и ... немножко подрос. Ты остался верен себе, а значит, благодаря опыту, утвердился в знании мира, и как радостно было осознавать, что ты сопричастен Тихому океану, ощущая себя его маленькой частью.

Остров Уруп... Мыс Китовый, образующий юго-восточную оконечность острова и представляющий собой крутой утёс... Вдоль всего юго-восточного берега на 15 миль к юго-западу от мыса Китовый простирается песчано-каменистая отмель, и именно отсюда, с этой точки берега, когда я выбрался из зарослей бамбука, океан предстал передо мной во всей своей мощи и красе.

Выйдя, наконец, к нему, в первую минуту я почувствовал себя растерянным, был чуть ли не раздавлен увиденным, не в силах что-либо

говорить. Только смотреть и быть околдованным, чувствуя себя жалкой частицей, всё-таки пробравшейся, несмотря ни на что, к этому необъятному простору. Людей, добравшихся сюда, океан, наверное, не может не замечать, и он радуется за них, и люди это, несомненно, понимают... Они чувствуют, что всё происходящее на их глазах – случилось неспроста, океан за что-то благодарит их и надеется, что они так же, как и он, останутся непоколебимы в своих устремлениях, не боясь при этом переживать очередную утрату или поражение.

Океан дышит вместе с ними, взмывается всей своей необъятной волей в небеса и вновь возвращается на землю. Всё это проделывает он и со мной, и я забываю обо всём и бреду навстречу этому сверкающему простору, а в ушах шумит что-то неизбывное, вечное, но не святое. На последнее у Бога воды не хватает терпения и смиренности, он рождён неудержимо метущимся и вольным.

Огромные валы накатывают на берег, закручиваясь в белоснежно-изумрудные буруны, надо всем этим висит многометровая толща проникновенной сини, солёной пыли, брызг и какого-то истошного вопля, не прошибаемого ничем. Небо не сливается с безудержной водной силой в единое синее крыло, как это происходит у него с морем, а лишь продолжает этот не прекращающийся лазурный вой, его почти не видно, - во всём преобладает океан. И только песчаная полоса пляжа желтеет широко и покойно, на километры устланная пурпурными губками, что лежат на ней неестественно напружиненные и гордые своим родством с восхитительной силой... Как богата эта необыкновенная стихия, что выбрасывает столь драгоценные дары, и нисколько об этом не жалеет!

Ничего подобного я в жизни ранее не видел, и, может, этот метущийся океан был первым, что поразило больше всего. Неимоверно захватывающе, навсегда, до какой-то всё время притягивающей сладостной жути. Потом он часто вспоминался, и казался уже таким недостижимым, что было больно до слёз. Про себя, втайне, я будто знал: больше мне его никогда таким не увидеть, как бы я к этому ни стремился. Океан только однажды распахнул свою душу, чтобы я мучился им и любил всю жизнь.

В моей памяти живо встаёт только этот день, когда я увидел океан таким, какой он есть на самом деле, хотя к тому времени проработал в нём уже три года. Океан будто ждал, когда я к нему приду, буду готов к этой встрече, которая, конечно, окажется незабываемой, и такой день настал. Только сейчас, на Уруппе, океан показался мне особенно огромным, и хотя у моря тоже не видно ни конца, ни края, беспредельность океана поразила.

Какой простор был здесь! Какое необыкновенное океанское приволье! Океан окаймил весь остров тёмно-синей, лиловой и белопенной полосой, и будто ластился к каменным утёсам. Неопытному глазу могло показаться, что он скорее угнетает прибрежные скалы, пытаюсь оторвать от них хоть что-то и унести в свою ненасытную утробу. Слишком грозен океан в обладаемой им мощи, и даже в такой солнечный, небесный день, вроде бы умиротворённый

в себе, хоть и пышущий неограниченной свободой, он в изливаемой им ласке представлялся суровым и непреклонным. Какой он всё-таки необыкновенный, совсем отличный от обычного моря!

Придя к океану, глядя на него и восхищаясь им, ты понимаешь: всё настоящему хорошее и достойное случается в жизни только раз, и его нужно умудриться не пропустить, непременно заслужив. Выйдя к океану и охватив взглядом всю его неохватность, я тогда вмиг почувствовал, что у него есть свой язык – могучий, звучный, святой, как мне потом показалось, доносящий до земли такую же могучую, глубинную молитву. Согласный гимн гармоничных звуков, подобно божественной увертюре, предваряющей не менее чудесное и величественное действие, объединяющее в одно великое целое и землю, и океан, и божественные небеса.

Стоя у океана, начинает мниться, будто его звуки и думы принимают видимую форму, и весь этот неизмеримый, разнообразный мир дарует неопишное блаженство. Внимая неземной музыке океана, ты незаметно воображаешь, что всё это торжество совершается для тебя одного. Какое счастье разом обнять душой всю океанскую жизнь и почувствовать все заботы океана как свои!

Прибой пенистыми волнами взбегает по песку далеко вверх, к террасам, на какое-то время задерживается там и нехотя откатывается, перемешиваясь со вновь набегаящими валами. Какая-то головокружительная первозданность, дичь всего происходящего – повергает сразу, пляж с яркими губками тянется, кажется, бесконечно вдаль, теряясь в сизо-матовой дымке, и невозможно оторвать взгляд от раскинувшейся перед тобой картины. Плотный утрамбованный накатом волн, песок, после того, как я ступил на него, показался крепче асфальтовой дороги, так что захотелось идти по нему без усталости, всё дальше и дальше.

Хотя океан бушевал, и гул его волн глушил все звуки, но это не было штормом, скорее, шёл мощный прилив. Валы прибоя всё ближе подбирались к более крутой части пляжа, к тому месту, откуда начинались горы. А в отлив океан удаляется, кажется, совсем: будто бездна открывается взгляду, которая и манит, и страшит. В такую пору лучше забраться на какое-нибудь высокое место и сверху наблюдать за тем, как величественно дышит океан.

Песчаный пляж только подчёркивает своей желтизной густоту океанской сини, и выглядит необыкновенно живописно. В отличие от знаменитых пляжей, всё здесь проникнуто первозданной дикостью, которую принимаешь, между тем, более естественно. Я сразу почувствовал, что на этом пустынном берегу мне никогда не будет одиноко: океан, песок, скалы и растительность на них воспринимались родными, они излучали интерес и внимание к человеку, и все мои мысли тоже устремлялись к ним. Так хорошо мне не было нигде и никогда, и я ощущал себя счастливым.

Но наблюдать за океаном с палубы судна – тоже увлекательно, и ты тогда, конечно, уже не думаешь о прибое. Вообще, о земле. Всё внимание устремлено к гигантским, безостановочно сменяющим друг друга волнам,

устраивающим величественную толчею так же упорядоченно, как и у берега. Ветер не спадает, пенистые буруны приобретают высоту прибрежных скал, и ты живёшь только этой соединённостью с океаном.

Когда таким же беснующимся случается прибой, что доводится увидеть не часто, ты воспринимаешь океанскую стихию ещё ближе... Прибой разбивает о прибрежные камни могучую водную твердь, кажется, возмущена вся глубина океана, до самого дна, и в своей душе ты преобразуешь его рёв в глубокое знание: добравшись заслуженно до океана, ты знаешь, что никогда в нём не пропадёшь.

Идя по плотно утрамбованному морскими волнами песку, почти не обращаешь внимания на взбаламученную пену: тобой движет удивительная приподнятость этого пути у океана, его открытость и доступность. То, как легко продвигаться на краю этой непостижимой и радостной стихии – неопишимо. С восторгом переживая окружающий тебя мир, тебе становятся понятны самозабвенные устремления океана проявлять свою суть как можно более отчаянно, даже - с вызовом, пытаясь донести до всего земного мира свою не высказанную до конца мощь и красоту.

Время, проведённое рядом с океаном, это - как совершение грандиозного ритуала. Для того, чтобы приобщиться к нему – следует сюда прийти, после чего остаётся с радостью проникнуться особым чувством сопричастности с бесконечностью океанских пределов. Ритуал незаметно совершается в твоей душе, и ты так же незаметно овладеваешь пониманием всех начал. Ведь жизнь среди природы, тем более – рядом с океаном, обостряет чувства, а если ты какое-то время при этом остаёшься один, такая жизнь вырабатывает проникновенную наблюдательность, когда ни одна мелочь не проходит мимо тебя бесследно, и ты становишься очень чутким в восприятии мира.

Здесь, на этих диких островах, океан живёт во исполнение своих величественных законов, обходясь без какого-либо вмешательства человека, совершенно свободный от него, но человек может всегда обратиться к его сокровенной и в тоже время открытой жизни, сделав её и своей. Для этого следует обречь себя на одиночество в принятии и осуществлении важных жизненных решений, внутренне быть готовым ко всему и ничего не бояться. Однажды необходимо просто распахнуть своё сердце и взглянуть на Океан, отдавшись тому, что увидел в нём, до конца.

Широким вольным жестом океан вовлекает тебя в круговорот великой жизненной силы, не подчиниться которой невозможно. Даже если ты просто прогуливаешься рядом с ним по пустынному пляжу. Ты сразу ощутишь, что получаешь от океана тайную питающую энергию, и наступает миг, когда эта энергия начинает переживаться так же реально, как и воздух. Ты посвящаешь себя океану, а он мгновенно вмешивается в твою жизнь, соединяя тебя со всей Вселенной. Именно рядом с океаном ты воспринимаешь её пространство и красоту, и, конечно, забываешь о своём одиночестве, которое

в основе своей предполагает только необходимую работу над собой, во имя ещё более крепкой взаимосвязи с бескрайними мирами.

И так, я стоял на юго-восточном берегу острова Уруп, очарованный увиденным, и не мог отвести взгляд от простирающихся повсюду океанских объятий. Любой, самый большой парусник, появившись он вдруг сейчас на горизонте, воспринимался бы, наверное, крохотной чайкой, белопенным буруном в его тёмно-синей, густой и глубокой плоти, величественно перемогающей свои бескрайние просторы. Океан жил, думал, дышал всей своей несокрушимой энергией, но не оказывал давление: в какой-то момент даже почудилось, будто он опять заметил тебя, почувствовал все твои душевные устремления и принял. В один миг, сразу, а потом долго радовался и приветствовал тебя в накатывающих на берег огромных валах, что ты всё-таки, несмотря ни на что, пришёл к нему, так же почувствовал его и тоже стал свободным и неудержимым. Ты, наконец-то, осознал себя частью океана, вот только сейчас, тогда как мудрый океан всегда был твоей судьбой.

Длинный песчаный пляж, усеянный пурпурными губками, тёмно-синие безбрежные дали, серо-голубые террасы скал, умудрено покоящиеся под ослепительным солнцем, - всё это было дико, необыкновенно просторно и в то же время очень близко, доступно. И за всем этим неотступно следил океан, ни на секунду не утихая. Способность его, особенно в прибрежной полосе, никогда не успокаиваться, но и не биться впустую, а жить, заставляла взволнованно биться сердце. Нельзя было просто так смотреть на океан, к нему следовало повернуться всей душой, которая, распахнувшись парусом, вобрала бы всю его силу, наполнила жизнью до краёв и увлекла бы в полёт-плавание по его нескончаемому простору, навстречу самому себе.

Таинственное дыхание океана ощущается даже тогда, когда его не видно, а воздух вблизи него такой чистый, что, кажется, будто его вовсе нет. Просто – некое живое пространство, очищающее собой всё, к чему прикоснётся, а поскольку океан здесь всюду, то везде на острове ощущается некая первозданная чистота, которую нигде уже не обретёшь.

Здесь океан, как и в глубокой древности, по-прежнему дышит своими неизведанными устремлениями, которые так же ничем не нарушены и чисты. И именно здесь убеждаешься, что нет на земле ничего лучше океана, его неукротимой и неистребимой свежести, мощи и ещё чего-то необъяснимого, составляющего его замечательную тайну. Океан начинает представляться даже таинственнее звёзд, далёких и недостижимых миров, в которых душам приходится бывать лишь изредка, между нашими наполненными событиями жизнями, а океан всегда рядом, к нему можно прийти, если вы того пожелаете и ничего не боитесь.

Нет нигде и такого свежего ветра, как у океана... Ветер ластится своею упругою силою об океанскую натруженную спину, образуя на ней пенящиеся барашки, и они весело играют на зелёных монолитных волнах, насыщая собой восторженный воздух. Резвящиеся дельфины, белоснежные птицы у горизонта и неутихающий гул – тоже его простирающаяся повсюду

бескрайняя воля, к которой быстро привыкаешь, хотя и глохнешь поначалу, очарованный множеством впечатлений. Ничего не заслоняет твоего взора, воздух пьянит, а нескончаемый шум воды убаюкивает. Ветер и океан едины, они сотканы из неограниченных ничем божественных устремлений.

Порой день на океане выдаётся таким горячим и пронзительным, что на синеву океана лучше не глядеть – глазам больно. Стоит полный штиль – редкая для океана благодать, которая вольно растекается повсюду, захватывая в своём проникновенном умиротворении всё жизненное пространство, и ты как-то по-новому начинаешь оценивать и небо над океаном, и сам океан, когда плывёшь по нему. Не ощущаешь ни борта судна, ни его надстройки с иллюминаторами, ни саму палубу, то уходящую из-под ног, то вновь откуда-то вырастающую, так что океан, кажется, плещется прямо под подошвами. И начинает вдруг представляться, будто это не вода вовсе, а нечто большее, какая-то чудесная глубинная сила, встречу с которой ты совершенно естественно воспринимаешь чуть ли ни главным событием в жизни, затмившим все остальные, и она готова повернуться к тебе самыми невероятными открытиями...

Невозможно было не делать в этом удивительном мире открытия. Например, ты постепенно начинал уяснять для себя, что с приближением шторма – оживаешь. Становишься собраннее, лучше, начинаешь замечать то, что раньше утекало мимо, будто просачиваясь невидимыми струйками в многочисленные шпигаты, потом вновь заливало палубу и исчезало, уже не возвращаясь.

Или вдруг ветер утихнет, а затем совершенно изменит направление, и тогда будь готов – в следующий раз он захватит с собой тебя вместе с судном. Древние мореплаватели, наверное, предугадывали это мгновение, когда судно переставало слушаться руля, но они выдерживали его коварные заигрывания, оставаясь верными ему. Ветер за это был им благодарен, и, проявив свою неуправляемую сущность, благосклонно уступал отваге и чуткому сердцу человека.

А ещё ты к изумлению своему открывал, что прозрачность океанской воды – превосходит морскую. Способ визуального наблюдения её прозрачности придумал наш соотечественник – великий мореплаватель О. Е. Коцебу, когда опускал на тросе за борт обыкновенные столовые тарелки и следил за глубиной их погружения в разных местах Тихого океана. Затем, вместо тарелок, исследователи морей стали использовать стандартный белый диск Секки диаметром 30 см, который по праву следовало бы назвать диском Коцебу. К примеру, наибольшая глубина видимости белого диска в Белом море – 8 м, в Балтийском – 13, в Баренцевом – 18, в Чёрном – 25, а в Тихом океане – 52 метра.

Находясь в окружении океана, я мог целыми часами простаивать на баке, таким образом, знакомясь с ним. Пристально вглядываясь в это необозримое водное пространство, хотелось, помнится, сразу познать его безбрежность. Неизмеримость океана и пугала, и манила, и, конечно, при

этом ясно осознавалось, - до какой степени он неукротим. Жадно вглядываясь в относительно спокойные воды океана, во власть которого я отдавался на долгое время, я как в человеке пытался разглядеть в нём его истинное лицо. Какой же он на самом деле, и что таится в его беспредельных глубинах?

Длительное время океан может быть покоен, так что даже задумаешься: в чём же его неукротимость? Посмотришь вокруг – повсюду вода, но, правда, не такая как в море: в необозримости океана есть что-то огромное и жуткое, чего не выразишь словами. Вглядываешься в его бесконечные мили то в одну то в другую сторону, и как будто ощущаешь океанскую ёмкость, вернее – непоколебимую водную твердыню. Могуч, но не мрачен океан, величественно поводит плечами, постепенно даже убаюкивает твоё восприятие. За мелкими делами во время перехода к месту работы ненароком и забудешь про него, а он, не желая с этим смириться, хотя бы изредка прогремит мощным водяным валом, захлестнув борт судна – вздыбится и ухнет, так что ветер отчаянно разыграет и страшно завоет. Но что с того моряку, однажды связавшему свою судьбу с непредсказуемой водной стихией: на то он и океан!

Океан – очень строгое и яркое пространство, пронизанное невидимой мощью. Наиболее умудрённым, а значит расположенным к общению, он выглядит осенью, когда на курильскую землю приходят благословенные солнечные дни. Весь он подобран, полон сил и в тоже время – не замкнут в себе, но никогда не разберёшь – что у него на уме! К океану в эту пору вполне можно подступиться, если шёл к нему достойным путём.

Зимой и весной океан как будто пресыщается своей силой и, в волю насладившись ею, к лету успокаивается. Не то, чтобы он утихомиривается совсем, подобное с ним случается крайне редко, но летом океан будто чего-то выжидает. Неподготовленному человеку в летнюю пору ни за что не разобрать его сути, и времена года должны не раз сменить друг друга, прежде чем ты научишься чувствовать самую великую на земле стихию.

Когда я вышел к океану, была осень, и океан предстал передо мной во всей своей красе. Благодаря океанскому накату, пространство будто расступилось и высвободило какую-то неописуемо величественную мощь, сравнить которую было не с чем. Для этого просто ничего не приходило на ум.

Я стоял, растерянный и счастливый, совершенно один, и не мог поверить, что всё это реально, и происходит со мной наяву... Смотреть в раскрывшееся океанское величие было и страшно, и до головокружения сладостно, и я, видимо, потерял ощущение времени, которое, между тем, бесконечно изливала великая стихия. Вернее, его вовсе не было, поскольку океан далёк от иллюзий, порождённых беспокойным умом человека.

В какой-то миг мир будто пронзила ярко-фиолетовая, густая вспышка! Простор стал ещё более необъятным, песчаный берег и скалы за ним словно сжались, и надо всем будто распростёрлись гигантские крылья, охватившие и

небо. Шум океана перекрывал любые звуки, не было слышно ничего кроме него, и всё живое здесь приспособлялось только к его жизни.

Волны океана глухо рокотали и будто выносили на поверхность, вместе с белопенными завитушками, свои глубинные думы, чем и будоражили и успокаивали. Океан ровно нарочно говорил о своих переживаниях, чтобы поделиться ими, то с отчаянием неистовствовал, то чем-то неизъяснимым терзался. Он явно переживал какие-то особые минуты, чувствуя появление вблизи себе человека, и, наверное, не мог объяснить – чего ему не хватает? Только много позже осознал я, что океану не доставало общения, и он точно разговаривал со мной, даже, кажется, звал. Может, я невольно тогда его услышал...

И надо всем этим торжеством океана, как бы зачарованное происходящим, задержалось солнце. Казалось, оно остановилось. Ослепительно яркое, приветливо и восхищённо смотрело оно с такой же ослепительно голубой и прозрачной выси, по которой стелились белые, как куски океанской пены, облака. Причудливо узорчатые, кудрявые, они словно сорвались с вершук тёмно синих густых валов, тяжело кативших себя к пустынному берегу, и так же неспешно нагоняли друг друга в высоком синем небе, будто удивляясь прелести происходящего, и одновременно любуясь на себя и проистекающий повсюду океанский пейзаж.

Горячие солнечные лучи переливались с волнами, заливали своим золотистым блеском весь сияющий горизонт, и ветер, весело подгоняющий эти тёмно-густые синие волны, будто умерял солнечную чистоту. Солнце сияло над океаном ярко, но зноя не было: дышалось легко и свободно, и всей душой ощущалось дикое чудесное приволье здесь, на краю света, среди этого бескрайнего океанского простора.

Как умиротворённо, в сравнении с Океаном, вело себя Охотское море, у противоположной стороны Урупы... Оно не пенилось так страстно, рассержено не урчало, а просто было собой у этих загадочных берегов, несло себя бесконечно и уверенно, почти невидимо, очень сдержанно колыхалось. Более заметными, значительными выглядели здесь берега, и дикие скалистые утёсы только сильнее оживляли этот первозданный вид.

В 1775-80 годы предприимчивые сибиряки Антипин и Шабалин возглавили большую экспедицию по изучению Южных Курил. Они подолгу жили на Урупе, бывали на Итурупе и Кунашире, ездили к японцам на Хоккайдо. Название их корабля – «Наталия», было присвоено заливу на Урупе, именно с охотской его стороны, а их именами были названы вулканы на этом острове. Впоследствии, бригантина «Наталия» была выброшена на берег моретрясением, то есть – в результате действия цунами.

Залив Наталии вдаётся в берег острова между мысом Шаутен и мысом Якорь, окружающие его берега скалисты и изрезаны значительным количеством небольших бухт. В эти бухты впадают многочисленные ручьи и

небольшие реки, вода в которых пригодна для питья. За ней мы и подошли на боте, тогда как судно встало на якорь в миле от побережья.

По берегам залива разбросано много надводных камней, а вдоль них полукругом высятся горы, многие из которых хорошо приметны и они надёжно защищают залив от всех ветров. Глубины во входе в залив Наталии составляют пятьсот метров, но к берегам они резко уменьшаются, что, вместе с камнями затрудняет подход. И вот, в одной из расщелин, глубоко вдающейся в скалы, куда с шумом ударялась крутая зыбь, мы заприметили какое-то существо, всё перепачканное мазутом. Им оказался орлан-белохвост, каким-то образом, угодивший в разлитое по поверхности воды топливо, и нам пришлось порядком повозиться с огромной птицей, пока мы её вызволили из липкого плена.

Орлан выглядел жалко, перья его слиплись, а кожу на лапах покрывали кровоточащие язвы. Он безропотно отдался в наши руки, будто понимая, что без помощи людей ему не справиться. Но ещё большего труда стоило отмыть его великолепный наряд.

Кстати, курильцы или айны, помимо многих товаров, которые они продавали японцам, а это были, в основном, бобровые и нерпичьи шкуры, лисицы, обменивали и пользующиеся у японцев большим спросом орлиные крылья и хвосты. Японцы употребляли их для своих стрел, и потому они у них были очень ценны, за что курильцы получали деревянную лакированную посуду, курительные трубки, бумажные материи и табак. И, конечно, эти перья и хвосты принадлежали именно орлану-белохвосту – самому крупному представителю пернатых, в обилии устраивающему свои гнёзда по берегам дальневосточных морей.

Часто можно было видеть, как отрешённо кружат в небе эти птицы, на границе суши и моря. Обычно орланы выбирают для своих гнёзд высокие прибрежные скалы, у самого моря, ибо основную их пищу составляет рыба. Их парящие силуэты отражаются в зеркальной воде, будто величественные птицы плывут где-то под водой, у самого дна. Вероятно, именно в пылу охоты, бросившись с вышины, этот орлан и угодил в беду, сильно испачкав крылья, а взлететь уже не смог.

С лёгкой руки стармеха - орлана на судне тотчас окрестили Кешей. Все мы любим, чтобы животные относились к нам хорошо, и любим хвастаться этим, но, может быть, только однажды нам предоставляется возможность быть любимым каким-либо живым существом, например, птицей, и Кеша отчего-то, с самого начала, допускал к себе только старшего механика. Впоследствии к воспитанию Кеши присоединился боцман и, наконец, я, так что в течение целого месяца мы все вместе, можно даже сказать - с самоотречением, ухаживали за орланом, что было, действительно, очень не просто.

Дело в том, что взрослого орла почти невозможно приручить, ибо он совершенно сложился как хищник, причём, абсолютно свободный в своём восприятии жизни, дикий, у которого есть одна строгая обязанность,

дарованная ему природой: отрешённо парить в вышине, выискивая добычу, и затем – молниеносным броском осуществлять смертельную хватку. Орлану-белохвосту предназначено постоянно находиться в отдалении ото всех, оставаясь ни для кого недостижимым, да и кто ему, при его возможностях, может угрожать? Жить только по его собственным законам – это значит находиться в полной отрешённости, допуская существование только своей воли, несущей и для морских птиц, и для всего рыбьего царства лишь страх.

Кешу поместили в трюм, заблаговременно привязав к его лапе капроновый конец, и каждый день осторожно выдворяли его на свет божий, вооружившись прежде плотными брезентовыми рукавицами. Обычно эту процедуру проделывал «дед», сходу взявший шефство над орланом, именно ему Кеша давался в руки, но вот пищу птица не принимала ни в какую, и только через неделю начала брать мясо, которое ей подавал на длинной палке опять же «дед». Ещё через неделю ему удалось добиться того, что Кеша стал позволять кормить его с рукавицы, а вскоре и вовсе «подобрел», так, что птицу можно было брать в руки и даже фотографироваться с ней.

«Дед» очень гордился своими достижениями с этой большой и величественной птицей, характер у него заметно изменился в лучшую сторону, и всем членам экипажа тоже постепенно захотелось приобщиться к воспитанию грозного пленника. Первым к Кеше стал подбираться боцман, делать это он старался тогда, когда его никто не видел, припасая для своего новоиспечённого питомца свежую рыбку. Но Кеша почему-то предпочитал только сырое мясо, и как-то так получилось, что я тоже попробовал подружиться с Кешей, но через «деда», и что удивительно – орлан сразу взял у меня из рук корм. Видимо, он достаточно привык к стармеху, доверяя и тому, кто находился с ним рядом, и уже достаточно скоро я общался с Кешей наедине.

Больше всего орлану нравилось, когда я почёсывал ему перышки на макушке, он блаженно закрывал глаза и утробно клёкал, раздувая горло. Но однажды Кеша всё-таки ухватил меня за палец, да так сильно, что прокусил его насквозь. Когда-то мне пришлось пережить хватку рака-отшельника, после чего пришлось основательно прослезиться, но то, с какой мощью сдавил палец орлан-белохвост – сравнить было не с чем. Мне показалось, что птица своим грозным клювом его раздавит. Какую же мощь представляли из себя когти хищника, сжимающего ими свою жертву?!

В общем, несмотря ни на что, а кусал орлан ни одного меня, мы все полюбили Кешу. Свободные от вахты члены экипажа всегда не без интереса наблюдали, как он прогуливается по палубе, когда его вызволяли из трюма, с удовольствием обсуждали все его действия, а самые отчаянные норовили подойти к птице поближе, чтобы почувствовать себя с ней, как говорится, на короткой ноге. Человеку отчего-то остро не достаёт такого общения с животными, даже если это может быть опасно для его жизни, и он, пренебрегая осторожностью, а порой – и самым настоящим благоразумием, идёт на непосредственный контакт с представителями животного мира,

наверное, переживая при этом в глубине души какие-то первозданно родственные чувства.

На церемонию выпуска Кеши на волю собралась вся команда. Все, затаив дыхание, наблюдали, чего будет делать птица? Сразу полетит, как только с её лапы снимут капроновый конец, или не решится и предпримет нечто неожиданное? Ведь, что ни говори, а Кеша всё-таки привязался к своему новому дому и людям, спасшим его, стал нам почти родным.

Вот Кеша прошёлся вразвалочку по выщербленной палубе, выхватил клювом из рук «деда» кусочек мяса и, на мгновение, задрал голову, проглотил его, удовлетворённо клёкнув. Затем наклонил голову на бок, как будто к чему-то прислушиваясь, и вдруг высоко подпрыгнул, тотчас опустившись на палубу. Среди экипажа такие действия птицы вызвали оживление, все ждали – что будет дальше. Пройдясь ещё несколько шагов, орлан опять подпрыгнул, но теперь уже уселся на фальшборт, повернулся к людям и пронзил всех холодными жёлтыми глазами.

Он сидел, несколько нахохлившись, поглядывал то на нас, то на море, и словно не решался подняться в воздух. Отвык, должно быть... Стармех решил приблизиться к нему, желая погладить ещё раз и подбодрить птицу, но Кеша, не дождавшись его, чуть присел и, мягко оттолкнувшись, повис над ослепительно синющим морем, величественно и просто взмахнув мощными крыльями.

Какое-то время в его полёте чувствовалась некоторая неловкость, давно уже не отдавался он привычному для себя парению, но и радость от возвращения в необъятную, как и море, родную воздушную стихию. Глядя на удаляющегося орлана, я вдруг почувствовал, что вместе с ним улетает к диким курильским берегам часть меня самого, которую уже трудно было удержать: она, эта часть, осталась с птицей. И ещё я подумал, что уже никогда не узнаю: что сделается с этой частью меня здесь, на острове Уруп, во что она превратится?

Поначалу, помнится, мне было без неё как-то одиноко, но постепенно, по мере того, как орлан удалялся, а потом и вовсе исчез, я ни о чём уже не жалел. Я вдруг осознал, что это «моё», в орлане, останется здесь навсегда, среди диких Курильских островов и заливов, и, понимая это, я успокоился, будто обретя свой маленький дом. Прощай, бухта Наталия!

А с островом Уруп мы попрощались в заливе Двух Близнецов, где море породило одновременно два совершенно одинаковых острова, которые были настолько похожи, что их можно было путать бесконечно. Как удалось природе вылепить их с такой потрясающей точностью?! И если бы только это...

Между островами возникала из воды ещё и каменная «пивная кружка», перевёрнутая кверху дном, с безукоризненно выделанными природой ровными краями, до невероятности напоминая настоящий сосуд с ручкой.

Моряки угадали в скале именно её, то есть – именно «пивную кружку», и в течение долгих лет передавали из уст в уста об увиденном здесь природном чуде... Так, постепенно, это обычное житейское название крепко укоренилось за скалой, и её никак по-другому уже не воспринимали. Море гораздо на подобные каменные воплощения, не стало исключением и это природное место. Вообще, что-то колдовское чудилось в этом заливе, где, конечно, не обошлось без присутствия Бога.

Незабываемую картину дополнила стая косаток... Животные, неспешно, двигались вдоль борта судна, в каких-нибудь десяти метрах от него, и были так красивы, что оживили своим присутствием эти похожие друг на друга скалы, что, кажется, тоже, как и мы, в восхищении воззрились на чудесных животных. Стоял мягкий, пасмурный день, на море – почти полный штиль, а чёрные скользкие спины косаток плавно возникали из моря, и так же плавно в него погружались.

Грозные обитатели моря не казались таковыми, когда ты смотрел на них с палубы судна. Они будто и не замечали нас, находясь в полном согласии между собой и морем, и их шестиметровые веретенообразные тела воспринимались лишь как свидетельство ловкости и силы, кажется, никому не угрожающей. Но косатки, конечно, чувствовали всё, знали и даже предугадывали, наверное, наши мысли.

Косатку всегда легко отличить по её «косе» - тёмному спинному плавнику, устрашающе устремлённой вверх сабле. Некоторые зоологи считают, что само слово «косатка» произошло от этой спинной «косы». Другие думают, что животные эти названы так за сходство с ласточками-касатками, и что поэтому следует писать не «косатка», а «касатка» - через «а». И, правда, косатки действительно похожи на чудесных ласточек и окраской, и обтекаемостью тела, и устремлённостью движений. Плавники их распахнуты в воде как маленькие ласточкины крылья в воздухе... При всём своём не малом весе, косатки – очень подвижные существа, свободно парящие в морской стихии.

Косатки – изумительно быстрые животные, но при этом поражает их способность на большой скорости сохранять в своих рядах строжайшее равнение. Как слаженно у них это получается!

Время от времени косатки выдыхают отработанный воздух и вдыхают свежий. Плавно поднимаясь из воды и описывая в воздухе красивую дугу, они вновь мягко погружаются, разрезая поверхность своими тёмными «косами». Все движения в стае согласованы, чувствуется, что каждая косатка проникнута всеобщим устремлением вперёд, к добыче. Эта устремлённость сохраняется даже тогда, когда косатки ни за кем не гонятся, а просто играют.

Я смотрел на этих удивительных животных, думал о том, что мне привелось увидеть и пережить на этом острове, и было мне так, будто всё произошедшее – не случайно. И ещё показалось, что косатки качнули мне на прощание своими плавниками, словно напутствуя: дорога твоя будет долгой и нелёгкой, но ты не забывай нас, как и Господа, и летящих по ниспадающим

струям водопада лососей, и заросли упрямого бамбука, и красивого орлана-белохвоста, и Океан, и когда-нибудь - мы все тебе поможем.

## «МАТУА»

Подойдя к острову Матуа, мы встали на якорь в южной части бухты Двойная, называемой так потому, что от западного берега бухты на 3,5 кбт по направлению к острову Топорковый, располагающемуся в 6 кбт на восток от Матуа, выступает риф, густо поросший водорослями. Этот риф и делит бухту на две части: северную и южную, и из одной части бухты в другую ведёт фарватер, который проходит вблизи западного берега острова Топорковый. Сам остров Топорковый, несмотря на небольшую высоту в 70 метров, хорошо приметен, и с расстояния 6-7 миль имеет вид невысокого холма, но его, конечно, не сравнить с вулканом Сарычева, что возвышается на полтора километра в высоту в самом центре острова Матуа, и имеет форму конуса, чаще всего скрытого в тумане.

Если быть точнее – Пик Сарычева достигает в высоту 1497 метров, а диаметр его кратера – около 6 км. В целом - вулкан имеет сложное строение и является одним из наиболее активно действующих вулканов в пределах Курильской гряды, так что ему даже приписывается самый свирепый характер... Вот как описывал его русский первопроходец сотник Иван Чёрный ещё в середине 18 века: «На нём/острове Матуа – Б.П./ сопка, коя, по объявлению курильцев, в недавних годах преужасно горела, причём по всему острову разметало камня так, что и летающих птиц во многом числе оными убивало». Не зря верхняя часть вулкана засыпана толстым слоем лапилли и бомб.

Назван так этот вулкан двести лет назад известным русским мореплавателем Крузенштерном в честь другого путешественника – Сарычева Гавриила Андреевича, русского гидрографа и географа, который в 1785-1794 годах был помощником И. И. Биллинга в правительственной экспедиции по исследованию Северо-Восточной Азии и островов северной части Тихого океана. Он произвёл съёмку берегов Восточно-Сибирского, Чукотского и Берингова моря, Аляски, описал острова Прибылова и Алеутские, дал характеристику их природы и населения, и именем его, помимо вулкана на Матуа, названы мыс на Алеутских островах, остров в Чукотском море и пролив в Тихом океане.

За историческое время вулкан Сарычева извергался несколько раз. Наиболее раннее из известных извержений происходило в начале 60-х годов семнадцатого столетия. Зимой 1878/79 годов наблюдалось спокойное стекание лавы по северо-восточному склону. В феврале 1928 года произошёл взрыв с выбрасыванием бомб и лапилли в окрестностях кратера. В феврале 1930 года в течение 13 часов из кратера извергались камни и пепел, они образовали у основания конуса слой мощностью три метра и нарастили берег в южной части острова на 30 метров. Также большое количество пепла выделялось из кратера весной 1946 года, но самое сильное извержение вулкана случилось в ноябре этого года...

Три дня над кратером висела тёмная туча, изредка содрогалась земля от подземных ударов, слышался рокот и гул. Затем начались вспышки летящих ввысь вулканических бомб, оглушительная канонада взрывов, каменным градом забросало остров Топорковый, находящийся в полутора километрах к востоку от Матуа. Вскоре по склонам потекла лава, заполнившая три бухточки. В результате образовалось три новых мыса высотой до двадцати метров.

Выбросы из кратера прекратились только через неделю после начала извержения. Эвакуированные жители острова вернулись в свои дома, и жизнь маленького посёлка потекла прежним порядком. Пепел, выброшенный из кратера вулкана, был отнесён на далёкое расстояние и выпал даже на улицах Петропавловска-на-Камчатке. Небольшие извержения были замечены ещё под осень 1952 и 1954 года.

Такова неполная статистика поведения вулкана Сарычева за два прошлых столетия, и, отправляясь на остров, я втайне вынашивал надежду застать извержение, хотя бы небольшое, чтобы прочувствовать на себе настоящее трясение земли, наблюдать выброс из кратера камней и пепла, и, конечно, низвергающиеся по склонам вулкана потоки огнедышащей лавы. Побывать на Курилах, где из ста вулканов почти треть действующие, и не увидеть ни разу извержения – было бы обидно. Тем более, если ты работал на Курильских островах не один год, а вулкан Сарычева, к тому же, отличается столь строптивым нравом.

Поначалу трудно было представить, что чётко вырисовывающийся на фоне синего неба остроконечный прекрасный пик может окутаться зловещим чёрным дымом, а земля вдруг содрогнётся и разверзнется, превратится в огнедышащее жерло, и из её глубоких недр послышится глухой угрожающий рокот. Японцы, в свою бытность на Матуа, даже уважительно переименовали вулкан Сарычева в Фуё – название, равнозначное японскому вулкану Фудзи, олицетворяющему для них красоту, величие и грозную активность неведомых для восприятия недр. После освобождения Курил от японцев, вулкану было возвращено прежнее русское имя, но на его внешней красоте это не отразилось. Вулкан, по-прежнему, притягивает к себе восхищённые взгляды оказавшихся с ним рядом людей, как, впрочем, и вулкан Креницына на Онекотане, и Тятя на Кунашире, и Алаид на Атласова.

Глядя на вулкан Сарычева не покидает ощущение, что высота его не 1497 метров, а гораздо больше: такими неудержимо красивыми, стремительными линиями взлетают к небу его крутые склоны, вытягиваясь к самой вершине чуть ли не вертикально. Когда мы попали на остров, выдался на редкость ясный солнечный день, и прекрасная видимость позволяла во всей красе наблюдать восхитительно правильный силуэт огромного усечённого конуса и зацепившиеся за его вершину лёгкие облака. Остров почти на три четверти занят великолепно сложенной природой горой, очень симметричной, и не верилось, что он имеет одиннадцать километров в длину и всего лишь шесть в ширину. Весь Матуа воспринимался вулканом, да,

собственно, так оно и было, и мне захотелось обойти остров по кругу, чтобы представить себе его мысленно со всех сторон.

Занимая почти всю площадь Матуа, могучий усечённый конус вулкана Сарычева когда-то образовал береговые террасы, которые получились очень похожими на поля огромной шляпы, что-то наподобие сомбреро, вызывающего улыбку. Но образ вулкана, тем не менее, грозен и, величественно возвышаясь из глубины острова, иногда даже представляется нереальным. Он чем-то напоминает Джомолунгму, может быть именно вот этой загадочной необычностью своей формы здесь, посреди Тихого океана, а так же покоряет неповторимой, даже идеальной красотой, что притягивает, пожалуй, ещё больше.

Изредка вулкан по-прежнему курится серовато-белым столбом горячих сернистых газов, и когда над островом повисает туманная дымка, что случается часто, вулкан начинает казаться призрачным, будто повисшим в воздухе. Вулкан только изредка подыхает, словно у него пока не хватает духу заявить о себе во всеуслышание, время от времени выбрасывая пепел, и на этом всё завершается.

Я почему-то сразу подумал, что когда вулкан начнёт извергаться, то отступать будет некуда... Ну, если только на судне, словом, на каком-нибудь плавсредстве, и осознание этого предполагаемого извержения ощутимо будоражило воображение, молниеносно рисуя совершающуюся катастрофу. Хорошо любоваться извергающимся вулканом издалека, здесь же - в сотнях метров на восток накатывают на берег неудержимые валы Тихого океана, а с западной стороны омывает остров Охотское море. От соседних же островков – Расшуа, Ушишир, Райкоке и Скалы ловушки, Матуа отделён широкими и беспокойными проливами. Хотелось верить, что извержение, хоть и случится, не будет таким разрушительным, и всё обойдётся благополучно.

Нужно заметить, что в момент высадки, пока у гидрометеорологов шла разгрузка, для нас высвободилось два-три часа свободного времени, и можно было побродить по склонам вулкана. Остров Матуа замечателен тем, что на нём совершенно отсутствуют заросли кедрового стланика, и это позволяет относительно свободно передвигаться по его куртинам. Только на нижней части восточного и юго-восточного склонов вулкана Сарычева, среди травяного покрова, имеются островки карликовой берёзки, да ещё встречаются редкие заросли ольховников. Все эти растения – грубые, непритязательные, но очень выносливые, они первыми вступают в бой с камнями, разрушают их поверхность и гибнут в расщелинах, но изредка побеждают каменную породу, подготавливая условия для более высокоразвитых видов. Они являются авангардом будущей пышной армии растений, которая рано или поздно вторгнется во владения магмы и победит застывшую лаву.

Зато – обычное дело на островах, в том числе – и на Матуа, низкорослые заросли мелких вересковых: поляны шикши, толокнянки, голубики, морошки, брусники и жимолости тянутся здесь нескончаемыми

километрами... Все эти ягодные шикшовники очень распространены по морским террасам и горным плато Курильских островов, а также – речным долинам, не находящимся в низинах. Наибольшие же сообщества ягодников возникают на местах растаявших снежников.

Морошка с брусникой, ясное дело, не вызывают удивления, поскольку привычны, как и на материке, их здесь – пропасть. Толокнянки – меньше, ягоды у неё, правда, более крупные, чем у той же шикши, тоже чёрные, но совсем безвкусные. Голубика – ягода мясистая, сочная, синевато-голубого цвета, и заполняет своим нежно-матовым покровом всё свободное пространство. Весьма распространена по соседству с другими ягодами и жимолость съедобная: она встречается то в луговой растительности, то чистыми зарослями-лужайками, но всегда – обильна. Вообще, все ягоды по склонам перемешаны, растут сплошным, густо-переплетённым ковром, и, опустившись среди них на колени, не сходя с места, можно набрать за пять минут трёхлитровую банку, чем мы увлечённо и занялись, то и дело, вспугивая беловато-коричневых, упитанных куронок.

В сравнении с другими ягодами, и без того легковесными, жимолость как-то ещё более необыкновенно легка... Синевато-сизые продолговатые ягоды её соперничают по вкусу с голубикой. Порой их даже трудно различить. В долгие зимние вечера на чайном столе у жителей Курил появляется местное лакомство – варенье из жимолости.

Но более всего распространена шикша – мелкая чёрная ягода, довольно водянистая и слегка сладковатая на вкус. Местное население на Курильских островах называет шикшу водяницею, за то, что она действительно напоминает воду. Правда, эта ягодная вода ароматна и прохладна, она хорошо утоляет жажду.

Ел бы и ел эту ягоду горстями, и хоть вкуса так и не распробуешь – ощущение приятное, и кажется, что можешь съесть её сколько угодно. Вяжущий аромат шикши во рту дарит лишь ускользающее ощущение сытости, тем не менее, наполняя утомлённое тело вкусом к жизни. Вкус ягоды незаметно возвращает к действительности, и ты начинаешь воспринимать нескончаемую вереницу экспедиционных дней по-другому, более осознанно и радостно.

Название ягоды как нельзя удачно ей подходит, правда, оно не поэтично. Просто отражает истинную суть, не такую уж и глубокую, но всё-таки верную. «Шикша» - название загадочное, как будто данное ягоде для того, чтобы задуматься и увидеть в ней нечто скрытое и диковинное. Да в ней и на самом деле угадывается неуловимая прелесть, оттого, наверное, и ешь эту ягоду долго, не в силах постичь – что тебя в ней так привлекает?

Вероятнее всего – еле угадываемый аромат, нежность такой же тончайшей прохлады, и поглощая шикшу – обнаруживаешь в себе радостную ненасытность. Ешь необыкновенную ягоду, стоя в нескончаемо простирающемся повсюду ягоднике прямо на коленях, и пьянеешь,

одновременно впитывая и чистоту курильского неба, и дикую тишину, объявшаую всё вокруг, и густую синь Тихого океана. А всего-то – водяница!

Ягоды вокруг так много, что даже про вулкан позабудешь за её сбором, но только приподнимешь голову и увидишь курящийся из его кратера белёсый столб, как всё внутри перевернётся от осознания таящейся в глубине земли мощи. Вот где-то тут, под тобой, клоочет огнедышащая масса, в любой момент готовая вырваться на поверхность, по воздуху полетят огромные вулканические бомбы и поднимутся тучи пепла, покрывая собой и Охотское море, и Тихий океан, и даже проходящие у горизонта океанские суда. Волнующее зрелище, наверное, не позволяющее спокойно следить за тем, что происходит на самой вершине горы! И уж тем более – представить себе подземный ад, кухню одноногого великана Гефеста, огласившего несмолкающим рокотом работы на своей волшебной наковальне всю округу на тысячи километров.

Расположившись к вечеру в домике метеостанции, мы и помыслить не смели, что вулкан всё-таки разбудит нас, и произойдёт это под утро... Не зря он накануне выпускал свои пары, а ночью ошарашил обитателей станции глухим прерывистым гулом, временами усиливаясь и перемежаясь со звуками, напоминающими беспорядочную ружейную пальбу. Затем стали ощутимы подземные толчки, в окнах задребезжали стёкла, и мы уже не могли не выйти наружу, где на нас сначала посыпалась мучнистая пыль, но вскоре её сменил светло-серый вулканический пепел. Невероятно, думал я, неужели вулкан по-настоящему извергнется? И что ещё примечательно: страха отчего-то совершенно не чувствовалось, переживалось лишь еле сдерживаемое возбуждение, необычный интерес к происходящему, я бы даже сказал – глупый восторг. Вулкан Сарычева пробудился!

Ветра почти не ощущалось, и постепенно над островом сгустился туман, скрывая всё происходящее. Эта неопределённость ещё более усиливала впечатление, так как видимость полностью пропала, а сверху на нас густой завесой опускался пепел, отчего сразу потемнело, в воздухе распространился неприятный запах калёной извести и гул несколько усилился. И всё же, пробуждение вулкана проистекало как-то монотонно, невыразительно, хотя начальник метеостанции и предупредил всех, что с судна радиовали о готовности в любой момент принять на борт людей.

В этой ситуации мы чувствовали себя пока только как зрители, но не участники, и потому не торопились эвакуироваться, надеясь увидеть что-нибудь более интересное. Забеспокоились только военные, у них был какой-то важный груз, и, не желая ожидать милости от сердито настроенного вулкана, боясь того, что поведение его изменится к худшему, они принялись перетаскивать вещи на плашкоут, тогда как с океанской стороны к этому времени уже появилась основательная зыбь. Похоже, что разбуженный вулкан разбередил и океанские воды, а это свидетельствовало лишь о том, что не за горами и настоящее извержение, как, впрочем, и беспорядочное, неизвестно к чему способное привести волнение.

Нужно заметить, что у всякого вулкана извержение протекает по-разному. Например, извержение вулкана Анчакчак на Аляске произошло совершенно неожиданно, без всяких предупреждений, и за довольно короткий отрезок времени в воздух было выброшено свыше 20 кубических миль каменной породы. При этом нужно помнить, что одна кубическая миля весит около 12 млрд. тонн. Каким же могуществом обладают вулканы! Вулкан острова Матуа разгорался постепенно, и должно быть – уже давно.

Так мы просидели у метеостанции ещё часа два, в глухом объятии серого тумана, который временами разрывали порывы ветра, с неожиданным воем поднимавшегося снизу, с океана, и замиравшего в вышине. Никто не произносил ни слова – все, молча, глядели на пробивающиеся сквозь дымку чадные испарения, надеясь, что вот-вот видимость прояснится и из вулкана вырвется огненная лава. Внезапно туман действительно улетучился, и глазам нашим открылось зрелище, до той минуты не доступное взору: вся верхушка была объята чёрной клубящейся тучей пепла, а жерло кратера освещало зарево... Из него с пульсирующим шипением вылетали раскалённые брызги и падали обратно в кратер. Это уже было нечто более близкое к тому, чего мы ожидали, и каждый, наверное, не без гордости воображал себя бесстрашным первооткрывателем, по собственной воле оказавшимся на краю света, в недоступном для многих царстве огненных стихий. От конуса, тем временем, дохнуло жаром, так что ощутимо загорячило кожу на руках и лице...

И тут вдруг раздался оглушительный взрыв, вмиг переменяя наблюдаемую нами картину, и сквозь клубы дыма и пара, уносимые в небо порывами ветра, мы, наконец, увидели кипящую огненную магму и услышали утробное дыхание земли. Ещё вчера изящно вытянутый пик вулкана сейчас казался незнакомым, он сгорбился под огромным столбом чёрного дыма, и сам стал напоминать вулкан. Правда, гораздо более внушительных размеров, да ещё в перевёрнутом виде, ведь раскалённый пепел и газы поднялись на высоту в несколько километров!

Все стояли неподвижно, испытывая странное чувство робости. Такое волнующее зрелище, как огромный огнедышащий кратер, затерянный среди океанских просторов, вызывает в человеке необъяснимый подъём чувств, нуждающихся в выходе, и я не нашёл ничего лучше, как заснять происходящее. Одержимо нажимая на спуск, с разных ракурсов пробуя подступиться к сути пробудившегося вулкана как можно ближе, я и не заметил, когда закончилась плёнка.

А вулкан всё более разгорался, кратер уже ревел, вышвыривая раскалённые камни, и те, взлетая всё выше и выше, отклоняемые ветром, исчезали где-то за вулканом, на его северо-восточных склонах. Стоило, наверное, предпринять что-либо для собственного спасения, но мы, как прикованные, не в силах были оторваться от происходящего. По-прежнему оставаясь неуязвимыми, самонадеянно всё-таки полагали, что нас ни извержение, ни его последствия не коснутся, и мы увидим всё до самого

конца. Да только разве можно за действующий вулкан поручиться, когда даже небольшая перемена ветра способна была отклонить траекторию полёта камней в нашу сторону?!

Каждая деталь развернувшегося перед нами пейзажа вызывала ощущение глубочайшей древности, поскольку во всём совершающемся действии просматривались следы тех событий, которые происходили на земле в необозримо давние, неведомые когда миновавшие геологические эпохи. Временами мы не видели неба, а воздух был насыщен газообразными испарениями, обволакивающими землю ещё в первые дни её сотворения. Не было слышно ни звука, ни крика живых существ, многочисленные птицы куда-то подевались, и только изрыгаемый из глубин земли грохот, с бульканьем, шипением и свистом, повергал собой всё вокруг.

В океане тоже было беспокойно. Штормовая погода усиливалась, и в довольно защищённом проливе между Матуа и соседним островком Топорковый уже вскипали не шуточные буруны, остервенело накатывающие на пологие берега бухты. Как-то там военные, не опрокинуло бы их плашкоут, пока он достигнет!// ожидающий его за мысом сторожевой корабль?

У нас же всё продолжало содрогаться, грохотать, выплёскивались новые потоки лавы, но более сдержанно и без нарастающего напряжения, будто земля сдерживалась на своё бессилие. Становилось ясно, что вулкан не преподнесёт ничего нового, похоже, он иссяк на сюрпризы, и, тем не менее, выбрасывание несчётного количества вулканических бомб не прекращалось в течение всего дня. С высокого склона, где мы находились, было хорошо видно, как раскалённые бомбы с грозным шипением падали в океан и на островок Топорковый, который весь уже был покрыт серо-коричневым пеплом. Небо даже не угадывалось за низко нависшими над водой и островом грязными тучами.

То, что мы наблюдали сейчас – никак не соотносилось со вчерашним днём, когда вулкан был открыт для восприятия во всём своём великолепии, вернее – его внешнем виде. Глядя на ярко-красную полосу лавы, наискось пересекающую самую верхушку конуса, я вдруг вспомнил картину Кацусика Хокусая «Ясный Фудзи». Вулкан Сарычева или Фуё, как его именовали японцы, действительно очень напоминал знаменитую Фудзи. В солнечный день вулкан на Матуа представлял из себя копию священной для японцев горы.

Я стою, смотрю на извергающийся чёрно-красный конус, и опять думаю: что такое «вулкан»? Тем более, такой красивый, с правильными формами и линиями, гармоничное воплощение глубинных переживаний Земли. А может быть - это выход её накопившихся эмоций, нечто, не поддающееся объяснению, но почему так плавно и ровно, действительно, чуть ли не идеально, и не везде?

Если обратиться за помощью к словарю, то «вулкан», по имени древнеримского бога огня Вулкана, означает геологическое образование,

возникающее в земной коре и на поверхности Земли, где происходят извержения лавы, пепла, горячих газов, паров воды и других веществ, поднимающихся из недр Земли по трещинам или каналам. Чаще всего вулканы представляют собой конусообразную или куполообразную гору, на вершине которой обычно имеется кратер или впадина в виде воронки.

Земля сама для себя и, наверное, для всех других существ находит безошибочные места выплеска своей энергии, и если где-то извержение происходит – оно неслучайно. Земля точно определяет место, время и силу выхода своих переживаний, и когда они превышают допустимую норму, она во всеуслышание заявляет о себе, нисколько ни кичась при этом своей силой, а лишь довольно сдержанно, если можно так заметить, негодует. Земле что-то не по нутру в деяниях человека, и она ему об этом сообщает: прислушайся, человек, к своему материнскому, родному, иначе что же будет, когда Я по-настоящему осерчаю, или ещё того хуже – серьёзно заболēju?!

Мне хочется верить, что извергаясь через вулкан Сарычева, Земля не сердится, а только выпускает накопленный пар. Она переводит своё глубинное дыхание, и при её размерах этого невозможно проделать незаметно для всех. При её-то возможностях нет ничего странного в том, что пепел, заброшенный извержением в высокие слои атмосферы, был разнесён далеко в океан и вдоль всей Курильской гряды. На самом Матуа из нагромождений пепла, вулканического песка и бомб образовались насыпи высотой выше метра!

Я смотрел, как выглядит извергающаяся лава, огненные языки которой, выплёскиваясь из кратера, сползали по лощине, к самому океану, теряясь в тучах горячего пара, и во мне самом будто вскипало нечто неведомое, как оказалось, необходимое для жизни, что проявилось позднее. Последующие потоки уже замирали на склонах, в средней и самой верхней части вулкана, в чём проявлялся признак перелома в ходе извержения. Первая же лава въехала всей своей пылающей массой в штормящие океанские воды, и будто даже на время уладила волнение. Тучи пара от вскипевшей воды скрыли от нас происходящее в проливе, где, как мы узнали позднее, военные всё же утопили часть своего груза, причём – самое ценное.

Лавовые потоки, сошедшие к океану, образовали новые мыски, несколько изменив географию острова. Когда лава перестала вытекать из кратера вулкана, бомбы из него уже не вылетали, почва под ногами не сотрясалась, и подземный грохот сменил приглушённый рокот, - пришло радостное осознание от пережитого. Извержение вулкана свершилось, и мы его увидели!

Весь оставшийся день мы потом осматривали и исследовали близлежащую местность – восточный и северо-восточный склоны вулкана, пробирались между огромными глыбами по обнажённым каменным площадкам, ходили по краю ущелья, представляющего из себя чуть ли не пропасть, задыхались в удушливых серных испарениях, всем своим существом ощущая жар успокаивающейся Земли. Под ногами хрустел

рассыпчатый серый-коричневый шлак, приятно горяча ступни, повсюду из трещин струился серный пар, и каждый, нет-нет, да взглядывал осторожно на медленно выползающий из кратера, ещё плотно клубящийся столб. Здесь, в низине, когда ты лишён перспективного обзора, всё происходящее представлялось значительней и опасней, а серо-коричневый пепел покрывал всё кругом: камни, редкую травку, выжженный ольховник. Хорошо, что начальник метеостанции посоветовал нам взять собой по основательному берёзовому дыну с заострённым концом, без него пройти по осыпающемуся вулканическому песку было бы невозможно.

В самом низу лощины замечаем лису, сидящую совершенно неподвижно под чудом уцелевшей каменной берёзкой, и только когда подходим к ней чуть ли не вплотную, лиса как-то нехотя поднимается и, спотыкаясь и постоянно оглядываясь, медленно удаляется в сторону берега, на горку, где плешинками сохранилась травка. Мы же для чего-то лезем выше, вокруг только бомбы и пепел, а из жерла кратера вдруг с шипящим резким пыхом вырывается облако вулканической белёсой пыли. Оно поднимается на километровую высоту и расплзается там огромным пухлым грибом. Мог ведь вулкан ещё и не сказать своего последнего слова! Но нет, похоже, его силы иссякают, и этот выброс – лишь свидетельство угасания дремучих подземных недр.

«Мои глаза видели всё» – говорил японский поэт Басё... Я сейчас тоже мог бы с полным правом повторить его слова, поскольку пережить настоящее извержение, находясь в непосредственной близости от проснувшегося вулкана, и видеть огнедышащий внутренний жар Земли, – значит прикоснуться к её истинной жизни... Ведь Земля – наша мать, мы на ней появились и существуем благодаря её дыханию.

Для меня это извержение было открытием Вселенной через проснувшийся вулкан Сарычева, громогласное подтверждение ей моих поисков, точно так же как и на Урупке мне чудесным образом явилось Божественное Присутствие. Понимание этого пришло позже, а тогда я лишь переживал нахождение поблизости от жерла Земли, через которое Она разговаривала, что-то сообщала, может быть негодовала и даже приветствовала?! И ведь что интересно: вулкан проснулся на следующий день после нашей высадки, будто подтверждая правильность моих духовных устремлений и выбранного пути. И Природа, и Бог, и Океан, а теперь – и Земля, почему-то помогали мне... Я, конечно, был счастлив.

Но приключения наши на этом не завершились... В проливе, разделяющем Матуа и, полную противоположность высокому остроконечному вулкану Сарычева, равнинный островок Топорковый, не имеющий никакой растительности, кроме травы и ягод, мне со своим старшиной водолазной станции Сашей Бедненко, суждено было отыскивать на тридцатиметровой глубине утопленный военными ценный груз – сейф с документами и табельным оружием. Волнение несколько успокоилось лишь к утру следующего дня, взбаламученная вода чуть просветлела и приобрела

мутновато-зелёный оттенок, но почти по всему проливу с самого дна к поверхности воды протянулись гирлянды морской капусты, саргассума и макроцистиса. Они переплелись между собой после шторма, образуя целые колонны в несколько десятков метров, а некоторые кусты оторвало и они повисли в толще воды, затрудняя продвижение на боте и ориентацию под водой. К тому же, всё дно было усеяно вулканическими бомбами, многие из которых достигали размеров утопленного военными сейфа, и в мутной воде приходилось постоянно путаться, принимая валуны за искомый контейнер, но мы всё-таки довольно быстро отыскали его, завели стропы и вытянули на поверхность.

Прежде, чем опуститься под воду, сразу договорились разыграть вояк, это была Сашкина идея: мол, не нашли, старались как могли, и, главное, хотели посмотреть на их реакцию... Сашка был добрым, но всегда проверял людей – на что они способны? И когда убеждался в том, что человек правильный, по его разумению, счастливо утирал усы и делал всё от себя возможное, чтобы помочь этому человеку, если в том возникала потребность. Причём, делал это совершенно искренне.

Ещё раз благодарю судьбу, что свела меня с этим человеком, ничем особым, вроде бы, не выделяющимся. Но все мы должны жить так, чтобы благодаря нашим невидимым усилиям – кто-то в жизни становился бы чуточку счастливее. Так вот Сашка, постепенно, без всякого, казалось бы, напряжения, делал меня таким счастливым человеком, принося только радость.

Очень важно в жизни принимать любую ситуацию, всех живых существ, всё, что преподносит нам жизнь, и если человек не принимает чего-то или кого-то, то у него сразу возникает сопротивление и напряжение, а этого не должно быть. Внутренне нужно учиться принимать всё, что дарует тебе судьба, просто наблюдая за происходящим, эмоционально ни во что не вовлекаясь. И Сашка был именно таким: он никогда не утрачивал в себе энтузиазма, но при этом принимал всех и всё, не проявляя никакой агрессии.

В общем, радости военных не было предела, ведь в противном случае старшему из офицеров грозил бы трибунал, и в порыве чувств они преподнесли нам два ящик тушёнки и флягу спирта, что в те времена было самой ходовой разменной монетой на Дальнем Востоке. Но нас уже манил маленький остров Топорковый, где располагалось настоящее птичье царство... Неисчислимое количество чаек, кайр, буревестников, чистиков, тушиков, а главное – топорков, в честь которых, собственно, и был назван остров, витало в воздухе, оглашая пространство в проливе несмолкаемым криком. Накануне, в момент извержения вулкана, птиц не было видно, они куда-то исчезли, а сейчас объявились и наполнили всё вокруг неудержимым и неопишным столпотворением.

Мне приходилось уже бывать на птичьих базарах острова Тюленьего, на Монероне и островке Малая Выдра, где птицы сидят и выводят птенцов на высоких скалах, но вот здесь, рядом с совершенно плоским островком, птицы

устраивали оглушительный базар прямо на воде, в самом проливе. Птицы плавали, ныряли, летали, и весь пролив казался от этого двигающимся, живым. Невысокие отвесные берега острова Топорковый были все испещрены норками топорков, это было заметно даже с Матуа, и уж тем более – с борта судна, вода же была усеяна птицами на километр, что можно было объяснить, наверное, ходом в тот момент какой-то рыбы.

После непродолжительного извержения вулкана как-то незаметно выглянуло солнце, птицы горланили на все лады, так что не было слышно рядом говорившего человека, но, помнится, это только придавало весёлого настроения, и весь этот базар, иначе не назовёшь, ничуть не надоедал и даже нравился нам. Такой курильский островок, без единого человека, окружённый величественным и грозным Тихим океаном, представлял из себя символ природной чистоты и первозданного целомудрия, оазис посреди водной пустыни для морских птиц, то место, к которому всегда устремлены помыслы и взгляды человека, долгое время находящегося в окружении морских волн.

Что же касается топорков, то на Дальнем Востоке их называют не иначе как морскими попугаями, вероятнее всего – за броский вид. Оперение у топорков, само по себе, не примечательное – тёмно-бурое, без каких-либо отличительных пятен и полосок, крылья – исчерна-серые, но вот клюв сразу привлекает внимание: он мощный, действительно, как у попугая, ярко-красный, а у основания – жёлтенький. Маленькие настороженные глазки аккуратно обведены ярко-белыми перышками, образуя своеобразные белоснежные щёчки, которые хочется почесать пальчиком, и с макушки свисают на затылочек две лимонные косички, несколько же неловкие лапки – карминовые. Чудо-птица!

Курильцы, или как их ещё называли – айны, использовали шкурки этих птиц, благодаря крепости, для пошива мужских парок, а носы топорков женщины употребляли для украшения платья, нося на груди гирлянды из них в несколько рядов. Если представить себе такого древнего жителя Курил в сшитой из птичьих шкурок парке, на спине и груди – гирлянды из ярко-красных носов топорков, на голове – бумажный японский платок, а на ногах – торбаса, наподобие русских бахил, сшитых из горл сивучей, то вы поймёте ту замечательную неповторимость, что присутствовала когда-то на далёких тихоокеанских островах... Она ощущается здесь и сейчас, и почувствовав её однажды, вы уже не в силах будете изменить в душе этим неповторимым местам, куда хочется возвращаться вновь и вновь.

Северные народности, живущие у моря, могли использовать в своих житейских нуждах только то, что их постоянно окружало, в частности, птиц, в обилии присутствующих рядом. Так, например, из костей чаячьих ног люди выделывали иголки разной величины, смотря по шитью, а для вышивания самых тонких узоров использовали особое перо, выдернутое из птичьего крыла. Интересно, что если парку – верхнюю одежду мужчин, шили всегда только из птичьих кож, то женское простое платье, одинакового покрою с

мужским, отчего-то изготавливали из котиковых кож, то есть – из морского зверя... Впрочем, подобные, не всегда объяснимые тонкости быта северных народов соблюдались ими, наверное, в глубокой древности, сейчас же такие различия, должно быть, не принципиальны, и вряд ли имеют место.

У Гавриила Андреевича Сарычева, в его описании быта алеутов, приводится любопытное упоминание о том, как они, выменяв у русских железные иголки, всегда обламывали ушки и вместо них, обтачивая тупой конец на камне, делали зарубку, чтоб можно было привязывать нитку. Вероятно, подобные исправления объяснялись более простым и привычным способом изготовления народами севера орудий труда. К тому же, все работы, связанные с шитьём одежды, при общей загруженности людей, происходили, по-видимому, в вечернее или даже ночное время, когда видимость была ограничена, и вдеть нить в маленькое ушко было сложнее, чем прицепить её за зазубренный конец.

Кстати, подстрелить морскую птицу, тем более, топорка, довольно нелегко: помимо крепкой шкурки, перья на нём лежат очень плотно, так что дробь по ним соскальзывает. Мы хотели заготовить для краеведческого музея несколько шкурок топорков на изготовление чучел, но с большим трудом добыли пару птиц. При этом, топорки очень часто ныряют в воду и долго держатся там, что тоже затрудняет охоту на них. В солнечный день с борта судна хорошо видно, что топорки, плавая под водой, употребляют крылья точно так же, как и на воздухе. В зелёной прозрачной воде, оставляя за собой маленькие облачка искрящихся пузырьков, они кажутся подводными обитателями, которые, вроде бы, и не мечтают о воздушной стихии, наслаждаясь невесомой глубиной.

Ловко продвигаясь при помощи своих коротких крыльев под водой, над самыми водорослями, топорки так же ловко ловят рыбу, а затем относят её своим птенцам, в береговые норки. Будучи отличными пловцами, топорки ловят добычу только под водой, а плавающую на поверхности живность за добычу не считают. Но поймав рыбку, они не спешат с нею к птенцам. Добыча зажимается между надклювьем и языком, и охота продолжается. Только после того, как вылавливается 5-7 рыбок, а иногда и десяток, свисающих по бокам клюва, как борода, птицы следуют восвояси. Не летать же туда-сюда за одной рыбёшкой!

Топорки летят с рыбой в клюве над морем, золотые косички на солнце отливают, и носы, как маленькие аккуратные топорики, загадочно алеют. Действительно, яркие морские попугайчики, но только очень озабоченные! С короткими крыльшками, да ещё с добычей, им сложно поворачивать в воздухе, и топорки тормозят в полёте ... лапками. Усиленно загибают, загибают, загибают ими, будто отталкиваясь от воздуха как от воды, и, развернувшись, шустро заныряют в свои длинные норки. Топорки не такие неприхотливые птицы, как кайры, и не оставляют свои яйца открытыми на карнизах и уступах скал, а прячут их в норах, пол в которых выстлан чаячьими перышками и рыбьими костями.

Чайки привыкли воровать у них рыбу, особенно грешат этим поморники, охотящиеся на топорков прямо в воздухе, когда те летят к птенцам с добычей. Они нападают на топорков сверху, вынуждая птиц выпустить рыбу из клюва, да только топорки так просто рыбу никогда не выбрасывают, прячут её в зобу, чтобы обязательно принести птенцам, и скорее усядутся среди чаек или кайр, растолкав их, чем откажутся от добычи. Вроде бы, несуразен с виду топорок, но импозантен и мил.

Иногда клюв этого забавного коротыша сравнивают со спущенным забралом или даже со страшной секирой, что, конечно, не соответствует истине. Да и вид его, несмотря на довольно внушительный клюв, совсем не выглядит грозным. Скорее, топорок – стойкий маленький рыцарь, действительно не лишённый выдержки и храбрости. Недаром эту птицу прозвали решительным и довольно определённым именем – «топорок»!

Странно, но, тем не менее, у топорка, среди всех чистиков, очень неуживчивый, сварливый характер. Сам нередко подвергающийся нападению других птиц, топорок даже может насмерть забивать маленьких белобрюшек, при этом проявляя терпимость к хрупким качуркам. Драки у топорков случаются и между собой - из-за нор в гнездовой период, а нередко они происходят прямо в норах.

У них даже отмечены позы угрозы. Слабая: стоящий или сидящий топорок просто пригибает голову, наклоняя клюв вертикально вниз. Эта поза может иметь место и в движении – топорок идёт так с раскрытыми крыльями. Более сильная: клюв вытягивается вперёд и поднимается вверх, при этом он раскрыт, а косицы выпрямлены. В такой позе топорки обычно находятся несколько секунд. Агрессивная поза: при приближении соперника птица наклоняет голову и начинает быстро двигать клювом из стороны в сторону вверх-вниз. Со стороны всё это выглядит очень забавно...

Правда, даже когда топорки чем-то недовольны, они редко издают какие-либо звуки: топорки – молчаливые птицы. В период размножения топорки иногда всё же производят низкочастотные «ворчащие» звуки, но в местах, где плотность гнездования топорков низка, они почти не используют звуковые сигналы в контактах между собой. Более оживлённо ведут себя птицы там, где их селится очень много, и часто можно видеть, как топорки стремительно носятся по кругу, постепенно образовав большое кольцо, и озабоченно покряхтывают. Так они, наверное, выражают своё возбуждение.

Но чаще топорки всё-таки ходят и бегают, причём, на прямых ногах, не опираясь на цевку и хвост в отличие от большинства видов семейства чистиковых, к которому принадлежат. Недаром им присуще наличие множества тропинок, которые ведут к «взлётным площадкам» - обрывистому берегу или высоким камням. При коротких крыльях топоркам необходимо возвышение для взлёта.

Когда на острове Матуа располагалась резиденция японского микадо, который был молод, ему, наверное, было занятно наблюдать за топорками, чему не мешали даже государственные дела и то, что резиденция его

находилась под землёй, и он не всегда мог видеть, как беспрепятственно вылетают топорки из своих нор на добычу в море, и вскоре, отяжелённые ей, вновь возвращаются... Уж больно забавными представляются топорки, и микадо, должно быть, забывал обо всём, любясь маленькими неприхотливыми птицами. Но, несмотря на своё обаяние, топорки – заботливые птицы, им нужно кормить детей, и если при этом, каким-то образом, топорок попадает человеку в руки, он обязательно поведёт себя воинственно и непременно ударит своим «топориком» по пальцу, возбуждённым ворчанием выражая всё своё негодование.

Топорок удивительным образом сочетает в себе бойцовскую удаль, обаяние, трудолюбие и чуть ли не благообразность, иной раз всем своим видом напоминая, помимо присущего рыцарю настроения, и лицо духовного звания. В этом повинны оперение топорка и косички, будто напоминающие чёрную мантию с каким-то священным головным убором. Совершенно определённно, что природа не оплошала в создании этой птицы, соединив в ней, кажется, не сочетаемое!

Несмотря на то, что топорки прилетают на острова северо-западной части Тихого океана ещё в мае, едва только море освобождается ото льда, и покидают их лишь осенью, они, всё-таки, птицы открытых морей. Приступив к гнездованию весной, выведя птенцов летом и дождавшись, когда они встанут на крыло и начнут самостоятельную жизнь, топорки оставляют сушу и улетают от мест гнездования к югу. Всю зиму они теперь держатся вдали от берегов, и на островах не показываются...

Видно, пришло время отлёта и наших топорков, с острова Топорковый. Осеннее извержение вулкана Сарычева на Матуа как будто отрезвило птиц и подтолкнуло их в дальнюю дорогу. Да и мы засобирались в путь, поскольку из-за изменившейся конфигурации острова предполагаемые работы по профилактике мареогафа выполнить не представлялось возможным, и было решено перенести их на следующий год: пора было уходить на Северные Курилы. До свидания, Матуа!

Я тогда, конечно, не думал, что буду когда-нибудь размышлять о том, как одинокие острова могут влиять на человека. Этот рассказ – моё уважительное отношение к маленькому, почти никому не известному, но очень почитаемому среди морских обитателей островку. И я желаю этим удалённым от нас землям, с их сокровенной обустроенной жизнью, милым топоркам и всем морским птицам, вулканам и Океану – одного: оставаться самими собой, точно так же, как величие человека проявляется в том, насколько он может бескорыстно служить всем живым существам.

Мы удалялись от удивительного места в Тихом океане, которого мне никогда не забыть... Вскоре скрылся из виду остров Топорковый, затем исчезли за горизонтом обрывистые берега Матуа, и только конус вулкана ещё виднелся вдалеке. Он точно так же дымил, и клубы выползающих из его кратера паров теперь, казалось, выходили из моря. И всё-таки я чувствовал, что в сердце моём, как посреди океана, по-прежнему возносится к небу

огненная верхушка незабываемого Фуё, где долгое время жили японцы, и находилась резиденция микадо.

Истинный японский поэт, наверное, сказал бы о вулкане Сарычева:

«Фуё – гора,  
Осеннее небо пронзая,  
Вздымается ввысь».

Я бы подытожил:

«Отправившись однажды в путешествие,  
длиною в жизнь, -  
отыскал, наконец, свой чудесный вулкан-остров,  
где почувствовал на себе благостное внимание Вселенной...  
Знакомое мне состояние счастья!»

## «ОНЕКОТАН»

Остров Онекотан, называемый айнами «старое поселение», наверное, когда-то и на самом деле был таковым, но сейчас он пустынен. Онекотан вытянут в северо-восточном направлении на сорок с лишним километров, наибольшая ширина его равна 17,5 километров, а наименьшая, в середине, семь с половиной километров. На острове нет хорошо укрытых бухт, так как береговая линия слабо изрезана. Есть лишь две небольших бухты: на севере по охотскому побережью – Немо, и в южной половине на берегу Тихого океана – Муссель. К северу от неё слабо вдаётся в берег залив Блакистон.

Славится Онекотан своим знаменитым вулканом Креницына. Вулкан в южной части острова является одним из наиболее красивых горных сооружений в пределах Курильской гряды, и достигает в высоту 1327 метров. Древний кратер вулкана, до семи километров в диаметре, занят тёплым лазоревым озером, сияющим среди мрачных обрывистых берегов, а юный центральный конус высится среди этого озера коническим «островом в острове», и кажется небольшой, словно игрушечной, кем-то искусно раскрашенной в зелёные и бурые цвета пирамидкой, поставленной им же, этим неведомым великаном, на голубоватую поверхность плоского блюда... Зеленоватое при ясном небе и голубовато-серое в пасмурную погоду, озеро безмолвно и недвижимо застыло в этой гигантской природной чаше, обнимая пик со всех сторон, как пояс, и вполне заслуженно носит своё русское имя – Кольцевое.

Разглядывая озеро с высокого обрыва, не покидает ощущение чего-то неземного, будто ты находишься на другой планете, и даже близость Тихого океана не рассеивает этого впечатления. Какое таинственное озеро, загадочный вулкан, и ещё эта дикая неприступность, тишина, даже безжизненность, - думаешь ты. Хочется и смотреть, не отрываясь, и в то же время побыстрее покинуть это место, тем не менее, не переставая вспоминать о нём.

Совсем недавно вулкан Креницына считали не действующим, но в ноябре 1952 года, после нескольких сильных землетрясений, он проснулся и произвёл настоящее извержение: три дня метал бомбы и пепел, а из центрального конуса в озеро стекала лава... Затем вулкан затих, но продолжал дымиться, и с проходящих кораблей было видно, как из-за внешнего края кратера долго ещё поднимались белые столбы пара из вскипевшего озера.

Сейчас вулкан спит. Что-то ждёт нас в эту высадку на столь загадочном острове?!

Если вы, хоть раз, высаживались промозглой весенней ночью на один из островов Курильской гряды, когда на небе господствует полная жёлтая

луна, и до вашего слуха доносится мерно разбивающийся о скалы прибой, а таинственный островной берег возвышается на фоне звёздного неба высоко-высоко, так что, попадая в простирающуюся от него темноту, у вас сладостно захватывает дух, то вы словно погружаетесь в чудесный сказочный сон... В штиль, особенно ночью, море покоряет подступающим покоем, который здесь, у диких курильских берегов, кажется необычайно глубоким. Впечатление от этой необыкновенной тишины дополняет судно, замершее на якоре посреди зеркальной бухты, будто на нём нет ни одного человека, а свет луны привносит в ночной пейзаж у моря ещё большее волшебство.

Нигде я больше не ощущал такой глубокой, полной и совершенной тишины, как у этого далёкого от жизни больших городов курильского острова. Всё здесь было поглощено таинственным мраком и молчаливым мерцанием каких-то необыкновенных звёзд, совсем, кажется, не таких, какими воспринимал я их в своих ночных бдениях на глухариных токах, у нас на Урале. Это чёрное небо, чёрная вода в заливе и чёрные скалы были черны по особенному...

Чёрная вода за бортом удивительно покойна и тяжела, и благодаря отражённому в ней звёздам, она сама представляется небом, до которого можно дотянуться рукой. Тишина не нарушается ни одним звуком присутствия человека, как это бывает, когда рядом находится какое-либо жильё: на острове никого нет. Только скалы, звёздное небо и море, изредка так же отрешённо всхлипывающее у прибрежных камней или под судовым бортом, но эти редкие звуки только ещё более усугубляют воцарившуюся повсюду тишину, даже подчёркивают её. Всем своим существом ощущаешь себя частью этой глубочайшей, кажется, неземной тишины, безбоязненно вверяя и тело, и душу молчаливому, чёрному объятию звёздной ночи у загадочного острова Онекотан.

И вот ещё что было необыкновенно: ты не чувствовал себя раздавленным этой огромной мрачной тишиной, мощью и красотой курильской ночи, у Тихого океана, а наоборот – будто даже приподнимался в себе самом благодаря окружающему тебя дикому миру.

На Онекотане нам нужно было попасть на лежбище нерп и сивучей, расположенное у подножия Скалы Камень Ясной Погоды, на северо-восточной оконечности острова. Скала Камень Ясной Погоды возвышается на высоту 88 метров и издали напоминает маячное здание. Подойти к ней возможно только ночью, используя не смолкающий крик морских птиц, во множестве гнездящихся на Скале и соседнем мысу Иван-Малый. Встав в полумиле от берега на якорь, мы решили осуществить высадку на небольшом боте, не включая двигателя и передвигаясь на вёслах.

Как только бот спустили на воду, он оказался в полосе света, отбрасываемого луной по всей водной поверхности покойно и ровно, и от этого вид морской темноты не представлялся жутковатым. Огромная полная луна светила высоко в небе, но не казалась недостижимой и воспринималась так, будто находилась совсем рядом, как нечто родное, составляющее этот

ночной уют у моря. Луна разливала по поверхности воды мягкие и в то же время насыщенные собой блики, отчего сама становилась ещё более доступной.

Лёгкий ветерок чуть шевелил волны, которые почти не ощущались и, изредка всплескиваясь под бортом, тотчас утихали. Голубовато-зелёные звёзды едва мерцали, и море, казалось, с удовольствием пробуждалось от вынужденного ночного отдыха, и неподвижно замирало в ожидании восхитительного рассвета. Был тот самый ранний час, когда всё в природе пребывает в своём наилучшем, за всё утро, предрассветном состоянии... Сумеречного освещения хватает как раз на то, чтобы показались подробности, не замечаемые днём, но таинственность ночи не прекращается, оставаясь нетронутой. Может быть, именно в этом и заключалась особая прелесть нашей высадки...

Вокруг ни льда, ни снега, тёплые дуновения ветерка изредка доносятся с берега и приятно обдувают лицо, а весна, между тем, только принимается за своё пробуждение. Стоит конец апреля, над морем свежо, и всего лишь пять градусов мороза. Звёздное небо ясно, и от того повсюду светло. Вода, кажется, даже искрится, но хлопает под пластиковым бортом лениво; в такую ночь она, должно быть, отдыхает, и мы радуемся, что не приходится преодолевать уже изрядно надоевший на Курилах береговой накат.

Всё дело в больших глубинах, начинающихся у самой береговой полосы. Ведь Курильские острова – это результат мощных вулканических преобразований, когда в короткое время произошло поднятие из воды целой каменной гряды, протянувшейся с юго-запада на северо-восток, на сотни километров. Огромные океанские валы всей своей тяжестью набрасываются на приглубый берег, который сразу, почти отвесно, ускользает под воду, и он не успевает их погасить.

Сегодня море благосклонно отнеслось к нашей высадке, и почти не волнуется. Если б не лёгкий морозец, то можно было бы подумать, что ты где-нибудь на юге. И звёздное небо, и бархатная ночь, и пронизанный доносящимися с берега растительными испарениями воздух, - всё напоминает это уютное, давно забытое ощущение. И только тайна неведомой земли, раскинувшейся в какой-нибудь полумиле, отрезвляет: ты – на бескрайних просторах Тихого океана, у загадочной Курильской гряды, неподалёку от чудесного острова Онекотан. Даже не верится!

Какая ночь, что за вид! Поверхность моря и наш бот полностью облиты лунным светом, а судно, замершее на якоре, кажется привидением, от которого хочется поскорее удалиться к долгожданному берегу. Суровая безбрежность океана как-то незаметно теряется от лунного сияния, свет луны ласково тает в морском воздухе и от всего этого чудится, будто повсюду звучит прекрасная музыка.

Тайна и красота курильской ночи, её безмятежность и бесконечность всех этих неведомых океанских пространств – удивительно поэтичны. Невозможно было не прочувствовать эту ночь, хорошо представляя её

характер, и ещё безумно радостно было ощущать своё слияние с загадочным ночным естеством, омываемым самым таинственным океаном. И ночь, и океан сливались, и выходили тихонько на берег, потому что всё здесь было взаимосвязано и не могло существовать друг без друга.

И совершенно естественно были восприняты нами, в этой сказочной тишине, играющие неподалёку от берега нерпы... Весело пофыркивая, они показывались из воды чуть ли не под самым бортом, и от их присутствия становилось совсем уютно. И что интересно – ни звёзды, ни бесконечность водного пространства, ни скрытая от нас таинственная островная жизнь не волновали так, как эти очаровательные морские животные, чьи мокрые макушки, словно резиновые мячики, весело отражали лунные блики, и от этого играющие в ночи звери приобретали какой-то загадочный вид, совершенно завораживая наше восприятие.

И звёзды, и океан были только фоном, на котором так обаятельно и просто разворачивалась эта ночная морская картинка, почти что ещё зимняя: предвесенний пейзаж на холодной поблескивающей воде, кажется, не имеющей дна... Да оно, кажется, даже не занимало воображение, всё заполняли собой резвящиеся нерпы. Их присутствие в этом удивительном уголке природы, на краю света, было тем самым удивительным дополнением, которого ему не доставало. Нерпы, по-видимому, радовались такой жизни, это чувствовалось по их игривому настроению, и не покидало чудесное ощущение, что, вот, ты оказался Бог весть где, а между тем не чувствуешь себя здесь лишним.

Океан же напоминал о своём присутствии только лёгким всплескиванием волн под самым бортом, а шум прибоя у береговой кромки и вовсе не угадывался. Ты словно плыл в межпланетном пространстве – и поддерживали тебя в нём океанские воды, что в темноте казались неподвижными. От звёзд к тебе будто протянулись световые нити, они мягко опутывали и, вроде бы, чего-то нашёптывали. Темнота порой становилась непроглядная, особенно, когда луна скрывалась за невидимыми тучами, но нерпичьи головы почему-то угадывались даже на значительном расстоянии, я их различал каким-то внутренним зрением, которое, кажется, только обострялось из-за присутствия океана. Наверное, первобытные мореходы владели им в совершенстве, наравне с шестым чувством. Ведь как бы темно ни было, на поверхности океана всё же сохраняется немного света, точно так же, как и в ночном лесу.

Когда светят звёзды и над океаном всплывает луна, нерпам, должно быть, ещё более радостно плескаться неподалёку от берега. Им ничто не мешает, они находятся в полном довольствии, и озарённый светом луны и звёзд, океан служит вольным животным желанной колыбелью. Под утро нерпы, наверное, даже засыпают в его заботливых объятиях, и океан укачивает их потихоньку, стараясь не потревожить короткий звериный сон.

Когда же нерпы не спят, они всегда пребывают в прекрасном расположении духа. Нерпы резвятся, выпрыгивают из воды и так же легко и

бесшумно входят в неё, не оставляя кругов, а затем вновь появляются в самом неожиданном месте, так что никогда его не угадаешь. Морская стихия – родной дом этих чудесных животных, и они всегда, должно быть, чувствуют себя счастливыми. Наблюдая за играющими нерпами, и сам начинаешь казаться себе таким же вольным морским зверем, совершенно забывая, что ты – человек.

Как ни странно, но именно такой ночью со звёздами и лунным светом, величественно покоящимся в темноте океаном и морскими животными – ты и получаешь возможность заглянуть в глубины себя, оказавшегося по своей воле в этом чудесном мире вечного пространства и времени. И ночь, и ты, и океан составляют единое целое, и, осознав это, в твоей душе словно растворяется дверь в тайники самого сокровенного. Как ни краток век человека, его душа, соприкоснувшись с океаном, успевает, вот за один такой раз, очиститься необыкновенно. С этих самых пор на этом человеке лежит печать более достойных помыслов и устремлений.

Глядя на это благостное состояние природы, даже не верится, что вот прямо под нами жизнь насыщена первобытной жестокостью и напряжённой борьбой, где многие обитатели морских глубин спасаются от преследования более сильных пожирателей, и как и те, так и другие подвержены великой мощи океана. Беззвучная война жаждущих крови существ непреходяща, а морская стихия прекрасна в своём могучем ритме. Временами из глубины необозримого тёмного океана вдруг выкатится на поверхность крутая волна, какой-то неведомый бурун, возникший в подводных недрах, и от неожиданности своего появления он, поначалу, напоминает какое-то неведомое подводное чудовище, но и оно, кажется, норовит поиграть с нерпами.

Во время нашей высадки на лежище морского зверя, этим ранним апрельским утром, было удивительно тихо, лишь редкие чайки отрешённо вскрикивали в темноте, а на галечных отмелях и банках неслышно прогуливались лисы. Нерпы же, словно обкатанные морем валуны, лежали у самого уреза воды в изобилии, некоторые – лениво выгнувшись, наподобие полумесяца, но при нашем приближении тотчас настораживались и бесшумно ускользали в воду. Приятно было ощущать эту простую и цельную жизнь дикого острова, воспринимая её и своей.

«Животные располагают прирождёнными умениями: одни быстро бегают, другие высоко летают, третьи плавают в воде; человек ничего не умеет, пока с трудом не выучится...» - писал Плиний Старший, и был, конечно, прав, но тем и хорош человек в отличие от замечательных животных, что способен выучиться всему и пойти дальше своих меньших собратьев, развиваясь бесконечно... Вот о чём думал я, когда наблюдал, как играют за бортом свободные, красивые нерпы, как они лениво возлежат у океанского прибоя, наслаждаясь покоем, и всё равно завидовал им.

Что, кажется, может потревожить покой этих доброжелательных, милых животных, вольготно плещущихся в чистых прибрежных водах, где

полно корму, а если появятся косатки – можно спастись от них в мелких бухточках, которыми изобилуют Курилы?! Ни тревог тебе, ни забот, в пору, действительно, позавидовать такой полной довольства жизни и человеку, постоянно обременённому массой экспедиционных забот. Но учёные установили, что и тюлени ведут далеко не беспечный образ жизни: им приходится очень мудро распределять районы обитания и сферы питания, что помогает им полнее использовать не такие уж обильные кормовые ресурсы, уменьшая межвидовую конкуренцию. Таким образом, морской заяц когда-то вынужден был спуститься на дно в поисках пропитания, кольчатая нерпа и ларга освоили поверхностные глубины, крылатка заняла промежуточное положение между морским зайцем и кольчатой нерпой, а котики с сивучами предпочли проводить почти половину жизни на берегу.

Тому, кто никогда не был связан с морем, особенно – с дальневосточным, все тюлени кажутся на одно лицо: у них маленькие ушки, симпатичные усатые морды, большие выразительные глаза, передние плоские ласты, с помощью которых тюлени передвигаются по льду и суше, и обтекаемые, вытянутой формы тела, одетые в красивые пятнистые шкуры... В общем-то, всё верно, и всё-таки учёные подразделяют тюленей на ушастых, к которым относятся хорошо известные котики, сивучи, морские львы, и безухих, в Охотском море их пять видов – акиба, или кольчатая нерпа, ларга – она же нерпа пятнистая, лахтак – морской заяц, крылатка – полосатый тюлень, и островной тюлень – антур... Не умаляя достоинства всех вышеперечисленных ластоногих, я остановлюсь лишь на пятнистом тюлене – ларге, широко распространённой в наших дальневосточных водах, но нигде потом я больше не видел, чтобы нерпа залегала в таком большом количестве, как на острове Онекотан.

Для ларги характерна пятнистая окраска: на жёлтом или сером фоне туловища и ласт располагаются многочисленные чёрные или бурые пятна. Длина тела в редких случаях может превышать два метра, чаще – метр с небольшим... Нерпа обитает в лагунах, бухтах и маленьких заливах, питается преимущественно рыбой, а в летнее время лососевыми, и в погоне за этими рыбами, во время их хода, иногда заходит далеко в реки.

Конечности тюленей как бы скрыты в туловище, наружу выступают у передних конечностей только часть предплечья и кисть, а у задних – часть голени и стопа. Пальцы соединены перепонкой, и таким образом кисть и стопа преобразовались в ласты. Передние из них - выполняют роль горизонтальных и вертикальных рулей, и служат для управления телом. С помощью задних ласт тюлень плавает. При этом ласты совершают колебательные движения вправо-влево, одновременно изгибаясь сверху вниз. Плавает ларга очень быстро: редкая рыба может ускользнуть от неё.

Интенсивно нагуливаясь летом, к осени нерпы сильно жиреют и начинают образовывать береговые залёжки, а с февраля, когда устанавливаются тихие солнечные дни – перебираются на лёд. Глядя на нерп осенью и зимой - создаётся впечатление, что они постоянно отдыхают. Эту

особенность животных используют досужие охотники, организуя весной их промысел.

При забое котиков на острове Тюленьем, бывалые охотники на морского зверя рассказывали мне, как нерпам приходится всего опасаться. Можно без преувеличения сказать, что нерпа относится к самым незащищенным видам морских животных, поскольку не обладает ни острыми зубами, ни большой массой тела, нет у неё и каких-либо особых природных приспособлений, способных оказать ей поддержку. Жизнь нерпы всё время находится в опасности.

В море нерпу преследуют морские хищные звери – косатки и полярные акулы, а на льду её подстерегают белые медведи. Приходится нерпе опасаться и охотников. Оберегает нерпу только хорошо развитый у неё инстинкт самосохранения.

Мало того, что нерпа замечает приближение опасности на значительном расстоянии, но у неё ещё и сон часто прерывается, продолжаясь всего несколько секунд, после чего она некоторое время бодрствует, потом снова засыпает на несколько секунд, и так дальше. В противоположность моржам, которые при выходе на лёд или на берег засыпают «мертвецким» сном, продолжающимся у них непрерывно, иной раз до двух суток, нерпа необыкновенно восприимчива. К тому же, нерпу отличает отменная зоркость, с какой она осматривает пространство льда вокруг залёжки.

Однако все эти предосторожности не всегда спасают нерпу от белого медведя, который, заметив лежащую у лунки нерпу, начинает подползать к ней с подветренной стороны. Распластавшись на льду и прикрыв, словно для маскировки, лапой свой чёрный нос, медведь продвигается в течение тех нескольких секунд, когда нерпа спит; когда же нерпа просыпается и поднимает голову, медведь моментально замирает на месте, становясь очень похожим на сугроб.

Промышленники так же стараются перехитрить нерпу. Они в моменты сна нерпы передвигают впереди себя установленный на лыжах щит из белого полотна, с проделанным в нём небольшим круглым отверстием, через которое стреляют в нерпу из карабина с возможно близкого расстояния. Благо, на отстрел нерпы давно наложен запрет, и милым зверькам сейчас ничего не угрожает.

Если вы заметите в сильный мороз на ледяном поле лежащих нерп и внимательно осмотрите место залёжки в бинокль, то к своему удивлению нигде поблизости не обнаружите отверстий во льду, через которые нерпы могли бы выбраться на его поверхность. Как же могли нерпы оказаться среди гладкого ледяного поля, если оно иногда простирается до горизонта? Неужели они могли проползти от его кромки при помощи своих лап? Ведь насколько нерпа быстро и ловко плавает в воде, настолько медленно и неуклюже передвигается она по льду и суше, и человек, идущий нормальным шагом, свободно может догнать нерпу, передвигающуюся по льду. А дело в

том, что хитрые нерпы, вылезая на ледяное поле, ложатся спать не в стороне от лунки, а прямо на неё, оберегая её от замерзания, и заслышав скрип шагов, мгновенно исчезают подо льдом.

Не меньшую находчивость проявляют нерпы и при выращивании своих щенков, или, как их принято называть, бельков. Такое название присвоено им потому, что они рождаются покрытыми белыми пушистыми волосами, которые сохраняются у них до конца молочного питания, продолжающегося в среднем до трёх-четырёх недель, после чего белые волосы начинают постепенно выпадать и заменяться жёсткой, короткой шерстью серебристо-серого цвета. С дальнейшим ростом шерсть тюленей принимает различные оттенки и рисунки окраски в зависимости от вида и пола тюленей. Из всех тюленей название белька не вполне подходит только к щенку морского зайца – лахтака, так как у этого вида тюленей щенки рождаются не с белым волосом, а с пепельно-серым или буроватым.

Рождение детёнышей у нерп бывает в различные сроки зимних и весенних месяцев, в основном он растянут от начала февраля до конца марта, и происходит как на дрейфующих льдах вдали от берегов, так и на неподвижном льду берегового припая и в проливах между островами. Но где на открытом льду спрятать беззащитных детёнышей, которые до смены белого пушистого эмбрионального волоса не входят в воду, а остаются всё время на поверхности льда совершенно беспомощные? В этот период на бельков охотятся не только хищные звери, но и многие виды птиц, как, например, крупные чайки, полярные совы и чёрные вороны. Птицы обычно выклёвывают у бельков выпуклые не мигающие глаза, резко выделяющиеся своим тёмным цветом на фоне белого волоса.

Так вот нерпы, привыкшие жить в условиях неподвижного льда, щелятся в закрытых снежных «чумах» - своеобразных «домиках» в сугробах, где пологая длинная нора заканчивается расширенной камерой со сквозным круглым отверстием во льду, через которое нерпа вылезает на поверхность льда, либо совершенно закрытую с поверхности снежную камеру, в которой так же имеется лунка во льду и достаточно свободная площадка для лежания... Вокруг лунки и над ней снег расчищается так, чтобы в образовавшейся закрытой со всех сторон снежной камере могли свободно поместиться нерпа и её один или два детёныша. Правда, такие снежные «чумы» защищают бельков лишь от сильных ветров и морозов, так как полярные хищники – песцы и белые медведи, постоянно передвигающиеся во льдах в поисках пищи, быстро обнаруживают нерпичьи «домики». Человек же может натолкнуться на подобное хитроумное сооружение только случайно, если наступит и провалится в него.

Однажды меня заинтересовал вопрос: каким образом небольшая по размерам нерпа устраивает в тяжёлых льдах продушины для дыхания, то есть – лунки? На это оказываются порой не способны даже такие мощные звери, как моржи, к тому же наделённые длинными клыками, при помощи которых они цепляются за неровности почвы, лёд и трещины в скалах, и ловко орудуя

ими, поднимаются по крутой скале или же взбираются на вершину айсберга. Ответ как всегда оказался прост...

Там, где мелководные арктические моря граничат с большими глубинами центрального полярного бассейна, над подводными хребтами и к северу от архипелагов – особенно сильны приливно-отливные течения. Дважды в месяц, с переменами фаз луны, благодаря действию приливов арктический лёд взламывается, и появляются разводья с трещинами, которые тут же затягиваются свежим, но более тонким льдом. В нём тюлени и пробивают себе лунки-отдушины.

Свои лунки-отдушины животные регулярно навещают, поддерживая достаточную ширину, чтобы просунуть морду для дыхания. Если лунка замёрзла, нерпа снизу грызёт лёд зубами, отчего в льдине образуется коническая полость, на вершине которой остаётся отверстие около 5 сантиметров. Однако для доступа воздуха этого вполне достаточно. Каждая нерпа готовит себе несколько продушин и периодически расширяет их. По мере утолщения льда конус всё увеличивается и может достигать трёхметровой высоты. К весне самка нерпы расширяет отверстие одной из своих продушин и через лаз выбирается на лёд, где в глубоком снегу, закрывающем лунку, и проминает пещерку, принося там своего детёныша.

С наступлением летних месяцев, когда детёныши подрастают, сменив свой мех на более жёсткую серую шерсть, и получают возможность погружаться в море, нерпы опять принимаются резвиться в прибрежных водах, изредка выходя на берег. Но если калан, котик и сивуч – дневные прибрежные звери, то нерпа любит поиграть в воде именно ночью, особенно – под луной, когда ей ничто не мешает. Она, наверное, чувствует себя в эту пору по-особенному свободной, и ещё поверхность моря так чудесно освещена волшебными отсветами небесного светила, по-видимому, совершенно завораживая животных, что ты непременно позавидуешь нерпам, когда они резвятся под луной, и, кажется, им ни до чего в этот момент нет дела...

На берегу нерпы ведут себя очень чутко, и нужно иметь немалую сноровку, чтобы подкрасться к ним на довольно близкое расстояние. Сейчас я ужасаюсь при мысли, что когда-то охотился на этих чудесных животных, стрелял в их аккуратные головки, которые всегда, как мячики, показывались из воды, усатые мордочки внимательно вглядывались в то, что их потревожило, и опять мягко исчезали под воду. Если нерпы лежат на берегу, распластав на камнях свои серебристо-серые тушки, они тоже чутко вздрагивают при малейшем приближении к ним, ловко шлёпаются в воду и уплывают.

До их серебристо-золотистых шкурок, с чудесным природным орнаментом пегих, коричневых и чёрных пятен, всегда хочется дотронуться, погладить. Они притягивают к себе своей гладкостью и блестящим ворсом. Шкурки нерпы – лучшее средство для подбивки охотничьих лыж, их плотный и частый волосяной покров позволяет охотнику легко подниматься

в гору без палок, держа в руках ружьё. На равнине же такой камус из нерпы способствует хорошему скольжению, которое отсутствует, когда лыжи подбиты камусом с лосиных ног, ибо он гораздо тяжелее нерпы и не так гладок. Народы севера использовали нерпу в качестве камуса более охотно, чем шкурки других зверей.

Чем ещё полезна нерпа? Печень морских животных, населяющих полярные моря, - нерпы и моржа, заслуженно считается большим лакомством. Печень этих животных отличается высокими вкусовыми качествами и питательностью, и кроме того, она является прекрасным средством против цынги. Местное береговое население, в том числе и нивхи с орочами, коренные жители Сахалина, употребляют печень в пищу как в сыром, так и в варёном виде, а перетопленный из неё жир залечивает любые колотые и рваные раны, в том числе – ожоги.

Тюлений или нерпичий жир у северных народов на вес золота, без него в суровых климатических условиях никак не обойтись. Отправляясь в зимнюю поездку по острову, нивх или ороч всегда брал с собой мешок из нерпы с её жиром. Во-первых, меньше груза – легче собакам или оленям; во-вторых, поел, так уж действительно ощутил сытость; в-третьих, жир выделил в организм дополнительную тепловую энергию, человеку стало теплее; в-четвёртых, нерпичий жир, как и многих других тюленей, спасает организм от нехватки витаминов и, как уже говорилось, не позволяет развиваться цынге; в-пятых, если в дороге случится какая-либо травма – порез или ожог, жир в считанные часы заживляет поражённое место.

Однажды и мне привелось быть спасённым нерпой, вернее – её жиром, более живительного средства на Дальнем Востоке не сыскать. Мы тем летом работали на Крильоне, обслуживая подводную часть мареографа, а жили в маленьком домике метеостанции, прямо на берегу залива Анива. Сами готовили себе пищу, в основном – из морепродуктов: морской капусты, крабов, осьминогов, брюхоногих моллюсков и рыбы. Всегда кто-нибудь оставался дежурным по кухне, он и занимался сбором даров моря. Тем же, кто работал под водой, каждый день попадалось что-нибудь съестное – маленькие осьминожки, ежи или мидии, целыми друзами прицепляющиеся к камням. Как-то в отлив косатки даже загнали на отмель подраненную ларгу, и пока мы до неё добрались – она погибла, после чего нам ничего не оставалось, как засолить её мясо в бочке, а сало перетопить на жир.

В тот день я как раз остался дневалить по кухне, высушенный до состояния кости плавник разгорался в печке плохо, и я решил поддать жару, замахнув в огонь плоску бензина. Но консервная банка с горючкой при этом выскользнула у меня из рук, ударившись о дверцу печки, и пока я её подхватывал – пламя через расплёсканное топливо переметнулось на рукава моей рубашки, вмиг охватив живот, грудь и плечи, а затем – и колени. Рядом стояло ведро с водой, но окатив себя ей, пламя удалось сбить лишь со штанов, и я выскочил из дома, что было сил рванувшись к морю...

Рубашку, застёгнутую на все пуговицы, расстегнуть не представлялось возможным, я бежал, как очумелый, а пламя на мне только ещё более разгоралось под встречным потоком воздуха, и со стороны всё происходящее выглядело, наверное, очень забавно, скорее даже – странно. Но остановиться было никак нельзя, и пока я преодолевал сотню метров до прибойной полосы – обгорел весь с головы до ног. Бухнувшись в солёную воду, сначала ощутил облегчение, но затем тело будто опять обожгло огнём, захотелось всё сорвать с себя, и когда мне это удалось сделать, обнаружилось, что кожа вздулась пузырями, местами – висела лохмотьями, из тела же сочилась слизистая сукровица. Особенно пострадал живот, грудь и ноги выше колен, я стоял в растерянности, не зная – что предпринять, а обед так и не был приготовлен.

Вскоре вернулись с работы ребята, кто-то вспомнил про котелок с нерпичьим жиром, вытопленным хозяйской рукой нашего плотника – Петра Ефимовича, и весь вечер я провёл за обработкой ран, наложив на них затем чистую марлевую повязку. Казалось, о подводной работе не могло быть никакой речи, во влажном климате сахалинского лета мечтать о скором выздоровлении не приходилось, и я стал уже подумывать о возможности возвращения в город, постаравшись как можно быстрее попасть в больницу. Кто бы мог тогда предположить, что через несколько дней я буду париться в бане!

В это трудно поверить, но после снятия повязок – кожа оказалась чистой, на ней не было заметно никаких рубцов, осталось лишь небольшое покраснение, а главное – ничего не болело и не жгло, как в первый день. Я ещё для верности смазывал какое-то время слегка воспалённые места, но вскоре прекратил за ненадобностью, и уже через неделю натягивал на голое тело неопределённый костюм, не испытывая какого-либо неудобства. Это было удивительно, и все, воочию, убедились в целительных свойствах нерпичьего жира, который мне, не иначе, даровал владыка морских глубин. Спасибо и матушке-нерпе, спасшую меня от страшных ожогов! Уезжая через год на материк, в отпуск, я прихватил с собой бутылочку чудесного дальневосточного снадобья, восторженно рассказывая о его силе всем своим близким и знакомым.

Нам повезло, что раненая нерпа, спасаясь от косаток, выбросилась на камни и оказалась такой лёгкой добычей, на деле же промыслять её не просто, и как не таись на берегу, за камнями, а нерпы ни за что не подпустят тебя близко. Нужно быть таким же чутким, как морские звери, учитывать ветер, погоду, время дня, чтобы подобраться к лежбищу зверей, не дав себя обнаружить.

Известно немало историй, повествующих о том, как на нерпу охотятся с помощью музыкального инструмента, однажды это был, якобы, даже патефон!/, поскольку животные очень любят приятную мелодию. Музыка будто привораживает чутких животных, и те чуть ли не лезут из воды слушать музыку, погибая от руки безжалостных охотников. Вполне возможно, что нерпам нравится какая-то необычная мелодия, может быть,

это будут волшебные звуки симфонии Рахманинова или Чайковского, и звери высовывают свои головы из воды и с интересом посматривают: что это такое?

Но вот на свист нерпы реагируют неоднозначно. Сначала незнакомый для них звук тоже завораживает зверей, но вскоре они утрачивают к нему интерес и продолжают наслаждаться покоем. При повторном свисте нерпы лишь вздрагивают, чуть приподняв голову, а если вы попытаете удивить животных в третий раз – они даже не обратят внимания. Свисти – не свисти, нерпам уже всё едино.

Когда небольшие волны заплёскиваются на прибрежные скалы, где в непогоду залегают нерпы, их можно принять за округлые, продолговатые камни, лежащие у самой воды. Особенно трудно различить животных в пасмурный день, когда они всё же подпускают к себе на близкое расстояние, и, подойдя к ним чуть ли не вплотную, вдруг поразишься спокойствию зверей и их красоте. Рисунок на ворсистых нерпичьих шкурах напоминает плывущие по низкому курильскому небу крошечные радужные облака или дымчатые колечки, выпускаемые только что пробудившимся вулканом, у самого горизонта...

Одни нерпы лежат на брюхе, другие – на боку, потешно сложив на животе передние ласты, а иные – на спине, загнув хвост кверху. Очнувшись от забытья, нерпы настороженно поднимают головы и изредка зарёвывают, так что не разберёшь: либо они испуганы и ещё не поняли толком – что им делать, либо с интересом пытаются разглядеть своими чёрными глазами то, что их обеспокоило. После того, как две-три нерпы подадут трубные ноты, остальные просыпаются, прогибая при этом спины, и становятся похожи на маленькие лодочки, которым остаётся только плюхнуться в воду, чтобы отправиться в плавание. И они действительно ловко подползают к воде, опираясь на грудь, а затем подтягивают туловище. Спина их выгибается горбом, и животные напоминают больших гусениц. Достигнув берега, нерпы соскальзывают в родную стихию, но не покидает ощущение, что проделывают они это как будто с неохотой.

В воде нерпы какое-то время ныряют, изредка с удовольствием пофыркивая, после чего ложатся на спину или становятся столбиком и, задрав кверху носы, втягивают воздух. Стоит сделать на берегу шаг или даже пошевелиться, как все звери с сильным всплеском разом скрываются под водой, а появляются через несколько секунд почти неслышно. Выпуклые красивые глаза нерпы смотрят на тебя в упор, ноздри раздуваются и усы шевелятся: животное недоумевает – кто же это перед ней?!

Порой такое пристальное наблюдение со стороны зверя может продолжаться минуту-другую, но затем нерпа опять ныряет. Пытаешься предположить – где она покажется вновь, и почти никогда этого не угадываешь. Нерпы свободны в своих волеизъявлениях, в их действиях – лишь любопытство, грациозность и может быть только лёгкая настороженность. Никогда я за все годы работы в море не видел, чтобы

нерпы проявляли какие-либо злые намерения, и оттого возникает непередаваемое желание обнять их и поплавать рядом.

Но иногда попадаются пуганные звери, видимо, попадавшие когда-то в рыболовецкие сети, словом, у них, хотя бы однажды, уже произошло знакомство с человеком, и нерпы проявляют невероятную осторожность, не подпуская к себе и на сотню метров. Впрочем, если животных не тревожить какое-то время, они опять перестают опасаться и не выказывают страха. Их вновь переполняет восторженно-отрешённое состояние, они радостно плещутся в прибрежных водах, и у них живо блестят глаза, так что невозможно им не позавидовать. Если долго наблюдать за нерпами, то обязательно обнаружишь, что каждое животное имеет свой характер.

А ещё очень интересно следить, как нерпы выбираются на берег. Нерпы при этом, кажется, нисколько не напрягаются, вода сама выплёскивает их на сушу. Лёгкая волна приподнимает тело, тихо подносит к берегу и отбегает, ласково опуская животное на камни. Происходит это очень гармонично, море будто заботится о нерпах, считая их своими подопечными. Да так оно и есть: во всём поведении нерп, когда они оказываются вынесенными волнами на сушу, чувствуется уверенность в своей незащищённости – нерпы будто точно знают, что море их никогда не оставит и беды не допустит.

Ощущение, когда находишься на залёжке среди зверей, совершенно особенное. Звери лежат повсюду, но не так, чтобы очень плотно, и на душе становится необыкновенно от их задремавших у моря душ. Море – рядом, за скалами, на другой стороне острова, распростёрся океан, а в нескольких километрах южнее дымит вулкан... Воздух удивительно чистый, такой чистоты, кажется, не бывает нигде, и ещё ты чувствуешь, что нерпы тебя не зря подпустили так близко, и ты живёшь с ними в эти мгновения одной жизнью.

Быть тюленем или нерпой – это значит постоянно вливаться своим гладким, гибким телом, всем своим нерпичьим существом в морскую пучину, будто пытаясь проникнуть в самую её суть, а проникнув – радоваться этому, потому что ничего другого нерпе не остаётся. Она сама определяет себя в этом водном мире своим плавным скольжением, то покачиваясь на волнах, то плавно планируя в морской толще, а иной раз оставит родную среду и выбирается на берег, чтобы проявить себя в ином, казалось бы, непривычном для неё поведении. Но и другие тюлени – котики и сивучи, и прибрежные камни, и вездесущие чайки, и океан, присутствующие рядом, воспринимают её своей, может быть даже – самой дорогой и близкой, кому они почему-то выражают трогательную преданность и симпатию.

Вот и мне, находясь на нерпичьем лежбище острова Онекотан, было так, словно я – лёгкий морской ветерок, неслышно прокрадывающийся среди забывшихся на время животных. Я люблю их поблескивающими в лунном свете телами, ощущаю непередаваемый запах, ласково трусь о влажные скалы, и мне не хочется покидать этот отрешённый от жизни людей мир, где всё напоминает мне о моём далёком-далёком, но не утраченном прошлом.

## «ПАРАМУШИР И ШУМШУ»

Нигде не видел я такого синего моря, как у берегов Парамушира... Солнце там светило как будто из-за противоположной стороны острова, и вода оттого находилась в густой тени, становясь ещё насыщеннее, глубже. Светло-зелёной, с белыми завихрениями, она оставалась только под бортом судна и в его кильватере, когда оно разворачивалось и уходило в открытое море, которое в осеннюю пору всегда было покойно, ясно и солнечно.

От лёгкого берегового бриза по утрам вода становилась упругой, как молодая кожа, что твердеет от прикосновения к ней холода, и ещё более наливается силой, тая в себе сгусток неисчерпаемой энергии. Так свежеет и напрягается под дыханием любви девическая грудь, и осеннее море у Парамушира было схоже с ней – зовущее, волнующее, кажется – совсем молодое.

Сам остров напоминал, скорее, роскошную женщину, вольготно и в то же время с достоинством раскинувшуюся в этом бескрайнем торжестве любви, что щедро дарит природа. Да и на языке когда-то проживающих здесь айнов «парамушир» означал «большое» или «широкое место», предполагающее, по-видимому, много радости, воздуха и света. Такое сочетание, когда с трепетом ждёшь только необыкновенного, всегда оправдывает его появление. Но происходит это неожиданно, а слившись со всем, окружающим тебя торжеством жизни, можно просто растеряться. От обилия и неисчерпаемости увиденного, что даже не допускает поначалу какого-либо пристального внимания по отношению к нему, - всё окружающее сразу повергает своим очевидным обаянием и новизной.

На Парамушире меня сразу поразили дали! Какая чистота пронизывала здесь воздух, особенно в ясные, солнечные дни! Горные хребты важно разлеглись в тысячелетнем молчании, долины переливаются радостной озёрной гладью, красно-рыже-лиловые ягодники, будто шкуры неведомых зверей, кем-то великодушно раскинуты между ними... И вокруг – потрясающая тишь!

Даже шумно вспархивающие белые куропатки не нарушали эту тишину. Чуточку неповоротливые птицы, отъевшиеся на морошке и шикше, подпускали близко, взлетали тяжело, и по ним совсем не хотелось палить из ружья. Стоишь, замерев, впитываешь эту красоту, и ничего больше не желаешь.

Парамушир, действительно, очень привольное место, притягивающее к себе разных людей, и первым, с кем нам суждено было познакомиться, оказался шофёр-венгр Йосиф Биро, проработавший на Северных Курилах более двадцати лет и знающий здесь, по его словам, каждый камень. Столкнулись мы с ним в помещении Северо-Курильской метеостанции, для которой он завозил какое-то оборудование. Его красивое, задубелое, в тонких складках лицо, кирпичного цвета шею и бездонные серые глаза, неистовые и

рассудительные, хотелось видеть постоянно, и мы почему-то сразу сошлись. А ещё с удовольствием было слушать его речь, акцентом напоминающую цыганскую. Он так хотел, чтобы кто-нибудь из нас, новых для него людей, сразу отгадал его национальность, здесь, на далёком острове Парамушир, представляющуюся, по его мнению, несуразной, точнее – неуместной. Ему, переполненному восхищением от своей второй родины и не забывшему первую, это было, оказывается, до безумия необходимо, важно, и мы его не разочаровали...

- Мадьяр, - глухо ответил я на его молчаливый интерес, чем сразил наповал. Для меня это было не сложно, поскольку увлекаюсь футболом, я давно болел за киевское «Динамо», где играл Йосиф Сабо, а зная, что он венгр, просто сопоставил имя и фамилию, высказав предположение нашему новому знакомому. Йосиф преданно воззрился на меня.

- Потолкуем, - скромно предложил он, по всему своему виду просто переполняемый желанием что-то рассказать, поведать о наболевшем. Ему явно не хватало на острове собеседников.

- Давайте поговорим. Интересно было бы больше узнать про остров.

Йосиф аж крикнул от удовольствия, и глаза его загорелись.

- Что ж сказать, положение ваше – радостное, можно даже заметить – счастливое, ибо Парамушир – удивительный остров.

- И, тем не менее, я очень удивлюсь, если вы сюда однажды приехали за романтикой. На романтика вы не смахиваете.

- Это уж точно, биография моя не годится в святцы, но чего у меня не отнять, так это того, что нет нелёгкой работы без Йосифа Биро, и нет Йосифа Биро без нечаянных происшествий. Нескончаемое кручение баранки по Богом забытым курильским перевалам, или двигать рычаги вездехода, это, видимо, и есть моя судьба. Жёстко стелет курильская дорожка, но я без неё не могу. А приехал я сюда двадцать лет назад за женой...

Он почему-то изменился в лице.

- Я вам завтра вулкан покажу. Потом и поговорим. Эбеко называется. Прямо в кратер полезем...

- Ну-у, - развёл я руки.

- Забодай меня комар, если я не Биро!

Он серьёзно подмигнул мне и вышел, мягко прикрыв за собой дверь. Я подумал о том, что всё, по-прежнему, идёт как надо, по чьему-то неведомому волшебному благословию, не оставляющему нас на всём пути по Курилам.

- Кто это? – спросил я начальника местной метеостанции, кивнув вслед вышедшему Биро.

- Старые кадры... Он за женой сюда давно когда-то приехал, а она в первую же зиму, в пургу, беременная замёрзла... Йосиф тогда в рейс уехал. Шла с почты и заплутала. У нас тут целое кладбище существует для тех, кто замёрз в пургу. Вон, там, на горке... Он каждый год, весной, к ней на могилку ходит. Видел столбы по краям дороги?

- Да, обратил внимание, но не понял – для чего. Провода, вроде бы, отсутствуют...

- Такие сугробы наматает, Бог ты мой, под самую макушечку этих столбов. Между ними – канаты натягиваем, по ним люди и следуют – от магазина к почте, от почты к дому, от дома в порт и обратно. Бабёнка-то неопытная оказалась, растерялась...

- А на крышах домов что за «скворечни» сооружены?

- Пурга задувает по несколько дней кряду, заносит дома под самую печную трубу. Хозяева выбирают через запасной ход на крыше и отрывают двери с окнами. На чердаках для этого всегда лопаты заготовлены. Чтоб тебя, чахотка!

- Да-а...

- С лавинщиками нашими познакомитесь – они вам не такое порасскажут. Та ещё братия! – загадочно подытожил он.

Чего-чего, а на Парамушире я сразу ощутил течение жизни: вроде бы, ничего и не происходит, жизнь струится медленно и плавно, как невидимая большая река, но ты подспудно понимаешь: под её гладкой спокойной поверхностью скрыты очень опасные круговороты, а когда ты можешь переступить допустимую черту – одному Богу известно. В кратере вулкана мы на следующий день всё-таки, на свой страх и риск, побывали, правда, без Йосифа Биро, срочно отправленного в рейс, а с вулканологами из Южно-Сахалинска, которым понадобилась наша помощь.

Нужно было спуститься на дно озера, располагающегося в самом кратере, за пробами, для чего пришлось поднимать с собой на вершину костюм и акваланг. На это раз я сам изъявил желание нырнуть в лазурные, кажущиеся безжизненными воды, чего мне по-настоящему захотелось, но меня при этом предупредили особо там не задерживаться: набрал что нужно – и сигай наверх, обратно. Кто знает – чего ожидать от этих загадочных испарений, которыми пропитан здесь каждый камень?!

Ведь нашей главной крепостью была работа, которую мы стремились выполнять как можно лучше, а всё остальное, о чём свидетельствовал опыт, рано или поздно прикладывалось. Работа никогда не подведёт, если ты сам остаёшься верен себе и тем, кто находится рядом. Иначе – зачем жить, думали мы. Всё шло так, как мы сами планировали, правильно, решительности и желания выполнять свою работу у нас было в достатке, а курильская осень дарила нам чудесную погоду. Чего ещё желать?!

В Северо-Курильске с утра светило солнце, небо было безоблачно, но это ещё не означало, что такая же погода и на Эбеко. На метеостанции нам объяснили, что погоду, какая установилась на вулкане, хорошо видно снизу, с Севкура. Если седловину Эбеко, через которую переваливают ветра с Охотоморья на «тихую» сторону и обратно, прикрывает облачность, значит, там туман, сырость, промозглый ветер и, быть может, изрядный холод.

Но даже над Эбеко в тот день раскинулось ясное небо... Кстати, когда стоит такая хорошая видимость, в дрожащей синеве проступает вдаль

Камчатка, не говоря уже о находящемся за Вторым Курильским проливом пёстро-зелёном и плоском острове Шумшу, чем-то напоминающим Шикотан. А уж сахарную голову вулкана Алаид на острове Атласова, можно различить даже в ненастную погоду...

Сам Парамушир особенно интересен тем, что только на нём из всех островов Курильской гряды были обнаружены ясные признаки оледенений четвертичного периода. Следы древнего оледенения помогают определить возраст вулканов при сопоставлении залегания потоков лавы. Самый крупный из северной группы островов, и четвёртый по длине во всей Курильской гряде, Парамушир простирается с юго-запада на северо-восток более чем на сотню километров. В его строении ясно различаются три хребта, состоящие из тесно спаянных между собой потухших и действующих вулканов – хребет Карпинского, Левинсон-Лессинга и Вернадского. Число же вулканов на острове достигает двадцати, и пять из них – действующие.

Вулкан Эбеко относится к третьему хребту – Вернадского, который протянулся в северной части острова, и таким же образом по одной линии размещены на его вершине три кратера. Вулкан Эбеко – действующий, высота его – около 1200 метров, и он имеет пологие, сглаженные склоны. Внешний древний конус вулкана разрушен почти полностью текучими водами и ледниками.

Обычно местные жители оборачиваются к вершине и назад за день по своим лечебным заботам. Торопятся принять ванну в серном озере среднего кратера, образовавшегося после извержения вулкана в 1935 году, успевая до захода солнца спуститься в город. Но не всегда этому сопутствует погода...

На склонах Эбеко чаще всего свирепствует порядочный ветер, пахнет серой и – никакой растительности. На Парамушире нет лесов, суровый климат острова исключает их развитие, и потому его горы, немного зелёные у моря, чем дальше, тем всё более утрачивают растительный покров и превращаются в голые серые вершины. Вокруг, сколько хватает глаз, простирается лишь раскисшая глина и камни. А внизу, под обрывами, белеют снежные заносы, не таявшие и летом. Снег лежит на склонах, спускаясь чуть ли не до самого посёлка. Если отсутствует солнце, то место это навевает уныние.

Прежде, чем подняться на Эбеко, нужно было преодолеть старую дорогу, вымощенную ещё при японцах тщательно обкатанным булыжником, удивительно сохранившуюся, гладкую, от чего сразу представилось, каким обустроенным и уютным был ранее остров. Дорога вела к богатым залежам серы, вздымающимся на горном плато ослепительно-лимонными, искрящимися головами: японцы добывали её здесь в обилии, а у подножия этих диковинных столпов рассыпались яркими пятнами киновари мёртвые камни... Мёртвые камни совершенно мёртвой долины с ударяющим в нос запахом тухлого яйца. И кругом – облака, туман, да непроглядные испарения загадочного чрева преисподней, где-то там, в глубинах, накапливающей невообразимую и грозную силу.

Сила эта извергается бесчисленными фумаролами, то взрываясь неожиданно в захлёбывающемся хрипе, то удручённо и коварно затухая. Ни в коем случае нельзя склоняться над этими каменисто-глинистыми отверстиями, недовольно урчащими что-то про себя: в любой момент стремительная струя пара может предательски вырваться наружу. Только с опаской обходить и чувствовать, как жарко дышит наша огромная земля, и как она решительно передаёт это дыхание океану.

Фумаролы на склонах вулкана Эбеко не зря названы ревущими, ибо действительно выбрасывают насыщенный серой пар с рёвом и свистом. Вокруг пестреют богатые отложения серы, пышно инкрустированные поблескивающими кристаллами. Сера облицовывает собой близлежащие камни, и в ясный день они ослепительно горят на солнце жаркой желтизной. Японцы накрывали такие фумаролы корзинами, и внутри корзин через некоторое время осаждалась чистая самородная сера. Нескончаемые кубические метры готовой продукции! Кое-где сохранившаяся на склонах вулкана японская дорога когда-то вела к целому серному заводу...

Скопления самородной серы и сейчас ещё достаточно обильны. Здешняя серная руда отличается высокой чистотой: более 99% в ней приходится на серу, оттого и скопления эти, чаще в форме столбов, имеют чисто-жёлтый, ослепительно солнечный цвет. Образуется сера при окислении поднимающегося из глубины сероводорода кислородом воздуха.

Диаметр отверстий, через которые вырываются серные пары, разный: несколько сантиметров и полметра, с жёлтыми от серы стенками. Душный тяжёлый запах парообразной серы, смешиваясь с острым духом сернистого газа - сразу немного одуряет. Конечно, значительная часть серы сгорает в неведомых недрах земли, но её так много, что она, выходя на поверхность, и образует эти удивительные, повергающие своими размерами и яркой желтизной столбы.

Несколько жутковато первое время находиться в окружении вырывающихся из-под земли горячих паров, сама местность – необычная, она напоминает поверхность какой-то неизведанной планеты, на которую тебя вдруг занесло, и океан где-то там внизу кажется нереальным. Живёшь только окружающим тебя сейчас вулканическим пейзажем, всё рассматриваешь, поражаешься и, конечно, обо всём тут же забываешь, так как через несколько шагов тебя поражает нечто ещё более впечатляющее. Нет никакого желания совать в отверстия фумарол пальцы, чувствуется, какая здесь температура, в которой яйцо, наверное, сварится быстрее, чем на газовой плите.

Иногда фумарол может и не быть, но грунт на этом месте очень горячий, на нём даже невозможно сидеть. Отвернёшь буквально один камень, а из-под него начинает бить струёй пар: благодаря тебе образовалась ещё одна фумарола! Но нужно быть осторожным: переворачивая камень - легко можно обжечь лицо и руки.

Мощные столбы белоснежного пара со свистом вырываются в воздух, вокруг высятся ослепительно-жёлтые серные идолы, сквозь мутновато-молочную туманную дымку ярко синее небо: такое способна создать только природа! И всё это – в кратере действующего вулкана, который может вот-вот проснуться. Ощущения от этого серного царства, в вулкане, что существует тысячи лет, - незабываемы.

На вулкане ты чувствуешь себя не только бесконечно далёким от лихорадочной жизни нашего городского мира, но и совершенно счастливым. Пора былых извержений для Эбеко давно миновала - и на дне глубокого кратера образовалось небесно-голубое озеро, подёрнутое лёгкой опаловой дымкой. словно голубой карбункул, аккуратно вставленный неведомым ювелиром в только для него приготовленную оправу, красуется оно себе и вулкану на радость, никто его больше не видит.

Загадка здесь ощущается во всём... В лунном, кажется, безжизненном ландшафте, в воздухе, насыщенном таинственностью. Тайна глядит на тебя из-за каждого камня, который хочется взять в руки, а рядом - ещё лучше, загадочней...

Чаша вулкана – как колыбель, таинственное ложе, которое, чувствуется, ещё возродится. Его только на время покинула огромная созидательная сила, и вулкан, и камни в нём, и даже туманная дымка будто знают, что сила эта вернётся. И так оно и получилось через много лет, когда я уже вернулся домой, на Урал, и мне представляется необыкновенным то время, когда мы работали в самом кратере вулкана, даже не подозревая, что он может когда-нибудь пробудиться. Совсем недавно вулкан Эбеко извергался несколько раз...

Только здесь можно увидеть такой характерный для кратеров серовато-бордовый, с карминными вкраплениями цвет, подёрнутый молочной пеленой извергающихся фумарол... А в который раз натыкаясь в туманной дымке на ярко-жёлтые столбы, вроде бы, совершенно не подходящие для этой среды, ты опять не в силах не восхититься... Ты – на Парамушире, в кратере вулкана Эбеко!

Приятно было находиться здесь, бродить среди фантастического пейзажа, еле различая расплывчатые силуэты своих товарищей, и думать о том, что ты – на Курилах, в самых недрах этой загадочной земли, а рядом – раскинулся океан... Восхищённые товарищи твои не менее тебя, наверное, переживали и поражались всему увиденному, позабыв о море. К действительности нас вернул спуск к тому самому озерцу, сокровенно голубеющему в чаше кратера своим мутноватым заволакивающим глазом.

И тут вдруг выглянуло солнце, показалось ненадолго из-за низких серых облаков, будто позволяя нам насладиться голубизной кратерного озера, но вскоре, словно раскаявшись в содеянном, опять скрылось: гигантская тёмная туча опустилась прямо над кратером Эбеко. Плато вновь погрузилось в унылые краски, и от этого ещё печальнее показались бесплодные склоны, заволакиваемые то ли облаками, то ли туманом, то ли

парными испарениями... Тягучая влажная хмарь закрыла вулкан от сияющего моря, и стало как-то одиноко.

У озера уже почти ничего не было заметно, только ощущаемо. Вода тихонечко бурлила, скорее, не от высокой температуры, а по причине вырывающихся из недр газов, двигалась бирюзовыми кругами, и воздух, казалось, тоже ходил ходуном. Вода обволакивала протянутую к ней ладонь каким-то нереальным теплом, и хотелось вернуться к настоящей, морской, чтобы погрузиться в её умиротворяющую прохладную глубину, как чудилось – вновь обретая при этом себя. Сказывались, по-видимому, удушливые серные пары...

Я даже не заметил, как быстро объяла нас эта вулканическая действительность: всё тут напоминало о былых извержениях. Неизвестно – сколько лет назад возник вулкан, а словно вчера упали на его склоны эти вулканические бомбы, застывший вулканический гравий, каменные брызги покрупнее, называемые ляпилями, застыла могучими языками окаменевшая лава... Встречаются бомбы величиной с грузовик, а самые мелкие – с грецкий орех. И почти все, и маленькие и большие, - в дырках, ноздреватые, как заводской шлак. Дыры в вулканических камнях – следы лопнувших горячих газовых пузырей. Разнообразит это обилие разных по форме и размеру камней их цвет: ярко-красный, чисто кармин, фиолетовый, с сиренью, серовато-дымчатый, тёмно-коричневый, жёлтый, угольно-чёрный. Только представьте себе град из всех этих камней, да ещё тонны пепла, что сыплется порой за сотни километров от вулкана...

Озеро обдаёт лицо горячей, испаряющейся серой, лёгкий ветерок обносит тебя этим крепким запахом, и какой-то скрытый подземный дух таинственно затаивается под сердцем. Это прокрадывается в тебя завораживающее дыхание вулкана. А за краем кратера, где-то там, внизу, открывается безграничная синь океана! Всё тут вместе, рядом, и так это сочетание необычно, что ты никак не можешь к нему привыкнуть, но именно это ощущение от слияния необычного, вроде бы, друг другу не подходящее, больше всего и радует. Что же там, в самом кратере вулкана, на не воображаемом пока дне?!

Глубина в озере кажется нереальной, повисаешь в ней как во сне, голубыми кажутся склоны, камни на них, твои руки... Сразу становится очень жарко: вдобавок к прорезиненному костюму «Садко» и шерстяному белью под ним, тебя принимает в свои горячие объятия вулкан. Не помню, как я набрал в питомцу нужные вулканологам образцы пород, у меня, кажется, помутилось сознание, я впал в какое-то временное забытие. Парил в нефритово-молочной бездонности и не понимал – что мной происходит: я и у океана, и под водой, и в недрах Земли... Чудеса!

Но сколько ещё чудесного, в лице людей, вещей и событий захватило нас на Парамушире, то и дело отвлекая от моря, и мы нисколько этому не противились. В свободное время мы мечтали попутешествовать в глуби острова, чтобы можно было половить нерку и кижуча, поохотиться на белую

куропатку или даже обнаружить где-нибудь в горах склад с оружием, оставшийся после японцев. Для всего этого, конечно, требовался проводник, и он вскоре появился в лице молодого симпатичного парня по имени Женя...

Женя был обыкновенным студентом-третьекурсником одного из дальневосточных вузов, будущий кораблестроитель. Он родился и вырос в Севкуре, а приехал домой на каникулы с целью порыбачить, поохотиться и, быть может, тоже что-нибудь найти, отыскать, обнаружить. Женя, как и мы, был переполнен жадной странствий и постижения, и ему не терпелось показать свой родной остров. Остров этого стоил, в чём мы уже убедились.

До сих пор покоятся у меня в душе те чёрные озёра в долине, у подножия Озёрного плато... Гладкие, как зеркало, красивые и немые. Я их запомнил такими навсегда. Прямо от озёр громоздится до самого плато кривой отлогий хребет, и чуть заметно вьётся по его вершине узенькая тропка... Смотришь туда в бинокль, а сам думаешь о том, как ты счастлив.

Если набраться смелости и терпения, то можно потихоньку забраться на плато и увидеть бескрайние морские и океанские дали. И ещё – необъятные ягодники, разноцветным ковром устилающие весь остров. Шикша, голубика, жимолость, морошка, костяника – сладкое благолепие, пир во век жирующим на них пернатым... У тебя же из-под ног с диким кхерканьем взрываются потревоженные куропатки, как на Матуа, и, сложившись в бело-пегое, трепетное пятно, заморожено протягивают над озером, горами, куда-то к морю, на другую сторону острова. Только ступишь шаг – взмываются в воздух уже другие и, рассыпавшись, рассаживаются у края плато, а ты, залюбовавшись их полётом, забываешь сделать выстрел.

Не забыть и путь до тепляка на мысе Рифовый... Сначала по осклизлым валунам, жирно облепленным листьями морской капусты, затем – по сыпучей гальке диких речек, полных рыбы, и, наконец, по плотному прибрежному песчанику, привольно растянувшегося в лазурных пузырящихся разводах. Как хорошо было шагать тогда, поначалу не чувствуя своей поклажи, и вглядываться в выплывающие перед тобой утёсы, постепенно оставляя каждый из них за спиной. И так – до полного изнеможения, когда уже не чувствуешь ни рук, ни ног, ни онемелой спины. И нет сил напиться воды из чистого ручейка, на берегу которого валишься с рюкзаком на спину и только слышишь, как ударяют в висках хрустальные молоточки. Вода в ручье до того прозрачна, легка, что её даже не видно.

Потом отходишь, начинаешь неспешно шевелиться, жить... Особенно, когда вспоминаешь увиденных накануне серебристых кижучей, повстречавшихся нам в одной изогнутой речной горловине, прозванной Медвежкой. Рыбины были неторопливые, какие-то неправдоподобно огромные, и стояли тихо под берегом, чуть-чуть подрабатывая себе хвостами, и почти так же незаметно шевеля спинными плавниками.

Оливково-зелёные спины кижучей лоснились жарким лососевым соком, были так толсты и доступны, что верилось: тронь их легонько рукой, и они, как поросята, ткнутся тебе тёплыми губами в ладонь и не исчезнут. И

в то же время трудно было осознать, что совсем рядом, в каких-нибудь двух шагах от тебя, совершенно открыто существует нетронутая природа, вокруг никого нет, и от этой насыщенности свободных пространств, ни кем не нарушаемых, становилось даже трудно дышать. Дух перехватывало от простоты происходящего, от того, что тебе посчастливилось ко всему этому торжеству жизни прикоснуться, каким-то образом сделав его навсегда и своим.

Кстати, кижуч начинает заходить в реки для нереста достаточно поздно, как правило – с началом осени, и иногда заход затягивается даже до февраля. Из-за этого, наверное, гибель икры в гнёздах намного ниже, чем у других дальневосточных лососей, а сроки нереста и выход из икры чрезвычайно растянуты. Выход мальков из гнёзд может продолжаться до конца июля, и живут они в реке обычно два года. Питаясь планктоном, а затем переходя на питание рыбой, в море молодые кижучи, предположительно, уходят недалеко от родной реки и осуществляют нагул поблизости от своего места рождения. Такая особенность рыб выказывает в них какую-то внутреннюю размеренность и спокойствие, как будто им не нужно после длительной разлуки с родной рекой рваться к верховьям, как симе, кете и горбуше. Кижучи уже с рождения понимают обретенное достоинство своего вольного существования в чудесной природной чистоте, объединяющей реку и море, и так же достойно, размеренно несут его в себе.

Я долго потом вспоминал этих серебристых, с оливково-зелёными спинками кижучей, как олицетворение неповторимости курильской природы, и когда думал о них, то мне становилось покойно и хорошо. Как покойно струились воды далёкой курильской речушки, как она не спешно поворачивала их вдоль извилистых берегов, как плавно замирали над рекой линии покатых сопок, как лениво взмывали над ягодниками, покрывающими собой чуть ли не весь остров, упитанные белые куропатки. И представлялось, что я опять на Парамушире, по утверждениям айнов являющегося большим местом для радостной жизни и рыб, и птиц, и людей.

Налитая рубиновым цветом нерка, в отличие от кижучей, выглядит более устремлённой, хотя и стоит в воде тоже, почти не двигаясь. Только происходит это не под берегом, а против течения, и лёгкие буруны у наших болотных сапог свидетельствуют о том сопротивлении, которое ей приходится преодолевать. Но по слегка извивающимся рыбьим телам нельзя сказать, что нерке приходится совершать значительные усилия... В видимой успокоенности рыб таится скрытая сила, способная молниеносно бросить их в зеркальной толще воды вперёд, так что мгновенно теряешь рыб из виду, будто их и не было. Нерка, вроде бы, только приснилась тебе в чудесном сне о неведомых курильских землях!

Нерка как будто чего-то выжидает перед очередным броском, а может быть – она просто живёт этим речным течением, иногда играет с ним, чаще, наверное, всё-таки не замечая. Чувствуется неизбежная слитность водных потоков и рыбы, которая наслаждается обтекающей её стихией. В море

такого сопротивления она, должно быть, не испытывает, но держа в своей природной памяти стремительные речные струи, по которым, ещё не окрепшими малышами, нерка когда-то скатывалась, рыба будто обретает для себя что-то исконное, так ей не достающее.

Окрасив в своём восприятии нерку в рубиновый цвет, я не сильно покривил душой, поскольку слово «нерка» в переводе означает – «красная». Но и тот будет прав, кто посчитает нерку янтарной, яшмовой, может быть – даже яхонтовой, и уж тем более – малиновой или вишнёвой. Для любого цветового вкуса, с оттенком, конечно, только красного, уместно будет чьё-либо воображение, околдованное красотой этой рыбы, будто пронизанной природой насыщенным сочным светом.

Интересно, что красная нерка приурочена главным образом к тем рекам, в верховье которых есть озёра, где она и мечет икру. Обилием таких озёр богаты именно Северные Курильские острова – Парамушир и Шумшу. В озёрах нерест происходит, как правило, с начала октября по конец декабря, а молодь выходит из гнезда в мае и живёт в пресной воде до 2-3 летнего возраста, развиваясь значительно медленнее, чем в море, поскольку в меньших по размеру водоёмах быстрее уничтожается гольцом. Может быть поэтому нерка имеет такой необычный для лососевых цвет, неопишимо красочный, броский, я бы даже сказал – диковинный для северных вод. Прежде, чем скатиться в море, она копит в себе будущую яркую красоту, компенсируя тем самым вынужденную потребность какое-то время быть менее свободной и не такой привлекательной.

А вот камчадалы, стараясь найти объяснение красному цвету и нерки и других лососей, давно утвердились в суеверном убеждении, что рыба, поднимаясь вверх по стремительно текущим рекам, совершает чрезвычайно напряжённые усилия, этим прогоняет кровь наружу, и благодаря этому – получает свою ярко-красную окраску. Камчадалы, как и другие народы севера, были искренни в своём понимании природы, и если их умозаключения и нельзя принять без улыбки, то смысл, составляющий жизнь лосося, они хорошо постигали. А он был заключён для рыб в сочетании царства морской стихии и пресной воды: море кормит их, а река даёт возможность размножаться. Лососи прекрасно в себе всё это совмещают, одаривая всех чудесным вкусным мясом, нежной икрой и несравнимой ни с чем рыбьей красотой!

Приятно было, замерев, стоять по колена в бегущих чистых струях реки, кишащей превосходной неркой, спокойно всматриваться в эту чистоту, и самому воображать себя прекрасной рыбой. Радостный озноб пробивал от таких мыслей, и хотелось плыть вместе с неркой в самые верховья, к чудесным озёрам, потаённо замершим между гористых холмов. Хрустальная вода плотно обвивала сапоги, вспенивалась, изредка по ним проскальзывали холодные упругие рыбины, и в душе всё сжималось от переживаемого простого счастья.

Не составляло труда резким взмахом ноги или руки выбросить одну такую красивую рыбину на берег или наколоть на острогу: при несметном количестве лососевых это не выглядело чем-то безжалостным. Местные рыбаки и охотники издавна так и делали: в долгий и утомительный поход по острову, когда нет времени налаживать спиннинг или удилице, брали с собой небольшую острожку, завёрнутую в суконную тряпочку, и на привале для неё быстро выделявали древко... Конечно, рыба при таком способе её добычи мучилась, но разве меньше мучений она испытывает попав на коварную блесну? Тем более, что рыбы так много!

Мы идём с набитыми до отказа рюкзаками, и названия речек мелькают одна за другой – Левашовка, Северянка, Безымянная, а Женька всё больше молчит, иногда улыбается чему-то про себя, а то вдруг становится непередаваемо весел. На одном из привалов он быстро достаёт из рюкзака две метровые деревянные палки, соединённые между собой коротенькой, с небольшой мотнёй сеткой, подводит меня к неглубокому, шириной сантиметров в пятьдесят ручейку, вытекающему из скал, и указывает место, где я должен ими перегородить узковатое русло. Сам же поднимается чуть выше.

Журчащая вода еле дотягивает до щиколотки, а ноги я могу раздвинуть только на ширину плеч. Честно говоря, не верится, что здесь может что-то водиться, и я с любопытством наблюдаю за своим приятелем, который с самым серьёзным видом, не спеша, начинает спускаться в мою сторону, ударяя сапогами то по одному, то по другому берегу. Берега немного подмыты, так что не разглядеть – стоит ли там рыба или нет.

Струящаяся в ручейке вода чуть закрывает лодыжки, на дне ясно просматриваются разноцветные камешки, и ничего кроме воды я не вижу. Хочется рассмеяться от кажущейся пустой затеи: ну, откуда бы тут чему-либо взяться?! И вдруг я ощущаю в сетке две метущиеся крупные рыбы: ими оказываются гольцы...

По образу жизни все гольцы, как и нерка, делятся на проходных и озёрно-речных, связанных с морем, не потерявших с ним связи. Такие гольцы гуляют из озера вниз по ручью и обратно, и именно подобных рыб мы и застали. Достигали они в длину, каждая, почти пятидесяти сантиметров, а по весу тянули килограмм с лишним.

Раньше я никогда не встречал таких рыб – они были очень красивые, плотные и сильные. В них сразу угадывалось что-то необыкновенное, не присущее только речной рыбе, или которая обитает исключительно в море. Да и само имя – «гольцы», говорило о их гольной нацеленной силе, необычайной лёгкости и молниеносной реакции. По всему было видно, что по своему образу жизни гольцы должны быть очень ловкими, даже изящными в этой своей хищной изворотливости, оставаясь совершенно неуязвимыми.

Рыбины так неистово изворачивались в руках, что не было никакой возможности тщательно их разглядеть. Только огуленные о камень, гольцы

покойно растянулись в траве, подставив свету серенького курильского утра свои тёмно-синие, с переливающимися красными пятнышками бока, и я сразу представил, будто лечу ночью в самолёте, а внизу, в этой необозримой звёздной черноте, таинственно мелькают огоньки приближающегося неизвестного города, где преобладают ярко-красные, лиловые и бордовые... Даже голова на миг закружилась от этой красочной глубокой палитры – синь, кармин, опалово-жемчужное брюшко, а на ощупь – непередаваемая гладкость. Одно слово – гольцы!

Убрав рыбин в рюкзак, мы трогаемся в путь. И снова потянулись бесконечные мысы и горы, каменистые дикие пляжи, беспокойное море и ещё какая-то солнечная трава с красновато-рыжим оттенком. До чего же нелегко подмечать всё окружающее, прекрасное, если на плечах у тебя спальный мешок, рюкзак, ружьё, ноги то и дело норовят угодить в какую-нибудь расщелину, сердце работает как мотор и кровь судорожно ударяет в виски. Воздух начинает казаться разгорячённым, его безумно не хватает, а ты всё равно прёшь вверх, вперёд, несмотря ни на что, и с каждым шагом ощущаешь, каким окрылённым становишься в душе, в тебе просыпается удивительная воодушевлённость. Ты чувствуешь, что её хватит не только до тепляка, может быть даже – на всю жизнь.

Тепляк, хоть и полуразрушенный, но годный для житья, одиноко ожидает нас на обрывистом берегу. Раньше это была казарма пограничников, из-за нехватки на острове дерева перевезённая с Сахалина почти в собранном состоянии. Сейчас тут останавливаются охотники да прочий лихой люд, которого застигает в дороге ночь или непогода. В сохранившемся крыле имеется всё, чтобы переждать её: нары с соломой, печка и неиссякаемый запас чая, сахара и соли, аккуратно пополняемый всеми, кому приходилось здесь заночевать.

К дому тянется узкая тропка, но прежде чем добраться до неё, нужно преодолеть крутой обрыв в несколько метров, для чего мы карабкаемся по привязанному к его краю толстому выбеленному канату. Нижний конец заботливо привязанного кем-то каната порядком разлохматился по мокрому песку, но постоянно разбиваемый прибоем и не успевающий просохнуть от приливных вод, он всё ещё крепок. Сначала наверх забирается Женька, я подаю ему рюкзаки и ружья, а затем поднимаюсь и сам. Уже в темноте мы устало усаживаемся на ступеньки покосившегося крыльца, любуясь на малиновые облака у самого горизонта.

Пока Женька ходит за водой, я успеваю растопить печь, и, всматриваясь во вспыхивающие синие огоньки потрескивающего плавника, будто тихонько чего-то жду. Прислонившись спиной к бревенчатой стене тепляка, почти ощущаю лопатками порывы ветра и мерный рокот раззадоренного непогодой моря. Время от времени вздрагивая, покойно горит на столе свеча. От печки по всему телу растекается расслабляющее тепло.

Сизые хвосты гольцов неловко торчат из котелка, огонь мерно вспыхивает в печи, а мы едим галеты, запивая их вкусной родниковой водой. Говорим о том, какие настроения вызывает невидимое сейчас море, и что оно воспринимается порой почти как шум леса, но возможное присутствие его рядом с лесом кажется само собой разумеющимся. Женька вспоминает, как он в детстве жил какое-то время на материке и, уезжая, запомнил это шум высоких деревьев. Здесь такого леса нет, и Женька забыл – какой он. Вернее, лес перестал его тревожить, но полузабытое воспоминание осталось.

Я ему рассказываю, как у себя дома, на Урале, любил забираться в самую лесную гущу, где ветви с листвой закрывали даже небо, образуя полог, ложился спиной на упругий слой сосновых иголок и лежал с закрытыми глазами, слушая ветер в стволах и листве. Он доносился всегда плавно налетающей музыкой сверху, внизу его было еле слышно. Страшно не хотелось при этом встать. Земля давала силы и спокойную уверенность, и всё окружающее становилось тогда невероятно простым и ясным. А теперь я нахожусь на берегу океана, о величине которого не перестаёшь думать с необыкновенным почтением, и всё переживаемое воспринимается так же просто и радостно.

Варёное мясо гольца просто разваливается в руках на душистые, розововато-белые ломти. Ароматный пар от печки жарко клубится под закопченным потолком, приятно щекочет ноздри. Тишину нарушают лишь дружные удары деревянных ложек о котелок, да наши редкие восклицания от переживаемого наслаждения. Уха из только что выловленного таким первобытным способом лосося непередаваемо хороша!

Много разной рыбы перепробовал я за свою бытность на Дальнем Востоке, но ни с чем несравнимо удовольствие, когда впервые отведал чавычу: пожалуй, самого благородного представителя отряда лососевых. Особое положение чавычи среди остальных лососей ясно выражено в её американском названии – «кинг сэмэн», королевский лосось, достигающего в длину метра, а веса – до трёх пудов. Однажды, меня накормили чавычей на Камчатке, на рыболовецком стане, и когда я взял в руки нежно-оранжевый, пронизанный солнцем кусочек солёной рыбы, чуть ли не тающий в руках, то даже поперхнулся от выступившей во рту слюны. Чавыча заполнила собой весь рот и тотчас куда-то растворилась, но ощущение трудно передаваемого удовольствия и сладостного блаженства просто затмило собой все вкусовые предпочтения. С рассыпчатой варёной картошкой – это была поистине божественная пища!

Мясо чавычи проходит в пределах одного и того же цвета все оттенки – от нежно-розового и оранжевого, до насыщенного янтарного. Мясо у любого лосося отличается прекрасным цветом, не костляво, вкусно и легко переваривается, так что даже больные могут его есть, но у чавычи оно – особенное. Это даже не мясо, а какое-то невообразимо вкуснейшее лакомство. Раньше женщинам северных народностей даже запрещалось

разделывать лососей железным ножом, так как считалось, что иначе эти рыбы навсегда оставили бы берега, обидевшись на людей.

Как нежно мясо чавычи, как, впрочем, и других лососей, так же чутко реагирует она на чистоту воды, что, по-видимому, проявляется в лососях во всём. Наверное, ни одна рыба не способна на подобное. Можно даже задержать движение лососей вверх по ручью, опустив в него руку, отчего в нём появляются аминокислоты, известные под названием эль-серин, на которые рыба реагирует, даже если эти химические вещества растворены в количестве одной восьмимиллиардной части на одну часть воды. Становится неудивительным, что лососи чувствуют запах родного ручья: они угадывают его по наличию в нём знакомо пахнущих составляющих. Такое удивительно тонкое восприятие жизни не может не повлиять и на саму рыбу, и она становится более нежной и сочной, пока не отнерестится.

Целый день мы почти ничего не ели, и уха из гольца, не идущего, конечно, ни в какое сравнение с чавычей, показала нам царской! Всё это время Женька, не отрываясь, пристально смотрел из темноты в огонь. Знали мы друг друга совсем немного, а потребность в общении возникла сразу, без всякой разведки.

Просто ты понимаешь, что этот человек живёт многим из того, чем живёшь ты сам: он всегда почувствует то, что дорого тебе, и никогда не засмеётся там, где следует промолчать, внимательно выслушает. Несмотря на то, что мы были почти незнакомы, нам легко было, не обременяя друг друга, молчать. Полная свобода для каждого, в тоже время - переживая искреннюю потребность находиться вместе.

- Обо всём этом я мечтал три года, лёжа на жёсткой общежитской койке, - с расстановкой тихо проговорил он.

- Только ни слова сегодня о женщинах. Договорились?

- Как ты думаешь: зачем мы живём?

- Наверное, ради того, чтобы встретиться.

- И ловить гольца?

- Да. Мне очень понравилось. Так просто, до необычности...

- А сколько рыбы пропадает впустую...

- Я думаю не зря. Не тебе говорить – какие здесь чистые речки.

- Ты хочешь сказать, что нарождающиеся мальки в этой чистоте вод ничего, кроме останков своих умерших родителей не находят, чтобы прокормиться?

- Ну, сам посуди: холодные водные струи, камни и голые берега... Чем здесь можно поживиться?!

- Значит, мудрая круговерть природы?

- Она самая, родная. Мы когда подошли к этому обрывистому берегу Медвежки, под которым стояли серебристые кижучи, я вдруг почувствовал себя счастливым. Вообще, на Курилах у меня это состояние почему-то не прекращается, но и не мешает. Почему?

- Потому что здесь всё ограничено, и в то же время насыщено. На этой земле родились мои отец и мать. Я тут вырос. Она притягивает к себе. Нет, ты ещё ничего, толком, не видел...

- А мне она, эта курильская земля, несмотря на всё увиденное и пережитое, представляется чужою... Прекрасной, неизведанной, и всё-таки – какой-то не родной. Может быть – это из-за вулканов, поднявшихся из неведомых океанских глубин?! Ведь все эти острова – вулканические образования?

- Когда мы сидим в этом тепляке на мысе Рифовый, и жарко потрескивает печка, и сладко попахивает остывающей ухой, - разве ты не чувствуешь заботу, которую проявляет к нам эта земля?

- Да, пожалуй, и ни о чём не хочется говорить. Только чувствовать всё и понимать, не переходя в этом восприятии допустимой черты.

- Готов поклясться, что ты бы стал настоящим курильчанином... Тебе ведь многое здесь по душе?

- Не то слово.

- Когда-либо кто-то рассказывал тебе о Курилах?

- Не помню. Но я всегда мечтал познакомиться с этими островами. Как-то подспудно это жило во мне.

- Откуда в тебе эта уверенность?

- Словами я ничего не смогу выразить. Можно ли любить тишину у океана, долгое созерцание в воде красивых рыб, медленное опускание солнца за горизонт, если ты этого никогда не видел? Я по-хорошему повержен всем этим торжеством природы, хотя понимаю, что нужно жить, работать, и нет ничего удивительного в том, что жизнь прекрасна, и солнце на какое-то время замирает у самой поверхности моря, чтобы затем быстро скатиться за горизонт. Не ради пустого повтора, а во имя удивительной возможности не повториться.

Здесь, на краю России, на этом диком курильском берегу, где кроме нас сейчас никого нет, я понимаю, что время живёт со мной в ладу, я его вполне устраиваю, и оно никак не препятствует устремлениям моей души. Именно здесь и сейчас.

- На островах к тебе приходит нечто другое, особенное, и лишь когда ты остаёшься один. Я ещё не могу дать этому точное определение.

- У меня такое чувство возникает после того, как ты хорошо сделал какое-нибудь дело. Всё, что тебя здесь окружает – будто поддерживает, радуется вместе с тобой и подтверждает важность происходящего. Такой мощной поддержки от природы я почему-то не ощущал на материке.

- Точно. Вот, ты у моря один, а будто со всеми. Такого не переживаешь нигде.

- И острова, и океан – такие древние, что это представляется самым ценным в жизни.

- У всего хорошего есть своя загадка.

- И здорово, когда существует возможность её разгадать. По крайней мере, попытаться это сделать.

- Если всё правильно выстроишь – обязательно получится!

- Ты когда-нибудь задумывался о том, почему красота разлита повсюду, и так чудесно многообразна?

- Нет, просто воспринимал всегда всё таким, каким оно существует.

- Наверное, привычным для всех этот прекрасный мир кажется потому, что он создан Богом, который и в нас. Бог – всё сущее, и существует Он повсюду только потому, что многие люди не хотят Его искать. И Он открывает им Себя в каждой цветке, птице и её песне, в каждом вздохе моря, во всей его величественной необъятности, в малейшей капельке: только бы дотронуться человеческой души, заставить её раскрыть свои объятия навстречу открывающейся чудесной жизни. Бог входит в нашу жизнь ежесекундно, потому что Он необычайно великодушен, и мы должны быть благодарны этому замечательному состоянию, в котором обретаем самих себя, а значит – любовь.

- И сейчас Он с нами...

- Конечно.

- А ведь кому-то надоедает жить, всё такого человека почему-то не устраивает.

- Это значит, что он ещё не жил. Ничего не сделал, не совершил, тебя просто нет. Ведь невозможно потерять то, чем и не обладал.

- Посоветовать тут, наверное, можно одно: стать собой?!

- Да, тогда и проблемы все разрешатся, и всё засветится радостью вокруг и в тебе, и ты будешь, конечно, удовлетворён своей жизнью и окружающим миром, считая себя его частью.

- А мир будет считать тебя своим, ведь всё во Вселенной взаимосвязано и едино?

- Но чтобы стать самим собой, нужно совершить много усилий, решаясь, порой, на самые невероятные поступки, которые, в конце концов, оказываются не достающими, несомненно – самыми верными шагами на пути твоего роста.

- Кто-то совершать их не желает. Ведь легче пользоваться тем, что приносит хоть и маленький, но верный доход.

- Нет... Обрести единение со всем миром и с самим собой, это означает одно: несмотря ни на что именно осуществить рост в самом себе, в своей душе, ибо без него – никак. В противном случае будет только продолжаться круг бесконечных жизней, повтор одних и тех же ситуаций!

- Нужно прервать этот круг, когда от известного в одной жизни – идут к известному в другой!

- Да, пойти от известного к неизвестному – единственно верно.

- И достойно.

- А как интересно!

- Интересно, что мы встретились, и произошло это не случайно. За такими встречами всегда, наверное, стоит наше прошлое.

- Откуда мы оба пришли?

- Важно не место, где начался наш путь, а то, что мы именно с тобой встретились: у тебя было своё прошлое, у меня – своё. Главное, что два прошлых сложились в одно настоящее.

- Я часто слышал выражение, что люди везде одинаковые. Но это не правда. После приезда на Сахалин и Курилы я сразу заметил, что люди здесь отличаются от тех, что живут на материке. Только я никак не мог понять – чем? Может быть, какой-то сосредоточенной отрешённостью, спокойным небрежением к тому, что в больших городах имеет значение превыше всего, или им присуща особая любознательность, отсутствие злорадства и зависти, заинтересованность во всём, что касается моря и земли, вообще – жизни?

- У тебя есть все основания так думать. Душе здесь, наверное, действительно труднее очерстветь, чем на материке.

- Когда живёшь на одном месте, без напряжения дальних походов, штормов и постоянных открытий, жизнь, наверное, блёкнет, и ты постоянно ощущаешь, что нечто главное проходит мимо тебя.

- Это просто ты такой. А другие люди живут своими интересами. Но лично мне - тоже не достаёт малиновых облаков, исчезающих вечером за морем, надрывного крика кайр, хмурого курильского неба. Возможно, в этом и заключается радость жизни, когда сердце вдруг отчего-то сжимается, и ты понимаешь, что до сих пор жил не так, как надо. Там, где необходимо, не проявлял характера, шёл на компромиссы с совестью, не ставил перед собой достойные цели.

- Женька... Ты всё чувствуешь, понимаешь.

- Мы сейчас будто братья... Дух у нас общий. Где-то там, далеко, рокочут города, а мы сидим у печки на краю света, наблюдаем малиновые закаты над хмурым морем, и, наверное, воспринимаем жизнь немножко иначе, по-другому?

- Почему-то не каждый решается отправиться в неизведанное... Не было ничего лучше в моей жизни, чем Парамушир.

- Может быть, он поможет тебе ответить на многие вопросы.

- Такое бурное сочетание стихий присутствует здесь, что именно и привлекает, а душа покорена какой-то неземной тишиной.

- Послушай, как шумит море... И как стонет в скалах конюга... И вот ещё ветер задувает в расщелинах... И горы тоже завораживают, с чёрных утёсов которых струятся чистые ручьи. Всё это сейчас принадлежит нам. Море твоё и моё...

- Море моё, море моё, море моё, - тихонечко шепчу я про себя, и чувствую, как в такт этим словам толкается в груди сердце, а на берег с шипением накатывают волны.

- Шумит твоё море, Борька, совсем рядом, ты столько раз пропадал в его просторах и возвращался обратно. Скоро вы уйдёте на север, а я уеду во Владивосток, и может быть, мы уже никогда не увидимся.

- Грустную ты нарисовал картину.

Порыв ветра, с урчанием, зацепился за крышу тепляка, и в печи что-то заухало, заныло.

- Хорошо, всё-таки, делать самые простые вещи, - закинув руки за голову и будто не слыша меня, задумчиво произносит Женька. - Ловить рыбу, варить из неё уху, разводить костёр.

- И шагать по берегу моря с тяжёлым рюкзаком, за каждым следующим мысом ожидая что-то новое, неизведанное...

Тишина у моря, прерываемая гудением ветра, окружила тепляк, а вместе с ним - и нас, и стало ещё более хорошо, покойно. Изредка вскрикивали в горах какие-то птицы. На остров опустилась ночь.

Господи, - думал я. – Как же замечательно всё то, что Ты сотворил. И я имею возможность это видеть, переживать и радоваться. Века веков Тебе мощи и энергии нескончаемой!

Что значит в моей жизни этот бревенчатый тепляк, занимаемый когда-то пограничниками, на краю океана, продуваемый всеми ветрами, но такой надёжный, будто вросший в землю? Я провёл в нём всего лишь ночь, ночь на Северных Курилах, объявшаю нас с Женькой своей заботливой теплотой, и больше я этот тепляк никогда не увижу. Правда, он остался у меня на фотографии, только вход в него, но я помню – какая у него была крыша, потолок, пол, нары и печка. Окна не помню, потому что было темно, и ещё, как тогда, физически ощущаю обрывистые скалы, горланящих морских птиц и будто чуть недовольное, но, всё же, милостивое к нам море...

Море... Оно шумело тихонько совсем рядом, такое загадочное и доступное, всегда желанное и пугающее. Море как-то незаметно вошло в мою жизнь, став в ней чем-то неотъемлемым, но это его присутствие почти не ощущалось. В любой момент можно было отправиться к нему, а проводя большую часть времени в экспедициях, ты и подавно сливался с ним в одно целое. Море становилось твоей судьбой, его просторы – мечтами, шквалы и ветер – мыслями.

В детстве и юности я пережил немало увлечений, которыми постепенно переболел, но только тяга к морю, его удивительным и заманчивым таинствам, осталась неизменной. И вот оно, это море, плещется за стенами тепляка, неотступно тревожит и манит. Всё в жизни проходит, куда-то бесследно утекает, остаётся лишь море... Оно будто заботливо склоняется над тобой, завораживающе ухаёт и пахнет, пробуждая в памяти нечто очень знакомое, и с каждым годом становится роднее, хотя и студёное. А здесь, у океана, можно даже воздух есть: такой он целительный, здоровый и чистый.

- Жень, не спишь?

- Не было ничего лучшего в моей жизни, чем эта ночь у моря.

- А я чувствую себя счастливым от того, что однажды отправился в своё путешествие. Застиг момент, когда огромные таинственные рыбыны – чудесные кижучи и чавычи, просто восхитительные на вкус, входят в чистые курильские речки и растворяются в них. И никого здесь нет кроме этих замечательных рыб, белых куропаток, дымящихся вулканов, и нашего счастливого присутствия. Видеть всё это - и есть счастье. И ещё я думаю о своём счастье как о чём-то привычном, давно вошедшем в мою жизнь, но не наскучившем.

- Если не честен с самим собой, жизнь теряет свой смысл, - тихо говорит Женька.

- И счастье, наверное, невозможно, если в твоей жизни отсутствуют решающие события.

- Только не верящий в себя человек надеется на удачу.

- Все плохие мысли рождаются от незнания себя и окружающего мира, от нежелания познавать его и расти.

- А ведь нужно непременно!

- Да. Ставь себе задачи самые высокие, какими бы недостижимыми они ни казались, и мир обернётся к тебе своей глубиной. Я в каждой экспедиции в этом убеждаюсь. Так страшно порой становится, и пусто, а только начался рейс – и всё как-то утрясается, входит в рабочий распорядок, и, несмотря на тяжесть экспедиционной жизни, приходит радость. Тебя окружают необыкновенные люди, острова, море...

- И даже воздух здесь особенный.

- Я только под водой, на Дальнем Востоке, научился правильно дышать. Это так удивительно просто пришло ко мне однажды... Конечно, не сразу, и что-то перевернулось во мне.

- Когда ты почувствовал это в себе?

- Точно не помню... Но я сразу осознал: ты никогда не узнаешь – чего можешь, если не попробуешь этого. Такое удивительное время для постижения и тайн, и моря, и жизни пришло ко мне.

- Стоит просто решиться оставить на время дом, приехать на край света и оформиться на любое рыболовецкое судно? – смеётся Женька.

- Да! Так у меня всё и происходило, но ещё что-то как будто помогало, присутствовало всегда рядом, не оставляло... Правда, если только ты осуществляешь свои желания, не боишься этого.

- Я поражаюсь твоей способности так легко осуществлять свои мечты.

- Чтобы жизнь не проходила впустую, человек должен стремиться себя проявить. Вероятно, меня позвали в дорогу былые, не исполненные стремления души, связанные с морем. А может я скучал по тому, что когда-то, в одной из прошлых жизней, накрепко соединил себя с морской стихией. Одно знаю точно: в этой жизни я почему-то не мог обойтись без моря.

Не только желание проверить себя двигало мной, но и найти свою жизнь, а обнаружив её – увеличить собственные возможности. Это была выбранная мною жизненная программа, и то, что она оказалась связанной с

морем, лишь обогатило её, а вместе с ней – и меня, обыкновенного молодого человека. Я пережил в море самое счастливое время в своей жизни.

- А я большую часть детства и юность провёл на Парамушире, рядом с Охотским морем и Тихим океаном, и воспринимал это как-то естественно. Выходит, мне для своей душевной гармонии нужно отправиться в Сибирь или к вам, на Урал?

- Разве мало мест на Курилах, где можно почувствовать себя счастливым? Но никто тебя от возможности путешествовать, вроде бы, не удерживает.

- Кого не спроси, - смеётся Женька, - все любят путешествовать, преимущественно – в своих мечтах! А если серьёзно, то лучше, наверное, осуществлять задуманное именно в молодости, когда ты полон сил, многого ещё не видел, ничего почти не знаешь, и тогда дорога поистине обогащает.

- Но даже оказавшись в самых неожиданных и замечательных во всех отношениях местах, ты понимаешь, что от себя не уйти, то есть – от необходимости отыскать, в первую очередь, своё предназначение, и главное путешествие в жизни следует совершить к собственному «я». Только тогда любая поездка окажется незабываемой, ты ничего не упустишь и вернёшься из неё обогащённым знаниями, утвердившись в открытиях, на которые решился именно в молодости... Как это правильно и важно всё в жизни открывать самому.

- Всё в мире разговорами не обсудишь.

- Да, и ничего нам не даёт жизнь бесплатно. Хочешь увидеть настоящее море, не с берега и не на картине Айвазовского, имей мужество оставить неизвестно на сколько времени родной дом и близких, привычные и доставляющие радость занятия, может быть даже – любимую девушку, которая не совсем понимает, а зачем ты её оставляешь?

- Что же за сила вынуждает тебя рисковать, решаясь в корне изменить свою жизнь?

- Сам не знаю. Просто интуитивно чувствуешь – что именно следует делать. Да и топит, как известно, не море, а лужа.

- Ты уже столько успел за свои тридцать, а я ещё ничего не видел, кроме своего Севкура и Владивостока.

- Ты живёшь на Курилах, это само по себе большого стоит... Время здесь течёт по-особому. Оно – враг людей, которые предпочитают безмятежную, спокойную жизнь. Рано или поздно это время начинает их запутывать, будто издевается над ними.

- Но мы-то с ним в ладу?

- И в согласии со своей судьбой!

- А что такое судьба?

- Может быть, это совсем не то, что происходит в твоей жизни само собой, а та линия, которую ты сам на небе с богами проложил, и здесь, на земле, должен ей неукоснительно следовать?

- Как было бы хорошо, если бы каждый пожелал себе того, чего он мечтает достичь и, несмотря ни на что, сделал бы всё для осуществления этого.

- Мог бы ты, во имя обретения истины, оставить себе только утрату и поражение, а победу и добычу предложить другим?

- Попробовать так жить хотелось бы. Странное дело, но я убеждаюсь всё больше, что в добре безмятежного существования человек становится только хуже, а когда ему плохо, то есть, он достойно преодолевает всякие жизненные неустройства, - обретает энергию и благо.

- Да уж... Если хочешь понять жизнь, то перестань верить тому, что говорят и пишут, а наблюдай сам и во всё вникай.

- Не передать, как преображается человек, когда ему ясной становится его судьба!

Ах, Женька, до чего же я рад, что встретил тебя на своём пути, думаю я. Ты говоришь, что пишешь стихи... Я хочу прочесть их, но не прошу. Я уже знаю, что у тебя за душой.

Твоё усталое и честное лицо при ровном свете свечи становится ещё более чистым. Только не уставай никогда, Женька, и оставайся таким всегда. Мне нравится открывать Курилы вместе с тобой, слушать твои рассказы про Парамушир, коротать ночь в этом тепляке.

Ты чётко знаешь, что будешь делать, и это хорошо. Закончишь судостроительный институт, чтобы строить красивые океанские корабли, но страсть к путешествиям и стихам не оставишь. Завтра утром мы отправимся с тобой в поисках того неизведанного, что так влечёт нас к себе. И пройдем там, где до нас, быть может, никто не проходил.

Это будет завтра, завтра... А теперь - только мутный свет свечи, шум океана за бревенчатой стеной тепляка, твои стихи и нескончаемый поток незабываемых минут. Я слушаю тебя, дружище...

Кто-то верит в судьбу.

Кто-то верит в приметы.

Я же верю в случайные встречи.

И случайно от встреч

Узнаю я ответы

Тех загадок, что сам не отвечу.

Мне б набраться терпенья

И выслушать тихо

Тех людей, что душою красивы,

Что стоят монолитно

На палубе лихо

Споря с ветром и штормом,

С самим Курошио.

Сколько мощи и силы в фигурах рыбацких,

Сколько мудрости, счастья и горя во взгляде.

Сколько встреч, расставаний, застоля по-братски...

Сколько ранних морщин...  
Поседевшие пряди...  
Сколько было всего, что не всё и упомнишь.  
Остаётся с тобой лишь душа человека.  
Память... Может, меня ты и вспомнишь,  
Беспокойного парня, беспокойного века.  
Кто-то верит в судьбу.  
Кто-то верит в приметы.  
Я же верю в случайные встречи...

Перед самым отходом судна мы ещё успели сходить к заливу Банжоу, где наши матросы штурмовали полстолетия назад неприступные укрепления японцев. Шли навалом, закусив в зубах ленточки от бескозырок, пока у прикованных цепями к пулемётам камикадзе не иссякали патроны – они не успевали перезаряжаться. Много лет прошло с тех пор, но не настолько, чтобы эти береговые склоны, изрезанные окопами, позабыли о происходящих здесь когда-то событиях. Кажется, что души наших бойцов белокрылыми чайками витают над островом, а горы, сопки и долины рек, будто и сейчас остаются суровыми и выдержанными свидетелями того, чего невозможно забыть.

Чудится, будто время не коснулось этих пустынных берегов: всё так же зловеще нацелены в небо жерла мощных орудий, глубоко вкопанных в землю, устрашающе зияют узкими амбразурами бетонные доты. Кое-где в них можно обнаружить каски, а нам даже посчастливилось отыскать в горах засыпанный камнями склад с боеприпасами, из которого мы извлекли на свет ящик с пулемётом и гранатами. Трудно было вообразить себе, чего стоило взять эти укрепления со стороны моря, поднимаясь под шквалом огня по крутым островным склонам. Сколько же здесь полегло наших парней, прежде чем кому-то удалось миновать огневой заслон!

Низкие серые облака навалились всей грудью на высокое горное плато, где у японцев располагался аэродром. Здесь застыли молчаливыми памятниками тех лет безликие бетонные ангары. В предзимней гулкой тишине они кажутся бесцветным монолитным кладбищем самолётов, однажды взлетевших и не вернувшихся назад.

Ангары располагаются в две линии, по краям взлётной полосы, на которую и выруливали японские лётчики, прежде чем подняться в воздух над Вторым Курильским проливом. В наше время ангарам никак не могут найти применение, поскольку аэродром располагается далеко от города, и использовать их в качестве складов невыгодно. К тому же, в них холодно, а отопление таких больших сооружений влетит в копеечку. Наконец, военные пробовали ангары взорвать, но крепость империалистического бетона оказалась для отечественной взрывчатки неодолима, и местные власти нахождение по соседству этих бетонных монстров просто закрыли глаза.

В сумрачном свете курильского дня на северо-востоке отчётливо виднеются хмурые берега ещё одного острова, за которым уже лежит Камчатка. Это – Шумшу. В кратком айнском названии острова звучит нечто загадочное. Я часто смотрел карту острова – самого северного из всей Курильской гряды, исключая маленький островок Атласова, и мне почему-то очень хотелось побывать на нём.

Остров Шумшу всегда казался мне таким далёким и недостижимым, что не верилось, будто я когда-нибудь достигну его берегов. Сколько раз воображение рисовало мне таинственные очертания Шумшу, но я никак не мог представить себе этот остров. От других островов Большой Курильской гряды Шумшу отличается тем, что не имеет высоких гор и рельеф его равнинный. Зато на острове известно до сотни озёр...

Самое большое из них имеет название Беттобу. Площадь этого озера – около шести квадратных километров, а глубина – четыре метра, и когда ты слышишь это название, то воображение мгновенно уносит тебя куда-нибудь в Африку, и только потом ты ловишь себя на мысли, что находишься на Курилах. Странное ощущение вызывают местные названия, но хуже от этого не становится: наоборот, они придают окружающей тебя первозданной природе диковинную загадку. Только увидев берега Шумшу с высокого плато юго-восточной части Парамушира, я понял – в чём ошибался в своём восприятии острова, а в чём оказался не далёк от истины.

Чем-то Шумшу напоминает один из самых южных островов Курильской гряды – Шикотан. Оба эти острова более или менее плоские, низменные и зелёные. Только, конечно, растительность существенно отличается, да и климат не совпадает. Во всяком случае, в пределах всей Курильской гряды они выражают собою некую уравновешенность, даже гармонию, начиная Курилы на юге и завершая их на севере. Вернее, сами острова служат неким естественным балансом, сохраняя во всей Курильской дуге, выгнутой наподобие коромысла, природную плавную линию, изгибающуюся изящно и верно.

Уже покидая Севкур и медленно минуя Второй Курильский пролив, мы, помнится, молча разглядывали рыжевато-охристые скалистые берега Шумшу. Кое-где по ним торчали белые деревянные остовы домов, перекорёженное железо, прогнившие крыши, сорванные целиком и густо заросшие травой. Здесь когда-то был посёлок Козыревское, жили рыбаки, ловили рыбу...

Цунами 1952 года не пощадил ничего. Памятником ему остались эти развалины, ещё уцелевшие за десятилетия. Сейчас океан спокоен и на острове никого нет. Над ним только гуляет ветер, и протяжно вскрикивают чайки, отрешённо зависая в невидимых воздушных потоках.

На светло-синюю воду, залитую солнечными лучами, трудно глядеть. У горизонта, окаймлённого обрывистыми скалами, она приобретает ещё более синие, почти тёмно-густые, даже – фиолетовые оттенки. Скалы Парамушира, в отличие от равнинного Шумшу, возвышаются из воды

фантастическими очертаниями, склоны их покрыты ослепительным снегом, а выше – стройные конусы вулканов. Облака цепляются за их вершины, будто пытаясь скрыть от взоров людей величественную красоту. Можно часами любоваться этой первозданной дичью, слушая упрямый накат океанских волн, шум от которых кажется неизменным.

Но однажды этот покой был нарушен безжизненной тишиной. Вдруг не стало слышно размеренного рокота волн, дно как-то незаметно обнажилось, вода быстро отступила и замерла где-то вдали от берега, а на сушу надвинулась тревога. Люди не знали – что думать? Подобного им ещё не приходилось видеть.

Постепенно со стороны океана начал доноситься отдаленный, но мощный, не прекращающийся гул. Он быстро нарастал, всё более усиливаясь, приближался, так что становилось жутко. Вскоре гул превратился в сокрушающий рёв, всё пространство над ушедшей водой застлала серая пелена, а на горизонте появилась тёмная полоса, которая стремительно неслась к берегу.

Полоса чернела, росла, быстро превращаясь в огромную водяную стену, и на вершине её летела к берегу огромная шапка пены. На минуту могло показаться, что это лёд, вокруг стало совершенно темно, волна же молниеносно высилась, приближалась, а сопровождающий её рёв уже перешёл в умопомрачительный вой. Как быстро эта водяная, чудовищная по размерам стена достигла береговой полосы: в какие-то считанные мгновения!

И вот эта гигантская волна, сокрушая всё на своём пути, безжалостно обрушилась на берег, опрокинула, как щепки, рыболовные сейнеры и боты, неумолимыми языками слизнула и дома, и людей, и животных, не успевших убежать. Быстро наползая на долину, в которой раскинулся маленький приморский городок Северо-Курильск, волна докатилась до самых отвесных скал на его окраине, мощно ударилась в них и, отступив на миг, с новой силой ринулась на возникшую перед ней преграду.

Волна достигла высокого плато, раскинувшегося над городом, перехлестнула его ещё на несколько метров вверх и так же стремительно, как появилась, скатилась в океан, унося с собой обломки строений, судов, разбитые лодки. Мало, кто успел осознать происходящее, потому как разрушения были колоссальны: ничего подобного никто из местных жителей не мог припомнить. И когда волна ушла, а напряжение, охватившее всех своей неожиданной сокрушительностью, несколько схлынуло, так что некоторые из уцелевших жителей стали спускаться в долину, через какое-то время на берег обрушилась вторая, а затем - третья волна...

Немало жертв принесли люди из-за своего незнания океану, а океан вскоре по-прежнему оставался спокоен, ярко засветило солнце и чайки всё так же возбуждённо вскрикивали в вышине, отрешённо кружа над разрушенной береговой полосой. Прибой мягко накатывал на прибрежные камни, донося до них глубинное дыхание океана, и океан, как ни в чём не

бывало, взирал на землю и людей, обдавая их своей безграничной свежестью и синевой...

О цунами написано множество статей и книг, проведено бесконечное количество исследований, и потому только кратко напомню, что возникает цунами в результате внезапного опускания или поднятия больших площадей морского дна, падения масс грунта в море с прибрежных склонов материка или оползней, образующихся на склонах подводных каньонов. В результате - начинают действовать подводные вулканы, и от колебаний океанского дна происходит моретрясение. Огромные водные массы разбегаются в стороны от эпицентра взрыва со скоростью, превышающей 800 км/час, и имеют длину, измеряющуюся иногда сотнями метров.

Появившись, волны пробегают огромные расстояния, докатываясь до берегов, удалённых от места их возникновения на десятки тысяч километров. Пока волны движутся в открытом океане на больших глубинах, корабли могут даже не заметить их прохождение, лишь изредка ощущая резкий толчок, схожий с посадкой на мель. Но при приближении к берегу в результате перестройки волны начинает образовываться водяной вал, высота которого достигает огромных размеров.

Началу цунами 1952 года, обрушившегося на побережье Камчатки и Северных Курильских островов, послужило извержение и поднятие из моря в двухстах пятидесяти милях к югу от Токио нового вулкана Миодзин/Сверкающий бог/, в момент которого погибло японское исследовательское судно «Кайо-Мару» с девятью учёными и двадцатью двумя членами экипажа, а высота волн достигала 20 метров...

Цунами с огромной силой напалзают на сушу и смывают целые города и поселения, расположенные на берегу. Причём, гибнут тысячи людей, за несколько минут до этого даже не подозревающих об ожидающей их участи. К тому же, разрушительная сила цунами зависит не только от интенсивности породивших его землетрясений и расстояния от эпицентра образования волн, но и от того, какими особенностями обладает рельеф дна и побережья, к которым они подошли, а потому наиболее опасными являются низменные берега.

Я всё время пытался представить себе эту невообразимо разрушительную волну, родившуюся из недр моря и незаметно крадущуюся неровной зыбью длиной в несколько сот километров. Только у самой земли, пробудившись, рождается её губительное коварство в виде двадцатиметровой, а то и более громады, обрушивающейся всей своей мощью на берег. Ко всему прочему, все посёлки на Парамушире и Шумшу находились в небольших бухтах-долинах, очень располагающих к наступлению на них страшной волны.

Но самое главное – это люди. Нужно было заплатить морю страшную жертву, чтобы познать это явление и найти средство противоборства с ним. В жутких сгущающихся сумерках, нежданно, возникло оно, наверное, серой холодной массой, и покрыло собой всё вокруг...

Вообще, незабываемым на Парамушире оказывалось всё, даже такие мелочи, как вкус шикши – хрустящей и прохладной чёрной ягоды, хорошо удаляющей жажду, которую мы в достатке наблюдали на Матуа, но здесь, на Парамушире, её произрастало великое множество, и чтобы вволю насладиться этой необычной ягодой – достаточно было просто присесть на землю и, не сходя с места, есть горстями... Или то, как при входе в Северо-Курильский залив нас сопровождали многочисленные дельфины, будто встречая дорогих и давно знакомых гостей. Гладкие и плотные спины дельфинов посверкивали в маслянистой воде у самого борта судна, и хорошо были видны их весёлые добродушные морды. Можно было до бесконечности наблюдать за милыми животными, вызывающими только добрые чувства.

Не менее восхищали и неожиданно вспархивающие из-под форштевня кругленькие морские курочки, и то радостное ощущение, когда они не взлетали, а только ныряли, оставляя после себя струйки белых пузырьков в прозрачной зелёно-голубой воде. Вся её поверхность в заливе была усеяна птицами. День предвещал быть солнечным, но туман ещё не разошёлся, и солнечный свет с трудом пробивался сквозь густую молочную завесу. Было такое чувство, будто ты плывёшь в лодке по глади спокойного озера, в розоватой от восходящего солнца туманной дымке, как когда-то в детстве, с отцом, и только любишь и радуешься за всех людей и жизнь.

А как радовала не прекращающаяся цепочка чудесных айнских названий – Симушир, Ушишир, Кетой, Матуа, Шиашкотан, Маканруши, Расшуа, Райкоке предшествующая большому и сильному Парамуширу! Верилось, что остров не обделит тебя своим вниманием и любовью, и так оно и произошло. Парамушир оказался для меня тем необыкновенным пространством, куда я для чего-то должен был непременно попасть, запомнив на всю оставшуюся жизнь.

На Парамушире я почувствовал необыкновенную наполненность временем и пространством, и понял, что простор моря, как и жизни, это постоянно предоставляемая Богом нам, людям, возможность выбирать свой путь... Когда невнятная тоска по дальним местам и знаниям не даёт успокоиться сердцу, нужно непременно последовать его устремлениям. Всё время колеблющаяся и переливающаяся поверхность моря – это напоминание о тщётности жизни: не сделаешь сейчас – потом уже ничего никогда не наступит. Принимая этот мир, нужно обязательно откликнуться на его существование, собственными усилиями осуществив то, чего до тебя никто ни совершал. И именно после Парамушира для меня стала простой и ясной моя судьба.

## «ОСТРОВ АТЛАСОВА»

Посвящается лавинщикам Севкура

Туманное и короткое лето в этих местах совсем не ощущается. Осень, кажется, приходит из затянувшейся весны, которая точно так же, незаметно, зарождается из зимы, под неугомонный крик подлетающих бесчисленных птиц, облюбовавших прибрежные склоны, когда воздух становится уже прозрачным и звонким, а первый солнечный луч, весело отражённый от воды, мягко растворяется над пустынной бухтой, так что всё, наконец, оживает. Природа здесь непременно устраивает свои причуды, и в длинной череде лет они представляются делом обыденным, раз и навсегда устоявшимся.

Человеку, привыкшему к размеренной и ясной смене времён года, на первый взгляд всё это покажется очень странным и даже, быть может, диким, но только не старожилам. Суровый быт курильской экзотики для них понятен и близок: он содержит в себе то, что делает их здесь в полной мере людьми, что заставляет порой превзойти самих себя. В этом достойном общении с неповторимой курильской природой души людей неминуемо сливаются и сердца начинают биться в едином ритме, обретая великий смысл существования – смысл человеческой жизни.

Сквозь мутноватую плёнку, натянутую на небольшое окошко, невозможно разглядеть: идёт уже снег или нет. Видно только, что пасмурно: хмурые тучи тяжело навалились на море, остров, тепляк, и даже бесприютно метущийся в скалах ветер не в силах развеять их. Ничуть не ослабевая, он монотонно задует в щель над почерневшей дощатой дверью, и от этого в избушке холодно.

Ветер дует давно, но под его тугими ударами старые стены тепляка немилосердно сотрясаются, и кажется, что они вот-вот не выдержат. Но тепляк, крепко и основательно сложенный из целых шпал, под бременем лет, снегов и бесчисленных дождей, насыщающих дерево давящей влагой, так мёртво врос в берег, что разрушить его без посторонней помощи не просто.

По углам закоптившихся стен сохранились глубоко врезанные порядковые номера, свидетельствующие о том, что шпалы когда-то были доставлены сюда морем и собраны уже непосредственно на месте: леса на острове совсем нет. Есть только такой же древний, как море, вулкан Алаид, скалистые и обрывистые берега, неудобные для подхода судов, длинные пологие мысы – угрюмые, неприятные, океан, выдолбивший в них глубокие пещеры и гроты, в которых в плохую погоду беснуется прибой, и шумные бакланьи гнёздовья.

Остров Атласова является самым высоким из Курильских островов и в ясную погоду открывается с расстояния до 80 миль. Остров представляет собой величественный вулканический конус высотой 2339 метров – Алаид, поднимающийся прямо из воды. Из кратера вулкана, венчающего остров

Атласова, временами струится столб белого дыма. Вершина его раздвоена и большую часть года, а иногда и в течение всего года, покрыта снегом.

В некоторых местах островной берег тянется узкой туфовой полосой, гулко сотрясаясь в шторм от мощных безудержных накатов. Ещё есть раскорячившаяся по склону четырьмя металлическими ножищами и убого напоминающая давно заброшенную голубятню наблюдательная вышка, да жалкие останки былых строений. Когда-то здесь стоял рыбацкий посёлок, была погранзастава, но посёлок со временем изжил себя, застава перенесли на ближайший остров Шумшу, и теперь всё заброшено и пустынно. По острову гуляет холодный ветер, кричат неповоротливые на вид сивучи, волны лижут береговые обрывистые камни, на которых неподвижно сидят, глядя в море, отрешённо-задумчивые бакланы, - всё течёт так же, как сотни и тысячи лет назад.

Кстати, своё имя остров получил благодаря русскому землепроходцу Владимиру Владимировичу Атласову, чья колоритная фигура заинтересовала даже Александра Сергеевича Пушкина. Он первым назвал его Камчатским Ермаком. Если настоящий Ермак положил начало объединению Сибири с Россией, то Атласов сыграл решающую роль в освоении, в составе нашего государства, всего гигантского полуострова Камчатка. И Пушкин собирался написать об Атласове то ли статью, то ли новое литературное произведение. Но дуэль на Чёрной речке помешала осуществлению этого замысла.

Атласов был первым русским землепроходцем, рассказы которого ещё при его жизни были опубликованы за границей. Его знаменитые «Скаски» 1701 года, записанные в Москве в Сибирском приказе, впервые в сокращённом виде были напечатаны в 1705 году в известной книге голландского географа Николая Витсена «Северная и Восточная Татария». В 1730 году известный шведский географ Ф. И. Страленберг вторично опубликовал сообщения Владимира Атласова о Камчатке на немецком языке в своей книге «Северные и восточные части Европы и Азии». А уже после Великой Отечественной войны в Ленинграде знаток староголландского языка Вильгельмина Герардовна Трисман перевела на русский язык голландскую публикацию сообщений Владимира Атласова, благодаря чему удалось весьма существенно уточнить биографию Камчатского Ермака.

Владимиром Атласовым был составлен один из ранних подробных чертежей полуострова Камчатка, а его действия по освоению дальневосточных земель были замечены в Москве, где он и оказался зимой 1701 года, но с Петром Первым, как полагают некоторые исследователи, он всё-таки не встречался. Пётр Первый проявлял огромный интерес ко всем географическим открытиям, но встреча, тем не менее, не состоялась, поскольку именно в период пребывания Атласова в Москве Пётр Первый ездил на свидание с польским королём Августом. Несмотря на свои заслуги перед российским государством, Атласов обладал довольно крутым нравом, что проявлялось ещё в былые годы при взимании им ясака с якутов, а будучи направленным в 1701 году на Камчатку с неограниченными полномочиями

Камчатского приказного, он и вовсе своими суровыми действиями способствовал волне восстаний казаков, недовольных его грубым обхождением... В конце концов, Атласов сам стал жертвой всеобщего возмущения казаков, и в 1711 году был заколот ударом ножа в спину.

Мы лежим втроём в расслабленных позах на нарах и прислушиваемся к надоевшему за многие дни, но уже не вызывающему, как раньше, раздражения ветру. Ветер не приносит ничего, кроме неясного разочарования и гнетущего холода, но иногда, непонятно отчего, на душе, всё же, становится легко, и в сердце закрадывается надежда, что он способен даже для людей на добрый отчаянный поступок. Чувство это на какое-то время успокаивает, но вскоре понимаешь, что как и море, и всё созданное природой, ветер беспристрастен, а потому человеку ждать от него подмоги неразумно.

Когда мы оказались на острове Атласова, нам ещё не было ничего известно об открытиях знаменитого русского землепроходца, но сами мы, несомненно, чувствовали себя первооткрывателями. Трое – это лучше, чем один, потому что, когда приходит беда, можно переложить её на чужие плечи и в самый последний момент взять на свои. Можно острее ощущать жизнь, когда она уходит из тебя, или разогнать своим присутствием чей-то гибельный сон, хотя бы тебя самого неумолимо влекло в него. Двое могут отдать свой последний кусок третьему и тем самым вложить ему в душу своё дыхание. Можно стерпеть любые лишения только потому, что ты не один.

Когда ты один и некому встать рядом, надо надеяться только на себя. Если нет в твоей жизни того, что могло бы поддержать и помочь выстоять несмотря ни на что, - гибель твоя неизбежна. Как бы опытен ты ни был, многое в несчастье, если не всё, порождается волею случая, а его легче переносить не в одиночку. Трое – это лучше, чем один, когда приходит беда, а она настигла в этот раз как всегда неожиданно и даже глупо.

Им – двум лавинщикам с метеорологической станции Севкура на острове Парамушир, не раз приходилось попадать в различные ситуации, складывающиеся далеко не в их пользу, и это выработало у них определённые правила и характер. Характер никогда не подводил, правила поведения, когда обстоятельства складываются не в твою пользу, они неукоснительно стремились выполнять, но эти самые обстоятельства порой были выше везения, сил, желания, и это было всего страшнее. Случайности в их работе быть не могло, как не могло быть халатности, которую они заведомо и негласно считали между собой главным злом и причиной всех бед, но на сей раз судьба-злодейка подкинула им именно такой случай, с не зависящей от них халатностью других, и это вызывало раздражение, даже – обиду.

Остров Парамушир был конечной точкой нашей экспедиции на Курилах, вся подводная работа была выполнена, а до прихода судна

оставалась уйма времени. Отправившись однажды утром в горы, к потухшему кратеру вулкана Эбеко, мы повстречали двух уверенных в себе парней, обладателей редкой профессии лавинщиков, и я сразу понял – они и есть то, чего мне, на самом деле, не доставало, чтобы с пользой заполнить вынужденное пребывание на острове. Возвратившись вечером в гостиницу, я разыскал их, мы разговорились и вскоре так сдружились, что они не предприняли ничего, чтобы оградить себя от моего присутствия. Им, не избалованным людским вниманием, наверное, было интересно побыть с новым человеком. А мне, тем более, было привлекательно всё то, что составляло их работу и жизнь.

Предполагалось, что судно, высадившее нас на остров Атласова для проведения лавинных работ, зайдёт обратно не позже, чем через неделю. Все эти дни стояла ясная погода: ослепительные солнечные блики весело вспыхивали над водой, мягко переливаясь в бодрящем свежестью воздухе, притихший Алаид чётко высвечивался огромной сахарной головой на фоне ярко-синего холодного моря, матово-поблескивающая пена с пронзительным шипением накатывалась на камни и тут же опадала. Погода благоприятствовала нам...

Несмотря на достаточно не продолжительную и несложную работу, мы выполняли её чётко, слаженно и уверенно, не представляя, что судьба в состоянии преподнести сюрпризы именно тогда, когда светит яркое солнце, грозный, но красивый вулкан молчит, всё обстоит как нельзя лучше, а тебя окружают люди, к которым ты испытываешь если не любовь, то глубокое уважение.

В мире этом всё просто, но чтобы достичь понимания этой простоты, требуется преодолеть немало сложностей, из которых не каждому суждено выбраться. Эти двое, вернее всего, выбрались, приобретя необходимый жизненный опыт. Каждый из них уже стал при этом настоящим мужчиной. Но почувствовать себя настоящим - состояние ещё не достаточно для того, чтобы ничего уже не делать в утверждении и сохранении этого звания. Жизнь постоянно преподносит свои неожиданности, в которых порой теряешь себя и вновь обретаешь, только уже совсем другим – более глубоким, умудрённым. Если, опять же, не опустил руки, не прекратил над собой работы и не устал от жизни.

Срок давно истёк, а судно всё не появлялось. Один день сменял другой, более безрадостный. Погода ухудшалась – зачастили холодные, опустошающие душу проливные дожди вперемежку со снежными зарядами. Кончились продукты.

Патронов было немного, и их приходилось экономить. Стреляли, в основном, «кочегаров» - пепельно-чёрных, с бутылкообразным неловким туловищем безответных бакланов и чаек, сильно отдающих рыбой. Утки, как назло, уже не попадались, все улетели на юг. Силы постепенно убывали, и на охоту выходили по одному, часто возвращаясь ни с чем.

Всего на троих у нас было два ружья и к ним дюжина патронов, охотничьи ножи, плащ-накидки, полное отсутствие горючего, заваливший свёрток со свечками, обнаруженный в тёмном, запылившемся углу, коробка стрелянных гильз и целый мешок окаменевшей соли – жалкой насмешки над нашими пустыми желудками. Почти пятнадцатимильный пролив отделял остров от северной оконечности Парамушира – мыса Землепроходец, и не было ни малейшего намёка на появление какой-нибудь посуды, хотя бы издали напоминающей плавсредство. К тому же, в результате извержений вулкана за последнее столетие конфигурация береговой линии и глубины на подходе к острову резко изменились, что в значительной степени затрудняло плавание в этом районе, из чего следовало, что подойти к острову могло только судно, целенаправленно направляющееся к нему.

По каким-то причинам судно вынуждено было неожиданно изменить курс. Радист дал предупредительную радиogramму в Севкур о нахождении на острове трёх человек, но, по халатности принимающего радиста, она не была занесена в журнал. Радист через пару дней уехал на материк в отпуск, и, таким образом, радиogramма повисла в воздухе. Ребята были уверены, что если что-либо произошло с судном, забьют тревогу родные, которые были оповещены о их скором возвращении и, конечно, не будут сидеть сложа руки. Но фортуна в этот раз была окончательно и бесповоротно жестока в отношении к ним: длительные и не запланированные задержки в их бродячей жизни приучили близких родственников к терпению, и в своём ожидании последние руководствовались девизом – если никого нет, значит, так и нужно.

Эти неутешительные обстоятельства, к счастью, не были нам известны. Нас питала надежда – путеводная звезда всех когда-либо терпящих бедствие и нуждающихся в помощи, неизменная во все времена подруга страждущих и несломленных. Никто из нас ничего не знал и не понимал – что происходит, но каждый ловил в любой окружающей мелочи хоть какие-либо добрые предвестия: старался угадать их в своих тревожных бдениях длинными, холодными вечерами у незамысловатого очага или в спутанных провалах нездорового сна, уповая на долгожданную удачу.

Такие спасительные попытки, возможно, лишь отдаляя конец, всё-таки приближали к счастливому откровению или обретению, которое, в свою очередь, сближало нас, а кажущаяся никчёмной и выматывающая бесконечность упорной борьбы за выживание только ещё более укрепляла наш дух. Настоящая удача никогда не даётся легко и просто: она приходит долгожданной наградой не устающим надеяться, верить в себя и других.

- Чего, ради, мы торчим в этой дыре вторую неделю? – запальчиво произнёс Мишка.

- Этого нам знать не дано, - глухо изрёк в ответ из тёмного угла Володя. Он был самый старший из нас, более опытный и бесспорно

становился главным, когда требовалось принять быстрое и единственно верное решение.

- Ты всегда нравился мне глубиной и тонкостью своей натуры, - проговорил Мишка. – Но хотел бы я повидаться сейчас, братцы, с капитаном нашего родного корвета в одной из укромных бухт этого обетованного клочка земли.

- И что бы ты такое ему поведал?

- Подстрелил бы шельмеца, - без должного для такого серьёзного дела запала провозгласил Мишка.

- Сдаётся мне, джентельмены, - не слушая завязавшейся в очередной раз беззлой перебранки, сказал я, - что капитан тут не причём. Лично я стараюсь подбодрить себя.

- Чем же это, если не секрет?

- Весёлыми мыслями о нашем скорейшем избавлении из этого каменного плена. Там явно что-то случилось, и люди сделают всё возможное, чтобы снять нас отсюда. Нужно только потерпеть.

- Похоже, скоро нам этого не понадобится, - с утрюмой ехидцей в голосе сказал Мишка.

- Как тебе нравится его настроение? – обернувшись к Володе, спросил я. – По-моему, оно ему по душе.

- Ничего нового от него я не услышал. Он и существует-то на свете только потому, что никогда не отходил от своей нормы.

- Чего вы взъелись?! Просто я позволил себе рассуждение о нашем положении...

- Может быть, хватит каркать? – взвился доведённый далеко не утешительными доводами Мишки Володя.

- Ладно, - не спеша проговорил я, и, усевшись на нарах, стал неуклюже наматывать портянки. – Пойду, поброжу по берегу, позабочусь о вашем пропитании.

- Ничего не имею против. Прогулка на свежем воздухе тебя только взбодрит, - примирительно взглянув на Володю, сказал Мишка.

Они, молча, наблюдали, как я, не торопясь, натягиваю сапоги.

- Смотри, будь осторожным, - сказал Володя.

- Под ноги гляди: хоть ничего не найдёшь, так не зашибёшься, - не удержался от очередной реплики Мишка.

- Не злись. Сам хотел быть с нами, а осмотрительность не помешает, - ласково проговорил Володя и, повернув голову, сурово взглянул на Мишку.

Мишка только закатил глаза и, не проронив ни слова, остановившимся взглядом уставился в закопченный потолок.

Медленно одеваясь, я думал о том, что удерживает таких людей в этих отдалённых краях, когда, даже уезжая на материк, в отпуск, их неумолимо начинает тянуть обратно. Может, это привычка к экстремальным условиям, в отличие от сравнительно спокойной жизни на материке, привлекает их? А

может быть, потребность в утверждении себя, когда ты вынужден быть в постоянном напряжении, обретая необходимую тебе энергию?

Этой энергии тебе, почему-то, всегда не достаёт, ибо потом, однажды обретя, её уже невозможно потерять. Сознательно следуя по жизненному пути, такому человеку зачем-то необходимо изучать себя, то и дело, проверяя на крепость. Ему хочется жить настоящей жизнью, открывая своё предназначение и возможности, и тогда жизнь, как правило, не разочаровывает его. Очень важной задачей при этом остаётся умение построения отношений с другими людьми, которые тоже должны быть открытыми и отважными. Причём, происходить всё это должно взаимно, с глубокой преданностью друг другу.

Многие совершенно ошибочно полагают, будто бы в таких, удалённых от большой жизни, местах круглый год приходится осуществлять авральную работу в усложнённой обстановке, а на самом деле людьми движет здесь аритмия, то есть – отсутствие строго заведённого ритма. Нужно только научиться не расхолаживать себя, незаметно теряя рабочий настрой, когда приходится долгое время сидеть без дела, и уметь моментально собраться, если этого требует от тебя ситуация.

На деле, скорее всего, происходит наиболее верное приложение своего труда, сил и способностей, что, в конце концов, и приносит удовлетворение, и если кому-то подходит такой образ жизни – он его для себя выбирает. Но в первую очередь людей привлекает здесь нужность именно твоих духовных и физических затрат, которые почему-то не были востребованы раньше. К тому же, в подобных условиях ты приобретаешь в друзья немало хороших и сильных людей, ибо только такие выдерживают проверку временем в этих Богом забытых местах, и именно ради них хочется жертвовать собой.

Где-то там, в далёких городах на материке, люди чаще всего забывают о настоящей жизни, связанной с природой и собственной сутью, но некоторые из них оставляют самое привычное и дорогое, и приезжают сюда. Здесь они, наконец, обретают не достающую истину, благодаря которой приближаются к Богу, и, обрекая себя, таким образом, на самовольное отречение от жизненного комфорта, становятся самими собой. Незачем было спрашивать себя – в чём заключена эта не достающая для жизни истина, поскольку моя собственная дорога тесно соприкасалась с дорогой ребят, и именно это соединило нас на время.

Натянув, наконец, сапоги и притопнув ими, я накинул коробящийся плащ с капюшоном и, взявшись за ствол ружья, спросил:

- Какие ещё будут наставления?

Пара вытянувшихся на нарах тел ответила дружным молчанием.

- Годится, - с улыбкой пробормотал я и, с глухим скрипом распахнув дверь, вышел навстречу ветру.

Светлые утренние сумерки стояли над морем, когда я осторожно начал спускаться по каменистому склону к самому берегу. Впереди, на юго-востоке, небо чуть приметно отливало тусклым холодным золотом, но когда я обернулся, то увидел серые неприветливые склоны и низко свисающий над островом тёмный небосклон. Эта разница между маленьким, тихонько светлеющим над морем радужным пятном, и неприятно объявшей остров темнотой была так ощутима, что настроение мгновенно изменилось, и окружающий мир вдруг показался всеобъемлюще значимым и загадочным.

Мне вдруг пришло в голову, что всё происходящее с нами могло показаться кому-то забавным, а мне самому даже глубоко желаемым раньше, когда я ещё не знал моря и только слышал его шум в глубине души. Тогда я мечтал о таких увлекательных приключениях и всем сердцем стремился к ним в своём неудержимом воображении, и жизнь действительно подарила мне немало по-настоящему захватывающих и не забываемых впечатлений, о которых раньше можно было лишь желать. Но теперь я уже почему-то больше не задумывался о происходящем в моей жизни, хотя бы это и было нечто необычное, и воспринимал всё естественно, как будто так оно и должно было происходить.

Все извлечённые из-под спуда забвения воспоминания о произошедших когда-то приключениях казались невероятно далёкими и ненужными теперь, когда во мне уживалось только спокойное желание, несмотря ни на что, жить. Жить, с минимальной тратой отдавая свою энергию и с максимальной пользой воспринимая всё то, чему поклонялись земля, ветер и море, о чём неустанно кричали неугомонные птицы, что неугасимым огнём поблескивало в глазах старого сивуча, или угадывалось в величественно-неторопливом взмахе китового хвоста. Тусклый золотой отблеск неба, еле касаясь лица, будто нечаянно напомнил о скрытом смысле всего живого, осветил равнодушную бездну, отделяющую силу от слабости, и неслышно вдохнул в меня спокойную, мудрую веру в то, что всё будет хорошо.

Обогнув мыс, я оказался в небольшой долине. Здесь было темнее, и ненадоедливо и гулко звучали бесчисленные ручьи, стекающие в море. Ноги мгновенно утопали в заиленном песке, подмываемом быстрой водой, и я время от времени переступал на месте, озираясь вокруг.

Небо предвещало длительную непогоду: в горах, наверное, будет обильный снег, предшествующий скорой зиме, а здесь, внизу, польют нескончаемые дожди и, подгоняемые метущимися ветрами, заполнят собою землю и воздух, напитав их чрезмерной влагой, которую набежавший с вершин холод превратит в скором времени в лёд.

Местами всю береговую полосу загромождали каменные завалы. Камни были разные по высоте, обкатанные и мокрые. Скользкие бурые листы морской капусты, налипшие на них, мешали ступать всей тяжестью тела, и приходилось прыгать, еле улавливая центр тяжести, чтобы не

свалиться в глубокие, с рваными краями расщелины. Ничего не стоило сломать в них ногу.

По левую сторону без устали бушевали волны, с холодным гулом наваливаясь на берег и обдавая солёными брызгами, справа возвышались на десятки метров отвесные скалы, на оголённых срезах которых отчётливо были видны различные по толщине и цвету слои горных пород. Чтобы сберечь силы на обратный путь и не сбить дыхания, я старался меньше прыгать и медленно пробирался в узких просветах между камнями, то и дело останавливаясь и переводя дух.

Несмотря на то, что было утро, свет совершенно посерел, и теперь скалистые склоны, в некоторых местах густо поросшие ольхой и орешником, слились воедино с сумеречным небом. Часто изрезанные широкими расщелинами и распадками, они изредка притягательно поблескивали ягодниками, сплошным бархатистым ковром устилая их покатые изгибы, и оттого на душе становилось теплее. Какая-никакая, а это была пища.

Поднявшись наверх, к тому месту, откуда, тихо журча, вытекал чистый ручей, и, усевшись на круглый камень, я стал быстро собирать ягоду, тут же отправляя её в рот. Ягода была хрустящая, прохладная и лёгкая на вкус, и казалось, её можно съесть сколько угодно. Лучше всего было есть её большими горстями, отчего вяжущий аромат во рту дарил ускользающее ощущение сытости и возвращал к действительности, вызволяя из нескончаемой вереницы замерших дней.

Я огляделся. Угрюмые склоны и редкий кустарник словно затаили дыхание. Всё, кроме неповоротливо колышущегося внизу моря, оставалось недвижимым. Низко над морем парила плохо различимая птица, и птица эта казалась мне частицей того же неправдоподобного затишья, что опустилось на остров.

Кувыркаясь в серых облаках, птица с неожиданной решимостью вдруг взмывала в беспредельное, чуть светлеющее над облаками пространство и, сложив крылья, плавно устремлялась вниз. У самого уреза воды птица невероятным образом изворачивалась и вновь взлетала в небеса. Делала она это так неподражаемо просто, что захватывало дух, и я забыл на миг обо всём, что произошло с нами, и, не отрываясь, следил, как птица в который раз повторяет свои удивительные взлёты и падения.

Постепенно я различил в ней несгибаемого маленького буревестника-глупыша, которого моряки прозвали так за его поразительные воздушные броски, кажущиеся им глупыми. Находясь длительное время в отрыве от земли, среди бескрайних морских вод, когда за целый месяц, порой, не встретишь ни одного проходящего мимо судна, невольно начинаешь более внимательно относиться ко всему, что тебя окружает и может приносить хоть какое-то разнообразие. Одно из достаточно распространённых развлечений – наблюдение за птицами, что само по себе даже полезно.

На тех же Курилах, например, в туманную погоду о близости островов можно судить по появлению птиц, которые иногда удаляются от берега на

расстояние до 25 миль. Если чайки летят высоко над водой, быстро и по прямой линии, то это значит, что они приближаются к берегу, если же они летят низко, бросаются то в одну, то в другую сторону и временами опускаются к воде, то это уже обозначает, что они удаляются от него. Топорки и кайры, как было замечено, удаляясь от берега – всегда летят низко над водой, а возвращаясь к берегу, летят высоко. А вот быстрое возвращение к берегу глупышей означает приближение шторма...

Мой глупыш взмывал и падал почти у самого берега, да и волнение моря приближалось к штормовому, что подтверждало давнюю морскую примету. Внешне глупыш не блистает красотой, и в отличие от тех же чаек выглядит достаточно скромно: серовато-белое оперение с таким же грязновато-серым брюшком и сероватыми шейными перьями оттеняют только черные маховые. Глаза карие, клюв – опять же серо-зеленоватый, а спинка – слегка желтовата. В одежке своей глупышу похвастаться особо нечем!

К тому же, все буревестники, в том числе – и малые, к которым принадлежат и глупыши, почти не умеют ходить, плавают, хотя легко и, по-видимому, без напряжения, но редко, да и нырцы они, из всех остальных морских птиц, достаточно непутёвые, хотя всё-таки и умеют погружать в воду своё густо оперённое тело. Но чего у них не отнять, так это способности неустанно парить над бескрайними морскими просторами. Наблюдая за глупышами с судна, легко отличить их от других морских птиц, так как глупыши в продолжение целого дня находятся в непрерывном движении, носясь между волн и высоко над ними, лишь изредка опускаясь к самой воде, чтобы схватить добычу.

Глупыш свободно скользит над бушующими волнами с распростёртыми, почти недвижимыми крыльями, держась по возможности на значительном расстоянии от воды, и всегда неумоимо борется со штормом, будто получая от этого наслаждение. Кажется, глупышу совершенно не нужен отдых. Возникает даже ощущение, что глупыш возбуждён круглый год, будто постоянно находясь в переживании ... тока.

Глупыми этих птиц нарекли, вероятно, за то, что глупыши бросаются за кормом, когда он насажен на крючок удочки, причём даже в случае, если они бывают очевидцами гибели от этого крючка своего собрата. Но не проявляют ли птицы при этом отвагу, пытаясь овладеть хоть какой-либо добычей? Морских птиц – бесчисленное количество, и всем им, для поддержания жизни, необходима пища, отчего всякое живое существо, плавающее на поверхности моря, оказывается для них объектом нападения, если оно отчего-то погибло, ранено или больное. Ведь не секрет, что любая морская птица не погнушается и мёртвою рыбою, и при этом не нужно забывать, что приписываемая птицам жадность и ненасытность являются прямым следствием их неустанной деятельности, когда они неумоимо витают весь день над морем, чаще всего преодолевая сильные ветровые потоки.

Глупышу, при его особой приверженности к неустанному полёту приходится, видимо, затрачивать ещё большие усилия, чем другим птицам, и потому даже в приёме всегда необходимой для жизнедеятельности пищи глупыши выказывают своеобразие: существует мнение, что они нападают даже на медуз! В их желудках находили не только останки рыб или китовое сало, но и кости, паклю, кожу, капустные листья, сухари и щепки, даже табачную жеванину, то есть – выплюнутый табак, который жевали матросы. Трудно объяснить – как сочетается в этой маленькой морской птице подобная кровожадность и склонность к отрешённому высокому парению, предполагающему головокружительное падение в волны?!

Кстати, поэтическое название – «буревестники», птицы получили не потому, что они заранее предупреждают корабль о близящейся буре своим появлением возле него, а потому, что в бурю этим птицам легче добывать себе пищу на гладкой воде оставляемого идущим кораблём кормового следа, и они держатся там группами. И если есть в ком-то из морских птиц поэтичность, так это, конечно, в глупыше - малом буревестнике морей, над которыми он витает под самыми небесами, а потом, стремглав, бросается вниз, к водной поверхности, достигнув которую, вновь устремляется к заоблачным далям. Он словно бросает всем вызов, редкими возгласами сея вокруг необъяснимую и восхитительную тревогу.

Глупыш – таинственный маленький романтик океанских просторов, и его безумный окрик и неизъяснимая надежда на что-то несбыточное, даже не океанское и не морское, а только то, на что способен замахнуться именно он, бесстрашный и очаровательный храбрец, восхитительны! Будь его оперение более ярким, он мог бы сравниться с прекрасной морской бабочкой, совершенно очаровательной в своей недостижимости. Пустынный скиталец морских поднебесий, глупыш чем-то сродни самозабвенному отшельнику, который целыми днями благочестиво и очень усердно несёт свою непонятную никому службу, не желая иной доли. Трудно не засмотреться на него, позабыв обо всём, но и непросто постигнуть.

Правда, есть и в глупыше, при всех его положительных и даже забавных склонностях нечто необъяснимое, даже порой пугающее. У берегов Ирландии, например, а также на Гебридах и Фарерах глупыши совсем не пользуются популярностью среди местного населения. Из всех морских птиц именно они имеют здесь наименьшую симпатию. На этих островах численность глупышей растёт за счёт других птиц...

Глупыши прогоняют пернатых с их гнездовых полочек на скалах, пользуясь некрасивым приёмом: они отрывивают на кайру, конюгу или тупика зелёную слизь, которая разрушает водонепроницаемый покров на их оперении, так что птицы тонут при очередной посадке на воду. Трудно сказать – делают ли это глупыши специально, так как мне самому ни разу не доводилось этого видеть. Но даже зная об этом, мне почему-то хочется думать, что глупыши, таким образом, развлекают себя, играют, на самом деле не причиняя никому особого вреда.

Птица эта всегда нравилась мне, и я не видел в её действиях ничего глупого. В стремительном полёте глупыша была заключена только радость от переполняющей его крохотное сердце жизни. И ещё - неистребимое желание забраться как можно выше, чтобы в прекрасном парении пронестись над вольной морской стихией.

Ведь по-настоящему птица познаётся только в полёте и, глядя на свободно парящего над поверхностью моря малого буревестника-глупыша, вдруг сложившего крылья и отважно устремившегося вниз, в бушующие волны, лично я проникаюсь к нему уважением. В этом воздушном броске облик маленького буревестника разительно отличается от птицы, спокойно сидящей на земле, и, вообще, всю жизнь связанной с сушей, пусть даже это берег моря. Кажется, что это два совершенно разных создания, потому что только в воздухе, над морем, проявляется индивидуальность птицы, а она у глупыша – особенная.

Бывает, вы не против иной раз понаблюдать за какой-нибудь камнешаркой, озабоченно перебегающей по земле и что-то постоянно склёвывающей, какое-то время любоваться её оперением и повадками, но способны ли вы наслаждаться её видом бесконечно, боясь вспугнуть? На глупыша же можно действительно засмотреться, позабыв обо всём на свете, так как он обращает на себя внимание даже среди беспрестанно перелетающих вокруг чаек, кайр, гагарок и чистиков с топорками.

Именно глупыша ты отмечаешь в многоголосом птичьем круговороте, в котором каждая птица хранит свои легковесные тайны, но малый буревестник, прозванный моряками глупышом, волнует больше всех. Он словно специально создан природой для головокружительных полётов, с короткими крепкими крыльями, маленьким сильным тельцем и какой-то очень возвышенной мечтой, которую глупыш стремится, несмотря ни на что, осуществить, бесстрашно забираясь всё выше и выше в небеса, а затем срываясь в кипящую под ними бездну. Непроизвольно оказываешься захваченным его умопомрачительным парением, и начинаешь вдруг завидовать маленькой отважной птице за её нестигаемость и волю.

Работая в море, в минуты отдыха я всегда любил наблюдать за неутомимым глупышом. Его легко было отличить от других морских птиц, поскольку он – небольшой, плотненький, с короткими крыльями, и тогда, как взбалмошные чайки устраивают невообразимый гвалт вблизи добывающих рыбу кораблей, глупыш безудержно взмывает в небеса, без усталости поднимаясь всё выше и выше, так что порой его совсем уже становится не видно. Думая о том – зачем он это делает, я прихожу к выводу, что глупышу просто нравится так летать.

Забираться в высоту и нестись оттуда во весь дух до самого моря, а потом всё повторять сначала. Как будто это самое лучшее, что он нашёл для себя в жизни, и, обнаружив подобную потребность, уже не в состоянии ей изменить. Что-то вынуждает глупыша вновь и вновь повторять эти

умопомрачительные взлёты и падения, и они, кажется, будят в сердце птицы нечто неизведанное.

В общем, глупыш стал мне дорог, он ещё более оживил моё восприятие моря, и в экспедициях я действительно постоянно ищу его глазами, а найдя – будто успокаиваюсь и обретаю среди морской стихии себя. Своим присутствием птица помогает мне справляться со многими трудностями, как это ни странно звучит – я учусь у неё жизни и очень ей признателен.

Мне и самому хочется точно так же, как птице, рваться ввысь, удаляясь от моря, а потом нестись с высоты вниз, выходя из пике у самой поверхности воды. В этом, кажется, совершенно ненужном действии, не несущем в себе никакого смысла, между тем заключалось нечто притягивающее и завораживающее. Приятно было даже просто смотреть на парящего над морем глупыша, восхищаясь его ловкими манёврами и неустрашимостью, и за долгие годы работы в море я искренне полюбил эту маленькую птицу, заключающую в себе какую-то необъяснимую, негибаемую силу.

Сейчас, когда глупыша мне не хватало, он неожиданно появился передо мной, и, глядя на него, я, конечно, понимаю, что ни какой он не глупыш, но имя его мне всё-таки нравится. Глупыш как будто восклицает своим полётом: думайте обо мне – что хотите, но я счастлив, что имею возможность наслаждаться парением над морской пустыней, и если вам нравится называть меня глупышом, то пусть так оно и будет, и это никак не сможет повлиять на ту радость, которую я переживаю.

Подобные мысли посетили меня, пока я наблюдал за кружащим неподалеку глупышом, и я как-то незаметно успокоился. Держа ружьё между колен, так что приклад его упирался в выбеленные бесчисленными ветрами и водой камни, я вдруг заметил в чистом ручье отражение лисьей морды... Прямо за моей спиной отвесно возвышался скалистый откос, на вершине которого стояла лиса, вытянув голову и с любопытством рассматривая, что делается внизу. Стараясь не вспугнуть её неосторожным движением и не глядя вверх, я взвёл курок, медленно повернул ствол в сторону лисы и нажал спуск.

Выстрел прозвучал сухим коротким щелчком, который, не отдаваясь ни на секунду в широких склонах долины, тотчас завяз в мгlistом, плотном воздухе. Как будто его и не было – только голубоватый пахучий дымок небольшим клубком взвился над ручьём и, смешавшись с серым цветом курильского утра, незаметно растворился в нём. Голова лисы исчезла.

Это было очень непредусмотрительно с моей стороны – стрелять наугад, когда оставались считанные патроны, и всё же, подчиняясь внутреннему чувству – необъяснимому, но такому неукоснительно-требовательному в определённые минуты, в миг захватывающему всё твоё существо, я спокойно, без страха за последствия, нажал на спусковой крючок.

Когда, вконец вымотавшись и оцарапавшись об острые края камней, я поднялся на скалу, лиса лежала, неестественно закинув голову и вывалив

язык. Лёгкий ветерок неслышно и мягко копошил её огненную шерсть, ослабившаяся пасть застыла притягательной белизной зубов, а одна половина черепа была снесена начисто: заряд угодил прямо в глазницу.

Я стоял какое-то время, не в силах поверить глазам. Безмерная усталость охватила меня. Чуть пошатываясь, я опустился на землю – ноги были как ватные, они не держали. Мерные звуки плещущейся морской воды доносились откуда-то снизу и, пробиваясь сквозь затуманивающую мозг тупую дурноту, ненавязчиво убаюкивали сознание.

Я вдруг провалился в дурманящий сон, в котором одно беспокойное видение сменяло другое. Вернее, это был не сон, а липкая, сковавшая члены дремота, из которой время от времени приходилось изредка выбираться. Сознание в такие минуты почти прояснялось, и тогда я возвращался ко всему, что меня окружало, но пошевелиться не мог. Долго лежал вот так, в плотно обволакивающей тело тишине, и смотрел, как кружат в низком небе одинокие чайки. Глупыша не было видно.

Неизвестно, сколько продолжалась эта темнота, но мой собственный стон, наверное, обращённый неведомо к кому, вывел наконец из тяжёлого забытья. Море по-прежнему глухо всхлипывало у подножия девственных скал, солнце желтоватым бельмом перекатилось за мутной пеленой облаков ближе к западу. Задул неприятный, пронизывающий ветерок.

Размяв затёкшие члены, я перевернулся набок, встал на колени и, обернув голову лисы куском брезента, аккуратно уложил её в рюкзак. Затем поел немного шикши, напился ледяной, до боли в скулах, воды из ручья, и начал спускаться.

Дело шло к вечеру, и нужно было торопиться: ребята не знают, что со мной, наверняка волнуются и уже, должно быть, ищут. Надо спешить, даже если нет сил: так уж заведено в этих краях, где невозможно не думать о других людях, находящихся рядом. По крайней мере, сейчас, когда мы живём вместе, и каждый друг за друга в ответе. Судьба, зловеще подставив свою ловушку, в тоже время ещё раз подарила нам счастливую возможность по-настоящему ощутить неисповедимые и радостные пути мужской сплочённости.

Оба ждали неподалёку от тепляка, сильно исхудавшие – я только сейчас это заметил, не на шутку обеспокоенные и невесёлые.

- Выглядите вы лучше некуда, - ещё не отдышавшись, проговорил я. – Так и брызжите здоровьем.

Доброжелательные слова, сказанные, чтобы подбодрить или порадовать, выражающие не то, что есть на самом деле, а то, чего хотелось бы видеть. Простые замечательные слова и удивительная возможность подставить другому человеку своё плечо: вместе, всё это, предназначено для сохранения тепла и сил.

В таких ситуациях сначала всегда приходит страх, потому, как до этого всё шло своим привычным чередом, и ты никак не мог допустить, что смерть в скором времени может настичь и тебя. Твой разум не способен

охватить, со всей остротой, эту необъяснимо ускользающую связь с суровой действительностью. Что-то как будто случается с тобой против твоей воли, а ты не в силах принять правильного решения: в тебе ещё слишком много остаётся живого.

Но часть этого живого - почему-то должна умереть, может быть, ради того, чтобы оставшееся – выжило, и если ты выстоишь, то переживания, вызванные возможным приближением гибели, принесут тебе необходимую смелость и знание. Правда, только до следующего раза, пока ты вновь не останешься один на один со своим опытом, интуицией, жаждой справедливости и темнотой жизни, когда холодящая волна её неумолимого притяжения настигнет тебя так же неожиданно, посреди светлого дня.

Так бывает всегда, когда решаешься на что-то достойное и совершаешь над собою усилия. Так непременно будет, если ты не отступишь, и если всё же удастся не погибнуть при этом, не очерстветь, а возродиться на пепелище былых потерь и тревог твоей нестигаемой судьбы. И тогда, быть может, жизнь ещё порадует тебя своим непревзойдённым величием.

Такую жизнь не променяешь ни на что, даже на те молодые дни своей незамутнённой юности, из которой вспоминается только радость от первой маленькой победы над собой, тогда как страх преодоления себя стараешься поскорее забыть, будто его и не было. Но страх, по сути, это ожидание того, что только может случиться, а потому поддаваться ему не имеет смысла. Правда, на понимание такой, вроде бы, доступной и простой истины порой уходит целая жизнь.

Глядя сейчас на ребят, нельзя поверить, что это конец, подумал я. Слишком много хорошего, конечно, осталось позади, но сколько ещё, без сомнения, достойного и радостного ожидает?! Впавшие глаза радостно сияют. Стало быть, они тоже считают, что с этим не совсем весёлым делом неверия в собственные силы следует повременить.

Что ж, я не против. Хрупкий лёд незнания себя и жизни надломился: неиссякаемый источник энергии вновь обрёл спасительную свободу.

- Джентельмены, вы когда-нибудь пробовали отварную лисятину? – с вымученной улыбкой проговорил я и, ощутив сковывающую тело слабость, опустил в жухлый осенний мох.

Очнулся я, когда уже рассвело. Мишка сосредоточенно колдовал у печки. В избушке пахло каким-то варевом. Приподнявшись на локте и обернувшись к запотевшему окну, я увидел, как Володя, балансируя под бременем небольшой, но вместительной фляги с водой, медленно идёт по узкой тропинке к дому.

Я опять улёгся и закрыл глаза: хорошо лежать вот так и знать, что жизнь не кончилась – она продолжается. Мне показалось, что дом наш внутри принял более живой вид, в нём даже чувствовался уют.

- До чего же ты деловит, - вполголоса проговорил я, глядя, как Мишка орудует над котелком.

Дверь жалобно скрипнула, и на пороге появился Володя.

- Наш охотничек, кажется, ожил и даже пытается острить, - обращаясь к нему, сказал Мишка. – С чего бы это?

Володя поставил флягу в угол, опустился на нары и устало улыбнулся.

- Как чувствуешь себя, дружище? – спросил он.

- Пустяки, - ответил я. – Полезно пройтись пешком десяток километров. Ведь так редко удаётся вырваться на природу.

- Ну-ну, - снисходительно кивнул головой Володя. – Спасибо, что хоть притащился сам, а то мы уж не знали, где тебя искать.

- Прогулка, видать, действительно пошла тебе на пользу, - сказал Мишка. – Спал ты словно убитый, к тому же на обед у нас сегодня мясной бульон из лисьих лапок. Как ты к этому относишься?

- Положительно.

- Иначе и быть не может, - шурясь от пара, плотными клубами вырывающегося из котелка, удовлетворённо произнёс он. – Лично мне здесь даже начинает нравиться.

- Что-то ты опять не на шутку развеселился, - сурово произнёс Володя.

- Это всё из-за того, что он не может примириться с моими кулинарными способностями, - обращаясь ко мне, проговорил Мишка. – Завидует, ясное дело.

Приподняв крышку, Мишка зачерпнул ложкой бульон и попробовал на вкус. Лицо его перекошилось.

- Перцу не хватает, - с серьёзным видом подытожил он.

- Есть будешь первым, - спокойно сказал Володя. – Как самый вульгарный лавинщик из всех, которых я знаю.

- Пожалуйста. Мне же больше достанется. На вашем месте я бы поостерегся давать такие советы.

- Вот мы и поостережёмся.

- А-а, все эти разговоры ни к чему, - сказал Мишка. – Как только вы попробуете моё блюдо, вы сразу поймёте: кухня – моя стихия.

- Не верю я тебе, - угрюмо проговорил Володя.

Мишка снял крышку и попробовал ножом белые куски мяса, плавающие в бурлящей воде. Комната наполнилась сладковато-приторным запахом, отдалённо напоминающим мясной.

- Ну как? – приподнявшись на нарах, осторожно спросил я.

- Во всяком случае, она мягкая.

Володя молчаливо наблюдал за всеми манипуляциями Мишки.

- Ну, скоро? – в нетерпении спросил он.

- Готово, - наконец объявил Мишка о своей стряпне и, гроыхнув крышкой, снял котелок с печи.

Мы вопросительно посмотрели на него.

- Тарелок, к сожалению, нет, - объявил он. – И вилок тоже.

- Ничего, на этот раз обойдёмся без них, - сдерживая себя, сказал Володя.

Обжигаясь, Мишка выудил из дымящегося котелка одну лапку и, тщательно подув на неё, начал есть. Делал он это сосредоточенно, время от времени показывая вздёрнутыми бровями, как это невообразимо вкусно, всем видом стараясь убедить нас в том, что обед удался на славу.

Пока он ел, мы всё время, не отрываясь, смотрели на него. Покончив с одним куском и блаженно поглаживая живот, Мишка потянулся за вторым. Недоверчиво поглядывая на него, Володя тоже достал себе лапку. Уже через минуту, позабыв обо всех предосторожностях, мы за обе щёки уплетали содержимое котелка, не обращая внимания на непреодолимо муторный, повисший над столом запах псины.

- Ну, как вам лисятина-то, ничего? – умиротворённо ковыряясь в зубах, осведомился разомлевший от еды Мишка.

- Мясо что надо. Жаль только, без гарнира, - сказал я. – Мишка, ты настоящий повар.

- Это у нас просто аппетит с голодухи разыгрался, - сказал Володя.

- Ты что?! – На лице Мишки появилось неподдельное оскорбление. – Разве тут дело только в этом?

- Может, на руках его донесём до кроватки? – спросил я.

- Много чести. Убил-то лису ты – тебе и все почести.

- Хоть бы раз от тебя доброе слово услышать. Не дождёшься, наверное.

- Ну ладно, - примирительно проговорил Володя. – Без тебя бы мы околели с голоду, и в поварском деле тебе нет равных... Это ты хотел услышать?

Мишка расплылся в улыбке.

- А теперь слушайте внимательно, - сказал он. – Есть идея.

- Ого! – с интересом воскликнул Мишка. – Сейчас, я только всё уберу.

- Подождёт твоя посуда, - спокойно глядя на него, проговорил Володя. – Не велико дело. Тут задачка особого подхода требует. Сегодня я случайно обнаружил на заброшенной заставе бочку с соляжкой. Старая наблюдательная вышка находится как раз с той стороны, откуда её могут заметить с Шумшу. План прост: кому-нибудь из нас забраться наверх, облить всё соляжкой, поджечь и быстро спуститься по заранее привязанной верёвке. Хотя опоры у вышки и металлические, полыхать ей не меньше часа. Остаётся выбрать ясный солнечный день, чтобы уж действовать наверняка. Что скажете?

- Вот это да! – восхищённо произнёс Мишка.

- Ловко придумано, - подтвердил я.

- Всё займёт минут пять, не более, - сказал Володя. – Главное – забраться и вовремя успеть спуститься. Тебе, Миш, как самому шустрому, тогда и придётся это сделать.

- Это для меня всё равно, что мыльные пузыри пускать, - ответил Мишка.

- Но-но, - предупредительно кивнул Володя. – Не храбрись. Ты сейчас не такой, как раньше. Как ты себя чувствуешь?

- Лучше некуда.

Мишка был неисправим: славный, чистый парень, дьяволу душу заложит, но подлости не сотворит, страху - ни за что не поддастся, а уж веселья ему не занимать. На лице Володи написано одно: лучшего друга у него никогда не было и, наверное, уж больше не будет.

- Тогда всё насквозь становится ясным, - сказал он. – Мы будем стараться обеспечить по возможности твою безопасность и следить за тем, чтобы всё шло гладко. Надо это дело тщательно рассчитать. Ошибки быть не должно.

- Можешь на меня положиться. Я – крупный специалист по всякого рода хитроумным задумкам. Такой костёр запалю, что целая флотилия сбежится к нам на подмогу. Это я вам обещаю.

- Ладно. Хватит трепаться, - сказал Володя. – Лучше, действительно, подумай о деле. Как не хитри, а правды не перехитришь.

- Хорошо, - примирительно проговорил Мишка. – Я всё сделаю так, как нужно.

День выдался холодный, но ясный. Природа великодушно подарила нам его: всё же она была благосклонна.

Тепло декабрьского солнца почти не ощущалось, и спины наши обдувал пронизывающий северо-западный ветер. Казалось, всё, что сейчас происходит, уже когда-то было в нашей жизни, давным-давно: и эти изрезанные студёной водой скалы, и открытое море, и тёмное бездонное небо. Было и прошло, и вот теперь вновь возникло, так что время остановилось вместе и со скалами, и с морем, и с бездонным небом, желая понаблюдать, что предпримут люди на этот раз, а потом опять потекло над землёй, беспристрастно взирая на нас с вершины своего недостижимого величия. Хмурое, неприступное, неуловимое, совсем иное, чем мы его воспринимали тогда, когда оно несло с собой удачу.

- День будет ничего, если только не затянет после обеда. Надо торопиться, - задумчиво проговорил Володя. – Сколько тебе понадобится, чтобы забраться наверх?

- Без поклажи – четверть часа, если повезёт, а то и больше, - прикинув, ответил Мишка.

- Канистру с горючкой мы подадим тебе потом, когда ты уже заберёшься и спустишь оттуда конец. Ты уверен, что у тебя хватит сил?

- Ни в чём нельзя быть уверенным.

- У тебя, значит, тоже такое бывает?

- И у меня тоже.

- Ну, хорошо. Не будем об этом.

- Значит, не будем.

- Что с тобой? Ты, я вижу, не в себе?  
- Со всяким может случиться, если он через каждую минуту будет выслушивать твои незаменимые распоряжения.

- Не злись. Я ведь хотел как лучше.

- Я понимаю.

- Ты только не торопись, и всё будет в порядке. Главное – не сбей дыхание.

Мишка глубоко вздохнул и, повернувшись к опоре, начал осторожно подниматься, медленно передвигаясь от одного выступа к другому.

- Как ты думаешь, нас заметят? – озабоченно посмотрев в сторону моря, спросил я.

- При таком ветре эта голубятня не прогорит и часа, - ответил Володя.

- Чёрт бы побрал этот ветер!

- Теперь это не имеет значения, - сказал Володя. – Надо использовать любую возможность.

- Да, верно, - согласился я. – Не мешало бы перекинуть спусковой конец на наветренную сторону: вдруг ветер усилится. Так будет спокойнее.

- Вот дьявол, - сказал Володя. – Я об этом не подумал.

- Не огорчайся. Это ещё не поздно сделать.

- Я и не огорчаюсь. Просто злюсь на себя и тревожусь за него.

- Всего не предусмотреть.

- А я должен был предусмотреть. Миша! – крикнул он вверх.

- Да?! – откликнулся тот.

- Когда заберёшься – перебрось конец с подветренной стороны. Ты меня понял?

Мишка понимающе кивнул головой и полез дальше. Видно было, с каким трудом это ему удаётся, но расстояние до площадки постепенно сокращалось.

- Сил уже совсем нет, - тихо сказал я, глядя, как Мишка пытается уцепиться за выступ на крышке, ведущей наверх.

- Давай помолчим, - сказал Володя.

- А если у него ничего не выйдет, тогда что делать?

- Многих людей беда незаслуженно возвышает в собственных глазах, когда опасность благополучно минует их, некоторые на какой-то миг действительно обретают бодрость духа, и это позволяет им по-настоящему почувствовать, чего они стоят на самом деле. Мишка скроен из особого теста – он впитал всю эту петрушку с молоком матери, развил в себе спокойно, и незаметно для себя стал для других человеком без изъяна.

- Если, конечно, не принимать бесхитростную отгаку за убыток?

- Мишка не для себя родился, а для людей.

- А значит, и для Бога...

Мы стояли на солнце, и ветер пронизывал нас насквозь. Каждый неотрывно наблюдал за всем, что происходило наверху. Прямо над нами, в холодной синеве неба, застыли две птицы. Они только изредка покачивали

кончиками крыльев, и ветер плавно нёс их в глубокой вышине, будто два затерявшихся пёрышка, - частички недостижимого тепла и покоя.

Долгое время Мишки не было видно, но затем из-за перегородки показались голова, плечи, и он помахал нам рукой.

- Миша! – крикнул Володя. – Как ты там?

- Хорошо, - еле слышно донёсся его голос. – Отсюда открывается великолепная панорама. Никогда не видел ничего такого.

- Надеюсь, от всего, что ты там увидел, у тебя не закружится голова?

- Нет, дружище. Вот только отдышусь и примусь за дело.

- Тебе там никакого судна не видать? – задрал голову, что было сил, прокричал я.

Мишка, приложив сжатые в кулаки руки к глазам, как будто бы у него был бинокль, медленно повёл ими и сказал:

- Нет, ничего не видно. До самого горизонта одна вода, а ветер, кажется, усиливается.

- Сейчас подадим тебе канистру, факел, и дело с концом. Ты только не волнуйся. Давай! – крикнул Володя.

Мы стояли и, задрал головы, наблюдали, как Мишка, не спеша, подтягивает излохмаченный конец с грузом.

- Как только подождёшь, собирай манатки, и сразу сигай вниз. Ну, как у тебя там, всё готово?

- Полный порядок.

- Тогда удачи тебе.

Всё произошло в какие-то мгновения: налетевший порыв ветра молниеносно подхватил тотчас зашедшееся пламя, и бесплотными, почти невидимыми лоскутами бросил его в подветренную сторону. Пламя весело схватилось, зашелестело и вдруг с треском ухнуло, будто огромное шёлковое покрывало, разошедшееся по шву, потом внезапно взметнулось к дырявой дощатой крыше и закружило под ней ярким безудержным жаром. Густой, пахучий дым тёмно-серебристым живым хвостом чернобурки потянулся низко над островом.

- Ну, как твоё самочувствие, герой? – обнимая благополучно спустившегося по верёвке Мишку, радостно проговорил Володя.

Одежда на нём была изодрана в клочья, ресницы и волосы сильно опалены, руки стёрты в кровь, но чумазое лицо излучало ослепительную улыбку.

- В ушах только шумит, а так – всё в порядке. Я сегодня словно заново родился, - не успев ещё отдышаться, объявил Мишка. – Совсем молодой.

- По тебе этого сейчас не скажешь, - весело сказал я.

- За товарный вид не ручаюсь, но душа у меня поёт: может быть, сегодня уже будем дома!

- Повезёт – не повезёт, дело случая, - сказал Володя, глядя в сторону соседнего острова. – Надеюсь, им придёт в голову мысль проверить, всё ли тут в порядке. На это весь расчёт.

- Да, остаётся только надеяться и ждать, - устало проговорил Мишка.
- Вот что, дружище, - сказал, обращаясь ко мне, Володя. – Останешься здесь с ружьём и будешь караулить, пока не появится на горизонте какая-нибудь посудина. Стреляй только в крайнем случае, когда понадобится. Годится?
- Сколько у нас осталось патронов? – спросил я.
- Не больше пяти, - ответил Мишка. – К тому же, ветер дует совсем в противоположную сторону. Они могут не услышать.
- Пусть даже они не услышат, - сказал Володя, - но ведь наверняка кто-нибудь заметит огонь, и тогда они, так или иначе, будут вынуждены подойти сюда. Вот на этот случай кто-то из нас и должен находиться здесь. Сменяться будем через три часа.
- Пожалуй, ты прав, - сказал я.
- Как ты думаешь, - озабоченно обратился к Володе Мишка, - хорошо видно оттуда невооружённым глазом наш костёр?
- Я об этом столько же знаю, сколько и ты, а тебе должно быть лучше известно, что и как, ведь ты у нас крупный специалист по такого рода делам.
- Ладно, не заводитесь, - сказал я. – Отправляйтесь-ка лучше отдыхать, я уж тут как-нибудь обойдусь.
- Вот это дело, - успокоено проговорил Володя и, обернувшись к Мишке, добавил: - Чего у тебя там сегодня на обед?
- По куску варёного баклана под собственным соусом с брусникой и черничный отвар.
- От такого соблазна трудно удержаться.
- А этого и не требуется, - ответил Мишка. – Пойдём и попробуем.
- Пойдём, - сказал Володя. – Именно этого мне сейчас и не хватает.

Итак, всё, что мы могли сделать, уже сделано, но необходимое время прошло, и ничего не случилось. Один день, не оправдывая надежд, сменял другой, а утро, сулившее долгожданное спасение, не наступало. Серая мгла поглотила всё вокруг, и море монотонно билось о мрачные скалы, не в силах отступить даже в своём бессилии.

Вспениваясь мутновато-зелёной с серыми гребнями волной, море тяжело хлюпало в тёмных холодных расщелинах, в своём неудержимом порыве постепенно подтачивая недра застывших гор. Узкие лоцины повсюду прорезали берег, и от этого он казался безрадостным, неприветливым. Снег уже толстым слоем лежал на скалистых склонах, и это общее тяжёлое состояние в природе стало тем фоном, который с каждым днём всё больше подрывал наши силы.

Попеременно приходя в себя, мы глотали густой ягодный отвар, жалкие остатки которого бережно хранились на самый крайний случай, и вновь погружались в сонливо-гнетущее, пустое состояние. Засыпали, обычно, молча, убаюканные монотонным шумом океана.

Пахло парафином и сухой холодной соломой.

Погружаясь в сон, я улетал в какие-то, ещё неведомые мне края, в глубине души желая уже поскорее куда-нибудь попасть. Приходя же в сознание, краешком глаза наблюдал в небольшой просвет оконца ярко светящиеся, вздрагивающие звёзды или низкое серое небо. Всё смешалось...

Но иногда сон не шёл, и мы подолгу говорили о разных вещах. Почему, например, люди, уезжая совсем на материк, всё-таки возвращаются обратно. О том, как хитры и неуловимы куропатки, которые, впрочем, в определённое время года становятся глупыми и легкодоступными, и когда лучше стрелять утку на озёрах в предгорье. Нас занимало всё: как быстро прижились на островах зайцы, завезённые сюда лет двадцать назад, почему шумит морская раковина, отчего горбуша возвращается однажды в места своего рождения, чтобы, продолжив род, именно здесь и погибнуть?

О чём мы только не говорили долгими вечерами. То и дело вспыхивающие воспоминания приносили массу неразрешимых вопросов и ответов, в которых мы утопали с головой, забывая о нашем бедственном положении. Так иногда бывает при встрече людей, которых почему-то перестаёт тяготить иссушающее тело и душу бездействие, когда даже становится слышно, как мерно отбивает свой невидимый ход опостылевшее своим однообразием время.

Временами мы выбирались из тепляка и, пошатываясь, брели к заснеженному берегу, чтобы набрать немного дров. Выходили по одному, нетвёрдой походкой, невыносимо озябшие от холода, падали, поднимались и вновь, с трудом ступая по рыхлому снегу, брели в поисках пищи, хотя и с затуманившейся верой в возможность выбраться из этого каменного котла, но всё-таки не сломленные.

Что-то важное, еле угадываемое происходило сейчас, но чем дальше – тем менее остро ощущали мы приключившуюся с нами беду. Скорее даже, приходило понимание своей слитности с окружающим миром, и наше, вроде бы, незавидное положение, постепенно начинало казаться не таким уж никчёмным. То, что с нами случилось – являлось неотъемлемой частью жизни, которую мы сами выбрали, а значит – не должны были обижаться на судьбу, уповая только на свои силы и Бога.

Но безжалостно настигнувшая зима словно вмёрзла в мозг, опалив его смертоносным холодом, и только в редких просветах, на какой-то миг возвращаясь к действительности, мы чувствовали, что ещё живы. Страх за собственную жизнь у нас не было, и каждый, выплывая из тягостно-вяжущей темноты, не мог не ощутить в себе естественного состояния общности и сострадания с находящимися рядом друзьями.

Я думал: неужто - это тот самый день, когда у нас не получилось с поджогом вышки? Нет, этого не может быть. Вчера или позавчера Володя обнаружил Мишку у самых дверей тепляка, когда хотел набрать немного дров, чтобы растопить печь. Мишка лежал лицом вниз, и, казалось, не дышал. Он привёл его в чувство, помог добраться до нар и напоил отваром.

Потом, что было потом? Я не помнил. Я потерял счёт времени: теперь для меня всегда был день, ночей не существовало. Только белёсый, серовато-мерцающий свет в маленьком окошке, ничего кроме него и бесконечного снега под высоким небом.

Всё было без начала и без конца: наша утихающая жизнь, снег и тишина. Тишина тягучая, в ту самую пору даже временами сладостная, приятная. Время дышало безжизненно и застыло, казалось, оно не несло ничего, на что можно надеяться, и было беспристрастно к нам в своей пугающей безжалостности.

Всё повторяется, думал я, лёжа на нарах, и вслушивался в метущийся за окном ветер. Студёный зимний вихрь вздымался и безумствовал где-то там, у самой вершины Алаида, а затем бросался вниз, пронизывая ледяным дыханием тепляк, гулко ударялся в стёкла и стены. Будто мощный, невидимый зверь, зажатый в глухом ущелье, метался он, вбирая в себя все запахи и звуки кем-то отторгаемой от острова жизни, и рассыпал их над морем. Ветер уносил память в прошлое, и в такие минуты я думал о том, сколько было упущено драгоценного времени впустую, растрачено бездумно понапрасну, словом, безвозвратно утеряно. Оно неслышно утекло сквозь пальцы, оставив после себя лишь горькое ощущение не использованных собственных возможностей.

Дальше теперешней жизни никто из нас не смел загадывать. Мы лежали, обессиленные голодом, стужей и собственным вынужденным бездействием, сквозь вязкую дрёму прислушиваясь к себе и к тому, что происходило за стенами тепляка. Там, в сырой холодной мгле, растёкшейся над необъятными океанскими просторами, творилось то, о чём мы могли лишь догадываться. Порой мы забывали и об этом – силы были уже не те, и сковывающая усталость незаметно прокрадывалась в тело и душу, чтобы затем уже прочно поселиться там.

Человеку подчас так остро не достаёт удачи, что уже почти не ожидаемое спасение всё-таки приходит к нему. Сплошная непогода, простирающаяся над ним, вдруг расступается в какой-то неприметный день, и сковывающий холод постепенно рушится под напором невидимого, но уже ощущаемого тепла, хотя ещё и налетает временами ледяной северный ветер. Повсюду – в шуме ветра, в гудящем замирании моря слышится не однообразно роящийся и надоевший за бесконечно томительные дни гул холодной тишины, а смутный звук надежды, сливающийся с песнью моря и неба, чётко угадываемый в притихшем свете курильского дня.

Какое-то далёкое жужжание сначала тоже почудилось мне в порыве прилетевшего ветра, и я с замиранием сердца лежал, вслушиваясь в мгновенно загустевшую тишину, всеми оставшимися силами стараясь не потерять этого звука, не упустить трепетного огонька, не дать ему затухнуть или провалиться в холодную бездну. Чутко прислушиваясь к этому новому, раздающемуся где-то вдалеке отголоску грядущих перемен, то

наплывающему, то снова тонущему в почти обезумевшем от отчаяния сознании, я не в силах был поверить, что это спасение.

Судорожно цепляясь за стол, за холодную печку и все выступы, попадающиеся под руку, я кое-как выбрался на свет и, прислонившись спиной к бревенчатой стене тепляка, посмотрел в сторону моря. Вспышка света тотчас ослепила, и я устало заслонил рукой глаза, и побрёл так, с поднятой рукой, упираясь плечом в тепляк вдоль стены, потом упал на колени – силы совсем оставили меня, и уже не мог идти, только полз понемногу вперёд с долгими передышками. Я знал наперечёт все эти заснеженные расщелины и склоны, обрывистые скалы и укромные бухточки, тот безжизненный холод, который они несли в себе, и теперь уже не боялся ничего. Только бы хватило сил...

Лёжа на снегу, я чувствовал, как сырость просачивается сквозь одежду. Справа от меня, в небольшой каменной нише, устроился с ружьём Володя. Его запрокинутое к холодному небу лицо не выражало ничего, кроме опостылевшей настороженности. Оно было почти свободным.

Перед нами огромным пятном синел океан, медленно кативший свои воды на берег под бледным солнцем, и в этой бесконечной сини мы увидели чёрную точку – бот, огибающий мыс и направляющийся к нам. Бот высоко поднимал нос над водой, и не было возможным заметить, сколько человек у него на борту.

Я не услышал, а только ощутил, как громыхнувший выстрел гулко прокатился над бухтой и утонул в мягкой морской дали. Ружьё беспомощно забрякало по камням, и вязкая тишина неприятно навалилась на грудь. Вот и всё, только и успел подумать я, проваливаясь в пронизанную холодными лучами пустоту. Ничто не тщётно, если не посчитать его таковым.

В последний миг мне ещё почудился неясный крик, который лёгким эхом отозвался в скалах и мягко толкнулся в сердце. Невидимые крылья оторвали тело от земли и понесли, не скованное ничем, в неподражаемо чудесном полёте над необъятной далью. Взмывая в недостижимые выси и, с наслаждением, падая камнем к пенящимся волнам, я превращался в маленькую морскую птицу – глупыша, бесстрашного провозвестника необузданной стихии, которым уже, наверное, был когда-то в своей давней полузабытой жизни.

Уходя, уносясь, исчезая, всё рано или поздно возвращается, чтобы с чуть ощутимым преимуществом отправиться на следующий круг, и только холодный ветер, как сотни и тысячи лет назад, гуляет над землёй, кричат неповоротливые на вид сивучи, могучий океан неизменно шумит и бьётся о береговые обрывистые камни, на которых неподвижно сидят, глядя в море, отрешённо-задумчивые бакланы... Это инстинкт, наверное, заставляет их жить и угадывать собственное существование, инстинкт, который неумолимо влечёт к полёту, движению, действию, инстинкт, превращающийся от одного витка к другому в более осмысленное и достойное состояние, с каждым

разом всё неотвратимее захватывая тебя в своей безудержной жажде к жизни...

Да, на этот раз всё обошлось, и это было не главное. Матросы втащили нас по трапу, обвязывая каждого верёвкой, накормили макаронами по-флотски, и долго расспрашивали, не понимая от радости, что у нас нет никаких сил отвечать на их самые простые вопросы. Затем пересказывали вновь подходящим членам экипажа всё на разный лад, не переставая, удивлялись – как это мы остались живы, и доставили в Севкур, где мы были вместе ещё три недели, прежде, чем подошло наше судно.

Отойдя от перенесённого, мы ушли в горы с Фомичём - старым лошаком, которого ребята использовали для перевозки оборудования в горах. Володя просил меня обязательно написать когда-нибудь о нём, вообще - обо всём, что с нами произошло на острове. Мы пили водку за нашу работу и молодость, радовались не обманувшей нас жизни, а потом - расстались, как это всегда приходится делать полюбившимся друг другу мужчинам.

Я часто вспоминал, как при знакомстве, когда они вдвоём с Мишкой только что спустились с гор, Володя нашёл меня своими светло-серыми глазами, подошёл и, положив руку на плечо, словно мы были знакомы целую вечность, с улыбкой спросил: «Ну что, дружище, скажи что-нибудь настоящее...». Я тогда в растерянности посмотрел на горы, и не нашёл – что ответить. Мне почему-то было совестно, и в тоже время хорошо, и я не заметил, как этот человек сразу стал мне дорог.

А через год я узнал, что они оба погибли в пургу, не дойдя трёхсот метров до тепляка у мыса Рифовое, куда мы когда-то уходили на несколько дней с Женькой, чтобы ощутить рядом с океаном радостную привязанность к друг другу. Володю нашли скрючившимся у рюкзаков, с ободранными руками и лицом, неподалёку от обрывающихся к морю скал. Одного. Более молодой и выносливый Мишка, почувствовав близость жилища, должно быть, отправился на поиски его и, блуждая в снежном мраке, сорвался со скалы в расступившееся перед ним небытие.

Душа его, как и у Володи, улетела к будущей жизни, не пожелав расстаться с телом, и моя память о них незаметно оказалась беспредельной. И хотя не умерли Парамушир, все острова Курильского ожерелья, и люди, встреченные мною на этих островах, они так же стали мне бесконечно близки и дороги.

Я часто вспоминал обо всём, что подарили они мне в жизни, зная, что уже никогда не увижу ребят, не поеду с ним на прогулку в горы, не буду больше голодать и перебиваться одной надеждой. Ничего этого никогда не будет.

Только через год придём мы на Парамушир, и я зайду в гости к забытому всеми Фомичу, которого пожалели из-за былых заслуг и оставили доживать свой недолгий век, отведя уголок в старой пожарке. И Фомич встретит меня безрадостно, он вообще никак не прореагировал на моё появление, хотя у лошадей – отменная память. Еле поддерживая

вздрагивающий круп на хилых трясущихся ногах, теперь он был обречён на отрешённое воспоминание былых и дорогих его сердцу образов. Ничего не воспринимая, и, кажется, ни в чём, уже, не нуждаясь, Фомич медленно, может быть, с затаенной робкой надеждой увидеть когда-нибудь своих хозяев, без которых он не мог, как лошадь, существовать на этой земле, уходил за ними.

И я вспомнил, как два года назад лихо и напористо Фомич мчал меня по ровному, вольно распростёршемуся в горах плато, так что замирало в груди сердце. И я чувствовал, как конь заботится обо мне, узнавая друга своих хозяев и, желая показать всю прелесть будто оторванного от земли бега, бережно и сильно несёт на себе. Я даже не испугался, когда увидел впереди обрывистый край плато, совсем рядом, так что внизу стали заметны острые камни...

В каких-нибудь трёх метрах от пропасти конь резко развернулся и, возвратившись рысью к ожидающим нас ребятам, долго перетаптывался, потягивая морду к Володе, и возбуждённо всхрапывал, словно вопрошая – хорошо ли он исполнил порученное ему дело. А Володя, прищурившись, так что морщинки густой волной прокатились от серых глаз к сидящим вискам, тихо проговорил: «Лошадь всегда чувствует человека, иногда подсказывает ему что-то, вроде, как вежливо поправляет, порой отрешённо замыкается, если ей что-либо не по нутру, впрочем, не оставляя без внимания несомого на себе ездока, но очень редко подчиняется беспрекословно, воспринимая наездника как своего хозяина и друга. Фомич тебя полюбил...»

Так когда-то относился Фомич к самому Володе и, наверное, очень любил Мишку – весёлого, неунывающего и великодушного, в шутку называющего себя «самым вульгарным на свете лавинщиком». И помогал им так, как это может делать только преданная лошадь, ничего не требуя взамен. И вот теперь он выглядел таким жалким, никому не нужным. Я даже не смог прикоснуться к нему, а только стоял как вкопанный, не в силах проглотить солёный, застрявший в горле комок, глядел на коня и плакал.

Больше я не бывал ни на Парамушире, ни на острове Атласова, и, думается, уже не побываю никогда. Слишком сильно опалили они меня своей любовью, возобновлять которую просто не было сил и необходимости. Острова целиком вошли в меня однажды, поздней осенью, так же как и вся Курильская гряда с Тихим океаном, его невидимым течением Куроисио, бесчисленными чайками и ветром, поднимающим их на неутомимых белоснежных крыльях. Они и сейчас часто встают у меня перед глазами из моря, освещённые солнцем, и тогда сердце, словно трепещущая в вышине птица – малый буревестник-глупыш, переворачивается в груди, и я никак не могу его успокоить.

## «ПОСЛЕ ШТОРМА»

Стояла глубокая ночь. Липковато-тягучий промозглый туман опустился над морем. В небольшой курильской бухте, почти приткнувшись к крутому скалистому берегу, одиноко замерло наше судно.

Плавно покачиваясь на волнах, оно размеренно поскрипывало и тут же успокоено затихало. Ничто не напоминало о недавно произошедшем с нами на острове, и о только что пронёсшемся жестоком шторме. Шторм бушевал несколько дней кряду, вымотал всех, и, неожиданно захлебнувшись, на последнем издыхании утих. Была такая тишина, что в растворённые двери каюты отчётливо слышно доносилось, как лёгкий прибой накатывает на берег.

Тусклый свет тревожно и тихо лился через квадратный иллюминатор в подволоке, и окружающие предметы, неясными очертаниями выплывая отовсюду, казались недоступными и загадочными. Я лежал в тёплой темноте каюты и мысленно пытался представить, какие они на самом деле. Затаив дыхание, я, как в сладкий сон, погружался в эту наполненную обволакивающей густотой тишину и еле ощутимые, ненавязчиво звенящие в насыщенной темноте каюты, звуки. Хорошо было лежать вот так, не замечая неслышно ускользящего времени, и спокойно наблюдать за всеми ровными переменами ночи.

Мне вдруг страшно захотелось оказаться на открытом воздухе, но я боялся даже изменить положение тела. Казалось, что на всём судне не сплю я один: такая вокруг стояла тишина. Лёжа без сна, и позабыв на неопределённое время – зачем я здесь, кто меня окружает и что происходило со мной и моими друзьями совсем недавно, в душе моей воцарился удивительный покой. Охваченный в своей приятной дремоте этим безмятежным состоянием, я всё-таки решил подняться на палубу и вдохнуть свежего воздуха.

Весь экипаж спал, и только сигарета вахтенного на баке изредка взлетала метущимся нетвёрдым огоньком. Тишина над морем была наполнена множеством хорошо угадываемых и давно привычных звуков, и всё же некоторые из них были незнакомы. Стоя на пустой отсыревшей палубе, я кротко вслушивался в чёрную, непроглядную тьму, пытаюсь разгадать их.

Протяжное и чуть приятное поскрипывание якорной цепи, тяжеловатое всхлипывание под бортом таинственной тёмной воды, редкий вскрик невидимой птицы, жалобно-далёкий гудок теплохода, затерявшегося в неведомой морской дали, - всё это было очень близко и знакомо. Но звук, доносящийся с берега, было не так легко определить. Каждый раз, как только судно затихало на воде, а волны, отпрянув, бесшумно откатывались от берега, раздавалось невнятное тьяканье и вкрадчивый хруст битой ракушки: это выходили на охоту лисы...

Завороженный этим необыкновенным присутствием зверей у моря, я позабыл обо всём, а ночь, на миг остановившись и подхватив с собой, медленно потекла дальше, спокойно поблескивая каплями обильной сырости, выступившей на фальшборте. И вот тогда, плавно и безмолвно ускользая куда-то вместе со своей чёрной попутчицей, еле ощутимо подёрнутой туманной пеленой, у меня, непонятно почему, приятно и волнующе защемило сердце.

Всё было прежним, и в тоже время - стало другим в эту ночь, после жестокого шторма: возникло необыкновенное, редко случающееся состояние, что вдруг изменило обыденное, не насыщенное таким искренним волнением и любовью. Глубоко скрытая в душе тайна снова всплыла на поверхность, и это на какое-то время приятно обезоружило сердце, безотчётно оголив его в бесконечной ночной тиши. В такие минуты обычно невольно вспоминаешь что-либо очень дорогое или же ещё не сбывшееся, но о котором так сладостно хорошо было мечтать. Стараясь не вспугнуть возникшее видение, я окружил его нежным вниманием и бережно, будто это была маленькая слепая девочка, взял за руку и повёл его через своё ожившее воображение.

Но иногда это была женщина... Её неясный, но вполне ощутимый облик слагался из множества встреченных за жизнь женщин, прекрасных и привлекательных, но не несущих в себе эту долгожданную таинственность и чистоту, которую несла воображаемая незнакомка. Она вставала перед моим мысленным взором, тихо сияя и чуть улыбаясь над зелёной водой, и воздушные капельки морской воды поблескивали на её спокойно вздрагивающих ресницах. Уголки губ сдержанно шевелились в лёгкой задумчивой улыбке, ласково взлетая и незаметно растворяясь в очищенном морском воздухе...

Не было никакого контраста в чертах её лица: нежный овал подбородка и тёплый, внимательный взгляд мягко напоминали о твёрдой, весёлой силе, зелёные глаза неотрывно приковывали к себе внимание тихим ласковым светом и простотой, а чистый открытый лоб свободно оттеняли тонкие льняные волосы. На меня тотчас повеяло невыразимой свежестью их лёгкого аромата, и, наверное, можно было дотронуться до них, если только протянуть руку, но я не сделал этого.

На ней было тёмно-синее платье, прохладное, как утренняя морская вода, с трепетными, чуть приметными складками, и волосы слегка шевелились от лёгкого дуновения душистого ветерка. И я на мгновение поверил, мне вдруг почудилось, что я в состоянии вырваться из сковывающего плена еле ощутимых видений и мечты в этот близкий и такой реальный сейчас мир необузданных счастливых желаний.

Что это был за мир, наполняющий всю мою жизнь неясным ускользающим смыслом, неотступно преследующим, в реальное существование которого я сам себе не признавался до конца? Продвигаясь неудержимо от одного благодного откровения к другому, я часто терял в

него веру, не отвергая обыкновенную влюблённость, повторяющуюся из года в год, и вдруг, накопив всю усталость от этих ничего не приносящих связей, надолго замыкался в себе. Это состояние никак не было предусмотрено моей способностью к самозащите: просто, после каждого увлечения на какое-то время всегда сковывала неопределённая утрата, и тогда пустота невесомым грузом тихо и незаметно ложилась на плечи.

Вот тогда, неизменно застигая врасплох, передо мной возникала та, от которой я не смел и не мог отстранить своего лица, губ, руки... К этой минуте я подсознательно стремился все долгие месяцы и даже годы, проведённые в несуществующей разлуке, всё же надеясь на долгожданную встречу, и она приходила, всегда только ночью, вот в такие минуты отрешённости и покоя после какого-то длительного напряжения. Особенно – в море. Эта женщина – была радость от внутреннего сопереживания чудесной божественной беспредельности и слитности со своей жизнью, какая-то неизъяснимая награда, пусть обескураживающая в своей преходящей кратковременности, но глубоко ожидаемая и желанная.

Я не мог сказать, сколько это продолжалось, потому что, боясь вспугнуть навеянные неведомо кем чары и не осмеливаясь до конца поверить во вновь свершившееся чудо, полностью и безотчётно погружался в свои хрупкие грёзы, не позволяя хотя бы даже малейшим проявлением нежности со своей стороны разрушить их. Я был полон всемогущего ожидания и, страшась нарушить пребывание рядом с собой этой прекрасной незнакомки, каждый раз держал свою душу в сладостном плену молчаливого восторга. Тихо всматриваясь в души друг друга, и неуловимо сжимая руки, мы бродили с ней, в этом недолговечном благостном сне, по голубым волнам собственных догадок и признаний...

Её лицо, слабо угадываемое и вместе с тем твёрдое в знании своего неминуемого назначения, мягко выступало из темноты над водой, готовое заговорить своим живым, неизменно хранящим пронизательно-ласковое выражение голосом. И тут я ощутил тесные узы между собой и этим туманным образом, их нерасчленённость и вечное единство, понимая: эта женщина – непрекращающаяся цепь всех моих былых и грядущих потрясений и поисков, моя непреходящая любовь, мой трепещущий, переполненный жизнью отважный глупыш, как сотни тысяч лет назад взмывающий в небеса и с головой бросающийся к бушующим волнам.

Потом, незаметно, лицо её исчезало. Силясь, я никак не мог вспомнить её глаз, улыбки, голоса, который совсем недавно нашёптывал что-то очень хорошее, от чего начинало казаться всё близкой и осязаемой реальностью. Ничего этого не оставалось с зарождением длинного и многообещающего дня, но сердце, тихо затаившись в своём терпеливом ожидании, надёжно берегло то ощущение приподнятости и счастья, которое я переживал ночной тишиной в этом сладостном состоянии одиночества и гармонии.

И я, пытаюсь ненароком не разрушить этого кратко, но такого сладостно-щемящего мгновения свершившегося чуда - старался уже заранее

защитить его в себе перед всем, что могло как-то нарушить и осквернить его. Как в зачарованном сне, наяву, пытался уберечь о нём воспоминание, чтобы пронести его до следующей, такой же чудесной и неожиданной встречи.

Счастье в любви, тем более - в привидевшейся, такое короткое, и лишь память о нём сохраняется на долгие годы, пока безразличие не достигнет своим студёным, замораживающим душу дыханием, пока не ляжет на плечи тяжёлой ношей возраст, когда ты уже остался совсем один, затерялся где-то в далёких отголосках былых побед, поражений и людских судеб... Так хочется не пропустить свой черёд, лишь переживая смиренную радость за возможность переболеть этот сладостно ускользящий сон – свою любовь.

Мне было хорошо и немного грустно. Привыкнув к жизни в море, я никак не мог отвыкнуть от всего, что нёс с собой берег, не научился вовремя избавляться от его зависимости. Это не мешало работе, но временами не давало покоя, особенно вот в такие промозглые туманные ночи над морем, когда сон не идёт, и в голову лезут не совсем весёлые думы о не сбывшемся, но глубоко желаемом.

Я стоял в слабо освещённом участке палубы, усыпанной моросью стелющегося над водой тумана, и ждал чего-то, кажущегося здесь, сейчас, в эту промозглую ночь, таким далёким и нереальным, а время бежало равнодушно куда-то мимо, и не было сил его остановить. С несокрушимой непререкаемостью оно утопало в туманной дымке, и только тёмная вода, тягуче всхлипывая, тихо колыхалась у борта.

Время уходило бесследно, кажется, ничего не оставляя в душе, но когда время не приносит ничего нового и лучшего – это ещё не значит, что нужно отречься от него. Как знать, что ожидает тебя впереди, если бесконечный бег времени не опустошил твою душу, не убил сердце и не иссушил разум. Сейчас время, цепляясь за рваные края тумана, задержалось, не успев ускользнуть навсегда и позволяя заглянуть на мгновение в себя, и я вдруг почувствовал свою душу неуязвимой в своём по-человечески простом и достойном стремлении к безмятежному благу, которое уже никто и никогда не сможет у меня отнять.

В состоянии счастья переживания времени не существует, оно – сплошная радостная бесконечность, непрерывное настоящее, не имеющее ни начала, ни конца: в этом я был убеждён. Ощущение времени возникает только тогда, когда человека покидает счастье и радость, а счастье покидает человека, если он начинает жить только для себя, прекращая отдавать своё сердце другим. У каждого человека в душе есть Бог, к которому он когда-нибудь да придёт, а всё, что определил тебе Господь, ты обязан угадать и успеть отразить в собственных поступках во имя того, чтобы стать лучше, ибо человеческой жизни для этого вполне достаточно.

Под утро подул ветерок. Туман зашевелился и, мгновенно разрываясь на мягкие клочья, медленно пополз над водой. Стали видны очертания

незнакомого берега, и вода уже не казалась такой пугающе таинственной, чужой. Она была мутновато-зелёной, мягкой и пахла сырой свежестью, резко ударяющей в нос.

На фальшборте и вантах серебрились бледновато-упругие капли росы, а обычно неугомонные чайки неслышно парили в сероватом воздухе, лишь изредка оглашая морскую тишину своим безразличным плачущим криком. Над бухтой тонкой дымкой поднимался мгlistый курильский рассвет...